Институт востоковедения имени Р. Б. Сулейменова (Казахстан)
Центр исследований России, Кавказа и Центральной Европы
(CERCEC, EHESS, CNRS. Париж)

Информация и программа
colloque.sudsov@gmail.com
http://calenda.revues.org/nouvelle20481.html

Международная конференция

25–27 августа 2011

Кавказ и Центральная Азия
спустя двадцать лет независимости

К переосмыслению понятия «Юг»

Алматы,
ул. Гоголя, 127/1,
Гостиница Казжол

International Conference, Almaty, August 25-27, 2011, Hotel Kazzhol, Gogol St. 127/1

The Caucasus and Central Asia, twenty years after independences: Questioning the notion of "South countries"

The Caucasus and Central Asia, twenty years after independences: Questioning the notion of “South countries”

Conference proceedings

With the support of the French Agency for research support (ANR), program “Les Suds”

The conference “The Caucasus and Central Asia, twenty years after independences: Questioning the notion of “South countries” took place from August 25 to August 27, 2011 in Almaty, and gathered specialists from Armenia, Azerbaijan, France, Georgia, Germany, Japan, Kazakhstan, Russia, Tajikistan, the United States and Uzbekistan. They addressed such issues as migrations, the role of International organisations, identity and space, poverty, gender issues, etc. Discussions focused on the different dimensions of the notion of “South” (economic, social, political), and questioned its relevance in social science. Participants explored to what extent this notion can help to understand political, economic, demographic or social developments the new States that emerged after the collapse of the Soviet Union in the Caucasus and in Central Asia.
You will find below the concept of the conference, the actual program, most of the abstracts either in Russian or in English, as well as the summary of the general discussion on each panel.

Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия «Юг»

Материалы конференции

При поддерке Французского агентства научных исследований (ANR), программа "Юг"

Конференция «Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия "Юг"» прошла с 25 по 27 августа 2011 года. В Алмате собрались специалисты из Армении, Азербайджана, Франции, Грузии, Германии, Японии, Казахстана, России, Таджикистана, США и Узбекистана. Основное внимание уделялось различным аспектам понятия «Юг» (экономическим, социальным, политическим и др.), рассматривались такие вопросы, как миграция, роль международных организаций, идентичность и пространство, бедность, гендерные вопросы, и т.д. Поднимался и вопрос о значимости самого понятия "Юг" в социальной науке: участники обсудили в какой степени это понятие может помочь понять политические, экономические, демографические и социальные изменения новых государств, возникших после распада Советского Союза на Кавказе и в Центральной Азии.
Ниже приведены концепция конференции, программа, тезисы участников на русском или английском языках, а также краткое резюме дискуссий по каждой сессии.

Organising Institutions

Организаторы

○ Centre d'étude des mondes russe, caucasien et centre-européen (CERCEC) (Centre National de la Recherche Scientifique (CNRS)/Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Paris; Центр российских, кавказских и восточно-европейских исследований (CERCEC) (Национальный центр научных исследований Франции-CNRS/Высшая школа социальных наук-EHESS), Париж;

○ Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы; R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies, Committe of Science, Ministry of Education and Science, Republic of Kazakhstan (Almaty);

○ ANR (French National Research Agency), Program "Sudsov", Paris; Французское Национальное агентство научных исследований (ANR) (тематический грант: «Постсоветские Кавказ и Центральная Азия: другой Юг?»)

○ IFEAC (French Institute for Central Asian Studies), Tashkent; Французский институт исследований Центральной Азии (ИФЕАК), Ташкент

○ Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, Москва/ Centre franco-russe de recherche en sciences humaines et sociales, Moscow

Organisation committee

Организационый комитет:

Sophie Hohmann, CERCEC (CNRS/EHESS) - INED *(National Institute for Demographic Studies)*, Paris; **Anne Le Huérou**, CERCEC (CNRS/EHESS), Paris; **Isabelle Ohayon**, CNRS-CERCEC, Paris; **Amandine Regamey**, Paris I University/CERCEC (CNRS/EHESS), Paris; **Silvia Serrano**, Université d'Auvergne, Clermont-Ferrand, CERCEC (CNRS/EHESS), Paris; **Назигуль Шаймарданова**, Институт востоковедения, Алматы/Nazigul Shajmardanova, Insitute for Oriental Studies, Almaty; **Julien Thorez**, CNRS, Mondes iranien et indien, Paris.

International scientific committee

Международный научный совет

Сергей Абашин, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва/Serguey Abashin, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow; **Alexandre Iskandaryan**, *Caucasus Institute*, Erevan, **Mohamed-Reza Djalili**, *Graduate Institute of International and Development Studies*, Geneva, **Санат Кушкумбаев,** Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ), Алматы/Sanat Kushkumbaev, Kazakhstan Institute for Strategic Studies, Almaty; **Владимир Мукомель,** Институт социологии РАН, МоскваVladimir Mukomel, Institute of Sociology RAS, Moscow; **Claire Mouradian**, *CNRS-CERCEC*, Paris, **Ghia Nodia**, *Caucasus Institute for Peace*, *Democracy and Development*/Ilya University, Tbilissi, **Saodat Olimova**, *Sharq Center*, Dushanbe, **Jean Radvanyi**, *Centre franco-russe de recherche en sciences humaines et sociales*, Moscow.

CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Conference concept paper
Концепция конференции **005**

Conference Programm
Программа конференции **009**

1- Colonial History, National History
1- Колониальная история, национальная
история **017**

2- Building politics and citizenship
2- Формирование политической системы
и гражданства **035**

3- Borrowing and disseminating norms of public action
3- Заимствование и распространение норм
государственной политики **055**

4- Central Asia and its neighbors
4- Центральная Азия и ее соседи **087**

5- Economic resources, economic actors and the North-South border
5- Экономические ресурсы, экономические субъекты и
граница Север-Юг **115**

6- Poverty, inequalities and social policy
6- Бедность, неравенство,
социальная политика **143**

7- A gender approach to migration and poverty
7 -Гендерный подход к миграции
и бедности **167**

8- Migration policy and migrant strategies
8- Миграционная политика и
стратегии мигрантов **199**

9- Migrations and transformations of the Post-soviet space
9- Миграция и трансформация постсоветского
пространства **225**

Conclusion / Заключение **251**

The Caucasus and Central Asia, twenty years after independences: Questioning the notion of “South countries”

Twenty years ago, after the collapse of the USSR, the countries of Central Asia (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan) and the Caucasus (Armenia, Azerbaijan, Georgia) became independent. The Central Asian republics, created between 1924 and 1936, could then – unexpectedly – enjoy a sovereignty previously unknown to them, whereas in the Caucasian states, the strong national movements that had developed during perestroika were deeply rooted in the past. During the 20th century, these Soviet socialist republics had been integrated into the unified production and trade system set up on the scale of the USSR and the principles of socialist planning. In this framework, they could take advantage of the resources and development policy of the Soviet state. Thus, despite any lacks or shortcomings they might have, the Caucasian and Central Asian republics belonged to the developed world in the bi-polar geopolitical division. The Caucasus and Central Asia served as models, if not showcases, for some Third World countries, all the more so as the USSR provided assistance to developing countries struggling against imperialism.

Since the collapse of the USSR and the East-West division, the North-South opposition seems to have become one of the major reading grids of the international scene. Whereas during the Cold war, geopolitical analyses rested on the ideological and strategic confrontation between capitalist and socialist worlds, the North-South grid, for the most part, pointed to inequalities in development. Appearing in the 1970s, the notion of “South” in fact replaced the term “third world countries” or “developing countries, as opposed to the “North”, the developed and industrialised countries. Then came the expression “South countries”, referring to the diversity of this heterogeneous ensemble made up of both emerging and least advanced countries. In these new divisions of today’s globalised and regionalised world, where do we situate the independent states of Central Asia and the Caucasus?

Research on contemporary trends in Central Asia and the Caucasus contains few attempts at examining the analysis grids elaborated to study the South countries – despite the fact that after the crisis at the turn of the 1990s and the magnitude of its economic, political and social impact, the newly independent Central Asian and Caucasian states were included, by international institutions as well as non-governmental organisations, in the “South countries”. As a result, during the 1990s, international assistance destined for the Central Asian republics and, to a lesser extent, the Caucasian republics, tended to slip from “transition” to “development” aid. In this respect, according to some analysts, Central Asia and the Caucasus followed a very original post-soviet trajectory, having entered into the globalised world by means of what could be called “third worldisation”. Thus they argue that the border between the “North” and the “South countries”, formerly located on the border of the USSR, was from then on situated on the southern border of Russia. Since it opposes a former metropolis and its former colonies, an approach in terms of “South countries” falls into a post-colonial pattern; as such, it leads us to examine the USSR’s imperial dimension and to mobilise the theoretical approaches (theory

of dependency, post colonial studies, etc) to which we owe the notion of “South countries”.

The current trajectories of Central Asia and the Caucasus also suggest that development issues be examined in the context of globalisation. In particular, these issues require an analysis of the transition paradigm developed during the 1990s by international organisations, aimed at replacing the socialist model with a political system organised on a democratic basis, an economy based on liberal capitalist principles and a Euro-Atlantic geopolitical positioning. Economic and social dynamics have tended to invalidate this teleological notion, which conditioned development and oriented the insertion of Central Asian and Caucasian republics into the mechanisms of globalisation. However, it is essential to question transition policies in order to evaluate the slippage towards the “South” which has taken place since their independence.

The present period can be likened to a moment of diversification and individualisation of societies, economies and territories, on the basis of the Newly Independent States. In this respect, an examination of contemporary transformations in all their complexity not only means keeping a close watch on the diversity of political, economic and social actors, but also trying to identify the fault lines which tend to segment Central Asian and Caucasian territories and societies.

The aim of the conference “The Caucasus and Central Asia, twenty years after independences: an examination of the notion of ‘South Countries’” – is to question the relevance of heuristic tools based on territories situated in the “South” but also, the very notion itself of “South countries”, so as to gain insight into the southern peripheries of post-soviet space. Its purpose is to bring together researchers in all social science disciplines (sociology, history, political science, geography, anthropology, demography and economics). This diversity should favour a confrontation of approaches and further insight into the complexity of the itineraries followed by the countries of Central Asia and the Caucasus in the past twenty years.

Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия «Юг»

Двадцать лет назад в результате распада СССР страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) и Южного Кавказа (Армения, Азербайджан, Грузия) стали независимыми. Созданные в период с 1924 по 1936 год, центральноазиатские республики становятся независимыми впервые, в то время, как на Кавказе сильные национальные движения, развившиеся в эпоху перестройки, ссылаются на древнюю историю государственности. В течение XX века все эти республики были интегрированы в единую советскую систему производства и обмена, организованную в масштабе СССР, согласно принципам социалистического планирования. В этих рамках, располагая ресурсами Советского Союза и пользуясь его политикой развития этого государства, кавказские и центральноазиатские республики, несмотря на недостатки своей экономики, принадлежали к развитой части геополитически биполярного мира. Кавказ и Центральная Азия могли выступать в качестве примера или привлекательной витрины для некоторых

стран так называемого третьего мира, которым СССР охотно предоставлял помощь, мотивируя это борьбой против империализма.

После распада СССР, когда мир перестал делиться на «социалистический Восток» и «капиталистический Запад», одной из наиболее используемых схем, описывающих новую международную конфигурацию, стало противопоставление «Севера» и «Юга».

Если в период «холодной войны» взгляд на геополитику определялся идеологическим и стратегическим противопоставлением капиталистического лагеря социалистическому, то согласно схеме «Север / Юг» раскол мирового пространства осознается как результат его неравномерного развития. Появившееся в 1970-х годах понятие «Юг» сменяет собой понятие «страны третьего мира» или «развивающиеся страны», и противопоставляется понятию «Север», подразумевающему индустриально развитые страны. Впоследствии выражение «страны Юга» стало использоваться, чтобы охватить всё разнообразие ситуации: от уже продвинувшихся в своём развитии стран до наименее развитых. Какова позиция независимых государств Центральной Азии и Кавказа в новых линиях раздела современного мира в условиях глобализации и регионализации?

В исследованиях, посвященных современным процессам в Центральной Азии и на Кавказе, сравнительно редко применяются аналитические схемы, выработанные для изучения «Юга». Тем не менее, вследствие тяжелого экономического, социального и политического кризиса 1990-х годов международные и неправительственные организации отнесли центральноазиатские и кавказские страны, в той или иной степени, к «южным». В этом отношении некоторые исследователи считают, что Центральная Азия и Кавказ проходят оригинальный постсоветский путь, так как вовлечение данных регионов в процессы глобализации приблизило их к «странам третьего мира». В таком случае рубеж между Севером» и «Югом», ранее проходивший по южной границе СССР, перемещается на южную границу России. Использование парадигмы «Юга», вписывающейся в постколониальную схему противопоставления бывшей метрополии бывшим колониям, дает, кроме того, возможность переосмыслить имперское измерение Советского государства и применить теоретические подходы (теория зависимости, postcolonial studies и т.д.), разработанные на основе анализа других ситуаций.

Современные траектории изменений в Центральной Азии и на Кавказе побуждают также к размышлению о путях развития в контексте глобализации. Отдельного рассмотрения требует и парадигма «перехода» (transition), разработанная международными организациями в 1990-х годах, с целью замены социалистической модели демократическим строем, либеральной экономикой и евроатлантической ориентацией. Требуется, в частности, анализ конкретного применения парадигмы «перехода», с помощью которой оправдывалась и определялась политика интеграции центральноазиатских и кавказских стран в глобализирующийся мир. Несмотря на то, что реальная динамика экономических и социальных трансформаций ставит под сомнение релевантность этого телеологического понятия, проведение анализа «переходной политики» остается необходимым для понимания процессов соскальзывания к «Югу», происходивших в

государствах Центральной Азии и Кавказа после обретения ими независимости.

Настоящему времени свойственны разделение и атомизация обществ, экономик и территорий новых независимых государств. Для того чтобы исследовать современные процессы во всей их сложности, предполагается не только учесть разнообразие политических, экономических и социальных сил, но и попытаться определить линии «разломов», которые отныне делят территории и общества Центральной Азии и Кавказа на отдельные сегменты.

Цель коллоквиума «Кавказ и Центральная Азия после двадцати лет независимости: к переосмыслению понятия "Юг"» – оценить эвристическую релевантность понятия «Юг» и схем, выработанных для исследования «южных» регионов, для понимания того, что происходит на южных периферии постсоветского пространства. В коллоквиуме будут участвовать представители разных дисциплин в области социальных наук (социология, история, политические науки, география, антропология, демография, экономика). Это разнообразие даст возможность сопоставить различные подходы и осознать сложность путей, пройденных за двадцать лет странами Центральной Азии и Кавказа

Conference Programm
Программа конференции

Thursday, 25 August / Четверг 25 августа

9h30-10h Welcome / Вступительное слово

Meruert Kh. Abuseitova (Director of the R.B. Suleymenov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan), Isabelle Ohayon (CNRS (National Centre for Scientific Research)/CERCEC, France) and Silvia Serrano (Clermont-Ferrand University/CERCEC, France). // Меруерт Х. Абусеитова (директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан), Изабель Охайон [CNRS (Национальный центр научных исследований) / CERCEC (Центр российских, кавказских и восточно-европейских исследований), Франция] и Сильвия Серрано (Университет Клермон-Ферран/ CERCEC, Франция)

10h-12h30 Colonial History, National History // Колониальная история, национальная история

Chair: Gulbahram Molotova, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan // Гульбахрам Молотова, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан

- Meruert Abusseitova, Director of the Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan. *History of Central Asia: Myth and reality //* Меруерт Абусеитова, директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Казахстан, *Мифы и реальность в истории Центральной Азии.*

- Benjamin H. Loring, Fitchburg State University, Fitchburg, USA. "*Colonizers with Party Cards": Internal Colonialism in Soviet Central Asia, 1921-1941* // Бенжамин Лоринг, Университет Фичбурга, США. *Колонизаторы с партбилетом: внутренний колониализм в советской Центральной Азии, 1921-1941.*

- Tetsuro Chida, Slavic Research Centre, Hokkaido University, Japan. *The decentralisation process in Central Asian Republics in the 1970s: water supply policy and cadres' policy* // Тетсуро Чида, Центр славянских исследований, Университет Хоккайдо, Япония. *Процесс децентрализации в центральноазиатских республиках в 1970-е годы: водная и кадровая политика.*

- Ablet Kamalov, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan. *National Historiography of Post-soviet Central Asia in the light of Post-colonial theory* // Аблет Камалов, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан. *Национальная историография постсоветской Центральной Азии в контексте теории постколониализма.*

- Serguey Abashin, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. *Mustakillik and Memory Policy in Uzbekistan* // Сергей Абашин, Институт этнологии и антропологии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия. *Мустакиллик и политика памяти в Узбекистане.*

Discussant: Isabelle Ohayon, CNRS/CERCEC, Paris, France // Дискуссант: Изабель Охайон, CNRS/CERCEC, Париж, Франция

14h-16h30 Building politics and citizenship // Формирование политической системы и гражданства

Chair: Irina Chernykh, Kazakhstan Institute for Strategic Studies, Almaty, Kazakhstan // Председатель: Ирина Черных, Казахстанский Институт стратегических исследований, Алматы, Казахстан

- George Tarkhan-Mouravi, Institute for Policy Studies, Tbilisi, Georgia. *Similarities and Diversity in Political Trajectories of Post-Soviet South: The Georgian Case* // Георги Тархан-Моурави, Институт по изучению политики, Тбилиси, Грузия. *Сходство и разнообразие в политических траекториях пост-советского юга на примере Грузии.*

- Zaur Djalilov, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan. *Religious and Interconfessional context in Post-Soviet Kazakhstan: Sociological Aspect* // Заур Джалилов, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан. *Религиозная и межконфессиональная ситуация в постсоветском Казахстане: социологические аспекты.*

- Silvia Serrano, CERCEC/Clermont-Ferrand University, France. *Building politics/policies through religion in post-soviet Georgia: a Southern pattern?* // Сильвия Серрано, CERCEC / Университет Клермон-Ферран, Франция. *Констриурование политики через религию в постсоветской Грузии: южная схема?*

Discussant: Sanat Kushkumbaev, Kazakhstan Institute for Strategic Studies, Almaty, Kazakhstan // Дискуссант: Санат Кушкумбаев, Казахстанский Институт стратегических исследований, Алматы, Казахстан

16h30 – 18h30 Borrowing and disseminating norms of public action // Заимствование и распространение норм государственной политики

Chair: Zhulduzbek Abylkhozhin, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan // Председатель: Жулдузбек Абылхожин, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

- Mana Farooghi, SOAS (School of Oriental and African Studies), London, UK. *International governance agenda and its shortcomings. Geopolitical "externalities" and Development Practice in Tajikistan* // Мана Фаруги, SOAS (Высшая школа по изучению восточных и африканских цивилизаций), Лондон, Великобритания. *Повестки дня международного правления и его недостатки. Геополотические "экстерналии" и практика политики развития в Таджикистане.*

- Charles Buxton, INTRAC (International NGO Training and research center) in Central Asia, Bishkek, Kyrgyzstan. *Accountability of global financial institutions: first steps by Central Asia NGOs //* Чарльз Бакстон, INTRAC (Международная общественная организация подготовки кадров и научно-исследовательский центр в Центральной Азии), Бишкек, Кыргызстан. *Мировые финансовые институты к ответу! Первые шаги центральноазиатских НПО.*

- Yana Zabanova, ESI (European Stability Initiative), Berlin, Germany. *Georgia's Post-Soviet Libertarian Elite: Choosing a Development Model and Marketing the Strategy* // Яна Забанова, аналитик Европейской инициативы стабильности (ESI), Берлин, Германия. *Либертарные элиты постсоветской Грузии: выбор пути развития и разработка стратегии.*

- Amandine Regamey, Université Paris I/CERCEC, Paris, France. *Importing the Filipino Model of migration management in Tajikistan* // Амандин Регамэ, Университет Париж I/CERCEC, Париж, Франция. *Импорт филиппинской модели управления миграцией в Таджикистане.*

- Ghia Nodia, Ilya University, Tbilisi, Georgia. *Democratization and Modernization: The Convergence of Paradigms in the Post-Communist South-East*. (in absentia) // Гия Нодия, Государственный Университет языка и культуры имени Ильи, Тбилиси, Грузия. *Демократизация и модернизация: Конвергенция парадигм в посткоммунистических странах Юго-Востока (*in absentia).

Discussant: Alexandr Iskandaryan, Caucasus Institute, Yerevan, Armenia // Дискуссант: Александр Искандарян, Институт Кавказа, Ереван, Армения

Friday, 26 August / Пятница 26 августа

9h-11h00 Central Asia and its neighbors // Центральная Азия и ее соседи

Chair: Zharas Ermekbaev, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan // Председатель : Жарас Ермекбаев, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан.

- Gulzhahan Khadzhieva, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan. *Central Asia, Kazakhstan and China. Looking for common approach to economic interaction //* Гульжахан Хаджиева, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан. *Центральная Азия, Казахстан и Китай: поиск общих подходов к экономическому взаимодействию.*

- Stéphane De Tapia, CNRS/Cultures et sociétés en Europe, Strasbourg, France. *Economic, political and cultural tools for Turkish policy in Central Asia and the Caucasus* // Стефан де Тапиа, CNRS, Страсбург, Франция. *Экономические, политические и культурные инструменты турецкой политики на Кавказе и в Центральной Азии.*

- Ashirbek Muminov, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan. *Islam in the Relations between Central Asian States and the Countries in the Muslim World* // Аширбек Муминов, заместитель директора Института востоковедения, Алматы, Казахстан. *Исламский фактор во взаимоотношениях государств Центральной Азии со странами мусульманского мира*.

- Yelena Rudenko, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan. *Central Asia: View from Abroad (the case of Indian Analysts Approach)* // Елена Руденко, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан. *Центральная Азия: взгляд извне (на примере воззрений индийских аналитиков)*.

- Mirzokhid Rakhimov, Institute of History, Academy of Sciences, Tashkent, Uzbekistan. *Central Asia and Japan: Mutual Cooperation and Perspective on Wider Partnership //* Мирзохид Рахимов, Институт истории, Академия наук Узбекистана, Ташкент. *Центральная Азия и Япония: взаимное сотрудничество и перспективы более широкого партнерства.*

Discussant: Julien Thorez, CNRS/Mondes iranien et indien, Paris, France // Дискуссант: Жюлиэн Торез, CNRS (Национальный центр научных исследований), Париж, Франция

11h30-15h00 Economic resources, economic actors and the North / South border / Экономические ресурсы, экономические субъекты и граница Север/ Юг

Chair: Altayi Orazbaeva, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan // Председатель: Алтайы Оразбаева, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан

- Zhulduzbek Abylhozhin, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Kazakhstan, and Mostafa Golam, KIMEP (Kazakhstan Institute of Management, Economy, and Strategic Research), Almaty, Kazakhstan. "*North-South" Dilemnas: Domestic Socio-Economic and Socio-Cultural Projection on the Central-Asian vector //* Жулдызбек Абылхожин, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан; Мостафа Голам, КИМЭП (Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования), Алматы, Казахстан. *Дилемма «Север-Юг»: внутристрановые социально-экономические и социально-культурные проекции (центральноазиатский вектор).*

- Raphaële Machet de la Martinière, Université Paris Ouest Nanterre/AgroParisTech, Paris, France. *Can Kirghiztan agriculture be qualified as post-colonial? //* Рафаел де ла Мартинер, Университет Париж Нантер/AgroParisTech (Институт технологий и агрономии), Париж, Франция. *Можно ли назвать сельское хозяйство Кыргызстана "постколониальным"?*

- Hélène Rousselot, EHESS/ CETOBAC, Paris, France. *The transformation of two resource-based central Asian countries: Turkmenistan and Kazakhstan, 1991-2002 //* Элен Русло, EHESS/ CETOBAC (Центр турецких, оттоманских балканских и центральноазиатских исследований), Париж, Франция. *Развитие и преобразование рентной экономики в Туркменистане и Казахстане, 1991-2002 гг.*

- Giulia Prelz Oltramonti, CEVIPOL, Université Libre de Bruxelles, Brussels, Belgium. *Business through de facto states: past and present relevance of cross-border trade links and economic cooperation in the Caucasus //* Джулия Прелз Олтрамонти, CEVIPOL (Центр исследований политической жизни), ULB (Свободный Университет Брюсселя), Бельгия. *Бизнес через de facto государства: актуальность трансграничных экономических отношений и экономическое сотрудничество на Кавказе.*

- Nazigul Mingisheva, Qaragandy Bolashak University, Qaragandy, Kazakhstan. *Islamic Finances Building in Kazakhstan: Some Basic Aspects and Perspectives //* Назгуль Мингишева, Университет Болашак, Караганда, Казахстан. *Создание исламской финансовой системы в Казахстане: основные аспекты и перспективы.*

15h-17h30 Poverty, inequalities and social policy / Бедность, неравенство, социальная политика

Chair: Vladimir Mukomel, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia // Председатель: Владимир Мукомель, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия

- Eveline Baumann, IRD, Paris, France. *Social Protection in the South: Georgia and Senegal. To compare the Uncomparable? //* Эвелин Бауманн, IRD (Институт по исследованию развития), Париж, Франция. *Социальная защита в Грузии и Сенегале: сравнивать несравнимое?*

- Saodat Olimova, Centre Sharq, Dushanbe Tajikistan. *Human Capital and Inequalities in Tajikistan: Interrelation and Interaction* // Саодат Олимова, Центр Шарк, Душанбе, Таджикистан. *Человеческий капитал и неравенство в независимом Таджикистане: взаимосвязь и взаимодействие*.

-Gulzhan Alimbekova, TSIOM, Almaty, Kazakhstan. *Urban Versus Countryside in Kazakhstan: A Comparative Sociological Data Analysis 2001 and 2010 //* Гулжан Алимбекова, Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ), Алматы, Казахстан. *Неравенство «городская–сельская местность» в Казахстане: сравнительный анализ периодов 2001 и 2010 гг. сквозь призму социологических данных*.

- Sophie Hohmann, CERCEC and INED, Paris, France with Cécile Lefèvre, University Paris Descartes 5, Paris, France, *Social policies in Central Asia and the Caucasus: Tranformation and interpretation //* Софи Хоман, CERCEC/Институт демографических исследований (INED), Париж, Франция; Сесил Лефевр, Университет Париж 5 Дэкарт, Франция. *Социальная политика в Центральной Азии и на Кавказе: трансформации и интерпретации*.

Discussant: George Tarkhan-Mouravi, Institute for Policy Studies, Tbilisi, Georgia // Дискуссант: Георги Тархан-Моурави, Институт по изучению политики, Тбилиси, Грузия

Saturday, 27 August / Суббота 27 августа

9h-11h00 A gender approach to migration and poverty // Гендерный подход к миграции и бедности

Chair: Alexandr Iskandaryan, Caucasus Institute, Yerevan, Armenia // Председатель: Александр Искандарян, Институт Кавказа, Ереван, Армения

- Kifayat Jabi Aghayeva, Azerbaijan University of Languages (AUL), Baku, Azerbaijan, *Migration Negative Affect on Azerbaijani Women, Feminization of Poverty* // Кифаят Джаби Агаева, Языковый университет Азербайджана, Баку, Азербайджан. *Отрицательные последствия миграции для женщин в Азербайджане: феминизация бедности.*

- Natalya Zotova, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Russia, and Victor Agadjanian, Arizona State University, USA. *Exploring Sexual Risks of Central Asia Female migrants in Moscow //* Наталья Зотова, Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, Москва, Россия; Виктор Агаджанян, Университет Аризона, США. *Сексуальные риски для женщин–мигрантов из Центральной Азии в Москве.*

- Anara Moldosheva, independent gender consultant, Kyrgyzstan. *Gender in development: Who are the Winners and Losers?* // Анара Молдошева, независимый гендерный эксперт, Кыргызстан. *Гендер в развитии: кто выиграл, кто проиграл?*

- Iulia Florinskaya, Laboratory of Migration Analysis, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. *Strategies in Family migrations from Central Asia: with children or without?* // Юлия Флоринская, Лаборатория анализа миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва,

Россия. *Стратегии семейной миграции из Центральной Азии в Россию: с детьми или без?*

- Anna Rocheva, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, *Giving birth to a child in a foreign country: experience of migrants from Kyrgyzstan in Russia* // Анна Рочева, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия. *Рождение ребенка в чужой стране: опыт мигранток из Кыргызстана в России.*

- *Madeleine Reeves* Madeleine Reeves, Manchester University, Manchester, UK. *Transnational labour migration and the outsourcing of care: a comparison of global "Souths"* (in absentia) // Мадлен Ривс, Университет Манчестер, Великобритания. *Транснациональные трудовые миграции и делегирование заботы над детьми: сравнивать глобальные "юга"* (in absentia).

Discussant: Serguey Abashin, Institute of Ethnology and Anthropology, Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Moscow, Russia // Дискуссант: Сергей Абашин, Институт этнологии и антропологии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

11h30-15h00 Migration policy and migrant strategies

Chair: Amandine Regamey, Université Paris I/CERCEC, France // Председатель: Амандин Регамэ, Университет Париж I/CERCEC, Франция.

- Florian Mühlfried, Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle (Saale), Germany. *Of Triple Winning and Simple Losing* / Флориан Мюлфрид, Макс Планк Институт, Халле, Германия. *Трехкратный выигрыш и простая потеря.*

- Lilia Sagitova, Institute for Social Research and Citizen Initiative, Tatarstan Academy of Science, Kazan, Russia. *Looking for a new identity: Adaptation strategy of migrant women in Tatarstan* // Лилия Сагитова, Институт социальных исследований и гражданских инициатив, Институт Истории Академии наук Татарстана, Казань, Россия. *В поисках новой идентичности: стратегии адаптации женщин–мигрантов из Средней Азии в Татарстане.*

- Anne Le Huérou, CERCEC, Paris, France. *Diaspora as a multi-tiered resource for migration policy and its confrontation to migrant strategies: the case of Omsk* // Анн Ле Уеру, CERCEC, Париж, Франция. *Диаспора как административный ресурс для миграционной политики и её конфронтация со стратегиями мигрантов: пример Омска.*

- Sergey Rumyantsev, Humboldt University, Berlin, Germany. *Azerbaidjani Diaspora in Europe and Russia*" // Сергей Румянцев, Университет Гумбольдта, Берлин, Германия. *Азербайжанские диаспоры в Европе и России.*

Discussant: Saodat Olimova, Centre Sharq, Dushanbe, Tajikistan // Дискуссант: Саодат Олимова, Центр Шарк, Душанбе, Таджикистан

15h – 17h30 Migrations and transformations of the Post-soviet space // Миграция и трансформация постсоветского пространства

Chair: Meruert Abuseitova, Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan // Председатель: Меруерт Абусеитова, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан

- Vladimir Mukomel, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. *North/South Fragmentation of Post-soviet Space: influence on migrations* // Владимир Мукомель, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия. *Фрагментация постсоветского пространства «Север-Юг»: приложение к миграции.*

- Teniz Sharipov, Expert in Finance, Osh, Kyrgyzstan. *Migrations and Poverty in Independent Kirghizstan. (in absentia) //* Тениз Шарипов, Ведущий специалист по кредитованию, г. Ош, Кыргызстан. *Проблемы миграции и бедности населения Кыргызстана после обретения независимости (in absentia).*

- Natalya Kosmarskaya, Centre for Central Eurasian Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. *Migrants and Old-Residents in Post-Soviet Central Asian Cities: Settlement, Identity, Conflict (the Case-Study of Bishkek) //* Наталья Космарская, Центр изучения Центральной Азии и Кавказа, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия. *Мигранты и «старожилы» в городах постсоветской Центральной Азии: расселение, идентичность, конфликты (на примере Бишкека).*

- Julien Thorez, CNRS/Mondes iranien et indien, Paris, France. *Frontiers, discontinuities and migration: post-soviet space between South and North* // Жюлиэн Торез, CNRS, Париж, Франция. *Границы, прерывистости и миграции: постсоветское пространство между Югом и Севером.*

- Evgenyi Abdullaev, Independent researcher, Tashkent, Uzbekistan. *Figure of* oblivion*: labour migration in relationship with Russia and Post-soviet States of Central Asia* // Евгений Абдуллаев, кандидат философских наук, Независимый исследователь, Ташкент, Узбекистан. *Фигура умолчания: трудовая миграция в отношениях между Россией и постсоветскими государствами Центральной Азии.*

Discussant: Sergey Rumyantsev, Humboldt University, Berlin, Germany // Дискуссант: Сергей Румянцев, Университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

17.30 – 18.00 Concluding session / Подведение итогов конференции

Colonial History, National History
Колониальная история, национальная история

М.Х. Абусеитова, доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК

Мифы и реальность в истории Центральной Азии

Центральная Азия всегда представляла собой достаточно целостный и своеобразный культурно-исторический регион в силу общности исторических судеб, географических условий и действия общих культурных закономерностей. Причем важную роль играло не только единство этнокультурных процессов, но и отсутствие внутренних границ, что обусловливало постоянные и широкомасштабные контакты внутри региона.

Центральная Азия была «местом встречи» мировых религий: христианства, ислама и буддизма, взаимовлияния культур тюрко-монгольских, индоевропейских, угро-финских, сино-тибетских народов. В конечном счете это определило особый менталитет, культурные стереотипы и традиции этносов, а также полиэтничность и многоконфессиональность центральноазиатского региона.

Этнокультурные процессы играли чрезвычайно важную роль в общеконтинентальных процессах этногенеза, в формировании языков, многих древних, средневековых и современных народов Евразии. Таким образом, будучи этноконтактной зоной, регион Центральной Азии играл важную роль в судьбах всего Евразийского континента.

Общность исторических судеб на протяжении трех-четырех тысячелетий, однозначно прослеживаемая в многочисленных исторических источниках и засвидетельствованная разнообразными историческими фактами, является очевидной константой исторического времени Центральной Азии. И не случайно, что тысячелетние корни истории актуализируют сегодня интеграционные процессы на современном постсоветском пространстве Центральной Азии, и в этом отношении важное значение имеет фактор региональной общности.

Однако, на протяжении последнего столетия проявляется ярко выраженная тенденция мифологизации древней и средневековой истории народов региона; издаются в основном учебники, в которых единый регион Центральной Азии был во многом искусственно разделен либо по этническому, либо по государственно-политическому признакам. В настоящее время мы имеем лишь отдельные истории в виде «Истории Казахстана» как преимущественно истории казахов, «Истории

Узбекистана» как преимущественно истории узбеков, «Истории Киргизии» как преимущественно истории киргизов и т. д., но не имеем истории данного культурно-исторического региона во всем ее многообразии и общности[1].

Суверенизация независимых государств Центральной Азии усугубила разрыв единого культурно-исторического пространства, что привело к мистификации и этнизации культурно-исторического наследия, преувеличению самобытности и исключительности вопреки историческим фактам и объективной реальности. В начале 1990-х годов научные связи между учеными-историками Средней Азии и Казахстана были прерваны. В целях политической коньюктуры появились публикации с мифами об этнической однородности, о широких границах исторической прародины, о преемственности какого-нибудь современного этноса от великих племен и народов, о создателях самых древних городов и государств региона культурных ценностей в целом. Историческими исследованиями занимались представители различных профессий и специальностей, не владевших и игнорировавших археологические, письменные, архивные источники и новые находки

С таким подходом к изучению исторического прошлого невозможно воссоздать объективной картины развития как отдельно взятой страны, так и региона в целом. Поэтому перед исторической наукой стоят сейчас кардинальные проблемы, требующие пересмотра сложившихся стереотипов, переосмысления исторического процесса, формирования объективного исторического мышления.

Возникшие перед новыми независимыми государствами вопросы этнической идентичности и национальной идеи ставят перед учеными проблему глубокого, разностороннего, свободного от спекулятивных, абстрактных и упрощенных подходов изучения истории, от ее идеологизации. Необходимо учитывать также и то, что историю и культуру Центральной Азии нельзя рассматривать вне контекста истории стран и народов Евразии, и всего Востока, поскольку они развивались на протяжении многих столетий в тесном взаимодействии с восточными, а также западными цивилизациями. Китайские, тюркские, монгольские, иранские и арабские древние и средневековые письменные памятники являются ценными источниками для изучения государственности и этнополитической истории на территории Центральноазиатского региона[2].

В современную эпоху все большее значение для правильного понимания сложных исторических процессов, происходивших и происходящих в обширном регионе Евразии, имеет разработка проблем историко-культурных взаимосвязей народов с древности и по настоящее время, их родства и самобытности.

---

[1] История Казахстана и Центральной Азии: Учебное пособие / М.Х. Абусеитова, Ж.Б. Абылхожин, Н.Э. Масанов, С.Г. Кляшторный, Т.И. Султанов, А. М. Хазанов. – Алматы: Дайк-Пресс, 2001. – 616 с.; История Казахстана и Центральной Азии. Алматы, 2001.

[2] Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. А.-А., 1969; Бейсембиев Т.К. «Та'рих-и Шахрухи» как исторический источник. Алматы, 1987; Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Серия: Казахстанские востоковедные исследования». Алматы, 2001; Абусеитова М.Х., Баранова Ю.Г. Письменные памятники по истории и культуре Казахстана и Центральной Азии в XV–XVII вв. (биобиблиографические обзоры). Алматы, 2001; Тулибаева Ж.М. Казахстан и Бухарское ханство. Алматы, 2001; Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.

Для решения этой задачи необходим комплексный подход, предполагающий введение в научный оборот новых письменных источников, исторических, этнографических, лингвистических данных и т. д. В связи с этим глубокое изучение рукописных источников на восточных языках имеет большое научное и практическое значение. Разработка многих проблем истории культуры с соседними народами и странами на обширной источниковой базе является весьма актуальной и сложной задачей.

Важные качественные изменения, происходящие в исторической науке, связаны с выработкой учеными принципиально нового объективного подхода к изучению проблем этногенеза государственности, кочевниковедения, контактов кочевой и оседлой культур, историко-культурных взаимоотношений в Центральной Азии[3].

С помощью одного формационного подхода познать историю во всей ее многомерности и противоречивости невозможно. Налицо необходимость перехода к новым концепциям мирового развития. Эти концепции должны максимально учитывать «человеческий фактор», а также всю пестроту и противоречивость исторических и жизненных ситуаций, не укладывающихся в схему «пятичленки», существование которой вынуждало исследователей придерживаться строго формационной характеристики общества. Мнения разделились: одни исследователи поддерживали концепцию о существовании государственности и феодального способа производства, другие отрицали государственность и оценивали состояние общества казахов как военно-потестарное. В настоящее время многие ученые считают необходимым отказаться от формационной характеристики и «притягивания» обществ к какой-либо формации, все большее внимание обращая на «цивилизационный» подход к развитию обществ[4].

С нашей точки зрения, взгляд на историю сквозь призму сравнительного изучения цивилизаций не совсем оправдан. Несмотря на его заманчивость и перспективность, видимую ориентацию на общечеловеческие ценности, в «цивилизационном» подходе есть сторона, определяющая узость, односторонность взгляда на приоритеты в изучении человеческих обществ, одни из которых безусловно зачисляются в «лидеры» мирового исторического развития, другие же остаются на обочине прогресса.

Принцип деления цивилизаций может, на наш взгляд, привести к жесткому противопоставлению исторического опыта разных народов и структур. Думается, что исследователям в процессе научного поиска следует находить такие критерии оценок

---

[3] Крадин Н.Н. Кочевое общество (проблемы формационной характеристики). Владивосток, 1992; Трепавлов В.В. Ногайская альтернатива: от государства к вождеству и обратно / Альтернативные пути к ранней государственности. Владивосток, 1995; Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997; Абусеитова М.Х. Казахстан и Центральная Азия в XV–XVII вв.: история, политика, дипломатия. Серия: Казахстанские востоковедные исследования. Алматы, 1998; Humphrey C. and Sneath D. (eds). The End of Nomadism? Durham, NC. 1999; Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Серия: Казахстанские востоковедные исследования. Алматы, 2001; Golden P.B. Ethnicity and State Formation in Pre = Cinggizid Turkic Eurasia. Bloomington, 1 N, 2001; Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001; Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

[4] Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития: Сб. научных трудов. Вып. 1–2. М., 1991. С. 327// Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1993. №5. С. 178–209; Коротаев А.В., Бондаренко Д.М., Лынша В.А. (ред.) Альтернативные пути цивилизации. М., 2000; Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002.

движения общества, которые как можно меньше будут содержать элементов «соревновательности» в ходе исторического процесса и делить народы на «исторические» и «неисторические».

Необходимо выявить те точки соприкосновения между народами и культурами, такие моменты взаимоотношений между ними, которые вели бы к сближению различных групп человечества, к обобщению разнообразного, зачастую противоречивого опыта.

Для изучения вышеназванных проблем необходимо существенное расширение источниковой базы исследования, максимально полное использование, систематизация, классификация и анализ новых письменных источников.

Благодаря Государственной программы «Культурное наследие» представляется возможным пополнить и расширить казахстанскую источниковедческую базу, что станет большим подспорьем для возрождения научного востоковедения в Казахстане.

В рамках этой программы учреждена Востоковедная археографическая экспедиция и разработаны маршруты в различные центры хранилищ рукописей. Задачей экспедиции является планомерное и систематическое обследование областей и районов Казахстана и за его пределами. В ходе работы выявляются и приобретаются у населения восточные рукописи и старопечатные книги, проводятся комплексное исследование, научные переводы и анализ восточных письменных источников, которые хранятся в основном в библиотеках, музеях и архивах за пределами Казахстана (в России, Центральной Азии, КНР, Монголии, Индии, Иране, Турции, Египте, Великобритании, Германии, Франции, Венгрии и других странах)[5].

Важность археографической работы нельзя переоценить: эти исследования целенаправленно расширяют источниковую базу, позволяют обозначить ряд новых научных проблем и для истории Центральной Азии. Кроме того, впервые в научный оборот вводится определенный комплекс источников, отражающих все этапы исторического развития, традиции казахского народа. В дальнейшем материалы экспедиций станут основой «Свода востоковедных памятников истории и культуры Казахстана и Центральной Азии».

Большим подспорьем для накопления источникового материала по искусству казахского народа являются также проводимые в рамках Государственной программы «Культурное наследие» научные экспедиции сотрудников Института востоковедения в определенные музеи Европы и Азии с целью выявления в их фондах памятников прикладного искусства казахов, сходных явлений в искусстве, подтверждающих имевшее место в истории культурное взаимодействие. Выявленные экспонаты будут введены в научный оборот и дополнят имеющиеся данные, которые до сих пор были в основном ограничены доступными исследователям материалами музеев постсоветского пространства. Реалии сегодняшнего дня требуют новой оценки и анализа историко-

[5] Опубликованы серии книг (26 томов) в том числе: «История Казахстана в персидских источниках» (5 томов), «История Казахстана в тюркских источниках» (5 томов), «История Казахстана в китайских источниках» (5 томов), «История Казахстана в монгольских источниках» (3 тома), «История Казахстана в арабских источниках» (3 тома), «Сборник архивных документов о казахско-китайских взаимоотношениях в Цинский период» (опублико¬ваны I, II тома в факсимиле). Изданы два тома переводов этих факсимильных документов на казахский язык. А также серия «История Казахстана в восточных миниатюрах» (1 том).

культурного, современного и перспективного потенциала Казахстана. Все это связано с параметрами цивилизационных процессов, происходящих в странах Востока и у региональных соседей, определением и прогнозированием геополитических, геокультурных и геоэкономических тенденций на континенте.

В новом столетии равноправный диалог становится насущно необходимым для успешного развития мирового сообщества в целом и центральноазиатского в частности. Только объединив усилия, государства Центральной Азии смогут реализовать интеллектуальные достижения и органично войти в процесс общемирового развития. Чтобы достичь этого уровня, необходимы политические компромиссы, толерантность, создание определенного баланса между региональными интересами и интересами отдельных государств.

Образование новых независимых государств в Центральной Азии поставило перед современной исторической наукой задачи формирования новых приоритетов и изменения старых подходов. Наука пережила сложный переходный период трансформации в условиях становления рыночных отношений и, использовав накопленный ранее положительный опыт и трудовые ресурсы, а именно: «золотой фонд» ученых, в настоящее время направлена к сотрудничеству на региональном и международном уровнях.

Сегодня стала очевидной необходимостью разработка нового концептуального подхода, который должен объединить народы Центральной Азии, содействовать политическому и культурному сближению между странами, укреплению международного доверия, налаживанию дружественных плодотворных контактов и интеграции научных проектов в нашем регионе. Этот подход должен стать основой научных исследований, в особенности связанных с подготовкой книг по истории и культуре Центральной Азии.

Институт востоковедения им. Р. Б. Сулейменова выступил инициатором диалога ученых из стран Центральной Азии и России, организовав совместно с ЮНЕСКО Международную конференцию «К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии»[6], которая состоялась в Алматы в ноябре 2005 г. Главной целью конференции стала выработка между центральноазиатскими государствами согласованной и взаимоприемлемой всеми сторонами стратегии разработки самых сложных исторических и историко-культурных проблем.

Учитывая актуальность и необходимость диалога в центральноазиатском регионе, обусловленных сложившейся геополитической ситуацией, трудностями переходного периода, экономическими, этническими и культурно-цивилизационными факторами, предлагаем:

Во-первых, скоординированными усилиями выработать концепцию формирования основ взаимоотношений стран Центральной Азии. Новый концептуальный подход должен быть направлен на разработку теоретической базы региональных взаимоотношений, выделение приоритетных политических и экономических путей развития, прогнозирование дальнейших международных и межгосударственных взаимоотношений.

Во-вторых, разработать совместную комплексную исследовательскую программу с широким представительством

[6] К новым стандартам в развитии общественных наук в Центральной Азии. Материалы Международной научной конференции (Алматы, 17-18 ноября 2005 г.) / Редактор-составитель М.Х. Абусеитова. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 336 с.

ученых, специалистов и аналитиков как стран центральноазиатского региона, так и соседних государств. Целью этой программы должно стать раскрытие следующих научных проблем:

- в историческом аспекте – исследование малоизученных страниц взаимоотношений стран и народов Центральной Азии;
- в политическом плане – возможности углубления интеграционных процессов в рамках региональных организаций;
- в сфере региональной безопасности – исследование имеющихся и потенциальных возможностей и мер по предотвращению конфликтов;
- в экономической сфере – поиск взаимовыгодных форм торгово-экономического сотрудничества;
- в культурной сфере – создание условий для широкого представительства культур народов, населяющих регион, а также выявление языкового взаимодействия, что позволяет раскрыть основные условия, ведущие к длительному культурному сосуществованию политических систем с различными языковыми общностями;
- в сфере образования – создание новых образовательных программ, учебников и учебных пособий; изучение истории и культуры народов региона в средних школах и ВУЗах и деполитизация исторического и культурного наследия.

Эти предложения положены в основу предлагаемого нового подхода в установлении диалога между странами и народами Центральной Азии. Их реализация послужит открытию новых граней сотрудничества между государствами региона и будет способствовать полноправной и полномасштабной интеграции региона в мировое сообщество.

Ведущие ученые Центральной Азии, России и Франции в докладах на конференции выразили свое отношение и внесли предложение по вопросам методологии, концепций и новых подходов к истории Центральной Азии, обсудили насущные проблемы и перспективы в данной области.

Состоявшийся диалог позволил выработать общие позиции по принципиальным вопросам, а также концепции написания книг по истории и искусству Центральной Азии. Эти концепции определили основную направленность изложения материала книг: системное, целостное изложение истории с древности по настоящее время; отражение развития истории искусства в выдающихся памятниках искусства региона. Важным условием написания книг является участие ученых из всех, включенных в проект центральноазиатских государств, России и Франции. Обязательными условиями написания книг стали также академичность и толерантность в изложении материала. Достоинством книг является введение в научный оборот новых источниковых данных, выявленных исследователями в местных и зарубежных фондах, и богатый иллюстративный материал.

Обращение к историко-культурному наследию народов Центральной Азии как в настоящем, так и в будущем должно быть лишено элементов соперничества. Создание объективной, правдивой истории народов Центральной Азии и реализация вышеназванных предложении и реализация вышеназванных предложений позволит открыть как новые грани сотрудничества между государствами Центральной Азии, так и в целом будет способствовать полноправной и полномасштабной интеграции региона в мировое сообщество.

Contact : mabusseitova@hotmail.com

Бенжамин Лоринг, кандидат исторических наук, Университет Фичбурга, США

Центральная Азия как «внутренняя колония» Советского Союза: отношения с центром и их влияние на национальное самоопределение в межвоенный период (1921-1941).

Этот доклад основан на статье, принятой к изданию в рецензируемом журнале «Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History». Статья рассматривает один из самых важных вопросов в советской истории—сходство Советского Союза с колониальными империями Западной Европы, особенно с Францией и Великобританией. Вопрос так-называемой «уникальности» СССР и его сходства не только с его предшественницей, Российской Империей, но также с его западными соперниками является темой живых споров как вне, так и внутри бывшей территории Советского Союза. Одна сторона придерживается мнения, что советская власть на южной периферии (т.е., на Кавказе и в Центральной Азии) может быть охарактеризована как колониальная, поскольку она действовала мерами, схожими с теми, что применялись в западно-европейских империях. С этой же точки зрения, советская власть в Центральной Азии проявляла три классические черты, свойственные колониальным империям, а именно (1) экономическую эксплуатацию периферии воимя нужд центра, (2) внедрение чуждых культурных норм среди коренного населения и (3) систему политического контроля, которая подчиняла местное население правлению русского (или русскоговорящего) центра. Другая сторона считает, что попытка режима создать правовое равенство среди граждан СССР и его стремление к социально-экономической нивелировке между народами отличают советскую власть в Центральной Азии от правления Великобритании и Франции в Африке и Азии. Что характерно, советская власть намеревалась преобразовать местное общество, будь оно в Самарканде или в Смоленске, чтобы оно соответствовало социалистической модели модернизации. Сторонники этого мышления предполагают, что Центральная Азия больше походила на Турцию и Иран в межвоенный период, чем на британские или французские владения. Подобно населению Ирана и Турции, некоторая доля населения Центральной Азии приняла на себя руководящую роль в преобразовании общества, а отнюдь не роль бездействующих, беспомощных жертв тоталитарного режима.

Дабы создать общеприемлемый компромис между этими двумя точками зрения, статья предлагает рассматривать Центральную Азию как так-называемую внутреннюю колонию Советского Союза, так как она проявляла и черты колонии западно-европейской империи и черты периферийного края национального государства типа Турции после Первой Мировой Войны. Отношения между республиками Центральной Азии и Москвой можно понять на двух различных уровнях: региональном и индивидуальном. На региональном уровне, отношения характеризовались с одной стороны административным и правовым равенством между

республиками Центральной Азии и другими регионами СССР, а с другой стороны экономическим неравенством. Как сказал И. А. Зеленский в 1926-ом году, Центральная Азия должна была стать «сырьевой базой для индустриализации СССР». Подобно колониям западных империй, развитие экономики Центральной Азии соответствовало промышленным нуждам центра. В то время, как промышленность в центральных регионах России стремительно развивалась начиная с 1929-го года, развитие в Центральной Азии было сосредоточено на изготовлении сырья—в основном хлопка, злаков, технических культур, мяса, шкур, шерсти и полезных ископаемых. Центрально-азиатским ответработникам претила роль поставщика сырья для Российской индустриализации, но они не смогли изменить эту экономическую политику, так как к концу 1920-х годов партийное правление фактически устранило их от принятия решений в области экономики. Таким образом, несмотря на то, что Центральная Азия достигла формального равенства с другими регионами Советского Союза, она тем не менее пребывала в роли колонии ввиду ее политических и экономических отношений с центром.

На индивидуальном уровне, отношения между гражданами были также осложнены квази-колониальными отношениями между центром и периферией. С одной стороны, советская власть назначала представителей ранее исключенных национальных меньшинств на ответственные должности в партийном и государственном аппарате—это было одним из проявлений так-называемой политики коренизации. Советская власть открыла для коренных центральных азиатов возможности к служебному и профессиональному продвижению, а также поддерживала развитие национальных культур. В то же время, государство внедрило то, что социологи называют «культурным разделением труда»: систему, при которой трудовые коллективы и отдельные работники выполняли конкретную, выделенную им функцию в экономическом строе, определенную национальностью, социальным происхождением и другими критериями, не имеющими отношения к работоспособности. В практике, культурное разделение труда утрировало различия между национальностями и восстановило этнические иерархии, свойственные колониальному режиму, в сферах сельского хозяйства, промышленности и государственных служб. В результате, трудовая сила разделилась на две различные, дополняющие друг друга группы. Первая была более образована и состояла в основном из европейских работников, имевших более стабильный и высокий заработок во всех секторах экономики. Вторая, более крупная, состояла в основном из менее образованных, коренных центральных азиатов, зарабатывавших меньше и более остро испытывавших экономические нужды (особенно нехватку потребительских товаров, инвестиционного капитала и доступа к кредиту). Были и исключения из правила. Колхозники европейского происхождения часто испытывали нехватку товаров народного потребления, низкие заработки, и порой даже голод, подобно их центрально-азиатским соратникам. В некоторых частных случаях, представителям центрально-азиатских национальностей удавалось превзойти дискриминацию и достичь существенного профессионального успеха в таких областях, как медицина, образование и государственная служба. В целом, однако, советская экономическая политика 1930-х годов фактичкски разделила рабочее население по признаку национальности.

Воспринимая Центральную Азию как внутреннюю колонию, можно объяснить некоторые противоречащие явления в историческом развитии региона в советское время. Роль Центральной Азии как внутренней колонии в советском строе проявлялась, например, в том, что национальные кадры республик Центральной Азии былы практически бессильны принять существенные решения в сфере экономического планирования несмотря на то, что они преобладали в партийных организациях на республиканском уровне. Эта роль также повлияла на своеобразную структуру труда, то есть преобладание европейских кадров в технических областях, которые были более тесно связаны с советской модернизацией—техническими науками, инженерией, медициной и производством—несмотря на то, что они составляли малую часть населения. В сельском хозяйстве, заметно разделение трудовой силы по признаку национальности: кадры имеющие технические навыки были в основном европейского происхождения даже в районах, преимущественно заселенных коренным населением, в то время как центрально-азиатские работники на колхозах составляли большинство кадров не требующих технических навыков. Характеризуя Центральную Азию как внутреннюю колонию, становится очевидно, почему этот регион проявлял так много черт свойственных колонии, несмотря на правовое равенство его граждан и единообразие административного порядка с другими регионами СССР.

Советский внутренний колониализм в Центральной Азии способствовал развитию и упрочнению национального самоопределения в ранний советский период. Советская идеология предвидела создание сверх-национального идеального образа—так называемого Советского Человека—и слияние советских национальностей в единую советскую нацию. Что парадоксально, экономическая политика государства подрывала эту идеологическую цель в Центральной Азии тем, что она усиливала, а не преуменьшала, самоопределение на основе национальности. Представители государственных и партийных учреждений использовали национальность, как определяющий ключевой фактор в распределении работы, должностей, кредита, членства, жилья и доступа к образованию. Повседневная привычка ссылаться на национальность придала значимость национальному самоопределению, поощряя чувства солидарности между представителями одной и той же национальности и подчеркивая различия между национальными группами. Рассматривая Центральную Азию как внутреннюю колонию СССР, мы имеем доступную модель для того, чтобы понять не только политическое и экономическое развитие региона, но также своеобразный процесс выражения националности среди населения.

Contact : benjaminloring@gmail.com

Tetsuro Chida, Slavic Research Centre,
Hokkaido University, Japan.

Nationalizing" the Soviet Republics: Centrifugal Tendency of the Republican Politics in Soviet Central Asia during the Brezhnev Era

The collapse and disintegration of the Soviet Union came unexpectedly for the Central Asian republics. In a blink of an eye, five Central Asian republics became five independent states. The self-destruction of the Soviet Union meant not only the demise of the super-power, but also the disappearance of financial support and coordination mechanism from the center, which exposed their economical vulnerability and unsustainability, owing to the raw materials oriented development policy promoted by the center during Soviet times. Indeed, the arid climate and semi-desert landscape of Central Asia made it impossible to develop the water-consuming industrialization, given the permanent scarcity of "pure" plain water. The turbid and slightly mineralized water of Amu-Darya and Syr-Darya Rivers had been utilized for cultivation of cotton and rice through irrigation.

Despite the wide-spread economic crisis in the whole region, the newly independent Central Asian states maintained political stability in terms of domestic affairs (except for Tajikistan), but at the same time, began to constrain each other through bilateral and regional issues, especially of water-energy resources. This is in light of the Central Asian republics that had begun to forge their "national" identity during Soviet times. Undoubtedly, the USSR's "affirmative action" policies in 1920-30s made a substantial contribution to the building-up of the identity of each "ethnic nation" (i.e. Kazakh, Uzbek, Kyrgyz etc.). However, the "national" identity molded in 1960-70s was not limited to their ethnic basis, but rather constructed on "territorial" basis (i.e. Kazakhstani, Kyrgyzstani etc.) at least among the republican elites. This presentation will attempt to portray a rough sketch of the "nationalizing" process of the republican politics in 1960-70s through the analysis of the centrifugal tendencies in the cadre as well as water policy. The presentation will focus mainly on Kazakhstan, but will briefly refer to the cases of other republics of Central Asia.

"Trust in Cadres" for Central Asia: "Routinization" of the Control from Above

As Yoram Gorlizki describes, the cadre policy of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU) in the early Brezhnev period is characterized as a process toward the construction of the "norm-bound networks" («компромиссные сети», identified by Oleg Khlevniuk) in the peripheries. The first secretaries of the republican party Central Committees or *obkoms* led these networks. They played a key role in coordinating the local elites with various views and interests in their administrative units, retaining good relations with the center. They were "strong" regional leaders, who could make concessions among the provincial officials and raise their requirements to the center. First secretaries in Central Asia in the 1970s can also be categorized as the coordinators of the "norm-bound networks," except for Balysh Ovezov, the Turkmen party leader, who was ousted in 1972. They gradually consolidated their authority in the first half of the Brezhnev era.

Moreover, Gorlizki mentions that, “despite his reputation as a laissez-faire leader, Brezhnev was a firm believer in traditional party-based controls.” However, the approach of controls from above underwent a critical change. His CPSU Central Committee gradually ceased to intervene in republican party affairs on the basis of anonymous tips or open accusation letters from the local people. Nikita Khrushchev frequently introduced such *ad hoc* inspections to expose various defects of the regional leaders (nationalistic deviation, doctoring of production volume, localism etc.), most of whom were ousted at the end. On the contrary, the party-based control under Brezhnev in the 1970s was “routinized” to a significant degree. The center entrusted the regional officials in the investigation of criticism from below. In most cases no one was sent from the center for abrupt and random inquiry, according to the archival documents of the Central Asian Section of the Organization-Party Work Department of the CPSU Central Committee from 1970 to 1979. Moscow just received the results from the republics that the criticisms lacked any foundation, or that the criticized cadres were just “reprimanded” without any dismissal or demotion. Moscow’s control was usually channeled and manifested via telephone or routinely through the occasions of the republican party Congresses or Plenums. The local officials had enough time to turn off attentions from the center about their personal defects or frauds. The republican leadership gained authority over personnel issues inside their republics, which in turn had to consider various balances of nomenclature compositions in a careful manner.

Second wave of “korenizatsiia (indigenization)” in the 1970s: The Case of Kazakhstan

For simplification, the Bureau or Secretariat members of the republican party Central Committee, first secretaries of *obkoms* and first secretary of capital *gorkom* will be termed as the “republican party elites.” The case of Kazakhstan shall be examined in more detail.

It is well-known that the campaign for “trust in cadres” brought about the stabilization of the republican party elites. Seven to fifteen new party elites in Kazakhstan had been appointed or shuffled each year during the Khrushchev period. Many were fired or transferred to other (mainly, lower) posts within two years. On the contrary, turnovers of the Kazakhstan elites became much less frequent during the 1970s. In particular, there were only two new appointments in 1973, one in 1974 and two in 1977. Eleven party elites were appointed in 1978, but six of eleven appointees were simply vertically reshuffled.

Given the slow and gradual rotation of the party elites in Kazakhstan, their biographical features had also been altered gradually. First, ethnic Kazakhs were able to gain majority among the party elites. Second, the majority of non-Kazakh party elites had an experience of serving in the Kazakh SSR for more than twenty years. Many of them started their career from local (often district) nomenclature posts. Third, the academic background in the center (Moscow or Leningrad) became unnecessary for republican officials to win a promotion to the elite posts. Many of the Kazakh party elites moved only within Kazakhstan throughout their life.

The first wave of “*korenizatsiia*” in 1920-30s was targeted only to the titular ethnicities of the union or autonomous republics. At the same time, non-titular ethnic cadres had occupied a large number of republican key positions. As is well known, only four Kazakhs (Murzagaliev, Shayakhmetov, Kunaev and Nazarbaev) served as first secretaries of the Kazakhstan Communist Party over the course of

Soviet history. During the 1970s, Kazakhs still enjoyed some "affirmative action" perquisites, and the presence of non-Kazakhs was still strong among the high-ranking officials. However, most of the republican elites were "indigenized" including the non-Kazakhs. For the purpose of discussion, this phenomena shall be coined as the "second wave of *korenizatsiia*."

It is difficult to say with certainty whether the inclination for "indigenization" can be applied to other Central Asian republics due to the lack of biographical data of the party elites except for Kazakhstan. However, the following speculations could be made. Vyacheslav Makarenko, Second Secretary of the Central Committee of the Kyrgyz Communist Party (1981-1986), was a local Ukrainian born in Frunze City. Timofei Osetrov, Second Secretary of the Central Committee of the Uzbek Communist Party (1983-1986) as well as the former head of the Central Asian Section of the Organization-Party Work Department of the CPSU Central Committee, had served inside Uzbekistan for thirteen years before his career advancement to Second Secretary, who at last was ousted and arrested under the anti-corruption campaign in the early days of Perestroika for his bribe-taking. In fact, four out of five republics (except for Tajikistan) could promote the "indigenized non-titulars" to one of the most crucial post in the republics — Second Secretary of the republican Communist Party. Oliver Roy's following assertion cannot be applied to the Central Asian republics (Tajikistan is still under question) at least from 1975 onward up until the start of Perestroika: "the Russians who occupied important positions in Central Asia were almost from metropolis. They did a stay in the south in the course of a curriculum vitae which was mainly Moscow-based."

Transformation of Nature?: Water Policy and the Voice of the Republics

The Bolsheviks delimitated the whole country into national territorial-administrative units during the 1920s, but rivers and water systems strode across and transcended the borders of national republics. The territories of national republics had very often been incompatible with the units of analysis for Soviet geographers, land ameliorators and hydroelectric power developers.

From 1965, the Soviet hydroelectric power authority began to implement their water facilities construction projects under the concept of "Comprehensive Usage of Water Resources (комплексное использование водных ресурсов)," the realization of which should have ensured the long-term water regulation role of river facilities, such as storage reservoirs, dams and hydroelectric stations. Toktogul (Kyrgyzstan) and Nurek (Tajikistan) hydroelectric stations were brought into operation in the first half of the 1970s. However, owing to water scarcity in Central Asia in the mid1970s, it appeared that the water regulation role of these facilities came under threat as soon as they were in operation. The above mentioned *de facto* decentralization in the cadre policy in turn strengthened the republics' voices. The downstream republics (Uzbekistan and Kazakhstan) began to demand to the center their right of preferential water usage for irrigation. It was not only the case of the Aral Sea basin, but also of some small rivers like Chu and Isfara. The latter case created tension between upstream Tajikistan and downstream Kyrgyzstan, which at the end resulted in an outbreak of interethnic riot between local Tajiks and Kyrgyzs in 1989.

Soviet geographers at the center restored the slogan "Transformation of Nature" from 1960 and on, which had once diminished immediately after Stalin's death in 1953. However, the

content of the idea itself underwent a colossal change. Stalin's "Transformation of Nature" projects propagated only its positive effects to human life, lacking any verification of its negative influences on the environment. On the contrary, the renovated idea of "Transformation of Nature" by Moscow-based geographers took into account the feedbacks from the environment, subjected to transformation. That is, the geographers came together in favor of the idea of the human-induced nature transformation itself, but at the same time, thought that people should approach landscapes affected by transformation, with calculation of both positive and negative effects. Thane Gustafson describes the role of geographers at the center as an opposition force to hydropower. However, when it came to "Transformation of Nature," the approach of geographers and hydroelectric power developers of the center seems to be quite similar. Both of them shared the skepticism to the realization of gigantic inter-basin redistribution of water resources without scientific grounds and economic efficiencies. In fact, Central Asian authorities and certain number of local scholars and developers (*Sredazgiprovodkhoz* in Tashkent and the Institute of Energy in Alma-Ata etc.), for example, were the most ardent supporters of the Siberian river diversion project.

On the other hand, the situation of the Ili river basin was quite different. The republican authority and hydropower engineers eagerly supported and backed up the construction of Kapchagai water reservoir and the irrigation development in the downstream area at the southeast edge of Balkhash Lake, but at the same time they had to continue feeding plain water to Balkhash City, one of the industrial centers in the Central Kazakhstan located along the northeast coast of the lake. The center (*Gosplan*'s Expert Commission) opposed against the large-scale development of the delta zone. The central and republican ecologists and fishery planners welcomed this decision and tried to arouse public opinion. The republican hydrologic engineers seriously considered the construction of a gigantic weir across the Uzun-Aral strait, which would have divided the East Balkhash (saline) and the West Balkhash (plain), in order to prevent the lowering of the water level of the West Balkhash. *Kazgiprovodkhoz*, the republican institution of irrigation and hydrologic construction planning, at last suspended this project of nature transformation, which in turn saved the integrity of the Balkhash Lake. Unlike the Amu-Darya and Syr-Darya which are rivers across the union republics, the Ili is a transnational river between Kazakhstan and China. Therefore, the republican authority was able to make independent decisions about the usage and allocation of the water resources to a certain degree. This tendency intensified during the Brezhnev period.

Conclusion

It is widely accepted that the Brezhnev era was the time of "stabilization" and "stagnation (застой)." As illustrated above, the transformation of the center-republican and inter-republican relations of the Central Asian republics was stagnant during the 1970s, however, more importantly and intriguing is that their centrifugal and self-sustaining tendency was quite consistent in certain spheres. The republican authorities surrounded the republican party organs with their (свои) staffs including "not-titular" cadres. Obviously, the Central Asian republics depended financially on Moscow, but in parallel they gradually asserted themselves of their "national" interests to the center. In some cases these "national" interests made a conflict situation between national republics. This presentation attempts to demonstrate

and exemplify this process through the analysis of water policy by utilizing and quoting archival materials from Moscow and Almaty. The republican elites consolidated their “national” identity on “territorial” basis, which, of course, did not exclude their ethnic or kin-based identities. The latter was firmly cemented especially among ordinary citizens. The demonstration of ethnic Kazakh citizens in Tselinograd in 1979 was a good example of this, which made an objection against the installation of the German Autonomous Province in the central Kazakhstan. However, the position of the republican elites was not split along the ethnic line even in such incidents. Central Asian people always held multiple identities, but the “territorial national” one became outstanding among the republican elites. They incrementally “nationalized” their Soviet republics during the long languid years of the Brezhnev period — a period which may come across as even mundane to some historians — however, paradoxically became an unintended stage of their future independence and contributed to the internal political stabilization as well as external cross-border tensions of the newly independent “southern” states.

Contact : tetsuroch@dream.com

Ablet Kamalov, Leading Research Associate, Institute of Oriental studies named after R.B.Suleimenov, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Almaty)

Post-Soviet historiographies of Central Asia in the context of theory of Postcolonialism

While studying social processes in post-Soviet countries scholars try to apply various theories existing in social sciences to test whether they work out or not in the post-Soviet case. One of such theories is a theory of Postcolonialism. Applicability of this theory to post-Soviet Central Asia has been discussed, though not intensively, in the academic circles, the last such dispute being articulated on the pages of Central Eurasian Review in 2008 with involvement of American experts on Central Asian studies L.Adams [1] and Ed.Lazzarini [2]. With no intent to contribute to this dispute I would like here just to extend that discussion to the methodological field and look at how postcolonial approach may help overcome limitations of National narratives in current Central Asian historiographies, or look at practicalities of the Postcolonialism approach for history writing in the region.

Postcolonialism, according to Robert Young, is concerned with “forces of oppression and coercive domination that operate in the contemporary world: the politics of anticolonialism and neocolonialism, race, gender, nationalism, class and ethnicities define its terrain” [3]. L. Adams mentioned that scholars of Postcolonialism largely in the discipline of literature have begun to remedy the ‘geopolitical exclusion’ of Soviet and post-Soviet space from their theorizing, but she nevertheless believes that one should apply postcolonial theory to Central Eurasian case saying: “but we must go deeper and do more with it than we have done so far. Those of us studying contemporary culture, politics, economics, and international relations should go beyond merely borrowing descriptive terms and pointing out parallels to actually employing postcolonial theory in our analysis and using our cases to critique and refine the theory” [1,

p.6]. L.Adams also believes that “postcolonial theory gives us a valuable lens to turn on the societies we study, and its value lies as much in exposing Central Eurasia’s postcoloniality as it does in highlighting Central Eurasia’s differences from other postcolonial societies” [1, p. 6]. In his reaction a scholar of older generation Ed.Lazzirini rejected a possibility of applying of the Postcolonial theory to Central Eurasia comparing it with “schizophrenia torn between nationalism and postcoloniality on the one hand, and unrelenting imperialism on the other” and questioning a practicality of usage of theories in the historian’s work on let say archives [2, p.6].

Before going to elaboration on these approaches and substantiation of my own approach to whether Postcolonial theory may be applied to Central Asia case at least in the studies in History, I would draw attention to necessity to differentiate between to meanings of the term ‘postcolonialism’, especially when it comes to it is expressed in the local Central Asian languages which still depend on the Russian in construction of their terminologies. Emphases may be different depending on whether we talk on ‘postcolonialism’ as ‘postcoloniality’ or the post-colonial existence, a situation with previous colonial relationship (though the latter may acquire new forms), or ‘postcolonialism’ as a methodology. In a former case, postcoloniality of modern Central Asian countries will be based on the assumption of the nature of the Soviet Union: those who believe in imperial nature of the Soviets will easily extend this belief to post-colonial status of its former colonies, while others who reject ‘Soviet colonialism’ may look at the Soviet experience from the perspective of modernization theory putting the USSR in one line with such countries as Iran and Turkey. However, when it comes to ‘poscolonialism’ as a methodology of research and cognition, then we have certain basis for accepting it rather than refusing.

Postcolonial theory as it is pointed out by many its theorists including Leela Gandhi [4], has not been formulated yet as a structured and systematized theory, rather it is based on various concepts overlapping with other theoretical approaches. It largely incorporates principles of post-structuralism and post-modernism, one of them being a concept of narrative (*grand and petit narrative*). This concept is easily can be applied to national histories which serve nation-building process in new post-Soviet states.

National histories in Central Asia emerged and started being formed at the turn of the XIX-XX centuries, within the Russian Empire as a result of introduction of national discourse in Central Asia by local intellectuals. The key role in this process was played by the Volga Tatars whose newspapers and magazines provided space and stimulated dissemination of the national idea of the Turks of the Russian Empire. The earliest national histories were compiled by the Central Asian intellectuals under strong influence of national movements in Russia, especially that of the Volga Tatars. It is not by accident, that the author of the earliest Uyghur (Taranchi) national history – Nazarghoja Andusemjatov (Uyghur Balisi) published his first writings on the Uyghur national idea in the Tatar journal “Shura” and newspaper “Waqt”, his articles became a basis of his book on the History of Ili Turks (Taranchis) published in Verny (Alma-Ata) in 1923. The first Kazakh and Kyrgyz national histories respectively compiled by Shakarim and Sadykov also came to being in the beginning of the XX century. During the Soviet period being supported by the state Central Asian National histories developed within the frame of the Bolshevik national policy: History writing in Soviet Republics was institutionalized, detached to the new territories of nations. Being a main principle of national histories ethnocentrism stimulated emergence of

Nationalist interpretations of historical past. Nationalism relied on National (and Nationalist) Histories actually replaced the Communist ideology in Central Asian countries creating national narratives.

National narrative persuasively predominates in all spheres of public life in Central Asia, not to mention that its most extreme nationalist version sometimes is accepted as the only 'truth' even in academia. Therefore, one of the urgent problems the local academia faces is how to overcome limits of national narratives. Of course this problem is not fully recognized by local scholars, though it has been articulated by some historians (cf. works on Mythologization and distortion of History in Kazakhstan).

In the era of nationalism it is not easy to ignore national dimensions in history writing and overcome its limitations; therefore some theoretical approaches, especially idea of narratives, may help going beyond national narratives. National narrative can be defined as essentialization of a national/ethnic dimension of History, going beyond of which is quite problematic. What are the ways out of national narrative?

To answer this question one should come back to the notion of 'colonialism'. Colonization refers not only to political and economic domination of colonizers over the colonized peoples, not less important is a colonization of ideas, a colonization of mind. It was theorists of Postcolonial studies who draw attention to one-sided depiction of colonial peoples by colonizers and absence of colonized peoples' representation in that depiction. It is suffice to refer here to conceptual frames of Orientalism formulated by Ed. Said, a part of which later became Subaltern Studies. Understanding of who were and still are in Central Asian histories is very helpful in overcoming essentialization of historical past in Central Asian historiography.

Voiceless colonial peoples of Central Asia could not create their own vision of historical past. With commence of nation-building process conducted by the state, they were given a chance to construct their national histories under the shelter of the Soviet ideology, thus proving voiceless colonized peoples with a 'voice' which now became heard. However, that was not a real voice of colonized peoples, but the voice of the community imagined itself as a nation. National history thus leaves an impression of 'true' history of the nation; in fact it is simply another version of one sided story. National narratives exclude many subaltern groups from the narration, such as any minority group, women and many other actors of history etc. National history implies distortion of historical past (Ernst Renan), since it focuses on the nation/ethnicity, which itself a constructed unit.

Post-Soviet Central Asian historiographies have their own agenda in serving current politics and ideology. They expose their post-coloniality in their 'colonial' approaches: in comparison with the Soviet historiography, post-Soviet Histories did not change much; they merely replaced signs instead of applying new methodological approaches. What we see in Central Asian historiographies is simple replacement of signs: those events and processes, which were described in the Soviet time as negative ones, are shown now as 'positive and progressive' and visa-versa. For example, all uprisings against the Russian and then Soviet rule are shown at present as exclusively 'national liberation movement'. This also includes the Basmachi movement in early Soviet period. As experts on Basmachi movement (for instance, Beatrice Penati) show, the "Basmachi' movement was not homogenous and was not entirely caused by anti-Soviet resistance, sometimes it had internecine conflicts, tribal contradictions in its basis as well as just desire to take economic advantage of the tumult time etc.

Another example of the replacement of positive and negative meanings of historical events is a role of the Russian conquest of Central Asia, which in the Soviet times was shown as an exclusively progressive phenomenon; now it is described, on the contrary, very negatively; even the Soviet period is presented in some national histories as a continuation of colonial rule. Generally, national histories added a little to the essentialized vision of history of the Soviet historiography with a slight change in assessment (exchange of pluses and minuses). This is nothing, but a result of colonization of ideas: colonized people cannot easily overcome those ideological constructions, which were imposed on them by colonizers. Modern national narratives in post-Soviet countries simply follow the way of thinking inherited from colonizers, thus expressing colonial mode of thinking rather than post-colonial one.

Within national-discourse-dominated milieu the ways of going beyond national narratives may include, among others, writing Social history generally understood as a domain of non-political and non-cultural history. Social history may be approached based on its new dimension formulated by adherents of the concept of New Social History introduced in western academia after the 1950s. At the same time history should not be seen as one way street, whose only dwellers are members of a particular nationality, but instead as a process in which many actors played their part, but still remain their subaltern positions. To give them voice is one of the way-outs from the national narratives.

Postcolonial theory in fact provides historians with methodological tools that help them represent historical past of Central Asian communities in its diversity and hybridity.

Reference

1. Adams, Laura. “Can We Apply Postcolonial Theory to Central Eurasia? In: Central Eurasian Studies Review (CESR). Vol.7, number 1. 2008. P. 2-7.
2. Lazzerini Ed., “Theory, Like Mist on Glasses…”: A Response to Laura Adams”. In: Central Eurasian Studies Review (CESR). Vol.7, number 2. 2008. P. 3-6.
3. Young, Robert J. C. Postcolonialism: An Historical Introduction. Malden, Mass.: Blackwell, 2001. P.11.
4. Gandhi, Leela. Postcolonial Theory. A critical introduction. Oxford University Press, 1998
5. Galiev A. Mytholigization of History of Turkic peoples of Central Asia. Doctoral Dissertation. Almaty, 2010.

Contact : abletk@mail.ru

Отчет о первой сесии

На этой сессии поднимались два вопроса, связанные с разными статусами истории. В докладах М. Абусеитовой, А. Камалова и С. Абашина история представляется политическим и идеологическим инструментом, который служит, в том числе, для укрепления национальной идентичности. М.Абусеитова изучала историографические изменения в Центральной Азии после того как доступ к новому архивному материалу привел к обновлению историографии. Однако это сопровождалось мифологизацией и искусственной фрагментацией национальных историй по политическим мотивам. Такая фрагментация историографии так же имела место и в арабских странах после деколонизации. Отсюда можно задаться вопросом, насколько она является типичным для периода распада колониальной системы.

Несомненно, и здесь играет роль политический контекст, существуют элементы соперничества между государствами Центральной Азии. Однако мифологизация истории не связана исключительно с процессами национального конструирования и не является специфической чертой колониальных империи. А.Камалов отметил возможность применения методологии постколониальных исследований при изучении национальных историй Центральной Азии. Отметил, что, несмотря на спорность постолониальности Центральной Азии, методологические подходы, разработанные в рамках теории постколониализма, могут успешно применяться для осмысления современных процессов в регионе, в том числе с области историографии. Доклад С. Абашина был посвящен конструированию новой исторической памяти в Узбекистане. Было отмечено, что советское прошлое предоставило аппараты, кадры, инфраструктуры, которые функционируют и сегодня. Однако сейчас советское прошлое чаще всего умалчивается. Наверное, такая выборочная память является и пост-колониальной, и пост-травматической.

Доклады Б. Лоринга и Т. Чида поднимают полемические вопросы, обсуждающие и среди американских историков, такие, как «свидетельствует ли положение в Центральной Азии о том, что СССР был колониальной системой?». Т. Чида - один из немногих историков, изучающих брежневский период в Центральной Азии, предлагает новую идею о "второй коренизации". Этот вывод делается на основе изучения политики водных ресурсов и роли местных кадров в принятие решений. Вопрос водных ресурсов специфический, поскольку водные бассейны не соответствуют национальным территориям, был необходим компромисс со стороны руководителей, что не исключало возникновения конфликтов. Интересно, насколько эта гипотеза подтверждается данными других секторов экономики?

Дискуссия так же шла о том, насколько можно считать колониальной экономическую политику, основанную на эксплуатации сырья, в то время, как то же самое явление наблюдалось внутри России, например, в Сибири. Отмечалось так же, что эксплуатация сырья была не выгодна для центра, и она ничего не говорит о колониальной или не колониальной природе СССР; подобное наблюдалось в Алжире до деколонизации. Трудно оценить, получал ли центр больше, чем он давал. Однако разница между Сибирью и Центральной Азии заключается в культурном разделении труда, поэтому здесь релевантным является понятие "внутренней колонии". Этот тезис лежит в основе доклада Б.Лоринга. В данном случае важна территориализация господства.

В дискуссиях отмечалось, что, когда речь идет о Советском Союзе, возникают такие вопросы, как «где метрополия, а где колония?», «кто являются колонизаторами: русские, украинцы, грузины, евреи?», «можно ли считать, что немцы, украинцы, армяне, зачастую сами переселенные в Центральную Азию, явились колонизаторами или даже инструментом колонизации из-за того, что занимали высокие позиции в иерархии труда?» Сейчас наблюдается сегментация элиты, конкуренция между группами в пределах каждого государства. Когда мы говорим о (пост)-колонизации в настоящее время, мы говорим о России, но надо так же говорить и о новых игроках в Центральной Азии - США, Европе, Китае, мусульманском мире и т.д.

Silvia Serrano, CERCEC / Clermont-Ferrand University, France

Формирование политической системы и гражданства
Building politics and citizenship

George Tarkhan-Mouravi, Institute for Policy Studies, Tbilisi, Georgia.

Similarities and Diversity in Political Trajectories of Post-Soviet South: The Georgian Case

As any definitions and classifications, that of putting together the countries of the Caucasus and Central Asia, and labelling them as South is prone to controversy and criticism. But instead of discussing the justification of such classification, an attempt is made to discuss the similarities and the differences within this region, focusing Georgia as a central, although somewhat marginal, case – simply because I know it better than any other country.

The specific trajectory of Georgia's political history has had a direct influence on how political landscape developed, although the situation may be essentially not too different from other post-Communist transitional societies, particularly in the post-Soviet South. At the same time, there are some general similarities among all the political regimes in the region. The paper briefly analyses current disposition of societal and political forces in Georgia, the state of affairs and in political parties and the civil society, attempting to identify leading trends and scenarios – and compare to some other post-Soviet cases. The task is to understand, what is common and what is different between the societies of the post-Soviet South, and – why?

The heritage of the Soviet past in the form of underdeveloped democratic institutions and political culture, along with the scars caused by civil wars and ethno-territorial conflicts, still continues to haunt political processes, narrowing the space for political discourse and threatening democratic transition. The legacy of the decades of totalitarian rule would not wane quickly. The tremendous complexity of the Soviet reality, its astonishing geographic diversity and temporal dynamism, extreme intricacy of its ideology and of its societal and political arrangement, determined the specificity and diversity of the Soviet state, the particular character of its Southern periphery, and the impact of its legacy on the political and social reality of today. Soviet statehood was not a standardised version of the static, geographically uniform and easily describable phenomenon, despite the fact that during the hardest years of the Great Purges of 1930s, the Soviet

system as a whole would have well illustrated the dreadful anti-ideal of a totalitarian concept.

Soviet totalitarianism in Georgia, like elsewhere in the USSR, revealed strong dynamics and diversity since the very beginning of the Soviet rule in 1921. At the same time, totalitarianism in (Soviet) Georgian colours seems to be quite different from its realization in the inner regions of the Soviet Union, in particular in the neighbouring Caucasian republics or in Central Asia. Due to a number of factors Communist ideology failed to take root in Georgia the same way as it happened in Russia, Baltic states, or Central Asia. Still, in the Soviet South the state, compared to the situation in Russia, failed to fully control the human life of every individual or a group, protected by a complex network of personal loyalties, kinship and ingrained cynicism specific for the Soviet periphery, where indoctrination, moderated by ethnic nationalism, historical memory of the past traumas, and general mistrust of authorities, remained relatively superficial. Therefore, notwithstanding numerous terrible waves of purges that devoured the intellectual and spiritual elite of the respective nations, some freedom of thought and internal resistance survived.

In post-Soviet times the political trajectories started on one hand to diverge further, on the other – the Soviet legacy is still strong, and the transitional patterns are to some extent similar. Now, a few sentences about the current situation in Georgia:

Since November 2003 power in Georgia is held by the political leadership headed by President Mikhael Saakashvili. Georgia's Rose revolution was initially a great story of success and people's power at its best. Eventually, some of the fruit that the revolution bore went sore, but other achievements stayed. Some hopes and expectations of the Rose Revolution have blossomed and faded.

Eight years ago, a surging wave of public protest against rigged vote and stolen elections overwhelmed the political establishment. This 'electoral' revolution revealed and reflected the dissatisfaction of the population with status quo marked by prolonged poverty and authoritarian tendencies of the leadership, but election fraud was just a triggering event. There were other factors contributing to the upheaval that brought down the government of Eduard Shevardnadze. It was rather a revolt against the style of governance which he embodied, - based on political intrigues and balancing of elite groups, coupled with stagnation, corruption, inefficiency, and reluctance to implement much needed reforms, which after initial expectations brought around disillusionment and loss of hope that led to revolution.

However, such frustrations – found in all over the post-Soviet South - would have hardly led to the success of the opposition, if not a few other factors. Relative softness of Shevardnadze's 'semi-authoritarian' governance allowed existence of relatively free media, civil and political activism. This was partly caused by strong dependency on western assistance and support, but also related to the political culture and values that would characterise post-Soviet Georgia's reality, and the memory (or myth) of 'people's power' that has already toppled previous regimes. Shevardnadze was by that time a 'lame duck', with his presidential term soon to expire while no obvious and popular successor was in sight. In sum, there were disorganised and weak government too reliant on the good graces and financial support of the West, and too wary of using force against the people; the army that was trained and to significant extent funded by the USA, that would not get involved; and the police that was reluctant to apply extreme

measures in the light of the forthcoming change of presidency – hence, there was no power capable of using drastic repressive measures against the people, the free media, the civil society or the political opposition.

Significant public support for the new Government at the very start of its rule provided favourable conditions for decisive reforms and a more unwavering pro-western political orientation. However, the ensuing progress was not without some dramatic developments, while the change of leadership did not remedy the fundamental lack of team spirit, co-ordination or shared reform strategy within the government.

Some of the results of the speedy reforms were spectacular: radical reduction of low-level corruption, including overnight abolishment of notoriously corrupt traffic police, replaced by much more efficient patrol units; dramatic improvement of fiscal discipline, followed by impressive economic growth, boosted further by rocketing direct foreign investment; withdrawal of Russia's military bases; and, quick resolution of the problem of energy shortages and regular blackouts, plaguing the country since its independence. Georgia was hailed by many international leaders as a 'beacon of democracy', 'best reformer', and the most pro-Western country in the region. However, success did not come totally without errors, flaws and drawbacks.

Seventy year the Soviet totalitarianism, whatever different it might have been at different points of the Soviet history, have left behind profound legacy. Having had fundamental impact on all aspects of public life, it had influenced not only modern political reality, but also both social and cultural aspects of post-Soviet existence of former Soviet republics, and Georgia in particular. Some of the protective mechanisms or factors that helped previously to resist the totalitarian pressure and ideological indoctrination, has been provided for, may appear today to impede post-Soviet democratization and state-building.

Lack of respect or the sense of ownership towards the Soviet state, communal property or legislation, political institutions and state policies, which previously helped an individual to distantiate oneself from the totalitarian state, attempting to impose forced collectivisation, migration or other collective responsibility and action, is today strongly counterproductive as leads to lack of responsibility, social passivity, and neglect for any state-imposed regulations and norms.

Democracy in Georgia still fails to draw a line between the state and the ruling party, to enjoy fair political competition among different political parties, effective distribution of power between different branches of governance, and the supremacy of law. Against the background of extremely complex and tumultuous years of the last two decades, Georgia's political elites demonstrate some general patterns characteristic for post-Soviet societies – lack of clear ideology, values, vision, or strategy; excessive role of leaders' personalities; heightened degree of political opportunism and populism; lack of internal democracy. Development of mature, efficient political elites remains the key to functional and sustainable democratic governance in Georgia.

Probably, one of the most dubious aspects of post-revolutionary reforms was putting state-building and centralization of power first, while considering the consolidation of democracy as a more peripheral goal. This led to certain neglect of human rights, to lack of political pluralism and attempts to marginalise opposition, weakening of already fragile system of checks and balances and local self-governments, to

consolidation of state control over electronic media, and growing mutual mistrust between the government and the people. While economic growth was significant, the gap between the rich and the poor grew even faster, as poverty levels have not changed much, nor have the high unemployment rates.

Formal imitation of both democratic procedures and economic liberalism led to 'competitive authoritarianism' disguised behind a democratic façade with weak institutions and dominance of a single political force, weak rule of law and judiciary, pseudo-liberal economy with inadequate protection of property and labour rights, and informal pressure on businesses and businessmen that would restrict their choices. Although some deficiencies of the political and economic process in Georgia became visible early on, Western governments preferred to turn a blind eye toward such early harbingers of future problems. Therefore, unconditional western assistance against the background of democratisation failures is at least partially to be blamed for building more self-confidence and unwillingness to compromise on the part of incumbent political elites.

As a result what one may observe today is a weakened state, political volatility and insecurity caused by the Russian military presence in big chunks of Georgian territory; control over Abkhazia and South Ossetia lost for years to come; political opposition in disarray, and a government whose popularity and legitimacy is dramatically reduced. Prospects for the Georgian economy remain unclear, and there is a fundamental degree of unpredictability about both the internal political situation ahead of the forthcoming elections, and the security and the risk of another invasion. Emergence of a genuinely pluralistic political system – one based on mutual respect and an essential degree of co-operation between government and opposition, with effective checks and balances, public participation and a peaceful rotation of power – remains distant.

From what has been described above, it is easy to see that there are many similarities between the political and social realities in Georgia, and the rest of the region in question. As already noted above, some of these similarities reflect the common Soviet past, and will show many common features with the other post-Soviet states.

Some of these features are relatively easy to observe. So, in all the countries in question one observes presidential political system, even although in some cases initial arrangement was that of a parliamentary republic. Everywhere the executive governments, and in fact the presidency, totally dominates the political arena, while the parliament is mostly used as a symbolic agency for rubber-stamping the decisions parachuted from above, while the judiciary, being the most subservient and weak of the three branches of power, is also totally controlled by so called "telephone law" – i.e. orders from the executive. As a result, what we have is rather imitation of democratic institutions, empty façade without any real democratic content.

Political arena is universally controlled by the parties or coalitions controlled by respective presidents, and are ready to use administrative resource and populism to win elections, creating what is now fashionable to call "electoral authoritarianism". Weak and ineffective opposition is as a rule unable to create any viable alternative to incumbent elites, and any dangerous challenge would normally emerge due to splitting of the former allies in power.

The same ruling elite attempts, and to varying extent succeeds to control mass media, and in particular electronic media. Neglect for

human rights, and frequent human rights abuse by law enforcement, readiness to use excessive force against opposition and mass protests is one more specific characteristic for the post-Soviet political reality.

Finally, on the surface, all the countries embrace economic freedom and private initiative, and everywhere, although to different degrees, one may observe on one hand the capture of business by state bureaucracy, on the other, informal mechanisms for controlling businesses. This is accompanied by total defencelessness of labour, due to lack of any effective trade-unions, increasing gap between the poor and the rich, and the high-level corruption permeating all big-scale business transactions.

If the above features are characteristic for almost all post-Soviet states, whether in the North or in the South, there are other patterns are more specific for Southern countries. Respectively, here under 'South' we understand not that much the economic and democratic underdevelopment, but geography – Southern periphery of the former Soviet Union. These features are related in the first place to 'Southern' cultural tradition as different from 'Northern', based on different sets of values and patterns of interpersonal and intergroup relations.

As already described above, some of these characteristics are related to strong kinship ties, that helped to resist totalitarian pressures in Soviet times, and continue to play equally important, even if much less beneficial role, today. Although to different extent, but also important roles are played by (sub)ethnic and territorial clans, various patronage-clientele networks, and informal relationships. Respectively, often group loyalties are much more important than state patriotism, professional ethics or sense of responsibility. This in turn leads to anti-meritocratic personnel policies, ineffectiveness of governance, and corruption.

While leader's personality plays a very important role in all post-Soviet space, politics in the South is even more personality centred, and the personality becomes much more important than formal political ideology, agenda, or declared values. These leads to even more imitational nature of all institutions borrowed from the Western models, and bring around more political cynicism, opportunism and immorality.

And finally, there are some features mostly characteristic of Georgia, or in some cases even unique.

One leading feature is of course the explicit and consistent pro-Western orientation, and striving for Euro-Atlantic integration, supported by the majority of the population. As another side of the coin, Georgia has poor relations with Russia, having experienced recent war between the countries; there is also a visa regime enacted between the countries that have no diplomatic relations, and limited trade relations.

Another characteristic is cultural, or rather confessional. Georgia, along with Armenia, is a Christian country, but the only one in the region with predominant (autocephalous) Eastern Orthodox Church, sharing the same confession with Russia's majority of population. Georgia may appear as the ethnically and confessionally most diverse country of the region.

Among other characteristics one may observe rapid reforms that led to radical reduction of low level corruption, streamlining of the fiscal system, and liberalisation of economy. Some of World Bank reports would single out Georgia as the speediest reformer, although some

other reports would show Georgia to have the (proportionally) highest shadow economy in the world.

Georgia may also be characterised by two of its regions declaring independence, with their sovereignty recognised by Russia and a couple of other overseas states. And a state where ruling elite was changed three times since the dissolution of the Soviet Union (in 1992, 1992-1994, 2003) – and none of these through the constitutional process.

Georgia is the most Western located country of the region, also the only state to have access to the Black Sea, which provides it with certain transit advantage, and more openness toward the West.

Now let us consider the main characteristics of the region, and the sub-clusters and specific differences within it.

Since the dissolution of the USSR, the former Soviet South has become a new strategic crossroad in terms of energy security, frozen and festering tensions and conflicts, migration and trafficking, transportation and trade links, as well as other key policy areas, where the interests of Europe, Russia, China and the United States intersect. While defining of this region in purely geographic terms, is not too difficult, one should realise what a great diversity the states of the region present, whether in terms of size, cultural tradition, political system, economic wealth, or geopolitical orientation. At the same time, this region of Eurasia still has certain unifying elements from European perspective, as it is associated with such issues of concern or interest as political instability and conflicts, geostrategic importance (e.g. from the viewpoint of land access to Afghanistan, or neighbouring Iran's nuclear ambitions), as well as access to huge energy resources.

One way to understand the complex nature and the essential diversity of the region is to try to categorise or group the countries on the basis of various markers or criteria.

Even in our post-Huntington era we can see that there is certain correlation between the civilisational type and the geopolitical position, though there is no simple coupling with confession or cultural tradition. Rather, one may observe certain (but not too strong) correlation with geography – the states of the South Caucasus tend to demonstrate more pro-Western orientation and maybe even more political pluralism, while those located in Central Asia in general tend towards more authoritarianism. To some extent this is related to another factor - the "oil curse" – i.e. more energy resources in a country positively correlate with more centralised and concentrated power system.

Not only geographic location mentioned at the beginning, but the pure size of the countries under consideration plays a very important role in determining the political trajectories of these states. Some of these states are really big. So, Kazakhstan is 9 times bigger than Italy, and even Turkmenistan with its miniscule 5 million of population is significantly bigger than Italy or Germany. At the other end, lie the tiny former soviet republics – Azerbaijan, Georgia, and Armenia in South Caucasus, and relatively small Tajikistan and Kyrgyzstan in Central Asia.

Table: Area and population of the countries in the region and some of their neighbours

State	Kazakh-stan	Uzbek-istan	Kyrgyz-stan	Tajik-stan	Turkmen-istan	Azer-baijan	Geor-gia	Arm-enia	Russia	Iran	Turkey	China
Area (mln km²)	2.725	0.447	0.198	0.143	0.488	0.087	0.070	0.030	17.045	1.648	0.784	9.759
Popu-lation (mln)	16.5	28.1	5.2	7.4	5,1	8.2	4.7	3.2	142.0	70.5	71,5	1339,7

Closely correlated with size is the economic power of our states (with the exception of small but oil-rich Azerbaijan), and this is one more interesting way of grouping the states - in accordance with their economic profile, and in particular the role of energy resources in their economy: The littoral states of the Caspian Sea (Azerbaijan, Turkmenistan and Kazakhstan) plush Uzbekistan are rich in oil and gas, controlling among these four a huge portion of the world energy resources, gas in particular; On the other hand some states of the region are strongly dependent on the energy imports and in some cases on the transit of energy resources (Georgia,), while landlocked Kyrgyzstan, Tajikstan and Armenia do not possess any significant amount of natural resources, but also do not play any role as energy transit countries.

Size and economy are important characteristics, but still there are several other ways to group the countries. One of such categorisations is based on confessional and cultural tradition. Georgia is predominantly Eastern Orthodox, while Armenia – Gregorian Christian. Central Asian states are mainly Sunni Muslims (though formally secular states), with numerous Christians in Kazakhstan, and Ismilites in Tajikistan's Badakhshan; while in Azerbaijan Shiya Islam is the dominant confession (though about one third of the Azerbaijan's population is reportedly Sunni, and Azerbaijan since Soviet times is also basically a secular state)

Another interesting dimension is the geopolitical orientation of the countries in the region: Obviously Georgia tries its best to further integrate into the West. Armenia, landlocked and sandwiched between Azerbaijan and Turkey, is formally Russia's strategic partner, depends on the latter for its security, and houses a Russian military base in Gyumri. While strongly dependent on Russia in addition to great extent controlling its economy, and the hostage to the victory in the Karabagh conflict with Azerbaijan, Yerevan tries to develop its relations not only with the EU and US, but also with Turkey. Azerbaijan and Central Asian states are all trying to pursue a complex policy of balancing the influence of Russia, the West, and in the case of the latter – China. Their attitudes are rather unstable, and permanently shifting in search of better deals.

Why such categorization is important? All the above factors seem to influence the political profiles of the states, and in particular such issues as political stability, democracy vs. authoritarianism situation, and ethno-territorial conflicts in which they are involved. So, it is amazing to observe that the states of the region rich in energy resources (*resource curse*) tend to enjoy authoritarian regimes, and attempts to pass over power in hereditary manner (already succeeded in Azerbaijan). In contrast, those states with limited natural resources tend to at least claim to be moderately democratic, if located farther to the West, or demonstrate hybrid regimes with softer semi-authoritarianism mixed with non-consolidated democracy, such as Georgia, Kyrgyzstan, or Armenia, or even Tajikistan. These latter countries also demonstrate heavy involvement in ethno-territorial conflicts.

Further, it may appear worth briefly discussing, some of the other differences. There is indeed not much in common between the states of

the South Caucasus, and those of Central Asia, although Azerbaijan is a bit different here, demonstrating more in common with the Central Asian states – i.e. confessionally, linguistically, and geographically. Still, from the viewpoint of political geography the South Caucasus may be considered as European periphery, and respectively the South Caucasus states are members of the Council of Europe, and at least formally entitled to request the membership of the EU. Central Asia, in its turn, is unequivocally part of Asia.

We have already mentioned the confessional and linguistic characteristics (all of CA, apart from Tajikistan, predominantly speak Turkic languages, and all – predominantly practise Sunni Islam). Another specific difference is in geopolitical environment. For all South Caucasus countries – the main neighbours are – Russia in the first place, then Turkey and Iran. For Central Asia, China is another very important neighbour, and its importance is on the ascendance. Naturally, Afghanistan is another important and maybe dangerous neighbour, and potentially a source of Islamic radicalism, and actually – of trafficking in heroin and opiates.

One may discuss some other characteristics that lead to creating some sub-clusters, such as energy and water resources, or the level of authoritarianism, but was already said above is sufficient to demonstrate that along with many similarities characteristic for post-Soviet South, there is enormous internal diversity.

Current situation in the region is characterised by high volatility and unpredictability. Equally unpredictable is the geopolitical environment in which the region finds itself. In the Caucasus as in Central Asia, the heritage of the Soviet past in the form of underdeveloped democratic institutions and political culture, along with the scars caused by authoritarian suppression, civil wars and ethno-territorial conflicts, still continues to haunt political processes and civil society building, narrowing the space for political and social discourse. Particularly grave is the situation farther to the East, where authoritarianism has a stronger hold on the societies. The legacy of the decades of totalitarian rule would not wane quickly. Unless the West undertakes focused efforts to support the fragile shoots of democracy here, these states will continue to fail to draw a line between the state and the ruling elite, to enjoy fair political competition among different parties, effective distribution of power between different branches of governance, and the supremacy of law. Otherwise any change may only bring around temporary hopes and relief. Prolonged frustration, specific political culture rooted in the Soviet past, and inadequate democratic skills among the population, coupled with weak political parties that lack internal democracy or clear-cut ideology, have created a situation when even if there is a change of elites, either charismatic, populist and adventurous leaders may come to power on the wave of public discontent; or, alternatively, a spin-off of the ruling elite will bring to power the former functionary of the previous regime.

Recent political developments in Georgia once again explicitly demonstrated the difficulties of post-Communist transition in the complex geopolitical environment. Formally existing democratic institutions may lead to formal or virtual (imitational or façade) democracy, though in absence of any communist ideology. Even if the system is hailed for various reasons by international democracy watchdogs of democratic states, as was the case of Georgia after the Rose revolution, it may bring to power elites that are not necessarily democratic or effective, and that tend to slip to authoritarianism or

remain authoritarian. In such states, developing in accordance with the 'dominant power paradigm', the ruling party is often based not on ideology, values or vision but on the personality of a leader and power greed or career pragmatism. Furthermore, it is not separated either from the state or from business; there is basically absent any functional and independent judicial power, the executive branch has overwhelmingly strong prerogatives with the legislature serving most of the time just as a rubber-stamping institution; high-level corruption is unavoidably strong, and much of the economy is devoted either to specific visions of a leader (fountains and merry-go-rounds in the case of Georgia, ice palaces in Turkmenistan, etc.) or to creating a state controlled pseudo-liberal system serving certain group interests based on loyalty rather than effectiveness. At the same time, based on the Georgian experience, it is possible to say that paths of authoritarianism in post-Soviet South only partially depend on such issues as affluence of resources ('resource curse'), confession, or ethnicity. Much more important are such factors as explicit pro-Western orientation, existence of an educated urbanized middle class, and the tradition of political struggle.

Contact : gia.tarkhan@gmail.com

З.Г. Джалилов, доктор исторических наук ведущий научный сотрудник Института востоковедения, Алматы

Религиозная и межконфессиональная ситуация в постсоветском Казахстане: социологические аспекты.

Как известно, любые политико-правовые преобразования начинаются с переоценки и переосмысления. В современном Казахстане религиозная идеология в той или иной мере оказывает воздействие на относительно широкие слои населения, хотя советский атеизм привел в свое время к резкому ослаблению влияния религии на общественное сознание. По данным обследования, проведенного в 2005 году Институтом востоковедения КН МОН РК, верующие составили более 70%, а лица, не принадлежащие к какой-либо религиозной организации, но признающие за религией определенное место в жизни человека, – 23%. В результате специального опроса общественного мнения об отношении к религии, проведенного в 2007-2009гг., по крайней мере, более 70% населения Казахстана в той или иной степени положительно относятся к религии. 50,3% считают, что религия должна развиваться наравне с другими сферами в меру своих возможностей; 25% считают, что религия должна стать основой в духовно-нравственном воспитании молодежи. Свыше 70% респондентов ответили, что их роднит со своим народом язык, 60% назвали традиции и обычаи и более 40% – религия. 50,4% респондентов ответили, что религия улучшает отношения между людьми, 16,4% – делает человека духовно богатым. Традиционная религия не потеряла качество своей функциональной связанности с национальными традициями и обычаями, не утратила качества

интегрального и необходимого элемента всей системы духовной культуры.

С начала 1990-х годов число религиозных объединений в Казахстане увеличивается быстрыми темпами. Это происходит, прежде всего, за счет возрождения религии в стране, среди различных этносов. Как известно, после распада СССР в Казахстане начала нормализоваться религиозная жизнь, а республика выбрала демократические стандарты свободы вероисповедания. После обретения независимости государственная политика в области религиозных отношений основывается на следующих принципах: во-первых, это законодательное и институциональное обеспечение свободы совести и вероисповедания (на уровне Конституции запрещаются любые формы дискриминации по конфессиональному и иным социальным признакам. Закон «О свободе совести и религиозных объединениях» создал все правовые основы для свободного функционирования религиозных объединений); во-вторых, из обязанности государства создавать равные и благоприятные условия для реализации конфессиями своих функций. Либерализация религиозный сферы способствовала резкому росту числа религиозных учреждений - в пять раз за период независимости; в-третьих, проведение политики укрепления межконфессионального и межэтнического диалога, одним и ярких примеров которого является Ассамблея народов Казахстана 1.

Социологические исследования, проведенные в 2007–2009-х годах участниками проекта в различных регионах Казахстана, показали, что 57% опрошенных в то время граждан высказались против распространения нетрадиционных форм ислама на территории страны, а 33% – за ужесточение контроля над деятельностью религиозных объединений.

Немалый процент людей, поддерживающих усиление контроля в религиозной сфере, – это в значительной степени поддержка людей, которые считают, что снижение уровня распространения религиозного экстремизма во многом зависит от “решительных действий” государственной власти.

Большинство людей в Казахстане не склонны объяснять существующую межрелигиозную напряженность религиозными причинами. По результатам нашего опроса 56% респондентов считают, что разногласия между конфессиями основаны не на различии в религиозных и культурных традициях. Они считают, межэтнические и меконфессиональные конфликты возникают в результате столкновения политических интересов. 45% респондентов отметили, что представители разных вероисповеданий могут найти почву для диалога. Только 17% опрошенных заявили, что межконфессиональный конфликт неизбежен.

На уровне официальных представителей религиозно-конфессиональных структур взаимоотношения складываются в основном в рамках обсуждения общих вопросов законодательного характера, с участием как местных, так республиканских властей. Наиболее корректны, отношения складываются между представителями ислама и русской православной церкви (хотя надо признать, что недовольство со стороны представителей конфессий по поводу вовлечения своих прихожан в иную веру имеет место). Однако, как отмечает французский исследователь Себастьян Пейруз, контакты между мусульманским духовенством и православной церковью не вписываются в реальную перспективу

теологического диалога [1]. По признанию Архиепископа Алексия, диалог двух вер проходит в рамках признания религий как проводников мира и терпимости [2]. Обращая внимание на взаимодействие православной церкви с мусульманами священник Вознесенского кафедрального собора Александр Суворов отметил, что «в каких-то вещах мы ближе к мусульманству. Здесь я имею в виду не то, что вероучения наши ближе, а социальную деятельность на территории Казахстана». Действительно, регулярные встречи между муфтиями и высшим руководством православной церкви показывают, что они действительно содержат призыв к укреплению мира и согласия в казахстанском обществе. Существующий альянс двух религий ни у кого не вызывает сомнения. Однако он вызывает некоторую настороженность у других христианских направлений и движений, которые видят в нем угрозу свободе вероисповедания. Например, представители адвентистской церкви считают недопустимым нарушать этот основополагающий принцип в межконфессиональных взаимоотношениях [3].

Неконтролируемое развитие новых христианских движений и различных христианских миссий вызывает протесты не только христианских инстанций, но и официальных институтов ислама, которые считают их деятельность опасной для межконфессионального согласия, для духовного и физического здоровья человека. Особой критики подвергается Свидетели Иеговы, как несущие угрозу, как православным, так и мусульманам [4]. Именуя эту общину как секта, с ней связывают идеи зловредности и опасности. Надо отметить, термин «секта» используется в отношении большинства протестантских движений, а также нетрадиционных течений в исламе, не относящиеся к официальным направлениям. Известный казахстанский религиовед Я.Ф. Трофимов выступает против разделения на секты и церкви [5]. К традиционной церкви относят православное христианство, католицизм, лютеранство и армянская церковь, как имеющие свое национальную специфику.

Что касается перспектив межконфессиональных отношений, то большинство респондентов считают (76 %), что они останутся на прежнем уровне, 15% – что напряжение в этих отношениях может возрасти. Еще на одну оценку нельзя не обратить внимания. Более 70% респондентов считают, что возрастание напряжения в межконфессиональных отношениях может оказать отрицательное воздействие на общественно-политическую ситуацию в стране.

Наши последние исследования показали, в основном преобладает понимание чувства верующих людей, терпимое отношение к представителям других вероисповеданий (58%). Это позволяет утверждать о нормальных отношениях между гражданами вне зависимости от вероисповедания. На потенциальную опасность нетрадиционных или новых вероучений указали 22% из числа опрошенных. На возможность возникновения межрелигиозных конфликтов указали 18%. 76 % считают, что такое развитие событий в ближайшем будущем вряд ли возможно. Недоверие к другим конфессиям может проявиться, считают 32%, если будут нарушены права конфессиональных групп и общин.

На вопрос «Испытывали ли Вы несправедливого, предвзятого отношения со стороны представителей других конфессий?» около 80 % респондентов дали отрицательный ответ, подтвердив наличие толерантности у казахстанских граждан.

Определенный интерес вызывают ответы на вопрос: « Какие проблемы существуют в вопросах межконфессиональных

отношений?» 10,3% респондентов не ведают об этих проблемах, 62, 47% – не ответили, 1,89 % – затруднились ответить. Вместе с тем ряд проблем в сфере межконфессиональных отношений все же выявились. Например, вновь обращалось внимание на недопустимость поддержки только традиционных религий, которая может привести к возрастанию уровня напряженности в межрелигиозных отношениях; не допустить запрет на «недобросовестный прозелитизм», ограничивающий право на свободу слова и беспрепятственное распространение информации. Это будет способствовать тому, чтобы шире использовать потенциал всех религиозных объединений в укреплении межэтнических и межрелигиозных отношений в казахстанском обществе. И то, что об этом открыто было сказано, свидетельствует о необходимости дальнейшей работы по укреплению межконфессиональных отношений в обществе.

Обращает на себя внимание, что те события, связанные с действиями радикальных мусульманских организаций в разных странах серьезно не отразились на отношении немусульманского населения к последователям ислама. Так, на вопрос: «Ухудшилось ли Ваше отношение к мусульманам в связи с известными действиями религиозных экстремистов в последние годы?», около 68,3% опрошенных признали, что их отношение к последователям исламской религии не ухудшилось. Чаще смысл ответа на данный вопрос звучал в форме: « У меня много друзей среди тех, кто соблюдает исламские каноны. И никакие религиозные экстремисты не могут подорвать нашу дружбу».

Представители тех или иных религиозных конфессий отмечали, что Казахстан сегодня проходит важный этап своей истории и необходимо не допустить использование религиозного фактора для эскалации напряженности в обществе. Заявляя о взаимном уважении, они не приемлют фанатизм, ненависть, насилие на религиозной почве и считают, что религиозные объединения должны осуществлять свою деятельность без какого-либо проявления прозелитизма. Они особо подчеркнули, что в Казахстане никогда не было религиозных войн, всегда были условия для установления мира и согласия между различными этносами и вероисповеданиями, что решение тех или иных проблем они видят в рамках существующих законов, гарантирующих защиту свободы совести и слова.

Наши данные свидетельствуют не только о наличии в целом решенных, но и нерешенных проблемах в межрелигиозных отношениях, требующих политико-правовых и иных мер. Несмотря на то, что после утверждения Конституции в стране были приняты законы, отвечающим принципам демократии и мировым стандартам, все же в религиозной сфере имеются свои сложности и недостатки. Например, имеет место попытка разделить мусульманскую умму Казахстана по этническому признаку, что при определенных условиях (различия в понимании обрядовой практики и догматики) может привести к серьезным разногласиям, способных перейти в социальную плоскость, а это уже опасно для сохранения стабильности в казахстанском обществе. В СМИ время от времени появляются статьи, в которых недвусмысленно высказывалось требование ограничить деятельность нетрадиционных религий на территории Республики Казахстан. В условиях Казахстана это если не тревожный симптом, то во всяком случаи над ним следует серьезно задуматься с точки зрения укрепления межэтнического и межконфессионального согласия. На

вопрос: «Имеют ли право все религии проповедовать свои идеи на территории Казахстана?» 47% респондентов ответили положительно. Это, несомненно, должно навести на соответствующие размышления.

ЛИТЕРАТУРА
1. Себастьян Пейруз. Изменение религиозного спектра в Центральной Азии: союз между исламом и православным христианством // Ислам, идентичность и политика в постсоветском пространстве. Казань. 2005. С.152).
2. Архиепископ Алексий ставит акценты // Свет православия в Казахстане.– 1996.№ 6.– С.4.
3. Благовестник.–март 1996. (газета южной конференции церкви христиан-адвентистов седьмого дня.
4. Свет православия в Казахстане.–1997. № 6.–С.20.
5. Я.Ф.Трофимов. Государственно-церковные отношения в современном Казахстане. Алматы. 1997.–С.90.

Contact : zaur1952@mail.ru

Silvia Serrano, CERCEC / Clermont-Ferrand University, France

Building politics/policies through religion in post-soviet Georgia: a Southern pattern?

Founded in 1943, the Uznadze Institute of Psychology was once one of the leading Soviet institutes of psychology. In 2010, it was located in a fairly decrepit *Modern* building in Sololaki, in Old Tbilisi. If you went up the first floor, you would enter refurbished, well equipped premises, decorated with icons and candles. This was the "service of psycho-social assistance and training of the Patriarchate[7], which offered programs including drug rehabilitation: patients were met by a team consisting of a psychologist, a social worker and a priest.

Such a case is nothing original. As noted by E. Fassin, the dismantling of the welfare state often tends to delegate social policies to religious groups[8]. However, the Georgian context is that of a society where religion has been relegated out of the public sphere. Hence analyzing the rationale lying beyond such programs sheds some light on the relationship between the withdrawal of the state and the resurgence of the religion.

Some questions about religion in the South

On the basis of this example, as part of a research on the relationship between religion and politics, I would like to "question the notion of the South countries" itself, its relevance for studying the post-

[7] The Georgian pages- but not the English pages- of the Institute website mention as partners *the Psycho-social Assistance and Training Service at Patriarchate of Georgia and the D. Uznadze Institute of Psychology* **(**sak'onsult'atsio -t'reinig tsent'ri sap'at'riarko da d. uznadzis psikologiis inst'it'ut'i), or the Anti-Drug Center of the International Fund of the Catholicos-Patriach of All Georgia http://www.uznadzeinstitute.ge/index/page/4/geo/%E1%83%9E%E1%83%90%E1%83%A0%E1%83%A2%E1%83%9C%E1%83%98%E1%83%9D%E1%83%A0%E1%83%94%E1%83%91%E1%83%98**,** Last consulted June 22, 2011.http://www.puip.ge/en/

[8] « Les passions et les intérêts. Valeurs économiques et valeurs religieuses aux Etats-Unis (et en France) », *La laïcité, une question au présent,* dir. Jean Birnbaum et Frédéric Viguier, Editions Cécile Defaut, Nantes, 2006, pp. 127-140.

Soviet space, and contribute to include post-Soviet studies into a broader discussion on the "South". I do not consider the "North" and "South" as categories to be defined by listing their inherent features; however, the words are interesting as they denote – even in a euphemized manner - 1) a relationship within the global system, and 2) the uneven nature of this relationship.

Religion has been strongly mobilized in post-bipolar global space representations, whether in the discourse of political actors, the bipolar partition between the –old- axis of Good and a- new- axis of Evil embodied by political Islam being one of the most influential post-Cold war narratives or in academic discourse – with the civilization model of Huntington for example. Even when religion was not understood as the exclusive element structuring the Southern societies, it has been one factor influencing the way they were looked at.

In parallel, there was a shift of paradigm. In secularization theories, the relegation of religion to the private sphere was seen as one of the features defining modernity[9]. This conceptualization has later been criticized even by those who had elaborated it first. As the developmentalist simplification that lays behind it was put into question, as well as the model of a homogeneous modernity developing the same way all over the world, the linkage between religious and "multiple" modernities was re-conceptualized[10].

Field studies in southern societies have had a major impact in this shift of paradigm. They have shown that interactions between religion and politics were complex. They have revealed that the politicization of religion may lead to much more diversified process than illustrated by political Islam, and that, in some cases, public religion is contributing to democratization of Southern societies and States[11].

Therefore, one question to address is:

- Whether the link between secularization, democratization, and modernization was an exception, historically and geographically rooted (in the Western world, in Europe, in protestant social context, etc.), the « ghost at the feast », while in the southern countries, relationship between religious and political fields are characterized not by functional differentiation[12], but by overlapping.

- Or, whether the study of the southern societies and states, putting the focus on previously underestimated developments, have contributed to a more complex approach to religious factor including that in the North. Therefore, differences between North and South may lose their relevance[13].

In short, are these differences in essence or just in intensity of the phenomenon?

---

[9] For example Asad Talal, *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*, Standford, Standford University Press, 2003, Baubérot Jean, *Les Laïcités dans le monde,* Que-sais-je ? PUF, Paris, 2007., Berger Peter L. *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics,* Ethics and Public Policy Center, Washington DC, 1999, 135 p, Casanova, Jose, *Public Religions in the Modern World,* The University of Chicago Press, Chicago and London, 1994, 320 p., Gauchet Marcel, *Le désenchantement du monde - Une histoire politique de la religion*, Gallimard, 1985, 303 p.

[10] H.J. Eisenstadt, *Comparative Civilizations and Multiple Modernities*, Brill, 2003.

[11] On Africa, see Bayart Jean-François, *Religion et modernité politique en Afrique noire. Dieu pour tous et chacun pour soi*, Karthala, 1993, Constantin François et Coulon Christian (dir), *Religion et transition démocratique en Afrique*, Paris Karthala, 1997, Gilles Holder (dir.), *L'islam, nouvel espace public en Afrique*, Karthala, 2009.

[12] According to the approach, secularism was imported with Western domination, then imposed over societies by authoritarian regimes.

[13] As demonstrated by debates about European « Christian roots », by the political influence of fundamentalist groups in the US, etc.

I do not pretend to provide definitive answers to these questions, but I will try to identify some mechanisms that explain, in the case of Georgia, the role of religion in public life.

On the basis of one case study (the program developed by Uznadze Institute), I will try to address the following question:

- In contemporary Georgia, do religious organizations play a role in public policy?

- To what extend this role, if any, depends on Georgia's position in the Global system as a South country?

- To what extend this inclusion of religion in public policy is a specific feature of Southern countries?

Collapse of public authority

The collapse of the state in the 1990s resulted in:

- Drastic cut in public funding. Budgets allocated to research institutes have been reduced to a trickle.

- D*e facto* dismantling of Soviet state institutions including:

•Institutions in charge of dealing with confessional groups.

•Some public research and science institutions.

Hence,

- Partial and often informal privatization of these institutions. In 1993 on the base of the Institute Uznadze a private Psychological Institute as an educational institution, was founded[14].

- Fragmentation of public authority and paralysis of public regulation, especially in as religious matters :

•There was no law on religious organizations up to 2011,

•The State signed a controversial "constitutional agreement" with the Orthodox Church of Georgia (OCG) on 2002.

- Strong demand for functional and trustworthy institutions from citizens and from international organizations involved in development in Georgia

- In this context, the Church, no matter how weak and divided it is, is perceived as one of the only sustainable institutions.

State consolidation, between neo-liberal governance and authoritarian statism

M. Saakashvili top priority has been the consolidation of the state. Strong support from international community was seen as a precondition to reach this goal. In practice, state building policy is twofold:

- The consolidation of its coercion capacity,

- The withdrawal of the state from numerous fields, through New Public Management (NPM) recipes : privatization, delegation to non public actors, creation of independent agencies, co-financing of projects by public and private donors, empowerment of local actors, etc. These policies mainly stem from "southern" Georgia's position in a global setting, and from the government dependence on political support and financing from abroad.

The choice of the political course stemmed from the dependence of the Government upon financial and political support from abroad, that is to say, from the "Southern" position of Georgia in the international configuration.

[14] It prepares professionals for medical and sociopsychological spheres. It remained under the supervision of the Georgian Academy of Science until 2006. In 2006, « the Institute was formed as an independent juridic person by the renovated Ministry of Science », http://www.uznadzeinstitute.ge/index/page/20/eng/history, Last consulted June 22, 2011. It is now a part of Ilya University.

In religious matters, Saakashvili's team aimed at deeper secularization and at diminishing influence of the OCG[15]. As in other matters, State policies toward religion are also characterized by a hybrid between liberal ideology and a tendency to maintain the Church under political control. But regardless of the goals the public authority attempted to reach, my point is that the rationale of liberal governance has led to strengthening the resources of the Church.

Consolidation of the OCG as an institution

Without giving up their scientific activities, researchers at the Uznadze Institute, now an institution depending on private funding, have successfully adapted to the new context. Not relying anymore on the Ministry, they have managed to raise funds for numerous projects through independent agencies, international donors, private foundations, etc. Various partner organizations are involved in the projects, such as The Global Fund to Fight AIDS, Tuberculosis and Malaria, the International Migration Organization (OIM), USAID, Open society, as well as confessional foundations such as International Orthodox Christian Charities (IOCC)[16] or ACT international[17]

However, according to those in charge of the programs, the Patriarchate itself does not contribute to the programs funding. Still, while public institutions are discredited and public power has lost authority, the partnership with the OCG contributes to provide credibility to the project, and therefore to availing finance[18]. Why?

- For international organizations in quest of identifiable institutional actors, the Church appears as a suitable partner,

- At the local level, partnership with the Church and authorization from the Catholicos Patriarch provide with significant symbolic resource in the competition for funding, and due to the authority it enjoys, it impacts favorably commissions in charge of selecting projects.

In the Georgian context, the model of governance implemented by the Government allows the church to participate in public policies and strengthens it as an institution.

The OCG and the Civil Society

Building a "civil society", as a response to state incapacities and an alternative to state institutions, is a necessity that stems from the imported liberal governance. However, it leads to various difficulties:

- Borders between public administration and civil society are blurred, as illustrated after the Rose Revolution, when a generation of former NGOs activists shifted toward state structures. Because of the links of some influential NGOs with the Government, NGO sector is not seen as independent from the state.

[15] In 2004, the priority was to stop the violations of the religious rights of minority groups, as it damaged international image of Georgia. As regard to the OCG, there are different competing visions among the government.

[16] For a description of the programs, see : http://www.iocc.org/nwsltr/fall2008/fall2008_pg7.aspx, last consulted June 22, 2011. « Funded by the United States Agency for International Development (USAID), IOCC Georgia has launched a new program to prevent drug abuse among young Georgians and empower the Georgian Orthodox Church to be the change agent in this process »

[17] http://www.actalliance.org/

[18] 10 rehab centers for drug addicts were created in churches in December 2008 par le Patriarchate. The list of the churches is available in the following website : http://www.puip.ge/en/projects Psychologists from the Institute provide professional training to the priests. The Church relies on international funds obtained by researchers, experts in fund raising.

- It is not seen either as independent from external powers still it depends on foreign donors,

As a result, civil society lacks legitimacy.

The Church, however, can play both ways:

- The OCG can speak the language of civil society: project, foundations, international fund raising, etc. For example, the Patriarchate has created its own Fund, as well as Youth Movement such as the *Davitiani*, also a partner institution in some programs of **the** Anti-Drug Center.

- At the same time, it enjoys legitimacy

•Because it is perceived as an endogenous body[19],

• Because it is perceived as apolitical, since the Patriarchate is not directly involved in political parties games.

Hence, the Church appears as an ideal channel between the global and domestic level, since it can participate in international programs without losing local legitimacy. Taking advantage of projects initiated by others, it is a beneficiary much more than an actor[20]. But as an agent operating in the social field, it is mainly the result of the weakness of the State and of the imported model of "liberal" governance, that is to say, of a "Southern configuration".

Has the rise of religion contributed to democratization in Georgia?

The OCG has indeed the capacity to enhance resistance to government political orientation[21].

But democratization through religion has being hindered by several factors.

In the above mention projects, the Church is conceived by international donors as an integral part of civil society. But they neglect some particularities of the OCG, and among others:

- Total lack of transparency about how the Patriarchate functions, including on budgetary matters. The main benefit the Church has got from its inclusion into international programs is strengthening its authority and its networks of clientele,

- Lack of public debate, of submission to open critique from inside and from Georgian society.

- The quasi monopoly the OCG enjoys in religious public life in Georgia, as the "national Church" and its attempt to secure its hegemony over other religious groups. Hence, the emergence of a public religious sphere is impossible[22].

---

[19] As illustrated by the fact that English pages of the Uznadze Institute website barely mentions the partnership with the Church. In addition, the authority of the Catholicos Patriarch is a tool in the fight against drugs, his words reported on the website and documents of the programs: « Many people, especially youth, lack the strong will and try to find the way out through the use of drugs, but this is an illusion; narcotics do not change the life, its effect will pass, problems remain, and what is most important, remains the deteriorated soul. The use of drugs is a sin ». Catholicos-Patriarch of All Georgia Holiest and Beatific Ilia II (Christmas Epistle, 2002)
http://www.uznadzeinstitute.ge/index/page/8/eng/publications, Last consulted June 22, 2011.

[20] Unlike numerous religious groups in other countries, it only scarcely develops any charitable activities apart from Uznadze Institute like international funded programs, in spite of growing funding from State budget, but essentially dissipated through lavish spending such as luxury cars, building new churches and monasteries, etc.

[21] As illustrated by numerous attempts by the opposition to manipulate orthodoxy, and by reactions of the Government.

[22] For a discussion about public religious sphere, see Michèle Leclerc-Olive, "Sphère publique religieuse : enquête sur quelques voisinages conceptuels", in *L'islam, nouvel espace public en Afrique*, Karthala, Gilles Holder (dir.), 2009, pp 37-60.

Civil society the Church is part of mainly aims at supplementing the state, but lacks some characteristics of a public sphere[23]. It is by no means a space for public deliberation and open debate.

Conclusion

The reshaping of the public and social role of Orthodoxy in Georgia has indeed been correlated:

- With the weakness of the state,
- With how the state has been consolidated and reorganized according to imported libertarian policies designed at the global level,
- With social and institutional resources available in such a context.

What does this small Georgian example tell about differences between northern or southern situations being in nature or intensity?

- One can argue that most of the processes described above - deregulation, weakening of welfare state, and Churches involvement in public health programs- are not unique to the South.
- But what differs is the balance between the institutions and the informal structures, between domestic legitimacy and transnational constraint. Given the weakness of the Georgian state institutions and given the dependence of the power on international support, a vicious cycle has been initiated, where the public power is being dispossessed of its means of intervention. The strengthening of the Church, while M. Saakashvili Government agenda was its weakening, shows that these dynamics goes beyond the control of the power, as a collateral damage of liberal policies.
- In this sense, the strengthening of the public importance of religion has definitely something to do with to the position Georgia holds in the global system.

Report on panel 2

This panel explored the **different trajectories** taken by post-soviet countries after independence with regard to the processes of building **politics and citizenship**. The panellists explored the role of various factors in the differentiated paths taken by the societies and political class of the post-soviet space, as well as the common elements that permit such comparison.

The idea of **clusters** of commonalities such as culture, confession, language, access to energy resources, geostrategic situation or degree of democratisation was discussed, allowing an assessment of different factors' roles in shaping the politics and the relationship of societies to power.

The integration of the post-soviet in the '**South'** was also discussed, revealing a 'post-soviet' vision of the concept different and more nuanced than the 'western' vision, which appeared to depoliticize policy-making by creating an illusion of geographical classification.

The discussion highlighted concerns over visible '**imitation'** patterns of democratisation that do not permit genuine structural modernisation in several post-soviet countries.

The '**energy and resources'** cluster appeared as the main factor differentiating post-soviet countries since independence. There seems to be a clear role of access to resources in the way countries build their

[23] About the notion of public sphere, see C. Hann, « The Nation-State, religion and uncivil society: two perspectives form the periphery », *Daedalus*, 126, 2, pp 27-46, 1997.

politics and how the citizens are interacting with circles of power, as well as the room for manoeuvre of the civil society in shaping national politics.

Another important 'cluster' discussed in this panel was the '**religion'** factor.

The presentations on the religious revival in Kazakhstan and on the political role of the clergy in Georgia opened a debate on the relationship between religion and democratisation/modernisation processes.

The case of Kazakhstan appeared as interesting because it was long considered as 'protected' from a religious revival by many observers because of its particular situation in the USSR and is today increasingly open to concerns over risks of emerging radical movements.

The reason for **religious revival** in the post-soviet countries was also discussed with emphasis on searches for identity, people seeing their confession as a way to affiliate themselves. In the Kazakh case it was considered that although Islam knew a revival, it did so in a very moderate extent. The **economic factors** however appeared as another reason for religious revival, movements like the Salafiyya spreading mainly on grounds of economic difficulty and strain.

In regard to the **influence of religion on democratisation processes**, the Georgian Church was presented as hindering modernisation opportunities. A comparison between Christianity and Islam was offered, countries like Tajikistan or African countries presenting an opposite role for Islam in politics. Islam in those countries seemed to have fostered pluralism because, amongst other factors, of the absence of a clergy which enables and favours democratisation as a mode of organisation of all those different voices from the grassroot level. The Orthodox church of Georgia was on the contrary too strong an institution and too intermingled with the state, to be accountable and open to modernisation

This panel recognized the importance of comparing different actors and being vigilant to the terminology used by different actors to describe a same trend or development. It also called for a broader comparative approach, with Russia for example, because of its commonalities with the post-soviet space, but also with more historically and geographically distant countries. The recent 'Arab Spring' appeared as a particularly interesting social and political movement to observe and compare in terms of the way societies will build their relationship to the state and politics after claiming their voice back.

Mana Farooghi, SOAS (School of Oriental and African Studies),
London, UK.

Borrowing and disseminating norms of public action
Заимствование и распространение норм государственной политики

Mana Farooghi, SOAS (School of Oriental and African Studies), London, UK.

International governance agenda and its shortcomings: The Geopolitical "Externalities" and Development Practice in Tajikistan

Introduction

Since Tajikistan was created as a Soviet Republic less than a century ago, it has been under great political influence and heavily dependent on external assistance. At the end of the Soviet era, although Tajikistan became officially independent, it had hardly gained true autonomy. Unable to rely on the USSR economy and energy grid and dismantled by a post-independence civil war, the country sank into poverty and food and energy shortages became commonplace.

As for all Post-Soviet countries, international organisations swiftly took charge of Tajikistan's 'development and democratization', while International Financial Institutions (IFI) managed its economic liberalisation and financial assistance. After a few years these organisations' economic *credo* evolved and as result a new development framework materialised that began to reshape the conditionality of the financial assistance provided. Also known as the "good governance agenda", this paradigm permitted the IFI to condition grants and loans on important reforms in every sphere of national policy-making. In a country heavily in need of external resources, this implied surrendering national sovereignty and any autonomy over political and economic policy-making.

But in the past few years the Tajik leadership has taken quite daring and dissenting decisions that herald a newfound confidence and autonomy. From the War on Terror to the rise of China as a regional and global power, new geopolitical developments have changed the power relations and opportunities for the Tajik leading elite. They increasingly provide this small landlocked country with a 'geopolitical rent' that the government uses to resist exogenous constraints to its autonomy.

This article critically traces two parallel dynamics that impact policy-making in Tajikistan. Firstly a gradual shift from a *transition country* to a *developing country* in the IFI rhetoric, the increasing convergence of western countries' assistance channels, and the consequent shrinking of

policy-making autonomy of the Tajik Government. Secondly a changing of the dynamics of the region's politics with the arrival of the US in Russia's near neighbourhood, followed by the shift in economic power toward China and the new economic and political opportunities which consequently opened up for Tajikistan.

Taken together these opposite trends will have diverse consequences for the Tajik population. This article will give an account of development policies in Tajikistan and of the possible future developments on the basis of current endogenous and exogenous limits to the government's newfound autonomy and the negotiation of its developmentalist strategy.

'Post-colonial' dynamics of dependency and the Governance era

This section traces how the peripheral relation with Moscow endured after the independence of Tajikistan but was later outweighed or even replaced by another kind of dependency: integration into the global economy and the fatality of its North-South divide.

The creation of Tajikistan in 1929 out of the Soviet "nationalities policy" (*Korenizatsiya)* gave birth to a resource-less heterogeneous national entity. A combination of insufficient exploitable resources, arbitrary ethnic repartition and resettlements and unequal distribution of power led to a civil war in 1992 that opposed clans, regions and political and ideological groups for access to resources. The settling of the war revealed Russia's control over the military, security and political powers in the region. The control of Moscow over the "Peace Process" and its conditions, through its military presence and its influence on the Tajik Ministry of Security created a pro-Russian outcome for what had begun as a post-colonial conflict.

The political submission of Tajikistan to Russia continued through the 1990's while the 'new world order' and the country's critical need of economic assistance introduced the dynamics of the North-South divide. From 1996 onwards the main Transition Assistance credits begin to link Tajikistan to the rules of the global market. Although destroyed by war, Tajikistan was in urgent need of social and industrial infrastructure developments. Yet, all assistance provided by the IFI from 1996 onwards including grants and loans was for the rebuilding of the financial structure of the country, with a focus on the banking system. Assistance focused on privatization, 'liberalization of domestic and foreign trade', 'reforming and reorienting the economy toward a market-based system[24]. In the late 1990's IFI economic policies, also known as 'Structural Adjustments' or in the Post-Soviet context 'shock therapy', became subject to increasing criticism. Instead of questioning the ultra-liberal reforms they imposed on developing countries, IFI developed a 'new development framework' also known as the 'Good Governance Agenda'. The new rhetoric states that poverty is created by mismanagement and bad governance and that poverty-alleviation and growth have to be linked to institution-building and governance reform, which will in turn guarantee the success of the markets and a trickle-down effect of the economic growth on 'the poor'[25].

[24] On this subject see EBRD (1996), *Tajikistan Financial Institutions Initiative*, Project summary Document 24 October / IMF (1996) "*IMF approves first Credit Tranche Stand-by for Republic of Tajikistan*" Press Release, May 8; IMF (1998) Tajikistan, Enhanced Structural Adjustment Facility, Policy framework Paper, June 10 / World Bank (1996), Tajikistan Country Assistance Strategy, 24 May.

[25] For more information on the shift in the IFI development paradigm and rhetoric see IMF/WB (2000), Interim Poverty Reduction Strategy Paper, Dushanbe, March 2000/ and D.Craig and D.Porter. (2006), *Development Beyond Neoliberalism? Governance, Poverty*

Supported by the *World Development Report* 2000/2001, *Attacking Poverty*, a new instrument was designed to implement this 'novel' vision: the Poverty Reduction Strategy Papers (PRSP). Understanding the PRSP goals and methods is crucial to comprehend the growing convergence of mainstream development practice towards IMF-led policies. Tajikistan was among the first countries in 2002 to draft an interim PRSP, "assisted in the design of the program by staffs of the WB (World Bank), the IMF, and other international supporters of the Tajik development process"[26]. In reality the PRSP is a highly technical template with predefined sections to complete for a predetermined outcome and reform model.[27]

Considering the PRSP and the National Development Strategy[28] as 'vision documents', all development partners working in Tajikistan now design their programs and projects on these priorities. Recently a new coordination mechanism, the 'Joint Country Partnership Strategy', comprising the entire major multilateral and Donor Assistance Committee (OECD-DAC) donors repeated their alignment around *"One Strategy (i.e. the NDS/PRS-3)"*[29]. Furthermore the PRSP has become the main procedure for the disbursement of development aid and new loans under HIPC (Highly Indebted Poor Country) and the WB and the IMF 'retain the power to veto' a country's PRSP.

The efforts to give an appearance of ownership to the endorsed policies fall short of being convincing: not only the conditionality of former policies still applies, but they are now designed upstream. The PRSP gives directions for every aspect of a country's national policy, from economy and finances to institutions, social protection, labor, education, local governance and environment, binding '*country debt management into global macro- economic, governance and social policies*[30]*'.*

The new methods of management and channeling of assistance through 'Budget support', 'Sector Wide Approaches', Earmarked assistance and converging towards the PRSP priorities, leave little room for the State to invest in sectors left out by the PRSP. Pushing the PRSP's omniscience further, a series of high-level harmonization forums took place from 2003 to 2005, resulting in the Paris Declaration on Aid effectiveness and the Accra Agenda. These coordination mechanisms effectively increase the convergence of economic assistance towards the IFI-led development model, increasingly shrinking the autonomous policy-space of recipient governments.

As Craig and Porter argue, the good governance agenda 'narrows local politics around service delivery mandates', while 'realpolitik

---

Reduction and Political Economy. London: Routledge / and P. Cammack, (2004), 'What the World Bank Means by Poverty Reduction, and Why it Matters' *New Political Economy,* Vol 9, No 2 / and B.Fine and K.Bayliss (Eds) (2011), *The Political Economy of Development. The World Bank, Neoliberalism and Development Research*. London: Pluto Press

[26] IMF (1999), Tajikistan Letter of intent, December 30

[27] The WB offers a 'PRSP Sourcebook' to help countries complete the document, informing them on best practices. A look at the PRSP Sourcebook's Chapters informs on the extent of the inclusiveness of this new strategy. Each aspect of economic, fiscal, governance and social policy is mentioned and guidelines offered to help the country apply the 'right' methodology and fill the boxes.

[28] Republic of Tajikistan, (2010) *National Development Strategy of the Republic of Tajikistan For The Period to 2015*,

[29] See R. Aminjanov, (2009) Case study on Aid Effectiveness in Tajikistan, Wolfensohn Center for Development Working Papers No.13, October / *Joint Country Partnership Strategy*, (2009) Dushanbe, November

[30] See D.Craig and D.Porter , (2003) "Poverty Reduction Strategy Papers: A New Convergence" *World Development* Vol. 31, No. 1, pp. 53–69

interests continue to operate in impunity'[31]. This realpolitik is central to understanding the new direction that development is likely to take in Tajikistan. The Tajik government, subject to the influence of external powers since its independence, has recently taken measures that do not comply with the interests or principles of those external forces. This new autonomous policy-making can be explained by new geopolitical dynamics in Central and East Asia.

The shift in global economic and political power

From 2001 onwards, changes in the regional geopolitical context provided the Tajik government with a geostrategic advantage that it has used gradually to secure political and economic resources and increasingly extend its sovereignty and policy-making autonomy. Indeed since the war in Afghanistan, the Russian influence in Tajikistan and its military and political presence began to be undermined. The military and financial support of the US, as well as the economic assistance of INGOs and multilateral agencies endowed Tajikistan with a 'geopolitical rent' that helped enrich the ruling elite as well as downplay the influence of Russia, still very influential in the Tajik security ministry[32]. Although Russia maintained levers into Tajikistan's political and economic sphere, especially due to Tajiks' dependence on remittances, a new power relation was revealed by the withdrawal of the Russian border guards from the Afghan border in 2005 and by the dropping of Russian as the official language in the 2009.

Benefitting from the assistance of the international donor community or the US military, however, was no pledge of autonomy over policy-making. It rather pushed Tajikistan into another kind of dependency, that of a country of the global South towards the North, a developing country in 'need of policy advice' to 'tackle economic difficulties'[33]. Yet the last years have seen a new trend in the global economy and politics as well as in regional dynamics that has created new opportunities for the Tajik government to start making autonomous policies and show signs of ownership.

China's exceptional economic boom has had a positive outcome for Tajikistan, both in terms of economic opportunity and political momentum. The giant neighbour's need to expand its markets through Tajikistan to reach Central Asian economies explains its interest in building infrastructure in Tajikistan, from roads to electric lines and power stations to transport China's products. The two countries signed a $2 billion contract in 2009 to build major infrastructure in the country and China boosted its trade agreements. With $1.5 billion worth of bilateral trade in 2009, China became the leading investor in the country.

Apart from financial assistance and loans[34] as well as investment in infrastructure much needed in a country where much was destroyed by the civil war, the importance of the relationship with China lies in the Chinese assistance model, based on 'non-interference in internal affairs'

[31] D.Craig and D.Porter. (2006), *Development Beyond Neoliberalism? Governance, Poverty Reduction and Political Economy*. London: Routledge, p252

[32] American officials acknowledge the rivalry and competition with Moscow for influence on Tajikistan and the gradual ousting of Russian military, political and cultural assets from the country, in a series of Wikileaks cables from November 2005 on. See Wikileaks cables on Guardian website, 12 December 2010.

[33] See IMF website, 'What we do': http://www.imf.org/external/about/whatwedo.htm

[34] In 2007 Tajikistan was granted a $200 millions loan and a $172 million loan by China through the SCO.

and an assistance channeled into 'apolitical infrastructure projects'[35]. Although some concessions are already appearing, as with the recent ceding of 1000 km of Tajik land to China, the economic partnership is currently beneficial and crucial for the Tajik government. While IFI offer assistance in exchange for strict economic reforms supposed to attract foreign investment in the country (the total FDI by western donors in 2010 was of $46 millions), China, Russia and Iran invest directly in infrastructure ($124.7 million in 2010). [36]

As expressed by the US Ambassador to Tajikistan in 2005, "from the West, Rahmon(ov) receives painful and long-drawn-out economic restructuring and seemingly endless and inconclusive feasibility studies. From Russia (and Iran and perhaps China), he receives promises of large-scale investment that could potentially lift the entire economy. …. He wants Tajik economic growth, and he wants it now'. [37]

But another advantage is the development model that the rise of China offers is as an alternative to the mainstream IFI-led model: it uses economic performance and success in poverty-reduction to reveal its own vision of what kind of state and governance can achieve growth. It also challenges the universality of human rights principles by opposing the prioritization of individual political rights over collective economic and social rights, through the 'cultural relativism' rhetoric.

Hence China doesn't offer simply operational freedom through its economic partnership and support; it also provides rhetorical flexibility in a changing world. Furthermore it provides a more convenient and less intrusive economic partner with the possibility of integration into a regional cooperation framework. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is gaining regional significance and its membership makes Tajikistan less reliant upon Official Development Assistance for its economic development and in the future likely less in need of the US to maintain control over its borders. Hence Tajikistan can reduce its dependency upon the dynamics of the War on terror. Moreover Tajikistan has a critical role to play in relation to anti-drug trafficking and restraining terrorism and separatism; all major priorities of the SCO. The latter is particularly critical to Beijing, due to its anxiety over the separatist movements in its border region Xianjiang.

Decreasingly dependent on the US and Russia's rivalry as well as on IFI financial support, the Tajik government increasingly adopts more autonomous policies and even occasionally arbitrary measures without fearing their direct consequences, revealing its newfound leverage over external limits to its policy-space.

Consequences, challenges and limits to the newfound confidence

The recent policies followed by the Tajik Government appear to translate its priorities for the country's economic development into the objective of ensuring the Government clan's ability to keep power by (i) ensuring the country's capacity to create economic resources and dispel a popular uprising which is looming as inequalities and poverty grow and (ii) developing its economy such that its own clan is able to benefit from the resources. The Government seems able to implement arbitrary measures in this direction, harming its people and drifting away from

[35] See N.Kassenova, (2009), 'China as an emerging donor in Tajikistan and Kyrgyztan', *Russie.Nei, Visions*. No36, Paris, IFRI Russia/CIS Center

[36] US Department of State, (2011) "2011 Investment Climate Statement", Bureau of Economic, Energy and Business Affairs March 2011 Report

[37] Wikileaks, 2010, "US embassy cables: Russia targeting Tajikistan to reduce western influence, says US, November 14 2005", The Guardian, December 12 2010.

'good governance' principles, yet immune to any sanctions for non-compliance.

Electricity is one symbolic and crucial example, well illustrated by the Rogun project. Dependent on other countries for electricity supplies, the priority of the government is to develop sources of autonomous energy to ensure income and development. After years of failed deals with Russia, the Tajik President failed to secure a serious investor[38] for the hydropower plant project. He launched a campaign to raise money through popular participation in the construction of the dam. The Tajik people were 'invited' to buy shares in the Rogun project. However, it soon emerged that buying shares was not optional. Consequently human rights organisations reported that people were forced into buying shares through different means. Confronted with these clear violations of economic rights, international organisations criticized the campaign. Yet no member of the international community took any real step or measure to condemn the policy.

On the contrary, at the prospect of seeing such a high-scale project (with the potential to gain considerable economic weight in the region) be monopolized by China, Iran or Russia, the WB broke the hesitancy of the international community and sided with Tajikistan[39] despite the risk of alienating Uzbekistan. The Rogun case is a victory for the Tajik Government in the international arena and reveals its leverage.

Another example of the newfound autonomy is the Government's fight against extremism. The Tajik leadership is historically committed to militant secularism. Lately anti-extremism policies increasingly take an anti-Islamic tone. After repatriating students from religious schools in Islamic countries in 2010 and closing religious schools and mosques, amongst other anti-beard or anti-hijab campaigns, the Tajik government crossed another line by forbidding young men under 18 to enter mosques. As expressed by Olimova (2006) in Tajikistan 'deterioration of the socio–economic situation, unmet expectations and disregard for the vital interests of large segments of the population have boosted political Islamic movements that offer alternatives in the political marketplace and display a marked social slant".[40]

Yet again, although this law increases the risks of extremist groups forming in a region particularly sensitive for the War on Terror, no organisation or country, not even the US, concretely opposed this measure. When criticized by the European Parliament for the law banning children under 18 from mosques, the Tajik President answered: *"you forbid children from drinking alcohol, don't you?"*[41] This example illustrates the rhetorical freedom offered by the Chinese model and its

[38] The Rogun project created important tensions with Uzbekistan, which was concerned that it would give a substantial leverage tool to Tajikistan as well as strengthen its economy and autonomy. This tension with Tashkent explains the international community 's resilience to invest in this infrastructure project that would not only solve water issues but power supply and represent substantial potential for economic resources.

[39] Now the WB itself will help raise funds and even integrate the possible social protest around the resettlement of neighbouring populations or environmental threats by leading its own impact study (see Bank Information Center, (2011), *Tajikistan's Rogun Hydro: Social and Environmental Aspects,* Brief note, March 21,). The outcome of this study is mainly predictable as the WB declared that 'if the project proves financially and environmentally sustainable' it will "assist the Tajik government to create an international consortium to build it'

[40] S.Olimova, (2006) "Islam in Central Asia: Today and Tomorrow", in *"Human Security and Peace in Central Asia",* Academy OSCE in Bishkek, 2006, 24.

[41] "Rahmon goes to Europe", June 10th 2001, RFE/RL http://www.rferl.org/content/chaikhana_tajik_president_wows_europe/24231267.html

'cultural relativism' discourse on human rights, it also demonstrates the Tajik Government's confidence.

But if external forces decreasingly limit its policy-space, a challenge to Tajikistan increasingly comes from within. Despite its newfound confidence, the Tajik leadership is faced with a growing gap separating it from the Tajik people. Understanding Tajikistan's complex society is the most important challenge for the government in its attempt to secure its rule and dispel social discontent while developing autonomous sources of income. The uprising in Rasht In October 2010 showed the Government's concern over the insurgent religious threat and the lack of state control over wide regions of the country controlled by former opposition figures who remained as local warlords after the Peace process and the dissolution of the "united opposition". Although Rahmon's rule has stabilized the country, helped by Moscow and international peace efforts, wounds and scars remain between communities. These wounds and the apparent peaceful consensus led the majority of people to accept the new status quo despite the laws that increasingly worsened their social and economic lives. The Tajik people are overwhelmingly young and decreasingly remember the civil war. These young poor and unemployed people know only the legacy of the civil war, i.e. inequality and clan rivalries, arbitrary rule and little hope for the future. The repressive state policies radicalize many while new guerrilla movements appear. [42]

The structure of Tajikistan's society isolates it from both the state and the 'western model' of civil society that frames the work of 'good governance' NGOs. The Tajik population, mostly rural, has maintained its traditional social organisation, even throughout Soviet rule. Those family, clan and kinship relations resurfaced during the war and after the peace process: the religious leaders became the recourse to the absence of response from the government[43]. People evolved in their own parallel society, following legislation that is compatible with their social and spiritual values. The 'Divorce-sms' case illustrates this gap well. Tajik people are caught between two opposing systems of justice [44] leaving people, in this case specifically women, unprotected and vulnerable. Certainly the ruling clan intends to use its newfound power to maintain its rule. Yet outweighing the weak modernising civil society funded by a technical, depoliticised 'governance agenda', another society rears its head in reaction to the government's arbitrary rule and the lack of economic opportunities that forces the state to moderate its power and negotiate.

Conclusion: 'geopolitical rent', curse or blessings for the Tajik people?

The rise of China and its 'developmental state' model has been fuelling the academic debate for the past few years. Inspired by the Chinese model and strengthened by its new economic opportunities, the Tajik Government seems to have its own version of the developmental state model. But in light of the difficulties mentioned

[42] See S.Roche and J. Heathershaw (2011), 'A recipe for radicalisation: the campaign against Islam in Tajikistan', Open Democracy.net, January 17 2011

[43] See S.Freizer, (2005),"Neo-liberal and communal civil society in Tajikistan: merging or dividing in the post war period?" *Central Asian Survey*, Volume 24, Issue 3, 2005.

[44] Migrants increasingly divorced their unofficial wives (sometimes second or third spouse) via mobile phone, leaving them without resources or subsistence, but the soviet type of legislation of Tajikistan protected only the official spouse, while the western individual and property-rights based legal assistance provided by NGOs was incompatible with the religious and communal structure of life. The government banned 'divorce-sms' practice. But immigrants stopped only when a religious figure launched a fatwa against it ('Tajik fatwa bans SMS Divorce'RFE/RL April 11, (2011)

above the prospects for the developmental path for Tajikistan is unclear. The current academic literature offers different tools to read the political and economic situation in Tajikistan and its future as a developmental state.

Following one strand of the current debate, Tajikistan can be considered as a 'hybrid regime', i.e. a regime where formal transition to democracy has taken place but where 'democratic structures are not consolidating'. Those regimes tend to be characterized by 'populist politics, often by strongman leadership …potential or real instability and a 'sense of collective frustration among citizens about the failure of democracy to deliver tangible economic benefits'. [45] This analysis foresees that state-led development will be 'captured by narrow interests more concerned with building clientelist networks than with construction of a country's economy', condemning any developmental initiative to failure.' [46]

If we consider a second strand of the developmental state debate however [47], corruption and rent-seeking processes are on the contrary seen as a way to achieve development and political stability, leaving democracy as an end and not as a means to achieve growth. Consequently this perspective argues that in low-income countries lacking the capacity to raise taxes, power and access to resources lie out of the political sphere and hence beyond parliament. Therefore the only way to achieve political stability is through patron-client politics, gradually extending and negotiating networks as many powerful groups and interests need to be provided access to resources. In the case of the Rasht insurgency, the Tajik ruling elite has started to distribute a growing share of the political pie and to negotiate to achieve internal power stability[48], as its newfound autonomy might soon deprive it of the advantage of external protection.

One significant illustration of this shift in strategy is the fate of the Islamic Revival Party of Tajikistan (IRPT), whose direct political role has been almost completely marginalised over the years. The IRPT experienced how power is not in parliament or in democratic political processes. The IRPT thus began to negotiate with one of the main sources of power: the people itself. It identified that the biggest threat and opposition to the Government today comes from discontent and growing religious radicalization. The IRPT has started to focus its efforts and economic resources on social relief, charity and Islamic education, filling the gap in social protection, spirituality and opportunity[49]. This echoes the strategy used for decades by religious organizations such as

[45] See V.Fritz, and A.Menocal, (2006), *(Re)building Developmental States: From Theory to Practice*, ODI Working Paper 274, September 2006 / and P.Evans, (2008), 'In Search of The 21st Century Developmental State', CGPE Working Paper No 4, December 2008

[46] V.Fritz, and A.Menocal, (2006), Ibid, p.vi

[47] See the work of heterodox institutional economists as M.Khan, and K.S.Jomo, (2000), *Rents, Rent-Seeking and Economic Development: Theory and Evidence in Asia*. Cambridge: Cambridge University Press./ and M.Khan, (2009), "Governance, Growth and Poverty Reduction". Working Paper. DESA Working Paper No. 75.

[48] See International Crisis group (2011) *Tajikistan: the Changing Insurgent Threats* Central Asia Report N°205 – 24 May 2011/

While the government keeps a tight control over participation in politics, it feels threatened by a more rampant armed opposition and has started political compromises with those groups as shows the outcome of the Rasht insurgency where former opposition fighters involved in the Rasht attacks have been offered employment in the Ministry of Interior and are now in charge of dismantling armed guerillas networks.

[49] Mentioned by Maksud Djavadov in'Options for the Islamic movement in Tajikistan', Crescent online, May 2010 http://www.crescent-online.net/background/1868-may-2010/2769-options-=

the Muslim Brotherhood in the Middle East, and is at the heart of the questions surrounding the 'Arab revolutions'.

Indeed as the country distances itself from western blueprints of development, the possible permutations of its future become increasingly difficult to forecast. Tajikistan is at a watershed moment. It has many opportunities for a genuine post-colonial national transformation that could include different components of society in a political negotiation for the country's progress and development. . Whilst insisting, perversely, on the questionable goal of increasingly irrelevant and context-insensitive convergence and harmonisation strategies, the international community must reassess its role in these processes and beware of losing sight of what is really at stake.

Contact : manafarooghi@yahoo.com

Charles Buxton, Regional manager for INTRAC (International NGO Training and Research Centre) since 2001, based in Bishkek

Accountability of global financial institutions: first steps by Central Asia NGOs

Introduction:

The development of the Civil Society (CS) sector in FSU could be called a "shotgun marriage" between local citizens or initiative groups, on the one hand, and external donor agencies on the other. The aim of both parties was to somehow to respond to rapid pauperization and increasing social and economic inequality. Some 30-40% of GDP in the region had been lost during the shock therapy administered to FSU, and many of the new Western "transition doctors" knew almost nothing about the region they were about to take an increasing responsibility for financing. For example, in the mid-1990s DFID had to re-think its definition of poverty to account for the millions affected by the break-up of the USSR. Undoubtedly, newly created NGOs were used to win acceptance for / distract attention from / deal with problems arising from the roll-back of socialism and its institutional set-up in the region.

In Central Asia, INTRAC's studies on civil society development chart the encounters between new NGOs and donors. Studies on CS networking in the region showed how by the early 2000s, key NGO leaders and activists had got acquainted with the wider world of (Western-funded) development and human rights. At the same time, international donors tried intermittently to coordinate their actions and share the feedback gained from civil society. In many sectors the country UN office played a lead role in these efforts; many programmes included a networking component. For example, INTRAC's 2001-04 programme for civil society institutional development in Central Asia included a section on improvement of communications and dialogue between donors and civil society. As part of this, its country offices ran quarterly round tables to bring together donor policy and practice in CS development over a period of 3-4 years in Almaty, Bishkek and Tashkent. However, these were primarily meetings for donors, with local NGOs attending for particular discussions rather than on a regular basis. No mechanism was found to select more formal or regular

representatives of the NGO sector – a problem that continues up to this day.

The language of progressive International NGOs was often more radical as regards globalization and geopolitical influence that that of their Central Asia counterparts (at least in public - “kitchen table” discussions are a different matter). Among UK-based INGOs, there is the public critique of post 9/11 aid policy in the region by Christian Aid in publications like ”The New Cold War”, or Oxfam GB on world trade relations. These INGOs have often found it difficult to draw country offices or independent local NGOs into campaigns with a “political” content.

One of the indicators of underlying geopolitical factors is the way in which international agencies and donors have gradually redrawn the boundaries of the FSU region. Thus, in the 1990s the European Union’s PHARE programme focused on the East European countries, while TACIS took the ex-Soviet countries, reflecting the Soviet-era spheres of interest and association. A key moment for FSU countries and civil societies came in the mid-2000s with the advent of the EU’s Neighbourhood Policy and the exclusion of Central Asia from this privileged status50. In return, the EU developed a quite ambitious funding programme for CA 2007-13. Once again, leading European agencies adopted a proactive and progressive stance. For example, the Aprodev group of international development agencies got organized early in the process. They brought together their local NGO partners / programme implementers in the region, took them to Brussels to study EU institutions and policies, and helped to set up a lobbying group called the “Central Asia Platform”. A paper was produced arguing for programme priorities defined by Central Asia NGOs. The Platform carried out baseline work analyzing local NGO perceptions of the EU and its communication and funding mechanisms in the region. This was fed back to the EU’s regional office as the new strategy was being written.

The EU’s Central Asia strategy has many strong points but after 9/11 CS development was no longer top priority. NGOs were included in poverty alleviation programmes in Tajikistan and Fergana Valley, in institution-building and European partnership schemes like IBPP, NSA, EIDHR – and many good projects have been implemented across the region. But the drawbacks are serious: 1) the volume of support to CS is inadequate; 2) the programme is oriented on relatively big (bureaucratically cumbersome) grants, excluding smaller and less experienced NGOs; 3) the EU deals with government, business and CS in entirely separate compartments (hence the human rights critique of EU policy in repressive states); 4) the programme is built on the neo-liberal model51.

In this complex environment, the Central Asia Platform had a huge task in coordinating the response of its own members, many of whom were new to engagement with the EU and writing their first funding applications, let alone the CS sector as a whole. Platform leaders helped the EU launch a first set of “dialogue days” in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. But it proved difficult to develop the network into a fully representative forum covering EU policy in several countries and a whole range of sectors, and gradually its momentum was lost.

---

50 The EU did not go so far as US agencies that now placed Central Asia in a region with Afghanistan and Pakistan.

51 See the paper by International Crisis Group on the EU’s new strategy, 1997 (though in the sphere of the economy ICG appears to support the neo-liberal path – see a number of reports attacking state-led development in Turkmenistan and Uzbekistan).

Critique of the IFIs – 1) HIPC

By the early 2000s, leading NGOs from Central Asia had begun their own critique of the work of international agencies52. The overthrow of President Akayev in Kyrgyzstan in March 2005 was accompanied by a wide, civil society led, discussion about the results of development initiatives over the past 15 years. One of the most dramatic results of this was the rejection by Kyrgyzstan of the World Bank's HIPC (highly indebted poor countries) program. Using information and arguments from, on the one side, the INGOs involved in debt relief and global accountability issues, and on the on the other, a certain amount of prejudice about poor countries in different continents, CS swung the government against the HIPC scheme and it was abandoned in early 2007.

Analysis of the HIPC debate shows that CSOs in Kyrgyzstan adopted three positions: neutral, centrist and radical. A distinctive feature of the radical coalition was a significant number of "new" (post-March 2005) women's and youth organisations. But they also included well-established groups – for example, several human rights and environmental NGOs with links with global civil society. The radical groups enjoyed the initiative all through the debates, with arguments based on positions set out in global anti-debt campaigns53. Typical questions were: From the beginning of 1990s the IMF and WB gave us large credits, so why is Kyrgyzstan in such a difficult situation now? What was this money spent on? What were the real outcomes of the first Poverty Reduction Strategy (PRS) in Kyrgyzstan? They put forward various alternatives to further borrowing from the World Bank – eg internal borrowing – and demanded the full or part cancellation of the IMF debt as having been "illegitimately" entered into by the Akayev government.

Some of the campaign tactics of the anti-HIPC forces were new in Central Asia. Thus, representatives traveled to the "Civil 8" meeting in Moscow in summer 2006 where they issued an appeal to East European and NIS countries. In Bishkek, street demonstrations used slogans like: "IMF money is death", "The Government is using terrorist methods", or "If you're for HIPC, you're not for Kyrgyzstan!" During the debate about HIPC, independent experts and local think tanks played an increasingly important role. The press began to discuss alternatives to loans and credits and the future of the second Poverty Reduction Strategy – with many inclining to the view that it should focus more on economic development54. This was the first time in the history of structural reforms in Kyrgyzstan that key development dilemmas had been so publicly and energetically debated.

Since 2005, the World Bank and other IFIs have actively promoted civil society involvement in discussions around donor policy arising from the "Paris Declaration" and the "Aid Effectiveness" debate. Kyrgyzstan NGOs and experts have played and active role in this.

---

52 See Chapters 3-4 in my book *The Struggle for Civil Society in Central Asia: Crisis and Transformation*, published by Kumarian Press, USA, May 2011).

53 See the global campaign organised by Jubilee 2000 and War on Want (UK), and 'Beyond HIPC: Debt cancellation and the MDGs' (Oxfam UK). This section is taken from analysis by Moldosheva, see *The Struggle for Civil Society in Central Asia: Crisis and Transformation,* Chapter 8.

54 An important critique of IFI policies was produced by Kyrgyzstan's Bureau of Human Rights and Rule of Law in June 2006: "Virtual cancellation of poverty and real decrease in living standards: a critical analysis of the national strategy for poverty reduction (PRS-1)".

Critique of the IFIs – 2) NGO Forum on ADB

For a wider and more long-term engagement with the IFIs, we can look at the work of the NGO Forum on ADB (henceforth Forum) monitoring the Asian Development Bank (ADB) in the Caucasus and Central Asia region. The Forum is an independent body, not funded by ADB, describing itself on its website as "an Asian led network of NGOs and CBOs that support each other in order to amplify their positions on ADB's policies, programmes and projects affecting life forms, resources, constituents – the local communities."55

The NGO Forum is critical of ADB in particular and IFI policy vis-à-vis Caucasus and Central Asia, on both the macro and micro level. Thus, in a recent set of notes entitled *NGO Forum Asian Development Bank: integrated development or struggle with poverty?56 (April 2011)*, the Forum notes the various definitions of the Central Asia region in transition period – as CA republics (CARs), FSU republics, transition countries, developing countries. Common to many of these is the understanding that this region is rich in natural resources but isolated and undeveloped. The ADB is quoted: "The CARs were poorly prepared for independence: they badly need to develop both governance and infrastructure".

The Forum's objections are: 1) yes, but we have become poorer since independence, especially in rural areas; 2) CARs have shown they value their independence and are prepared to make efforts to develop; 3) a huge number and variety of external agents – government, banks, international bodies, development programmes – have vied for the attention of their leaders. Some external agencies wanted access to new markets, others – military-political gain – and this was hard to deal with. Nonetheless, the NGO Forum accepts that ADB has taken a key role, both in individual countries and in the regional association CAREC. But major obstacles exist like corruption, poor project design, demoralization of the population, degradation of local culture, education system, failure of governments to decentralize.

Examples of ADB programme monitoring by Forum members

The Forum tries to bring together an analysis of the role and performance of the ADB, relying on experienced NGO leaders and independent experts and stimulating research into the progress and results of ADB funded projects. These are often enormous, multi-year projects supported by a large, closed bureaucracy: multinational companies, programme management units and their government counterparts. When we look at the work of Forum members, informing local communities and taking up individual complaints, an image comes to mind – a fly on the back of an elephant!

A good example of this is road infrastructure projects like the Western Europe to Western China road complex. At a meeting held in October 2010, experts from Kazakhstan reported on progress in consultation with the community in South Kazakhstan (Taraz and Chimkent) on a 17 million USD project. Activists had held workshops to inform the population and one of the key issues was environmental impact. The result: over 40 complaints forwarded to ADB, the formation of a monitoring committee, and high-level political contacts established with local authorities and the relevant ministries.

55 See http://www.forum-adb.org . Director: Dr Avilash Roul avilash@forum-adb.org. Central Asia Coordinator: Maya Eralieva maya@forum-adb.org

56 *The Role of ADB in Central Asia and the Caucasus: Mainstreaming Development or Reducing Poverty?* by Avilash Roul and Maya Eralieva, in Focus Asien

In Tajikistan, an ADB road project linking Dushanbe to the Kyrgyzstan border via the Rasht Valley has involved compulsory resettlement in several villages . The main problems identified by Forum members in Tajikistan are poor information to the population and lack of attention to the rights of those affected. For example, the rules regarding compulsory resettlement (including provision of equivalent housing and/or monetary compensation) are not observed. Disputes about the valuation of property and businesses lost to development remain unresolved. In Armenia, local residents have complained about an ADB-funded road scheme at high altitude (over 3,500 metres in some places) where minimal information was provided to the population and in some cases there are serious concerns about the design. Problems identified by activists: the ADB website is in English and project details are considered confidential to the Bank and national government.

Economic reforms. NGO Forum meetings are beginning to provide a way of sharing ideas on international development policy and practice. Thus, at a regional meeting organized by the Forum in Bishkek in October 2010, a NGO leader provided an independent report on the ADB project “Improving the investment climate in Krygyzstan”. This paper demonstrates how national government releases further grants and credits from the IFIs by passing new laws. For example, a public-private partnership law was pushed through parliament in 2009 by ex-PM Daniar Usenov and the Ministry of Economic Development. The aim of the legislation was defined as improving the investment climate so as to support sustainable economic growth and job creation. This law was adopted without any public consultation or independent assessment. It has no environmental or community safeguards and, in the opinion of CS experts, fails to ensure the responsibility of private sector businesses to society as a whole. In some areas there are clear loopholes for corruption. The formal adoption of the law released over 35 million USD in grants from ADB plus 1 million USD in technical assistance.

Kyrgyzstan is viewed by ADB as a “pro-reform” country (the image established by President Akayev in the 1990s by virtue of economic shock therapy, access to the World Trade Organisation, and a “multi-vektor” foreign policy). Since collaboration with ADB began in 1994, the country has received 71 grants for technical assistance to the value of 41.2 million USD. The report on the investment climate project says a lot about what is going on these days in the “good governance” field. That is, it illustrates the successive adoption and non-implementation of government “reforms” – a way of keeping the foreign aid and credits coming in, paying government or consultant and expert groups. In the 1990s this works was contracted out to international consultants in the main (at vast expense) while now local experts have an increasing share of the pie. This is right but when will the reforms begin to work, one may ask?

Problems of communications and transparency

The role of the NGO Forum is to raise consciousness and inform people about their rights, starting at the lowest level, then to build knowledge, engage with national government and create coalitions on wider issues. Through its engagement with the ADB-funded road schemes referred to above, the Forum has succeeded in getting higher level of compensation for some victims. However, activists comment, for example, that after more than ten years of work in Tajikistan the ADB still has no proper complaints procedure, no transparency in project operations, and no effective system of legal aid for those affected negatively.

In 2010-11 Forum members lobbied for improvements to the ADB's "accountability mechanism". They made proposals on 1) who can complain57, 2) how to submit complaints (eg in remote areas, dealing with the language issue), 3) the transparency of the accountability process (by which complaints are examined and the results – successful or unsuccessful - communicated to the complainant), 4) how CS can make an assessment of ADB projects as a whole, including the timescale and procedure for submitting wider assessments. The international aspect is crucial here. Thus, road, energy and other major infrastructure projects are often financed by a substantial list of IFIs – typically each contributes to a stretch of the road. The multinational character of the enterprise forces CSOs to take a cross-border approach too. Recently, Forum members have been scoring successes using the accountability mechanism; for example after complaints about quality of works in a school rehabilitation programme in Tajikistan and on compensation to small shop-keepers along the road from Kyrgyzstan to China via Torugart. These complaints forced the bank and government to sit down with local people and NGOs.

A question of principle: is national government an ally or an enemy in the struggle with ADB?

Setting the perspective of the struggle is a major challenge for CSOs. There is widespread distrust not just of the IFIs but also national government structures. While accountability mechanisms may be more visible at local level (via elected deputies, formal complaints procedures, information available in local papers and local language) few would argue that they are satisfactory in FSU region. Should CSOs use IFI mechanisms to launch attacks on government policy – eg in education or health? Or should they try to work with their own governments to limit the damage or reduce the credit burden falling on low income countries from as a result of IFI programmes? The experience of the NGO Forum is that in some cases, like for example, the road schemes in Kazakhstan, campaigns relating to ADB have helped civil society develop accountability mechanisms within their own government. Activists now have better relations with local officials, can request information according to set procedures, and are even sometimes called in by government as experts (but within certain political boundaries).

Corruption and inefficiency in project implementation: results of CS scrutiny

In Tajikistan, the government's anti-corruption department is monitoring several ADB schemes and some cases have been identified in irrigation programmes. The department has successfully requested project information from the ADB office to be supplied in Russian. Forum members in Tajikistan organized round table discussions in different provinces but discovered that information is very sparse on the ground and citizens have little idea how to take complaints to court.

The ADB's safe and clean water programmes in Kyrgyzstan are described by the Forum as a "dirty business". The main problems have been corruption, poor implementation and quality of drinking water systems created. After a series of complaints, a parliamentary

57 One interesting fact came up in discussion: that complaints can only be made by a person directly affected by a project. This appears to exclude complaints regarding the damage caused by projects to other species or natural habitats from, eg, road or water schemes.

commission looked into the programme and 18 criminal cases were opened against contractors for misuse of funds. An ADB monitoring mission in 2005-06 showed an absence of financial and technical control and the impact of programmes on health in rural communities had not been studied. The local population had contributed 5% of the costs of building the new systems, but in several villages water was not been delivered to households as promised. The ADB agreed a grant of 31 million USD to correct these mistakes and complete a second phase in the programme: a big success for the Forum's watchdog efforts.

"Reformist" and "rejectionist" approaches to the issue of IFI roles in Central Asia / FSU

As a large network, the Forum includes reformists and rejectionists on the role of IFIs and globalisation. The debates on, for example, the environmental effects of road schemes, can be very heated. The difficulty of getting a response to formal complaints submitted to ADB, and the time involved in this, leads many to question the value of a reformist approach. On the other hand, real political opportunities to pose an alternative (such as the HIPC campaign) do not come by very often. Here the character of the Forum as a regional grouping stretching far beyond Caucasus and Central Asia, with access to resources to organize meetings and produce good quality, well researched publications, has been a huge benefit.

The argument "in defence of left views"58 draws attention to the fact that while new political and economic rights were promoted during the transition period (eg political pluralism, civil society and entrepreneurism), others were subjected to sustained attack (eg full employment, free health and education, Soviet style maternity benefits). Ideologically, the new powers-that-be insisted that these rights were "out of date" or "not applicable" and that the expectations of the rights holders (ie the population) just showed how dependant they had become on the state. The arguments being developed by Forum members about the need to enhance the rights to be informed, to participate or be compensated show a determination to limit the losses from the uneven development of the last 20 years. In some aspects, its position seems to be moving towards the critique of capitalism that prevails in much of the developing world (see the World Social Forum agenda).

The fact is that many policies promoted by the major donors are still wrong.

Box: Wrong direction of IFI energy policies – the failure to support central heating systems

Figures quoted by Bakhadur Khabibov from the Consumers Association of Tajikistan:

- In 2008, the population of in Tajikistan used 2.9 million thousand kWatt hrs of electricity, or 23.2% of the country's total consumption.
- In 1991, the population used 1.5 million thousand kWatt hours – or 9.1% of total consumption.
- In 1991, electricity was available 24 hours a day, all year; while in 2008, it was severely restricted in the winter period, just as in previous years. In five major cities – Dushanbe, Khojend, Kurgan-Tube, Kulyab and Chkalovsk, there are 1044.5 thousand inhabitants or about 14% of the total population of Tajikistan. In 2008, these 14% accounted for 41%

58 Title of an article in the *Special Caucasus and Central Asia issue of Bank Watch, March 2009,* by Zulfia Marat from the Kyrgyzstan Human Right Bureau (47-50).

of total electricity use in the country.

The author comments that while one can say that electricity was available more or less 24 hrs per day in the capital, by comparison with 1991, the cost of the supply had gone up by over three times. This shows the problems caused by a policy based on privatization of energy assets and a focus on individual electricity consumers, rather than repair and update central heating systems.

(Source: *Special Caucasus and Central Asia issue of Bank Watch, March 2009,* 51-53)

CSO role in promoting new policy agendas

A similar situation exists with regard to climate change. In 2009, the Forum made a study of how far ADB projects take climate change into account. They discovered that none of the projects agreed so far in Caucasus or Central Asia include an adaptation component. A year earlier, a special meeting on Water held by the Forum in Astana considered problems relating to irrigation and water use as a model for cooperation among the countries in the region.

Conclusion

The examples described above show that Central Asia NGOs have begun the slow and complex process of entering global civil society. Organisations in the region are still relatively distant from the main debates or "inner circles" (as are CSOs in China or the Middle East countries)59. However, leading NGOs now regularly attend international conferences, not just in Europe and USA, but also in the South Asia and Pacific region, and place issues regarding the FSU region and transition countries on the agenda. Their work to develop better public awareness of the work of international agencies is very important to the future of the countries in the region.

The case studies show that major decisions almost always have a political dimension. HIPC was won partly because the new government thought it had an alternative to World Bank loans – new investment from Russia and Kazakhstan. However, small countries like Tajikistan and Kyrgyzstan have limited room for manoeuvre between the demands and ambitions of the big powers. For example, President Bakiev thought he had successfully played off Russia and USA with regard to the Manas air base in summer 2009, but later events showed that he had been "too clever for his own good" - as various regional commentators have noted.

The questions raised by campaigners around HIPC, World Bank and Asian Development Bank programmes go to the heart of national government policy in FSU. They illustrate the potential of civil society to tackle issues around global governance and accountability. According to Scholte (2004), the civil society contribution to accountable governance has four main components: 1) transparency (ie making information available to key stakeholders), 2) policy monitoring and review, 3) pursuit of redress (for damage caused by bad decisions or misguided policies), and 4) promotion of formal accountability mechanisms (for example, independent evaluation units). We can see elements of all these in the work of civil society in Central Asia in recent years.

Contact : charliebuxton@hotmail.com, charlesb@intrac.kg

59 See analyses of the structure of global civil society, eg Anheier, H. and Katz, H. 2006. Global interconnectedness: the structure of transnational NGO networks. *Global Civil Society 2005/06:*240-65

Yana Zabanova, ESI (European Stability Initiative), Berlin, Germany.
Georgia's Post-Soviet Libertarian Elite: Choosing a Development Model and Marketing the Strategy.

(Note: this paper is primarily based on the report published as part of the research project on Georgia in which the author participated. See European Stability Initiative, "Reinventing Georgia: The Story of a Libertarian Revolution", April 2010, http://www.esiweb.org/index.php?lang=en&id=322&debate_ID=3).

The Rose Revolution of November 2003 in Georgia brought to power a new generation of political elites who have been pursuing an express goal of breaking with the country's Soviet legacies and path dependencies. The first and most immediate task that the new leaders faced was state-building. In the economic sphere, the government opted for a radical libertarian strategy, seeking to turn Georgia into the "Singapore of the Caucasus." This conscious policy radicalism has set Georgia's "revolutionaries" apart from their counterparts in the post-Soviet space. While this approach has brought some tangible benefits, it has failed to resolve some of the most pressing issues in Georgia today, such as high levels of unemployment and has at times impeded Georgia's closer integration with the EU. This paper will analyze the ascendance of the libertarian post-Soviet elite in Georgia, its achievements and the current challenges it is facing today.

Georgia before the Rose Revolution: A failed state

In order to understand why Georgia's new political elite embraced radical reforms so strongly, it is important to keep in mind the extent of misery and deprivation that the country had been plunged into since the 1990's. Georgia was a clear case of a "failed state." The civil war of the early 1990's, the conflicts with the breakaway republics of Abkhazia and South Ossetia, the rise of armed militias and rampant crime represented severe challenges to domestic security and stability. The country was flooded by hundreds of thousands of IDP's from the conflict zones. Economically, Georgia, which used to be one of the wealthiest Soviet republics, experienced a catastrophic downturn. Industrial employment nearly collapsed: if in 1991, 488,000 Georgians worked in the industrial sector, by 2004 the number did not exceed 85,000. Georgia's large agro-processing sector was doing even worse. According to the World Bank, the collapse of the agriculture in Georgia was the most severe one among former Soviet republics. As late as in 2004, Georgia's GDP still stood at a mere 45 percent of its 1989 level.

The state was virtually unable to provide any public services. Chronic power shortages and blackouts became an everyday reality. The state was incapable of collecting taxes: in 1994, its revenues accounted for a mere 2 percent of GDP, the figure which increased somewhat but did not exceed 14.5 percent of the GDP in 2003. Percentage-wise, public spending in Georgia remained on the level of countries like Cambodia, Bangladesh, Turkmenistan and Afghanistan. This was particularly evident in the health and education sectors. In 1999, the Georgian government spent less than 0.6 percent of GDP on health, which effectively meant that Georgians had to pay the lion's share of medical

costs from their own pockets. The problems in the health sector were mirrored in education.

Finally, law enforcement structures were a breeding ground for corruption. The police (along with the customs) became one of the most corrupt institutions in the country. With meager salaries of less than 15 dollars per month, police officers relied almost entirely on extractions and bribes for income. The government attempted a number of reforms and anti-corruption initiatives, with little success. In July 2002, the IMF suspended funding to Georgia due to the government's failure to implement reform in the fiscal sphere. This move blocked the country's access to major international creditors. The popularity of President Shevardnadze and his ruling party was low, and Georgia was becoming ripe for change.

The rise of the new elite: A radical reform agenda

The consistently poor state of affairs in Georgia laid the foundation for a strong popular mandate for change. This explains the popularity of the "Rose Revolutionaries" who staged protests against the rigged parliamentary elections of November 2003 and succeeded in ousting President Eduard Shevardnadze. The leader of the Rose Revolution, young lawyer Mikheil Saakashvili, was not new to Georgian politics. After studying and working abroad, he returned to Georgia in 1995 and became a member of parliament for the ruling party. He also served as Minister of Justice from 2000 until September 2001, after which he resigned from his position, exited Shevardnadze's party and soon founded his own party. Saakashvili was part of a group of "young reformers" in Georgian politics who were intent on fighting corruption and were pushing through a package of reform laws (including a new tax code, civil code and improved court regulations) based on the European models.

Aged only 36, Saakashvili was elected president in January 2004 with 96 percent of the popular vote. He assembled a truly *post*-Soviet young government. None of its members – 20 ministers and state ministers – had held any position in the Soviet era. Only three had been ministers in previous governments. Six had worked or studied abroad and eight had worked in the NGO sector. (In fact, many representatives of Georgia's vibrant and influential civil society would come to occupy positions within the new government and civil service in Georgia). What united them was the belief in the necessity of radical measures to pull Georgia out of the situation it found itself in.

Initially, economic policy did not figure very prominently on Saakashvili's agenda, since he came to power rather on the mandate of fighting corruption and restoring territorial integrity. Soon after taking office, Saakashvili pushed for constitutional changes which resulted in the creation of a super-presidential system in Georgia. Having concentrating power in the executive branch, Georgia's new leadership set out to implement radical reforms, focusing in particular on the police, customs and tax administration, as well as on the anti-corruption drive. A number of high-ranking officials including several former ministers were arrested in 2004. The government also tackled corruption within the police forces in what became one of the best-known and most successful reforms. In the summer of 2004, the complete dismantling of the corruption-ridden traffic police took place, and some 15,000 officers were fired, to be replaced by newcomers. In total, according to data provided by the Ministry of Interior, about 30,000 officers from the Ministry were dismissed in 2004-2005. In addition, one of the first biggest successes of the government was

restoring control over the autonomous Black Sea region of Adjara which was ruled by local strongman Aslan Abashidze and appropriated all of customs revenues instead of directing them into the central government budget. All in all, the government showed its clear resolve to bring change to Georgia, restore the authority of the state, bring revenues to the state budget, and fight corruption and lawlessness.

As for economics, the new agenda was personified by Kakha Bendukidze, a Georgian-born Russian oligarch who joined the government in June 2004 on a personal invitation from President Saakashvili and late Prime Minister Zurab Zhvania. Bendukidze would become a key person in Georgia's libertarian transformation. (Interestingly, many of the ideas that he would implement in Georgia were strongly influenced by the Russian experience with liberal reforms in the 1990's and early 2000's). Born in 1956 in Tbilisi, he moved to Russia in 1977 for graduate studies, but left academia for business during the time of the *perestroika*. Bendukidze eventually made a fortune as the head of OMZ (formerly known as Uralmash), a large machine-building and engineering holding whose assets he had been able to purchase during the Russian privatization. While Bendukidze's personal wealth (estimated between 50 and 70 million USD in 2004) was modest by Russian oligarchs' standards, his influence in Russia was not negligible. Early on in his business career, Bendukidze became known as a passionate advocate of the free market and minimal government regulation. In 2000, he became an active member of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (RSPP), a major business lobby, where he advocated a tax reform. Bendukidze held views similar to those of other Russian libertarians including Andrei Illarionov, former economic advisor to Vladimir Putin, and Anatoly Chubais, one of the architects of Russia's liberal reforms. The reform vision that Bendukidze brought to Georgia is strongly reminiscent of the beginning of Vladimir Putin's first presidential term, when Russia was adopting liberal economic reforms. The latter included the influential flat tax reform, a new labour code, a pension reform and so forth. However, when Russia's authorities later took the course on increasing government control over business, many like Bendukidze felt uncomfortable.

When Bendukidze arrived in Georgia in June 2004, he proposed a radical economic strategy. In his words, since Georgia was extremely poor, it had "nothing to lose" and needed the policy of "maximum deregulation" and "ultra-liberalism" as its only chance to achieve high growth rates and catch up with the developed world. While the titles of Bendukidze's positions in the government changed several times, his main responsibility remained the same – taking charge of the country's economic strategy. He recruited a team of young people, many coming from libertarian think tanks and NGO's, who shared his views on government and the economy.

Year 2004 saw the launch of an aggressive privatization campaign, whose slogan was formulated by Bendukidze: "Everything can be sold, except conscience". In November 2004, Bendukidze presented a "concept economic strategy" which focused on the importance of shrinking the role of the state. A new tax code was adopted, effective from 1 January 2005. It featured a 12 percent flat income tax rate (the lowest in Europe) and reduction in the number and rates of other taxes. Bendukidze also pushed the reform of the law on licenses. Licensing regulations had long beset Georgia due to their huge number, impracticality and the potential for corruption. Led by Bendukidze, Georgia managed to eliminate 85% of required licenses, hugely

simplifying the licensing process. This went hand-in-hand with structural reform. The idea was to transfer the functions of state institutions to the private sector as much as possible and to severely downsize government institutions. According to government documents, some 30% of the civil servants were fired from 2004 to 2005.

However, despite the radical reforms, Georgia still suffered from a poor investment image abroad. To solve this problem, Georgia's leadership resolved to market Georgia's radical reform strategy internationally. From 2005 on, Georgia's libertarian path was to become the country's main PR tool. Bendukidze quickly identified a way to anchor the performance of his economic reform team and make Georgia more attractive for foreign investors. He linked his efforts to the criteria defined in international ranking systems – in particular the World Bank's Ease of Doing Business index (EDBI). Rising in these rankings became a national policy priority, closely monitored by president Saakashvili; achieving this was soon seen as another major success of Bendukidze. One of the main Georgian reforms in this context was the passage of a new employer-friendly labour code in May 2006. The explicit goal of the new law was to make hiring and firing procedures as flexible as possible, leaving employees with little legal protection. Further reforms undertaken in Georgia in 2006/2007 took place in five areas relevant to the EBDI: starting a business, dealing with licences, registering property, obtaining credits and protecting investors. As a result, Georgia rose to the 18th place in the Doing Business report 2008, up from the 100th only two years before. In 2007, the Georgian government hired the international advertising agency M&C Saatchi to promote Georgia as an investment destination. Georgia's international rankings in EDBI were now put at the heart of an international marketing campaign in 2007.

At the end of 2007 Bendukize was joined in the Georgian government by another confirmed libertarian, Lado Gurgenidze, who became Georgia's Prime Minister. Born in 1970, a dual Georgian-UK citizen and MBA holder, Gurgenidze had made a career in finance in Europe. He returned to Georgia in 2004, taking the position of the CEO of the privately owned Bank of Georgia. He managed to turn the bank around and make it one of Georgia's leading financial institutions. Gurgenidze summed up the "recipe for Georgia's success" in an interview at CATO Institute in October 2008:

"Low and flat taxes; commitment on a legislative level to reduce the government's fiscal footprint; deregulation and cutting the red tape; unilateral free trade; very flexible labour legislation; no sector or industrial policy of any kind; no market-distorting practices such as subsidies, preferences, or exemptions; no currency or capital controls; a „hawkish" anti-inflationary stance, and „aggressive" privatization."

Georgia's campaign paid off. Leading US think tanks celebrated Georgia as a successful case of libertarian governance. Earning this mark of distinction became all the more important as Georgia's democratic credentials were increasingly put into question by the international community, especially in the aftermath of the November 2007 brutal police crackdown on protesters in Tbilisi.

Georgia sounded like a libertarian paradise. It had one of the least restrictive labour codes, one of the lowest flat income tax rates and some of the lowest customs rates in the world. It drastically reduced the number of licenses and permits required by businesses from 909 to 159 in summer 2005, and further since. State revenues had increased from 558 million USD in 2003 to 3.3 billion USD in 2008. Georgia became attractive for international investors, and total FDI for 2004-2008 stood

at 5.7 billion USD, with a diverse range of investors hailing from all over the world, including the UK, US, Russia, UAE, Turkey and Kazakhstan.

Problems and challenges: Which path to choose?

Today, however, Georgia's economic and political model is showing signs of stress. Democratic deficits are one concern. After the Rose Revolution, Georgia's new government engaged into much-needed state-building, while democratization has often been given secondary importance. The creation of a superpresidential system with a powerful and non-transparent Interior Ministry (although the constitutional amendments adopted in October 2010 will shift power from the president to the prime minister in 2013), the government party's dominance in the parliament, courts which lack independence, and the media that shows less diversity than in the past all explain why Freedom House today finds Georgia only "partly free" – the same it had been before the Rose Revolution. The Economist Intelligence Unit, in its 2010 Democracy Index, classified Georgia as a "hybrid regime", ranking it 103rd out of 167 countries. Personality-based politics and the emphasis on radical policy decisions have been accompanied by frequent cabinet reshuffles to the detriment of developing institutional strength or professional civil service, as Caucasus expert Thomas de Waal argues in his recent report *Georgia's Choices: Charting a Future in Uncertain Times.*

Economically, too, problems are becoming more visible as time passes by. Georgia was hit by two large external shocks during the past several years: the August 2008 war with Russia and the repercussions of the global financial crisis, which dampened FDI inflows. To a large extent, what helped keep Georgia afloat was a very substantial aid package from Western donors in the amount of 4.5 billion USD. Today, Georgia's external debt is high, and inflation has been accelerating, exceeding 11 percent in 2010. There is a sizeable current account deficit, and Georgia's exports are primarily ferro-alloys, re-exported vehicles and scrap metal. FDI has decreased as well. The oft-cited model of Singapore, a tiny, highly urbanized city state, is hardly adaptable to Georgia, which has nearly half of its population engaged in subsistence agriculture. Despite this fact, the agricultural sector has been virtually neglected by the Georgian government. Low-productivity agriculture remains one of the reasons for persistently high un- and under-employment in Georgia, which, in turn, represents one of the most pressing concerns for the Georgian population.

Finally, Georgia's choice of the libertarian path has at times impeded its rapprochement with its most likely partner – the European Union. Despite pro-European rhetoric, in practical terms integration with the EU has been often given secondary priority by the government. In the first years after the Rose Revolution, Georgia's chief strategic partner was the US, not the EU, and its destination of choice (on which much effort was concentrated) was membership in NATO, rather than the EU (after all, NATO seemed to be in closer reach and Georgia enjoyed US support on this issue, while the EU membership seemed too distant and complicated a goal). Part of Georgia's libertarian elite has been openly skeptical about the EU, viewing it as excessively bureaucratic, "sclerotic" (in Bendukidze's words) and bordering on "socialist."

These and similar problems have been complicating the ongoing negotiations on the Deep and Comprehensive Free Trade Agreement (DCFTA) with the EU, which opens the EU market to Georgia in exchange for regulatory and institutional reforms. The value of the Agreement would go beyond simple economic considerations. In addition to

addressing tariff and non-tariff barriers to trade and investment, it would also serve as a clear sign of approximation with the EU, boost investor confidence, lead to lower investment risk premiums for Georgia, lock in reforms and improve the overall business climate in the country. According to the feasibility study (http://www.case.com.pl/upload/publikacja_plik/21136629_rc79.pdf) commissioned by the European Commission and completed by the Center for Economic and Social Research (CASE), the DCFTA could result in economic gains for Georgia on the order of 6.5% of the GDP. Of course, adapting to the EU will require significant work on the part of the government and the business community, especially in the areas of phytosanitary safety, competition policy and intellectual property rights. Georgia has been reluctant to adapt its regulations to stricter European standards. Georgia's labour code, which provides very little protection to employees, has been a subject of criticism by European experts, as has been Georgia's weak anti-monopoly legislation. Until recently, Georgia was refusing to implement a food safety system, viewing it as an unnecessary bureaucratic burden. However, there has been some tentative progress in the negotiations over the past year.

All in all, Georgia finds itself at a crossroads today. The first stage of state-building has been completed, and the results have been impressive, especially if one keeps in mind Georgia's dire situation in the 1990's and early 2000's and its difficult geopolitical environment. The libertarian economic reforms have also brought their benefits and put Georgia on the map for international investors. At the same time they have failed to solve some of the most pressing concerns for Georgia, such as persistently high unemployment. The ability of the libertarian approach to chart the future course for Georgia remains questionable. Georgia's best bet may be closer integration with the EU, which would bring both economic and political benefits. For this, however, a greater political will, strategic thinking and willingness to compromise would be required of the Georgian side.

Contact : yana22@gmail.com

Amandine Regamey, CERCEC/Université Paris I, Paris, France.

Importing the Filipino model of migration management in Tajikistan

This paper is based on the material collected during a fact-finding mission of the International Federation for Human Rights (FIDH) in May 2011. FIDH mandated a mission to Tajikistan to investigate migration policy and evaluate the measures taken by Tajik authorities to regulate migrations and, ultimately, to protect their rights of their citizens working abroad, mainly in Russia. During the mission, several references were made by the persons met by FIDH (officials, NGOs, experts) to the Philippines and their experience in managing external migrations: an estimated 10% of Filipino workforce work overseas, whereas 700 000 up to 1 million Tajik citizens out of a 7 million population work abroad. Officials met by FIDH during a similar investigative mission in Kyrgyzstan also mentioned the Philippines as a source of inspiration.

I would like here to analyse the way the Filipino experience is used in Tajikistan, using the notion of "public policy transfer", which can be

defined as "the process by which knowledge about policies, administrative arrangements, institutions and ideas in one political system (past or present) is used in the development of policies, administrative arrangements, institutions and ideas in another political system" (Dolowitz and Marsh, 2000; p5). I will draw upon the usual questions about public policy transfer (what policies or program are transferred, why, by whom and what are the effects of this process?) and focus mainly on the role of international organizations.

Indeed, "international governing organizations (IGOs) such as the OECD, G-7, IMF and the UN and its various agencies, are increasingly playing a role in the spread of ideas, programs and institutions around the globe. These organizations influence national policy-makers directly, through their policies and loan conditions, and indirectly, through the information and policies spread at their conferences and reports" (Dolowitz and Marsh, 2000; p 11).

Migration policy in Tajikistan is an interesting case-study of the role of international organisations in public policy transfer, all the more because the country can be described as "the playground of all international NGOs" (FIDH interview with EU Country Diplomat). Due to its strategic position on the border of Afghanistan, Tajikistan benefits from permanent funding, despite recent credit reduction in foreign aid (FIDH interview with EU Country Diplomat), and it is host to several UN (ILO, UNDP, UNHCR, World Bank) and other international organisations (IOM, OSCE).

The transfer of the Filipino model to Tajikistan can be described as a two steps process. First, a specific experience, historically and geographically situated, is transformed into a model by selecting and picking only some of its aspects and characteristics. Through the theoretical elaboration of a set of "good practices" and the dissemination in publications, reports and through the activities of the national and regional offices, International Governmental Organisations (IGOs) play the role of "policy entrepreneurs for transfer". The model is then "imported" into the country by authorities, experts, NGOs, this importation being partly forced upon national actors by international donors, partly used in their internal and external strategy; this importation of course does not lead to a strict imitation of the model, but to some forms of hybridisation with former soviet practices, and its effects may be paradoxical in terms of "State building". The two phases as well as the different actors are of course interrelated and strictly distinguished here only for the sake of analysis.

Promotion by International Organizations of a model of migration management for departure countries

According to a World Bank publication, "The Philippines provides key lessons for countries of origin governments in terms of how to create an institutional framework to better manage international migration". Among the key lessons that can be drawn from Filipino experience are the following principles : "1. Regulate private recruitment agencies in their respective countries to ensure that their citizens preparing to depart the country as temporary migrant workers are not paying exorbitant recruitment fees and are not being issued false contracts. 2: Hold pre-departure seminars to brief migrating temporary workers on what to expect in the detination country (…) 3.Protect migrant workers abroad through a migrant welfare fund, managed by the country of origin government." (Ruiz, 2008)

Those "good practices" are put forward by IGOs who promote a "right based approach to migration" as an essential aspect of their

work; the Filipino model is seen as a way to protect migrants against trafficking by informing them and by controlling intermediaries. A 30 years historical experience (the system dates back to the 1970's, even if the Human Rights dimension has been taken into account only with the "Migrant Workers and Overseas Filipino Act" voted in 1995) is transformed into a "model", which may increases its "transferability", but also implies that only some aspects of this system are selected. Nothing is said about the problems that NGOS and UN Human Rights institution have repeatedly pointed out: strict control over migrants workers wishing to leave the country (infringement to freedom of circulation), ineffective measures (uselessness of pre-departure seminars, lack of real sanction against recruitment agencies), discrepancy between the principles his policy is supposed to be based upon and the reality of bilateral or multilateral agreements.

Some of this criticism point to structural problem which could also affect Tajikistan, such as corruption within recruitment agencies or the fact that the strategy of exporting workforce has been a methode to ease social pressure and postpone necessary reforms used by all Filipino leaders starting from Marcos up to Cory Aquino (Camroux, 2008). Moreover, the system was constructed to manage migrations towards countries requiring visas, whereas between Tajikistan and Russia - the destination of more than 90% migrant workers" - there is a visa free regime. Along with the different historical experience, the different geographical environment and visa regime is usually underlined by NGOs who think this model is not "transferable" to Tajikistan (FIDH interview with several NGOS).

However, the Filipino model answers to the liberal migration governance model promoted by IGOs working in Tajikistan. Opposed to the security and restrictive approach of a majority of States, this model promotes the interests of migrant workers, receiving and departure States within a global economic liberal framework (promotion of competition between remittance buisness, shifting of the burden of social protection from States to migrants themselves by creation of a special welfare fund). In this model, the existence of a capitalist system is taken for granted, migrant exploitation is in no way linked to the economic structure of domination, and free competition between economic actors is seen as the best way to regulate migrations and ultimately achieve a more equitable distribution of income in the world (Boucher, 2008)

International Organisations may differ in their precise understanding and definition of this model, and there there may be a competition between them for the lead in this area and for funding to develop some migration-related programs (Korneev 2011). But they nevertheless contribute to the diffusion of one coherent model, especially through joint publications, seminars, field trips and the work of consultants.

In 2006, the ILO, IOM and OSCE published a *Handbook on establishing effective migration polices in countries of origin and destination* (Geneva, 2006) where the Philippines are often given as an example of "good practices". In 2009, the ILO and the IOM published a report on *Labour Migration and the emergence of private employment agencies in Tajikistan: a review of current law and practices (*Dushanbe 2009*)* where several south-Asian countries including the Philippines are taken as an example of how to develop and control private recruitment agencies. This report was written jointly by an expert from Bangladesh and a Tajik NGO and redacted in Geneva,

In summer 2009, the World Bank organized a trip to the Philippines for several State agents and migration experts from Central Asia,

including Tajikistan, in the framework of the programm "South-South Experience Exchange Between Practitioners (SEETF).

Thomas Achacoso, former head of the Philippine Overseas Employment Administration has worked as an expert for IOM for several years. He's one of the co-author of the 2006 Handbook, and in 2009, he visited Kyrgyzstan and Tajikistan where he met with officials and gave several interviews promoting the Filipino model.

The promotion of the model is also facilitated by the role of some national experts who are at the intersection of civil society, International Organization and state structures. One of them explained to FIDH that he created a NGO to support Tajik migrants in Russia in the 1990s, then worked for some time for the Tajik Embassy in Moscow, then he was in charge of an IOM resource centre in Tajikistan and that he now created his own NGO to enhance the work of private employment agencies. He has been to the Philippines and studied their experience in this matter.

This last example reminds us of the importance, in public policy transfer process, « of a transnational elite of international cooperation (leaders and staff of transnational NGO, development agencies and international organisations, consultants and experts) devoted to the diffusion of fashionable public policy solutions» (Delpeuch, 2008, p 37).

Transposition and transformation of a liberal global model of migration management in Tajikistan

Public policy transfer is neither a decision taken freely by national actors nor a totally imposed one. In Tajikistan, the coercive dimension is present in the subtext, behind the political decisions of a government which heavily relies on foreign aid. In any case, IGOs have succeeded in defining the national agenda on migration issues. During the FIDH mission in May 2011, two laws were under discussion, a law on external migrations and a law on private employment agencies - despite criticisms by NGOs pointing to the uselessness of such a law (when there is already a 1999 law on migration) and to the fact that private employment agencies concern only 3% of all migrant workers (the absolute majority going to Russia with the help of private intermediaries).

This law making process was initiated by IGOs (World Bank or IOM?) through a group of experts and was an occasion for IOM to assert its influence : in the may 2010 draft version of the law on external migrations, article 5 stated that migration law of Tajikistan should be conform to the recommendations of the International Organisation for Migration (this provision has been removed since).

On the other hand, the Head of the new Migration Service uses the Filipino model as a strategic reference to explain the program of work of his new service: " *I have been on the Philippines, they have a hundred year experience, there are 10 millions of them across the world (...) We will do as in the Philippines, a Social Fund where people pay 25 dollars, Philippines have representation in 37 countries in the world, and a Department for migration under the Ministry of Foreign Affairs. We know all this, and we will do it progressively; we already have a strategy, a law on migration, a law on private agencies, and we will introduce amendments to the Criminal code and organize centres abroad*" (FIDH interview with the Head of Migration Service).

The reference to this model allows Tajik authorities to legitimize their position on the internal and external scene. It allows them to avoid criticisms by political opposition or NGOs by presenting their decisions as a "natural" choice: "the chosen solution is described as appropriated,

rational, desirable and necessary insofar as it resembles solutions implemented in those foreign countries that are seen as the most efficient» (Delpeuch, 2008; p 14). More generally, it's easier for authorities " to legitimate their activities by invocating high principles which benefit from a large consensus than by demonstrating the effectiveness of each of their action" (Delpeuch, 2008; p 13). Indeed, an active process of law making, the creation of new structures (Migration council), the adoption of programs and strategies give the impression that the government tackles the issue of migration and suggest that the question is high on the agenda.... when in reality existing laws already offers a satisfactory framework but are not implemented (FIDH 2011).

Talking about the effects of this policy transfer, we have to remember that importation does not mean "mimicry": the new model is adapted to an already functioning system and modified according to the main features of the receiving system. In the Tajik case, two characteristics can be noted.

The first is the persistence of a police and security approach to migrations. Indeed, from 2007 to 2010 the institution in charge of external migrations was the Migration Service under the Ministry of Interior. The Ministry of Interior had been already in charge of the registration of migrants arriving in Tajikistan and of the deliverance of passports and in 2007 it took control over labour migration, an area formerly under the competence of the Ministry of Labor. In 2011, Safialo Devonaev, a police lieutenant, former head of Migration Service of the Ministry of Interior has been appointed at the head of the new Migration Service (which will be staffed by 50% policemen) - despite repeated appeals from IOM to have a civilian at the head of this council (FIDH interview with IOM representative). Indeed, this "police" profile is seen as an advantage especially in the relations with Russia, where migration is also in the hands of *siloviki* (force ministries): "*the fact that Devonaev is from the police has helped a lot. A policeman will always understand a policeman. He's got good relationships with Romodanovski, head of Russian FMS, they are on familiar terms"* (FIDH interview with Tajik expert).

The second characteristic is the persistence of a bureaucratic approach to migration management dating from the soviet period: the notion of "regulated migration", used by IGOs is understood and re-interpreted through the prism of the soviet experience of "Orgnabor" (organized recruitment). Thus, foreign experience is interpreted using soviet vocabulary: '"*there must be Orgnabor in the CIS - following the Filipino experience"* (Russian FMS representative in Tajikistan). The bureaucratic repartition of labour force according to the needs of a planned soviet economy is far from the work of Private recruitment agencies, but as noted by an NGO activist, many actors don't do the difference between the two notions, and "*some private recruitment agencies rely in fact upon a system of exchange that goes back to the time of the Soviet Union, for example a Youth labour exchange"*. The Filipino model is a mix of private recruitment agencies and a State employment administration, but only the second component of the system seems to attract Tajik authorities: "*We have to proceed to orgnabor. Orgnabor, it's a lot of money for the State.*"

Conclusion: the paradoxical consequences of "capacity building"

It may be too early to draw conclusions about the consequences of this policy transfer, but I would argue that the transposition of this model of migration management, though meant as a way to "build capacity" of the Tajik State, leads in fact to a further weakening of the

State. “According to the logic of capacity building, migration management initiatives are expected to “help states” and to increase their capacity to address migration challenges by themselves (…) Yet, the massive intervention of IGOs may actually weaken government by creating parallel structures that compete with helpless political systems and government institutions." (Geiger, Pécoud, 2010 ; p 8).

Indeed, according to the model of good governance promoted by IGOs, market and private initiative are seen as the most effective mechanisms, whereas the State should be restricted to the strict minimum ; the legitimacy of NGOs representing "civil society" is much higher than the legitimacy of State administration and elected representatives (Atlani-Duault 2005). Therefore, funding is directed mainly towards NGOs or IGOs who distribute these grants between implementing partners. The suspicion of corruption - used as a reason not to finance State administration- is never voiced officially about neither NGOs nor IGOs.

This policy has a paradoxical effect on migration management and on the ability of the State to defend its citizens (a central element of the migration model promoted by IGOs). While this ability is already limited in Russia (Tajik Embassy officials complained to FIDH that the Russian side doesn't pay attention to their official notes and requests), the fact that NGOs are financed to the detriment of the State further weakens the State, its legitimity and its capacity to conduct long term programs

Selected references

"Tajikistan: the source of Statehood", *Central Asian Survey* vol 30 issue 1, 2011

Atlani-Duault, Laetitia (2005) *Au bonheur des autres*. *Anthropologie de l’aide humanitaire, Paris,* Nanterre, Société d’Ethnologie.

Boucher, Gérard (2008), “A critique of global policy discourses on managing international migration”, *Thirld World Quarterly*, 29(7) , pp 1461-1471

Camroux David (2008), “Nationalizing Transnationalism? The Philippine State and the Filipino Diaspora”, *Les Etudes du CERI* - n° 152

Delpeuch, Thierry (2008), « L’analyse des transferts internationaux des politiques publiques : un état de l’art », *Questions de recherche* du CERI n°27, 2008

Dolowitz David P., Marsh David (2000), "Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy Making", *Governance*, vol 13 N°1, January 2000, pp 5-24

FIDH (2011), *Tajikistan: Exporting the workforce – at what price? Tajik migrant workers need increased protection, preliminary conclusions of an FIDH investigative mission*, May 2011

Geiger, Martin, Pécoud, Antoine (2010), *The Politics of International Migration Management,* Basingstoke, Palgrave, 2010, 302 p

Korneev, Oleg (2011), *“Exchanging Knowledge, Enhancing Capacities, Developing Mechanisms”: IOM Role in the EU-Russia Readmission Agreement Implementation*, unpublished paper presentend at the international conference "Acteurs administratifs et professionnels des migrations: Articuler les dynamiques nationales, européennes, et internationales", 6-7 June 2011, Sciences Po, Paris

Ruiz Neil G. (2008) « Managing Migration: Lessons from the Philippines *», World Bank, Migration and Development Brief,* 11/08/ 2008.

Contact : amandine.regamey@gmail.com

Ghia Nodia, Ilya University, Tbilisi, Georgia.

The Agenda of Modernization in the Post-Colonial and Post-Communist Contexts

Twenty years ago, the demise of Communism redefined a division between two sets of countries that are supposed to undergo substantive transformation of their (formal or informal) institutions according to a more or less pre-defined normative model. The post-Communist countries (the former 'second world') were now called the 'transitional countries', while what was known as the 'third world' continued to be addressed as a set of 'developing countries'. Respectively, in the social sciences, analysis of transformation processes that were going on in the first set of countries were based on the 'theory of transition', while the processes going on in the 'third world' were covered by the 'development theory'. The latter is also known as 'modernization theory', though the latter term is less frequently used, presumably for the reasons of political correctness.

Both these approaches presuppose the same normative model: the assumption is that ultimately the both set of countries try to emulate economically developed democracies of the West, or the countries that constituted the 'First World' in the Cold War setting (though the latter concept may also include countries that are geographically remote from the West such as Japan, Australia, or New Zealand).

This pre-defined imperative is sometimes contested either on scholarly grounds (because it allegedly implies teleologism), or for ideological reasons (because it implies 'Eurocentrism' or an assumption of western superiority). Here, however, I will not analyze the validity of these objections: This paper is based on the assumption that by and large, 'the Rest' wants to be like the 'West', that is, most people who live outside the developed world want political systems based on democracy and respect for human rights on the one hand, and economic prosperity based on the market economy on the other.

These two approaches are expressed through two geographical metaphors: The West vs. the East (for the 'transitional countries') and the North vs. the South (for the 'developing countries'). It is important to note, though, that within those dichotomies 'the North' and 'the West' are effectively synonymous. To extend the spatial-geographical metaphor, we can imagine two journeys that have different starting points (either in the 'East' or in the 'South' but aim at the same destination represented by the global North-West.

Therefore, we can summarize by saying that there exists the global North-West that is viewed as, on the one hand, the model for the desired transformations, and, on the other hand, major source of support (political, financial) for the success of these transformations. The methods of support needed in those cases are, in their own turn, divided into two kinds: those of 'democracy assistance' and 'development assistance' respectively.

Metaphors may be useful, but we should not allow them to guide out thinking too much. What is actually the difference between these two paradigms of transformation? In the post-Communist setting, 'transition' means predominantly two sets of rather specific transformations: (1) political transition: replacement of Communist totalitarianism/autocracy with pluralist democracy; (2) economic transition: replacement of the command economy with the market economy. However, the 'theory of transition' is focused on the first of

those components. It was initially developed in 1970s in application to the Southern Europe and Latin America and referred to the political dimension of change (rejection of the autocratic rule), so the political transition is the primary meaning of the term. Arguably, introducing democratic institutions is also a more demanding task than that of carrying out market reforms. Respectively, for practical purposes, the term 'transition' is often used as synonymous to 'democratization'.

The comparison between the two concepts (transition and modernization/development) shows important differences with regards to the depth of change, and its time-frame. The concept of transition presupposes that changes are carried out by decisions of political elites within relatively short period of time (usually several years), and then 'consolidated', that is turned into generally accepted routines. This second stage is also supposed to be over within relatively short time: a decade or two would be a typically expected time-frame. When some countries started to muddle through in their transformation processes and it became unclear whether or not they are going to achieve the end result of efficient democratic and market institutions within a reasonable time-frame (if at all), the very applicability of the concept became questioned.

In contrast, the concept of 'modernization' or 'development' presupposes a set of deep transformations in the political, societal, and economic institutions. There is no consensus on the specific list of those transformations, but I can propose here a variety of processes that are usually implied: creation of fairly stable polities with efficient and governable bureaucracies and armed forces, and citizens or subjects with fairly firm sense of belonging to the given polity; replacement of mainly agricultural economies with mainly industrial ones; much greater share of the population living in the cities as opposed to the villages; universal spread of literacy and education in all levels of society; sharp increase in the scope of political participation by different parts of the society; change in the status of religion which implies some level of secularization, whereby religion is either mainly removed in the private sphere or forced to compete in the public sphere with other discourses; acceptance of pluralism of values and interests within a society while it shares some uniform rules valid in the public sphere; development and acceptance of the 'system of separations', or functionally autonomous spheres within the public realm (political, economic, religious, etc); ascriptive definition of social status being replaced with meritocratic one; change in the position of women in the society; etc. Most people (who do not need to be social scientists) would probably agree that the above things have something to do with 'being modern'. Modernity is about changing all aspects of human life: the congruence of these changes I would call the 'package of modernity' (even though every social scientist might have his or her own package).

One can summarize by saying that the concept of development/modernization (1) takes for its starting point a traditional agricultural society (therefore, the process of modernization is more societal than political – unlike 'transition'; (2) implies a lengthy process (which could be measured in decades but maybe even centuries), (3) implies changes that cannot be carried out by a set of political decisions only (though it can be elite-driven).

Apart from the difference, there can be also a positive *link* between the two concepts, and this is an important part of the theoretical (and partly political) debate. This link can be presented as *sequencing in time*. The so-called modernization theory of 1950s claimed that modernization was a *precondition* of democratization: in order to have a

chance to democratize, a country has to modernize first. The theory of transition, on the other hand, rejected this theory of sequence: because democratization depends on decisions taken by elites, any country can have a fair chance to democratize.

This idea of sequencing has an important application to the Communist countries. The assumption of the western political science was that the Communist countries, while living under repressive regimes, were already fairly modernized. In his seminal book about political modernization *Political Order in Changing Societies,* Samuel Huntington put United States and Soviet Union in the same category of modernized countries, as opposed to the Third World countries of Asia, Africa and Latin America that represented lack of modernity. This can be easily understood if we remember that Marxism is a doctrine of modernization, albeit an alternative to the liberal one. Actually, there is obvious similarity between the modernization theory and the Communist theory: Karl Marx also believed in the theory of sequencing and preconditions: fir him, liberal modernization was a precondition for Communism, or a stage that had to precede it. The debate was really ideological: Both agreed that political superstructure was secondary to the societal and economic structure, but disagreed what the more preferable legal and political superstructure was. In that sense, the modernization theory presumed a rather positive outlook for the post-Communist transitions: the societies in question had already been modernized under Communism, all they needed to change were their political institutions and economic policies.

However, the actual record of post-Communist transitions conformed to that assumption only in part. The formerly communist world can roughly be divided into two parts: Those that were successful in their transitions, and unsuccessful ones. There are no hard and fast lines, but those that are already in EU and NATO (or may soon join) can be considered successful, while others share different degree of failure. One can relate this to the level of development/modernity: Those countries that could already be considered ‘modern’, fairly successfully transformed their political ‘superstructures’ into those of consolidated democracy, while others are either muddling through in the grey zone between autocracy and democracy, or did not even try to democratize.

One could define four geographical areas of such failure: Balkans, Caucasus, Central Asia, and rump Eastern Europe (Russia-Ukraine-Belarus-Moldova). These areas, and countries they include, have very different political regimes and stay on rather different levels of development, but what they have in common, is not just deficit of democracy, but deficit of modernity as well. At least, it appears that in many of those countries, many citizens as well as outside observers (who do not need to be social scientists) see the core of the problem in the deficit of modernity (that is sometimes defined as deficiencies of the ‘political culture’ or ‘mentality’). It is no coincidence that such different politicians and Russian president Dmitry Medvedev and his Georgian colleague Mikheil Saakashvili use the concept of ‘modernization’ for defining their agendas of transformation.

If a hypothesis on the correlation between failures of democratic transitions and insufficient modernization is correct, than, arguably, the modernization theory has had its revenge over that of ‘transition’: yes, any country can try to reject autocracy, but for the success to consolidate democratic institutions, one needs high enough level of general development or ‘modernity’.

There are several methodological questions to ask in this regard. First: Was Communism really a successful modernizing force, as it

claimed to be? Why would 'modernization' become the chief policy imperative for a country that had undergone several decades of modernization under Communism? The overall assessment would be that the record of Communism on that score was rather mixed. On the one hand, ideologically Communism is an offspring of Enlightenment, and its actual policies included many measures that are usually defined as those of 'catch-up modernization': it urbanized, it industrialized, it educated, it secularized, it liberated women from traditional restrictions, etc. However, it is also a fact that successful transitions after Communism had happened in countries that had been fairly modern *before* the Communist experiment started. It is hard to say, for instance, that Hungary, or Poland, or Estonia were much modernized by the Communism. Democratization was much less successful, though, in exactly those places, where it was Communism that became the major modernizing force. Moreover, in many places changes that occurred *after* Communism – at least, in the first years, may be described as *demodernization*. This pushes us to say that, somehow, the Communist modernization was in a way a *wrong* kind of modernization, or, as I might propose to say, it constituted *mismodernization,* while the trajectory of the development after Communism proceeded in stages of *demodernization* and *remodernization*.

This means we may have to rethink the concept of modernization itself. Many western theorists 'bought' the self-image of Communism as a successful modernizing force because they considered the process as primarily 'material', that is they mainly reduced modernization to two major dimensions: that of economic development (measuring it by levels of industrialization, urbanization, development of infrastructure, etc.), and rationalization, that is the replacement of traditional views and values by those based on rational reasoning (education rates being the main indicator). But this, as it were, constituted a formal shell of modernity. It underestimated how central the role of *liberal* ideas and approaches had been for the process of modernization. Western modernity – which has historically served as a model for everybody else – started by positioning of the human individual in the centre of the community due to his ability to take sovereign decisions based on reason, and emancipation of such an individual from the power of traditional community. On the societal level, this implies replacement of the traditional community by civil society. One can argue whether this 'ideocratic' component should be considered to be the core component of modernity, or it is somehow produced by the economic developments stemming from the evolution of technology: This would be basically a theological debate over the primacy of the body or soul. But this is not to deny that the ideas of sovereign individual and civil society, as well as societal and political institutions that embody those ideas, constitute the 'soul' of modernity without which any imitation of modernization is deeply defective. That is exactly why communist modernization, while formally successful, later required some level of de-modernization before the countries under question could re-start modernizing on a new basis.

Contact : ghian@iliauni.edu.ge

Report on Section 3

The third session was introduced by four presentations (see the papers), all having in common to deal with:

- The way Caucasus and Central Asian States are using external norms for implementing public policies, would it be in importing global models of development and governance or in borrowing practical tools as in the case of migratory policy in Tajikistan shown by Amandine Regamey in its contribution. The analysis of the new kind of dependency brought by this norms is addressed by all the papers, even if there are slight differences between countries like Tajikistan to which the borrowing of norms was a quite imposed one and the path followed by Georgia and its 'libertarian Elites' described by Jana Zabanova who deliberately chose to adopt a neo liberal scheme and to look more at the US than at the EU as a model.
- The question of possible alternative to this main stream tendency. In the case of Mana Farooghi's paper, playing on geopolitics and especially on the China factor could be a possibility for Tajikistan to engage in a post-colonial State construction. Charles Buxton focuses on the Civil society as a main actor in this game: if many NGOs were in close ties with international donors in the 1990s for and main channel through which norms and policies got through Central Asian countries, some of them began to challenge this agenda in the 2000 and oppose International Financial organizations on their programs, asking for more accountability and raising public awareness.

Following the presentations, the discussion introduced by A. Iskanderyan pointed several questions:

- In relation to the thematic of the conference, the possibility to find a unique definition of *South* - and its possible translation to the countries of the Caucasus and Central Asia. Do we witness a real "southernisation of the Caucasus and Central Asian countries?
- In relation to external norms, the four contributions have shown that the real processes are much more complex than simple importation and it is necessary to understand to what extent the process of borrow and transfer is a pure absorption or to what extent local actors are in capacity to temperate absorption through "filters" or even to imitate? i.e. are Georgian elites genuinely convinced to be "libertarian" or is it more of strategy and discourse ? To what extent Tajik authorities are ready to copy the Philippines migration policy or will just borrow some features and build something else in their country ?...

From the comments made during the discussion, we can also point out:

- the very importance of finding a place to openly discuss those issues, for they are most often hidden in the above mentioned countries.
- the possibility or not to evaluate the impact on country development of policies implemented by the international institutions such as IMF ; or to question the validity of scales and ranking of countries in terms of "development" or "transition"…
- the possibility or not, to which conditions and with which segments of the society the Caucasus and Central Asian countries could gain more independency.

Anne Le Huerou, CERCEC, Paris, France.

Центральная Азия и ее соседи
Central Asia and its neighbors

Гульжахан Хаджиева, к.э.н., доцент, Институт востоковедения, Алматы, Казахстан,

Центральная Азия, Казахстан и Китай: поиск общих подходов к экономическому взаимодействию

С распадом Советского Союза и образованием новых независимых государств в Центральной Азии, данный регион стал широко открытым для всех субъектов международного права. В связи с этим молодые государства региона стали объектом повышенного интереса ведущих мировых и региональных держав и, прежде всего, Китая, для которого проникновение в Казахстан и Центральную Азию стало одним из приоритетных направлений его внешней политики.

Центрально-азиатские республики представляют особый интерес для Китая по ряду причин, в частности, в качестве:

- обширных, еще неосвоенных и, самое главное, непривередливых рынков сбыта своих товаров, что крайне важно для решения Китаем некоторых внутренних задач – сохранение высоких темпов экономического развития страны и особенно ее западных районов, поддержка малого и среднего бизнеса, открытие новых рабочих мест, валютные поступления и др.;
- богатых источников сырьевых (металл, древесина, кожа, хлопок, шерсть и др.) и, особенно, углеводородных (нефть, газ) ресурсов;
- транзитных коридоров для выхода на рынки европейских и азиатских стран, с одной стороны, и континентального моста в страны Персидского залива и Каспийского бассейна, углеводородные запасы которых вызывают огромный интерес китайских стратегов – с другой;
- партнеров, активно поддерживающих его позиции в отношении Тайваня, Тибета и, особенно, СУАР;
- потенциальных союзников в противодействии росту американского и западноевропейского влияния в регионе;
- малозаселенных территорий, куда в перспективе можно будет мирным путем вытеснить часть своего населения в виде репатриантов (казахов, кыргызов, таджиков и др.), сезонных работников, арендаторов и т.д.

Учитывая все это, Китай активно развивает в регионе свое присутствие и, следует отметить, что его усилия уже дают ощутимые результаты. В частности, он выгодно заключил договоры

о границах со всеми постсоветскими республиками, с которыми имел спорные пограничные вопросы; заручился поддержкой своей позиции в отношении Тайваня и СУАР; получил доступ к сырьевым и углеводородным источникам, столь необходимые для своей быстро развивающейся экономики; постоянно повышается инвестиционная активность китайских компаний в освоении углеводородных и гидроэнергетических ресурсов центрально-азиатских стран, в развитии их телекоммуникации, химической, текстильной и пищевой промышленности, транспорта и т.д. В настоящее время Китай интенсивно наращивает сотрудничество с Казахстаном и другими государствами Центральной Азии в различных сферах как в двухстороннем формате, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества [1].

В связи с этим возникают вопросы: какие положительные и отрицательные моменты таит в себе дальнейшая активизация политики Китая в Центральной Азии? Какое влияние она окажет на ход социально-экономических, политических реформ в странах региона и на интеграционные процессы? Как будет развиваться его отношения с другими ведущими мировыми и региональными державами, присутствующими в Центральной Азии?

Сегодня мы наблюдаем явное соперничество великих держав за экономическое доминирование в регионе. Нельзя отрицать наличие конкуренции и за политическое влияние. Дальнейшее усиление этого соперничества может существенно повлиять на межгосударственные отношения внутри региона и, в частности, спровоцировать возникновение новых разногласий, трений между центрально-азиатскими государствами и, тем самым, существенно осложнить и без того слабые интеграционные процессы.

Дело в том, что сейчас, с каких бы позиций мы ни взяли, некогда единый регион – республики Средней Азии и Казахстан в рамках СССР – стал разобщенным. Несмотря на то, что объективные экономические, политические, этнокультурные и другие потребности народов региона настоятельно требуют тесного сотрудничества, интеграции центрально-азиатских стран и проведения ими координированной внешней политики в качестве единого целого, превалирующим остается пока действие дезинтеграционных, центробежных сил. В случае осложнения отношений между ведущими державами, присутствующими в регионе, каждая из них будет стремиться перетянуть центрально-азиатские страны в орбиту своей политики, что может еще больше усилить эти силы и привести к окончательному расколу региона.

Если коснуться обшей ситуации экономических взаимоотношений Китая и центрально-азиатского региона, то можно отметить перспективу их наращивания. В китайской экономической литературе выделяются такие немаловажные факторы и условия, благоприятствующие торгово-экономическому сотрудничеству центральноазиатских стран и Китая, как благоприятные географические предпосылки для сотрудничества; взаимодополняемость экономических структур; культурная близость этносов (казахи, уйгуры, узбеки, таджики и др.), проживающих в Центральной Азии и соседнем СУАР КНР; развитые транспортные коммуникации; благоприятный политический климат [2;3;4].

Важную роль в качественном улучшении центральноазиатско-китайских отношений призвана сыграть Шанхайская Организация Сотрудничества. За 10 лет ШОС прошла непростой период становления и доказала, что является действительно уникальным

механизмом координации совместной деятельности, призванным обеспечить интересы шести равноправных партнеров. Основу ареала деятельности ШОС составляет территория Центральной Азии.

В стратегии развития ШОС все больше усиливается акцент на экономическое взаимодействие. Никто из участников ШОС не может отрицать значимость экономического потенциала организации. КНР выступает в качестве главной силы в продвижении экономического сотрудничества в рамках ШОС. В конце 2003 г. китайский премьер Вэнь Цзябао предложил создать зону свободной торговли в рамках ШОС, на что другие страны отреагировали негативно. Несмотря на это страны согласились в течение последующих 20 лет поэтапно прийти к свободному передвижению товаров, услуг, технологий и капиталов на внутрирегиональном уровне и впоследствии построить на этой основе зону свободной торговли в рамках ШОС [5].

Осознание всеми государствами-членами ШОС общности задачи экономического подъема и улучшения благосостояния населения, необходимости рационального использования имеющихся природных и человеческих ресурсов, согласованных подходов к сохранению окружающей среды, совместных усилий по развитию инфраструктуры способствует становлению международных отношений нового типа, когда стремление соблюсти национальные интересы каждой из сторон перерастает в стремление их согласования.

В активизации торгово-экономических отношений на центральноазиатском направлении заинтересованы все участники интеграционного процесса. Однако не решенным остается вопрос о правилах конкурентной борьбы и о степени открытости рынков торговых партнеров.

Рост экономического присутствия Китая в Центральной Азии, в том числе объемов товарооборота в последние годы приобретает все более устойчивый характер. За первое десятилетие 21-го века суммарный объем товарооборота Китая со странами Центральной Азии увеличился примерно в 13 раз. Это во многом связано с успешной торговой политикой КНР и ростом экономического потенциала СУАР. Если рассмотреть данные о процентном соотношении доли стран во внутреннем товарообороте, то на сегодняшний день из центральноазиатских участников ШОС наиболее высокий объем товарооборота наблюдаются между Китаем и Казахстаном (81 %), значительно меньший с Узбекистаном (11,4 %) и достаточно низкие – с Кыргызстаном, и Таджикистаном (по 3,6 %). То есть характерной особенностью торгово-экономических отношений между КНР и странами Центральной Азии является их неравномерность.

Хотя в торговле между КНР и странами Центральной Азии прослеживается устойчивая тенденция увеличения объемов двустороннего товарооборота, в то же время нынешний формат экономического взаимодействия между Китаем и государствами региона можно охарактеризовать лишь как взаимодополняемый, но отнюдь не как взаимовыгодный. Стратегически важные и относительно дешевые сырьевые ресурсы стран Центральной Азии идут в обмен на более дорогостоящую готовую продукцию из КНР. Это свидетельствует об устойчивой тенденции постепенного превращения Центральной Азии в сырьевой придаток экономики Китая. Как представляется, в условиях глобализации и изменения характера международной конкуренции, центральноазиатским

странам, так и не сумевшим создать сбалансированных национальных экономик и сформировать эффективный экономический блок, может быть отведена только лишь такая ниша.

Особую значимость для КНР представляют энергетические ресурсы Центральной Азии. Расположение центральноазиатского региона в непосредственной близости от границ Китая предоставляет последнему уникальную возможность транспортировать углеводороды по наземным трубопроводам. Центральная Азия в силу своего транзитного потенциала может претендовать на ощутимые дивиденды, используя экономический потенциал ШОС для реализации проектов в транспортном секторе. Полномасштабное осуществление проектов в сфере транзитных перевозок позволит обеспечить приток китайского капитала в национальные энергетические комплексы стран региона, а также диверсифицировать основные маршруты доставки энергоресурсов на мировые рынки. Транспортный потенциал центральноазиатского региона не исчерпывается только трубопроводной поставкой энергоносителей. В перспективе Китай рассчитывает использовать данный регион в качестве эффективного транспортного коридора, обеспечивающего сухопутный выход в Иран и Турцию, а также в Россию и далее, к товарным рынкам Евросоюза. Таким образом, развитие транспортной инфраструктуры Центральной Азии откроет новые инвестиционные и интеграционные возможности региона и значительно повысит его геополитическое и геоэкономическое значение.

Еще одной перспективной формой экономического сотрудничества становится инвестиционная деятельность. Как отметил британский исследователь Джон Маклеод, интерес Центральной Азии в сотрудничестве с Китаем имеет свои прагматические корни. Ведь только Китай может вкладывать свои деньги в проекты, которые коммерчески не дают немедленной отдачи. Среди них строительство дорог в Таджикистане или исследование нефтяных и газовых месторождений в Узбекистане. Вряд ли другие иностранные инвесторы осмелятся оперировать в странах с очень сложными легальными условиями [6].

Однако центральноазиатским странам необходимо иметь в виду, что стратегический подход правительства КНР к инвестиционным проектам в Центральной Азии характерен, прежде всего, тем, что, наращивая свои капиталовложения в соседних странах, Китай дает импульс к интенсивному развитию своей собственной экономики. То, что КНР выделяет льготные кредиты центральноазиатским странам, отнюдь не является простой благотворительностью. Инвестиционные ресурсы идут на финансирование крупных проектов, реализация которых непосредственно завязана на производственные мощности в самой КНР. Освоение природных ресурсов Центральной Азии, сооружение там широкоразветвленной транспортно-коммуникационной инфраструктуры позволяет китайскому правительству загружать долгосрочными заказами свой машиностроительный комплекс, а также на долгие годы плотно привязывать эти страны к китайской технологической идеологии. Необходимо подчеркнуть, что финансовые ресурсы предоставляются Китаем на исключительно льготных условиях и только под обязательство использовать китайское оборудование и технику с привлечением для их обслуживания и эксплуатации специалистов из КНР.

Правительства центральноазиатских государств должны в полной мере осознавать возможные риски, связанные с интеграционными процессами, включая партнерство с КНР. Четкое представление и формулирование позиций своих стран с учетом национальных интересов в двустороннем и многостороннем сотрудничестве поможет извлечь из такого сотрудничества и интереса со стороны Китая выгоду для себя.

Для стран, стремящихся преодолеть сырьевую зависимость, присутствие иностранных игроков выступает существенным фактором, поскольку они вкладывают свои инвестиции в экономику стран-реципиентов. Безусловно, необходимо использовать возможности транснациональных компаний, в том числе и китайских, способных за короткие сроки переориентировать экономику развивающейся страны с внутреннего рынка на внешний, но только при условии наращивания местного содержания и локализации производства на территории стран Центральной Азии.

Таким образом, характер дальнейшего экономического присутствия Китая в регионе и формат центральноазиатско-китайских экономических отношений во многом зависят от того будет ли возрождена региональная интеграция в Центральной Азии. Должно сформироваться мощное экономическое объединение самих центрально-азиатских стран, которое даст возможность развивать региональную экономику и иметь свой важный голос в принятии решений, касающихся центрально-азиатского региона.

К этому подталкивает потребность в совместной поддержке отечественных товаропроизводителей, создании равных условий для предпринимательской деятельности на едином экономическом пространстве. Вместе с тем, интеграционной основой для стран Центральной Азии может служить историческая общность различных народов, проживающих здесь в течение многих веков, их культура, язык, религия, традиции, родственные связи, разрывать которые было бы ошибкой.

Несмотря на большие возможности для всесторонней интеграции между центральноазиатскими республиками этот потенциал не находит до настоящего времени своей реализации. Основная причина такого положения лежит в разнонаправленном развитии национальных экономик и противоречиях по использованию того хозяйственного комплекса, который мог бы объединить пять республик в эффективное региональное интеграционное образование. Поэтому оживление интеграционных процессов становится одной из наиболее насущных задач в регионе. В этой связи актуальное значение приобретает реализация инициативы Президента Казахстана Н.А. Назарбаева по созданию Союза центральноазиатских государств, главной целью которого является экономическое объединение путем формирования общего экономического пространства и единого регионального рынка [7, с.40,46].

Государствам Центральной Азии следует избегать пути «периферийной интеграции» с КНР в качестве сырьевого придатка, не допустить, чтобы Китай, ввиду своей близости, масштабов и амбиций экономически задавил бы весь центральноазиатский регион и пытаться стать самостоятельным центром влияния в Евразии.

Список использованных источников:
1.Хаджиева Г.У. Особенности азиатского вектора в новой внешней стратегии КНР // Монгольский мир. Новый век - новые вызовы (Улымжиевские чтения – IV): материалы Всероссийской научно-практической конференции (24-25 июня 2010 г.). – Улан-Удэ: изд-во «Бэлиг», 2011. – С.384–394
2.Сюй Тункай. Перспективы торгово-экономического сотрудничества между государствами Центральной Азии и Китаем //Рынки России, Центральной Азии и Восточной Европы. – Пекин. – 2006. – № 8. – С. 1–4
3.Лю Хайчи. Влияние взаимоотношений между Китаем и государствами Центральной Азии на безопасность и развитие национальных районов Китая //Журнал Национального университета Автономного района Внутренней Монголии. – Хух-Хото. – 2006 – № 6. – С.45–47
4. Ши Цзе. Всесторонне развивать торгово-экономические связи Китая и стран Центральной Азии //Журнал Пекинского Института по изучению международных проблем – Пекин. – 2006. – № 1. С.14–27
5. Мадиев Е. Перспективы ШОС: взгляд из Центральной Азии – Источник: http://www.easttime.ru
6. http://rus.azattyq.org/content/china_central_asia_economy/2026222.
7. Инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева о региональной интеграции в рамках Союза Центральноазиатских государств (СЦАГ): материалы «круглого стола» / Отв.ред Л.М. Музапарова, Б.К. Султанов. Алматы, 2009.

Contact : khajieva@mail.ru

Stéphane de TAPIA, CNRS Research Senior Fellow, Strasburg University Turkish Studies Department

Turkish Presence in Central Asia: Political, Economical and Cultural Instruments

Except the Ottoman origin Turkish minorities in Balkan countries and Cyprus, nowadays Turkey is the most westerner point of what some intellectual and ideological circles name in Turkey the “Turkish World” (*Türk Dünyası*). We can already note that here “Turkic” and “Turkish”, both named *Türk*, are not separated in the Turkish discourse. Since proclamation of the Turkish Republic by Atatürk in 1923 and until collapse of Soviet Union with consequences as the independence of Central Asia and Caucasus States (1989-1992), Turkey was the last and unique independent member of this large and numerous family which is the Turkic branch of the Altaic languages, extended from Balkans to Mongolia, Siberia and Chinese Xinjiang (which is always Eastern Turkestan - *Doğu Türkistan* - for the nationalistic circles). Considered as the last refuge of both turquism and panturquism (once more not really distinguished in the political discourse, used as *türkçülük* and *türklük* – political turquism and sociological / identity turquism -, Turkey was also refuge of a lot of Azerbaijanese, Turkistani and Tatar intellectuals and political elites members. High personalities as Yusuf Akçura, Zeki Velidî Togan settled in Turkey and became actors of politics and cultural life in Istanbul and after 1924 in the new capital Ankara, others as Mehmet

Resulzade or Mustafa Shokayuly being less integrated or simply passing by Turkey during their exiles outside USSR. Turkey was also refuge of Eastern Turkestan government in exile and some elements of Turkestani peoples passed by Kashmir or Afghanistan as the Kazakhs and Uygurs of Xinjiang between 1954 and 1969, and even some Kyrgyz from Wakhan corridor post 1981. But being refuge of Turkestani populations and elites and acting this in inner politics, Turkish government and particularly his leader Mustafa Kemal Atatürk was very cautious and prudent towards USSR government, as showed by Bezanis (1991 and 1992): for example, the signature of treaty of Gümrü by Mustafa Kemal and Lenin was the reason of exile of Kazakh leader of Bukhara and Turkestan provisory governments from Istanbul to Paris.

This prudence explains that Turkish government, if accepting numerous refugee populations from Balkan countries, Caucasus and lesser Central Asia as did Ottoman Empire, was not military active outside Turkish territory, excepted Hatay (in French: Sandjak d'Alexandrette) in 1939 and Cyprus in 1974, both time under treaties coverts, even if somewhat criticised by international diplomacy. For instance, nowadays Syria and European Union do not accept these "unilateral" facts. Even if the first Turkish Republic with Atatürk's leadership had quite good relationship with Lenin and Stalin USSR, despite of prohibiting of Turkish Communist Party, the ties and links with Central Asian regions which were very tiny in Ottoman era were quasi-inexistent. The Turkish adhesion to NATO, in front of USSR Warsaw Pact, completed the hermetic closing of borders between Turkey, Soviet Caucasus Republics and Central Asia. The climbing and victory of Mao Zedong in China did the same with Eastern Turkestan whose some leaders came to Turkey (as for instance, Alptekin and Buğra families). Idel-Ural, the two Turkestan's, both Russian and Chinese, became an ideological "fief" of Turkish right-wing politicians and particularly of extreme-right movements known over the World as "Grey Wolves" (the Turkish term is *ülkücüler* meaning idealists). So in actual Turkey, knowledge about "external Turks" (*Dış Türkler*) are very precisely oriented and remain in the hands of a few specialised scholars in majority linked with right-wing movements, ultra-nationalists or Islamist circles. Their productions are quite interesting, in particular in linguistic and classic history domains, but always very precisely oriented and clearly anti-communist. In the 1950's, after World War 2, these circles began to work actively with CIA, with the new recruiting of refugees of Basmatchi movement or ancient soviet Krasnaja Armija soldiers, as for instance the Uzbek future Turkish academician Baymira Hayit.

In this geopolitical context, the collapse and implosion of USSR, the consequent independence of Azerbaijan, Kazakhstan, Kirghizstan, Uzbekistan and Turkmenistan, the reconnaissance of autonomous Tatarstan, Tuva, Sakha-Iakutia Republics, and so on, was a very great and amazing surprise. The great and inaccessible dream of Turkish World was now possible and came an era of enthusiastic moment of discovery of the Turkish brotherhood. Under leadership of first Turgut Özal and after his death of Süleyman Demirel, an impressive traffic of diplomatic, university, economic, cultural, delegations went to Caucasus and Central Asia, but also other previous USSR Republics, including so no-turkophone countries as Georgia, Russia or Ukraine, numerous treaties and accords were signed in all domains under the good auspices of USA and European Union (in particular of Germany), students and scholars were exchanged, joint ventures created and Turkish transporters became current on the great transport corridors of

TRACECA and Silk Road. In Turkey proper, some public agencies were created as TIKA or TÜRKSOY and in the same time, a great number of cultural programs decided, as the State-owned television TRT did, with *TRT-Avrasya* channel (1995), now completed with *TRT-Türk* and *TRT-Avaz*.

In this year 2011, twenty years after, what remains of this Turkish enthusiasm towards Central Asian, Caucasian, Eurasian brotherhood? This is difficult to say, but we want here to present a general overview of the really great effort made in favour of rapprochement with the members of the Turk family, some of them being much more "cousins than brothers". Is Turkey really an actor of what some observers named the return of the "Great Game", expression due to writer Rudyard Kipling in the 1890's and 1930's, when British and Russian, first at time of Romanov empire, second at time of birth of Soviet Union, were fierce concurrent in the geopolitical context of the Russian descent towards "Warm Seas"? Conditions have dramatically changed, with collapse of URSS, emergence of economic and political Chinese power. Actually, the crucial point is this of energy sources (gas and petroleum, but also uranium, with routes to export these strategic products to Western countries, including Australia, and Japan. Turkey (and Iran, and Afghanistan or Pakistan) could be the door and the corridor for exports, in concurrence with Russia and China. Turkey seemed to have a good advantage with laicised model of "moderate Islam", market economy and cultural ties due to common Turkish and Turkic languages. Lot of observers, journalists, writers or even scholars, think that the Turkish leadership has totally failed. Turkey was not so rich and powerful against Chinese emergence and return of Russian interests. But we can also observe that the logic and context of Turkish international politics, under the second AKP (and now third!) government, has quite changed, due both to geostrategic and geopolitical ideas of actual Foreign Office minister Ahmet Davutoğlu, author of a best seller book named *Stratejik Derinlik* (Strategic Depth) exposing a vast spectrum of the Turkish interests in the World (where Central Asia is not very present!, opposite to Turgut Özal's views) and European Union absence of clear response to the Turkish adhesion demand to UE membership. These are here important points to discuss.

Among these operations which are often discussed, most in Turkey then abroad (where they are not well-known outside some rare specialists), TİKA and TÜRKSOY have a particular place and importance. But these agencies or delegations are not isolated, in fact a very numerous operations have been tried or realised, belonging to public and private sectors, ministries or foundations, universities or associations, think tanks and even private enterprises or Chambers of Trade and Industries.

TİKA (*Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı*, in English: Turkish Cooperation and Development Agency or TICA) was founded over the American model of USAID and has results, some of them very interesting, in cultural, humanitarian (in case of natural catastrophes, struggle against poverty, medical assistance…), economic assistance. First placed under responsibility of ministry of International Affairs, it was after that transformed in a Delegation of Prime Minister and based in a new building in Ankara. All their operations are listed in publications, reviews, brochures, reports and published both in electronic and paper forms. Some of these, which are not considered by Westerner scholars in their real importance, are locally and symbolically important, as the construction of modern clinics in Kirghizstan, programs of modernisation of irrigation in Tajikistan, women artisanal

practices in carpets stowing in Kazakhstan, participation to installation of Universities and courses in all countries.

TÜRKSOY (which can be translated by Turkish family or clan) is the acronym of Turkish Cultures and Arts Common Authority, Turkish: *Türk Kültür ve Sanatlar Ortak Yönetimi*). Based in an original building built specially for this purpose in Ankara, in front of a new borough of Embassies (including Azerbaijan and Arabic countries) in south of Ankara, TÜRKSOY have been first presided by Polat Bülbüloğlu, Azerbaijani Ambassador, and actually by Düsen Kaseynov, Kazakhstani Ambassador. Its missions consist in common organisations of photographs, paintings, artistic exhibitions, publishing quality books of poetry, literature (modern and traditional) in all the turkic languages, even the most confidential linguistic samples of Siberia. The translations of *destan*s (epic literature) of the oral literatures are well represented and offer a good basis for linguists. But we can say that, unfortunately, this interesting exercise do not touch the public opinion of Turkey and seems to be confidential, despite the high quality of the staff and productions.

The very last operations consist in the double foundation in Ankara of Yunus Emre Institute and the “Ministry” (in fact a new delegation of Prime Ministry) of “Turks living abroad and Family membership” (*Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Genel Müdürlüğü*). The first one was an idea of Pr. Dr. Ahmet Bican Ercilasun, former President of *Türk Dil Kurumu*-Turkish Language Academy) and active member of “Turk-Islam Synthesis”, *Türk-İslam Sentezi*) presented in a report dated from 2000. It consists of the rapid creation an international centre for teaching Turkish languages all around the World based in Ankara but acting in capitals of countries interested by relationships with Republic of Turkey. The first agencies were created in Balkan and central Asian countries, then in Arabic and Islamic and European countries, related to the Chinese model of Confucius Institute. This can be considered as normal for a country able to diffuse its language and culture in international area. Germany has its Goethe Institute, Great Britain its British Council as United States or France do. Since two years, as shown by the Yunus Emre Bülteni, the opening of active centres has been accelerated, with Sarayevo, Tirana, Cairo, Skoplje, Astana, London, Brussels, Damas, Prishtina, Prizren, and in project Paris, Moscow… The aims of the second one are not so clear; also recently created in Ankara, it has since its creation particularly operating about Turkish workers’ diaspora in Germany and other countries.

That is to say that the domain of education is considered of strategic importance by Turkish authorities and can be considered too as a form of soft-power (or an essay of constructing a new Turkish soft power which is a new event outside traditional Ottoman area). That is obvious with the new politics schemes of Ahmet Davutoğlu, but that is not new as shown by the PhD of Bayram Balci about Fethullah Gülen’s movement in Central Asia. Both Turkish State and private groups, Fethullah Gülen being the principal actor of this sector, are involved in education operations all around Balkan and Central Asia. This sector includes schools from basis education to Universities and it is often difficult to determine who or which is the principal actor, Turkish State or Turkish lobbies? As described by Bayram Balci, the religious dimension is not absent, even if very discrete in all Central Asian countries which are, as Turkey, constitutional laic States. The political panturkism dimension is also present, but as described by Fahri Türk, it has been seen as politically not receivable by the authorities of all the new independent States, except maybe Turkmenistan, but the case of

Turkmenistan is not clear (both in Saparmurat Niyazov-Türkmenbaşı or actual Berdimuhammedov eras). For instance, in Kyrgyzstan, Alatoo University and Manas University are linked to Fethullah Gülen movement in the first case, to Turkish State in the second case, but Kazakhstani Türkistan Ahmet Yesevî University, created by Turkish and Kazakhstani States is strongly related to Gülen's movement as shown by the personalities of Yunus Emre Institute in Ankara, coming from… Türkistan city in Kazakhstan. All these schools and universities do not clearly promote Islamic way of life but a sort of westernised Turkish way of life whose observers said that it is somewhat ambiguous. Turkey, officially promoter of laicism, had built a substantial number of mosques in all the Turkic countries, but we must quote that France did the same… in Turkmenistan with Bouygues Engineering group, probably associated with Turkish contractors.

The economic dimensions must be much more clearly studied. Turkish entrepreneurs have been very active in transportation, retails and gross distribution, and more particularly, as contractors in infrastructure, industries, tourism and service sectors. Airports, national roads, a notable part of the new capital of Kazakhstan, Astana, ministries, universities campuses, etc., were built up by Turkish contractors on the model first working and developed in Arabic countries as Libya, Saudi Arabia, and generally petroleum producing countries since 1972. Except Russia, Azerbaijan and Central Asia countries (with Iraq and Afghanistan) are actually the principal destination of Turkish workers. The great majority of the 15.000 Turkish residents in Baku-Azerbaijan is involved in retailed business (confection), restaurant and hostel services, service to persons (as hair dressers or *gözellik salonu*-"beauty salon"), but great hostels are much more discrete in all cities, if built and managed by Turkish groups. The supermarkets and commercial centres are also often proposed by Turkish groups in the capitals and great cities. Groups of Turkish trucks (TIR: Transport International Routier, as defined by the New York Convention of 1975) are visible on the axis of the TRACECA and Silk Road between Georgia and China. We could find a lot of reports about the Turkish presence or economic interests in Central Asia and Caucasus but these reports are often based on the same repeated sources due to a lack of production of viable statistics. We observe also numerous websites of Turkish origin entrepreneurs associations in Central Asia but this source, interesting (for instance with detailed list of members and addresses), must be more completely explored. One point is interesting: each country offers a double presence, the laics' and the Islamist groups' associations, often linked (once more!) to Fethullah Gülen's movement.

Outside former right-wing political formations, a lot of initiatives point in the 1990-2000's, but they seem to be not so numerous in the 2010's. We tried to constitute a databank about these publications those some were high quality and very interesting, but a big majority remains too tied to former right oriented movements. The most interesting are often books written by direct actors who lived in Central Asia and explained their experiences. Publications of TİKA and TÜRKSOY are often of good quality if comparing societies and cultures of Turkic Word in front of Turkish Culture. First official reports, often from TİKA but produced too to numerous ministries, delegations or Chambers of Trade and Industry, were new and rich, but this production was not sufficiently renewed in the context of construction of independent Central Asian Nation-States. A big experience of producing encyclopaedias about Turkic World was conducted by various actors,

but failed to give to Turkish lecturers a real taste of the contemporary Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan or Turkmenistan.

In fact, Turkish and Western interests can be complementary: despite opposition of French commentators, often linked with the right wing of Nicolas Sarkozy's UMP in clear opposition against Turkish adhesion to UE, or more right oriented FN, despite active opposition of European ecologists too, the BTC (Baku-Tbilissi-Ceyhan pipe-line) was built by a consortium leaded by British Petroleum, clearly allied with Turkey's interests, as a transit and terminal country. Turkish contractors or entrepreneurs are allied with international capital as in the case of *Coca Cola Beverages*, international hotel chains, great contracts about oil and gas production (in Azerbaijan and Kazakhstan, for instance the Chevron Tengiz oil field). The case of European TRACECA project is very impressive. Based in Baku, Azerbaijan, TRACECA program aims to develop material and economic conditions to assure transportation corridors, both maritime (Black Sea and Caspian Sea), continental (railroad and highway) between EU and China, without transit among Russia and Siberia (Trans-Siberian railroad and Baykal-Amur Magistral axis). Turkey and Iran were not members in the first years of the program, but unfortunately the gallery of website showed that the majority of TIR traffic was from Turkish or Iranian origin, much more developed and affected towards international activities than for example Uzbek or Russian companies. Logically, as a consequence, Turkey became member of TRACECA program. Turkey develops its proper Silk Road program in Anatolia, aimed to rebuilt and transform architectural and patrimonial heritage (Seldjukid and Ottoman caravanserais) in a touristic park (cultural centres, prestige hotels). Silk Road programs, once proposed by UNESCO (Turkish: *İpek Yolu;* Turkic: *Jibek Joly*) can be an interesting integrative program. It must be quoted that Turkey is very active in Afghanistan, in the military assistance against the Talibans' movements and the reconstruction activities, particularly in infrastructures and social equipment buildings (schools, hospitals, public services) with some 4.000-5.000 workers each years.

I must precise here that I am not so pessimistic than other European scholars (geographers, politists, sociologists), who are often not Turkish-speakers: clearly the somewhat unrealistic dream of great, powerful, and a little bit messianic, Turkish World, collapse. Turkey was not powerful and rich enough to arise to a great civilisation model in order to propose this model to new emerging countries, all of them searching logically to be original, independent, and to find their proper way to develop themselves. The question of emergence of national leaders with strong personalities as President Nursultan Nazarbayev for Kazakhstan Republic, President Heydar Aliyev (and now his son İlham Aliyev) for Azerbaijan Republic, or President İslam Karimov for Uzbekistan Republic, the cases of Turkmenistan and Kirghizstan being quite different, plays a great role too. In the not well-known domain (except by turkologists and specialists of the region) of Turko-Turkestani relationships, two major historical gaps occurred: the first one was the emergence of Iranian-Shiite world (despite of Turkish / Turkic origin of the great majority of the Iranian dynasties, from the Seldjukids in the eleventh century to the Qâjârs until the 1925 year), Persia became a wall between Ottoman and Central Asian Sunnite worlds, despite of very similar classical "Ottoman" and "Djaghatay" languages . The second one was the emergence of Russian power in Moscow and its progressive occupation of Turkic World, from Kazan in the 16th century to Mongolia via Kazakh *Zhüz* territories. If USSR borders were hermetic, Romanov Empire's borders were not so strict but nevertheless,

relationships between the Turks of Russian Empire and Ottoman Empire were tiny and more often due to Muslim Elite or Mecca pilgrims passing over Istanbul, head of Sultanate and Califate. This is to say that recent ties and relations inside the Turkish, or Turkic, World are new and original and must be studied as a whole.

Short bibliography:

BALCI Bayram, 2001, Hoca Ahmet Yesevi : politiques identitaires de la Turquie autour d'un cheikh centrasiatique du XI° siècle, *Asien Afrika Lateinamerika*, Vol. 29, 91-101.

BALCI Bayram, 2003a, *Missionnaires de l'islam en Asie Centrale. Les écoles turques de Fethullah* Gülen, Paris, Maisonneuve & Larose, Istanbul, IFEA (Passé ottoman, présent turc).

BALCI Bayram, 2003b, Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam, *Religion, State & Society*, Vol. 31, n° 2, 151-177.

BEZANIS Lowell, 1992, Volga-Ural Tatars in Emigration, *Central Asian Survey*, Vol. 11, n° 4, 29-74.

BEZANIS Lowell, 1994, Soviet Muslim Emigrés in the Republic of Turkey, *Central Asian Survey*, Vol. 13, n° 1, 59-180.

DAVUTOĞLU Ahmet, 2010 (Ellinci basım), *Stratejik Derinlik. Türkiye'nin Uluslararası Konumu* [Strategic Depth. The international location of Turkey], Istanbul, Küre, n° 1/1, 584 p., 50th Edition.

ERCİLASUN Ahmet Bican (President of the Commission), 2000, *Sekizinci 5 Yıllık Kalkınma Planı Türk Dili Özel İhtisas Komisyonu Raporu* [Report of Special Commission on Turkish Language, 8th Plan], DPT- Devlet Planlama Teşkilâtı, Ankara, DPT 2526, ÖIK 542.

LANDAU Jacob M., 1981, *Pan-Turkism in Turkey. A Study in Irredentism*, London, C. Hurst & Co.

LANDAU Jacob M., 1995, *Pan Turkism: From Irredentism to Cooperation*, Indiana University.

PARLAK Nükrettin, 2007, *Orta Asya-Kafkasya-Balkan Űlkeleriyle İlişkiler ve Türk Dış Yardımları (1992-2003)* [Relations and Turkish Aid towards Central Asia, Caucasus and Balkan Countries (1992-2003], Ankara, TIKA, n° 91.

TŰRK Fahri, 2009, Azerbaycan ve Orta Asya'da Değişim Sürecinde Ortaya Çıkan Turancı Siyasi Hareketler (1989-2007) [Les mouvements pantouraniens apparus dans la période de transition en Azerbaïdjan et en Asie centrale (1989-2007], *Bilig, Türk Dünyası Sosyal Bilimler Dergisi*, 51, pp. 205-230.

WINROW Gareth, 1995, *Turkey in Post-Soviet Central Asia*, The Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, Former Soviet South Project, 53 p.

Contact : stephane.detapia@misha.fr

Аширбек К. Муминов, доктор исторических наук, заместитель директора Института востоковедения, Алматы, Казахстан.

Исламский фактор во взаимоотношениях государств Центральной Азии со странами Мусульманского мира на примере Казахстана

С исламским миром Казахстан взаимодействует в течение столетий. Ислам пришел в Казахстан более 1 200 лет назад. Как известно, начало исламизации Казахстана положили походы Кутайбы ибн Муслима ал-Бахили (704-715). Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир ал-Балазури (ум. в 279/892 г.) в своем сочинении «Китаб футух ал-булдан» («Книга о завоеваниях стран») сообщает о том, что в ходе похода арабов на Чач/Шаш в 94/712-13 г. наместник Хорасана Кутайба достиг Исфиджаба. Область Исфиджаба (Исбиджаба/Испиджаба/Иссиджаба) охватывала бассейн реки Арысь и ее притоков. Новая эра в исламизации региона наступила в период деятельности Абу Муслима ‘Абд ар-Рахмана ибн Муслима ал-Марвази (747-755). Влияние какой цивилизации – ближневосточной или дальневосточной, получит распространение в указанном регионе, решила Таласская битва 751 г., выигранная войсками Абу Муслима. Новые исследования по истории правления этого властелина восточной части мусульманского мира (*Машрик*), главного виновника прихода к власти ‘Аббасидов (749-1258), «хранителя семьи пророка Мухаммада»[60] показали, что он имел склонность к активному обновлению архитектурного и оборонного облика подвластных ему городов и регионов. Как известно, Абу Муслим с 751 г. приступил к реализации своих широких завоевательных планов, где восток Халифата имел совершенно определенное место в его превентивных планах от ожидаемых посягательств на его позиции со стороны ‘Аббасидов.

Сложение регионального мусульманского общества на территории Казахстана проходило в несколько этапов. В процессе формирования и функционирования традиционных мусульманских общин большую роль играла конфессиональная система образования (мактаб, мадраса), сформированная в постмонгольский период на основе местных традиций в области исламских наук. Она сохранила свое влияние до появления джадидистских реформ (усул-и джадид) и разворачивания практики советских идеологизированных школ.[61]

Сейчас наступило время нового возрождения забытых связей. Став членом Организации исламского сотрудничества (ОИК/ОИС) в 1995 году, Казахстан наращивает сотрудничество со странами этого быстрорастущего региона по ряду направлений. Определились четыре основных направления экономического сотрудничества. Первое – торговое, второе – транспортное, третье – туристическое и четвертое – финансовое. Осуществляются программы занятости молодежи; спортивные и культурные обмены; торгового сотрудничества; миграции; противодействия экстремизму и терроризму.

Многие страны ОИС строят свою экономическую политику с учетом религиозных, исламских представлений, принципов шари‘ата. Исламизация хозяйственной жизни стала официальной политикой многих стран. Казахстан осуществляет торгово-экономические связи с 42 странами–членами ОИС. Ожидается, что процесс привлечения инвестиций из региона активизируется с появлением в Казахстане исламских банков.

Выезд казахстанцев в страны региона составляет 58,8% от общего числа выехавших в 2009 году за пределы страны. Для

[60] Shabān M.A. The ‘Abbāsid Revolution. Cambridge, 1970; Sharon M. Black Banners from the East. The Establishment of the ‘Abbāsid State – Incubation of a Revolt. Jerusalem, Leiden, 1983.

[61] Kemper M., Motika R., Reichmuth S. (eds.). Islamic Education in the Soviet Union and its Successor States. London and New York: Routledge, 2010.

сравнения, в 2000 году этот показатель составлял 31,3%. Рост весьма внушительный. Число паломников в Мекку остается довольно большим.

В 1996 году 80 человек учились в известном исламском университете «ал-Азхар» в Египте, 100 студентов – в Турции, 20 – в Пакистане. Активно работает Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак», в котором за период с 2001 по 2007 годы получили религиозное образование 145 студентов. В целом, в теологических учебных заведениях зарубежных стран получают образование порядка 700 граждан Казахстана. В частности, в университетах и учебных центрах Египта обучаются 200 казахстанцев, Саудовской Аравии – более 100, Сирии – более 100, Пакистана – около 140, Ирана – 30, Турции – 80, Ливии – 10, России – 5, Кыргызстана – 2. Из этого числа более 470 человек обучаются в частном порядке, в обход официальных каналов.

Прагматические задачи, стоявшие перед советской марксистской наукой, предопределили выработку новых «нестандартных» теорий и подходов в изучении традиционных мусульманских обществ Центральной Азии. Главный подход состоял в том, что именно в это время сложилась и укрепилась живучая советская традиция изучать историю и культуру Центральной Азии (в пределах границ бывшего СССР) в отрыве от единовременных процессов, имевших место в истории мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока, в качестве отдельного изолированного региона.[62] Это привело к рассмотрению истории духовной культуры вне общего контекста истории ислама, в отрыве от общего исторического и культурного пространства, без учета параллельных явлений, игнорируя корни того или иного учения, практики, существующих в соседних регионах. Такая ситуация создала благоприятную почву для творения новых, искусственно созданных концепций о возможном бытовании и сохраняющейся силе паганистических традиций («шаманизм», «бурханизм», «тенгрианство»), об обособленности национальных культур от влияния ислама («поверхностная исламизация», «ислам не пустил глубоких корней», «наличие иммунитета от влияния экстремистских идеологий») и т.д.

С начала периода независимости наблюдается проникновение различных исламских направлений и движений в Центральную Азию. Главной отличительной чертой общественно-политической жизни стало усиление влияния таких мусульманских стран, как Турция, Саудовская Аравия, Пакистан, другие страны Персидского залива (внешний фактор). Именно в этот период в среде мусульман начинают обнаруживаться определенные признаки разногласия в вопросах соблюдения ритуала (в частности, правила чтения намаза), в понимании некоторых теологических вопросов, в подаче исламского образования, например, различных по своим установкам формах обучения. Наблюдается наплыв различных исламских учений из мусульманских стран, расширение и укрепление связей с зарубежными исламскими центрами, идет постепенная кристаллизация системы мусульманского образования, к концу этого этапа появление новой прослойки исламского духовенства, все большая консолидация вокруг мечетей устойчивых мусульманских общин.

[62] *McChesney R.D.* Central Asia's Place in the Middle East. Some Historical Considerations // David Menshri (ed.). Central Asia Meets the Middle East. London: Frank Cass, 1998, p. 29.

Можно говорить о существовании влияния «арабского ислама», «турецкого ислама», «пакистанского ислама» и др.

Арабские страны

В исламизации региона проявляют заинтересованность различные организации Саудовской Аравии, не имеющие статуса государственных. Среди отдельных джама‘атов Казахстана получило свое распространение появившееся в 1990-х годах в Королевстве Саудовская Аравия учения «Мадхалитов» (последователей шейха Раби‘ Мадхали) и «Суруритов» (их оппонентов). Их отличие состояло в их отношении к учению Саййида Кутба, считающегося родоначальником исламистского радикализма.

Одним из центров Мадхалитов является исламский университет ал-Мадины (Королевство Саудовская Аравия). В Казахстане действуют официальные арабские благотворительные организации как:

1. Всемирная Ассамблея Исламской молодежи, с центром в Саудовской Аравии, городе Медина. В Казахстане в г. Алматы действует представительство этого фонда. Совместно с Алматинским Государственным Университетом им. Абая открыта кафедра «Арабского языка», где осуществляется преподавание арабского языка студентам факультетов «востоковедение» и «филология», заведующий кафедрой – устаз ‘Абд ал-‘Азиз. Директор Алматинского филиала Всемирной Ассамблеи Исламской молодежи Доктор – Абу Муса. Также Всемирная Ассамблея Исламской молодежи занимается благотворительностью, например оказанием финансовой помощи Детскому дому в г. Иссыке, строительством мечетей, домов приютов и т.д.

2. Благотворительный фонд «Абу Даби ал-Хайрийа». Этот фонд в Казахстане представляет директор представительства этого фонда в Казахстане Мухаммад Бахуш. Основная деятельность этого фонда – строительство мечетей, домов приютов, благотворительные пожертвования во время месяцев Рамадан и праздников Курбан-айт, Ораза-айт и т.д. Существуют лицеи, которым они оказывают спонсорскую помощь. При фонде действуют курсы арабского языка.

3. «Благотворительный фонд «ал-Вакф ал-Ислами». Этот фонд занимается благотворительной деятельностью (постройка мечетей, домов приютов и т.д.).

В основном ислам аравийской, фундаменталисткой формы (салафизм, ваххабизм) выступает против суфийский братств (*тарикаты*), местных обычаев, в частности, культа святых. При этом четко наблюдаются определенные идеологические противостояния между арабскими фундаменталистскими организациями и суфийскими организациями (турецкие, иранские фонды поддерживают их в различной форме). Нужно говорить об их образовательном секторе, на который сейчас почти не обращается внимание. Например, при благотворительном фонде «Абу Даби ал-Хайрийа» существуют лицеи, которым фонд оказывает спонсорскую помощь. При фонде действуют курсы арабского языка. Почти все культурные представительства при посольствах арабских стран в Казахстане занимаются пропагандой и преподаванием арабского языка, что является языком Корана и исламской религии. Эта политика проталкивания ислама через арабский язык является малозаметным и весьма эффективным.

Для Египта, одного из государств Ближнего Востока, обладающего наибольшим внешнеполитическим весом, широко

вовлеченным в различные международные инициативы, определяющим фактором политики по отношению к странам региона является, безусловно, прагматический компонент. В Египте функционирует всемирно признанный центр богословия – университет «ал-Азхар», что усиливает позиции Каира в мусульманском мире. Также в Казахстане открыто образовательное учреждение Египетский университет Исламской культуры «Нур-Мубарак», который в единственном числе имеет лицензию на образовательную деятельность в религиозной сфере.

Турция

В Турции получило свое развитие построение так называемого «мягкого ислама» или по-другому «управляемый ислам». По сравнению с иранским или арабским исламом, турецкая модель ислама менее втянута в систему государственной власти, но так же активно используется во внешнеполитической деятельности. Отличительной особенностью турецкой модели ислама являются широкая мозаичность, существование корпоративных религиозных организаций различной направленности.

В этой геополитической конструкции в Казахстане получили свое распространение разные, порой противоречащие друг другу религиозные организации: «Нурджу», «Сулейменчилер», «Накшбандийа», множество образовательных лицеев и университетов и пр.

Пакистан

Также наблюдается проникновение из Пакистана суннитско-ханафитской пуританской школы Деобанди, практикуемой в религиозных организациях «Таблиги джама‘ат», «Джама‘ат-и ‘улама’-йи ислам». Здесь также будет интересно заметить, что в широком диапазоне арабское влияние во внутренние районы Азии осуществляется в основном через Пакистан.

Заключение

В процессах взаимодействия национальной идентичности и религии важное значение имеют споры вокруг понятия «местная мусульманская община». В конце 1980-начале 1990 годов наблюдалось возрождение ислама во всех регионах Центральной Азии. Оно проявлялось в восстановлении обычаев, традиций, стремлении молодежи получать религиозное образование, совершении паломничества к святым местам, в возрождении учений и практики суфийских братств – Накшбандийа и Йасавийа.

Старая традиция при реализации и достижении своих идеологических задач рассматривала своим главным врагом исламскую религию. Практика игнорирования местных богословов, их преследования, искусственного насаждения фундаментализма в российский и советский периоды истории Центральной Азии привела к их постепенной радикализации. Трансформация их статуса от сторонников, союзников государственности в ее недруги, от представителей местного социума, защитников духовности в изгоев послужила главной причиной усиления фундаментализма и политизации в мышлении и деятельности богословов.

В рассмотренном развитии новых учений прослеживается синдром нарастающей политизации ислама. С каждым этапом в этом развитии мы наблюдаем движение ислама от ритуала в сторону политики. Среда, которая представляет тенденцию радикализации ислама в Центральной Азии, выделяется отчужденностью к социуму, мусульманам, среди которых они живут. Это чувство усиливает в ее представителях такие черты, как личная преданность своему лидеру, конспиративность, тяга к

зарубежным покровителям. Еще одна черта этих нетрадиционных направлений – их непредсказуемость, склонность к экстремизму. В условиях существующего идеологического вакуума на постсоветском пространстве исламистские организации имеют широкое поле деятельности. Ограничение этого поля на современном этапе становится очень важной задачей. Народы в регионе Центральной Азии стали обращаться к подавленным в прошлом культурным и религиозным традициям. Медлительность в удовлетворении таких ожиданий приводит к активизации исламистских организаций. Эти силы пытаются создать такую ситуацию, при которой в религии люди склонны видеть панацею от всех проблем, в том числе экономических, социальных и политических.

Инерция, полученная от советского периода, продолжает иметь действие. В период независимости в государствах Центральной Азии вместо создания собственных сетей конфессионального образования, разработки своей идеологии все еще продолжает иметь место готовить кадров для религиозной сферы в других странах.

С другой стороны, возрождение ислама проявлялось и в реисламизации. Зарубежные пропагандисты стали преуспевать в распространении нетрадиционных для региона исламских учений, основании новых общин (джама‘атов). Они большего успеха имеют в среде русскоязычной части населения, которая смогла успеть потерять свои связи с традиционным обществом. Среди них можно выделить салафитские, исламистские («Хизб ат-тахрир ал-ислами», «ат-Такфир ва-л-Хиджра», «Таблиги Джама‘ат»), суфийские (сулейменшилер) и другие учения (заманчилар, нурджилар). Часть из них – салафиты и исламисты обрушились с критикой против «национального ислама». Борьба между этими общинами в точности напоминает борьбу фундаменталистов и представителей «народного ислама» или «сельского ислама». Чем закончится противостояние двух форм ислама, если иметь в виду известную работу Макса Вебера, то понятно, должен одержать верх фундаментализм.

В условиях внешнего доминирования и неразвитости местных официальных религиозных структур актуальной проблемой для Казахстана остается отсутствие национального религиозно-образовательного центра**.** Создание ДУМК можно посчитать положительным шагом, однако нехватка профессионалов с добротным религиозным образованием всегда ощущалась. Открытые религиозно-образовательные центры (Казахско-Кувейтский и Казахско-Арабский университеты в г. Шымкенте, университет «Руханият», колледж «Таййиба», 28 турецких лицеев и 2 высших учебных заведения, финансируемые из Турции, Египетский университет исламской культуры «Нур-Мубарак» и др.) спонсировались из-за рубежа и были в своей основе этноориентированными. Острыми проблемами в религиозной сфере остается сохраняющий сравнительной низкий уровень религиозной культуры, который стал следствием установления советской власти, а на современном этапе, дефицитом высокообразованных религиозных авторитетов и кадров. Зависимость от зарубежных исламских организаций, активизация различных по своей направленности мусульманских движений и течений создали почву для распространения исламистских направлений. Острота проблемы религиозного экстремизма привела к тому, что деятельность государственных органов чаще

сводится к правоохранительным мерам и операциям силовых ведомств. В результате незадействованными ресурсами государственных органов остается осуществление позитивных шагов, направленных на включение исламских ценностей в процесс консолидации общества и укрепления государственности, использование положительного потенциала ислама.

До сих пор сильная неомарксистская интеллектуальная элита и наследники «силовой политики против ислама» в Центральной Азии по-новому продолжают старую советскую политику в отношении игнорирования улемов – носителей традиций местного мусульманского общества. Это чревато последствиями. Во-первых, оно приводит к отчуждению части населения от новых процессов, к маргинализации его части, среди которых происходят процессы политизации и милитаризации ислама. Во-вторых, будет упущена возможность сотрудничества с улемами, учения которых имеют больший мирный потенциал.

Деятельность исламистских группировок стала едва ли не единственным средством социального протеста. Нельзя сбрасывать со счетов и ту поддержку, которую исламисты регулярно получали из-за рубежа, а также радикализующее воздействие обстановки в ближневосточном регионе, прежде всего, в Афганистане, где успехи движения «Талибан» и деятельность исламских радикалов создавали фон, благоприятный для роста поддержки радикальных исламистов в Центральной Азии.

Contact : muminov598@yahoo.com

Елена Руденко к.и.н., НС Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК

Центральная Азия: взгляд извне (на примере воззрений индийских аналитиков)

Как теоретические концепции эпохи постмодерна, так и реальная практика показывают, что весьма важной составляющей международных отношений является идеология, или взаимное восприятие одного государства (или целого региона) другим государством (или регионом). Подобный фактор взаимного восприятия – на уровне общества и на уровне государства – нередко является решающим и в значительной степени предопределяет успех или неудачу в развитии двусторонних и многосторонних политических и экономических отношений. При этом основная проблема состоит в том, что подобное восприятие не всегда отражает фактическую ситуацию. Нередко оно может основываться на информации верной, но неправильно истолкованной, на информации изначально неверной (например, полученной в искаженном виде от третьих субъектов), и даже на домысливании в условиях элементарной нехватки объективных знаний друг о друге.

Данная проблема все еще существует и между такими регионами, как Центральная и Южная Азия (конкретно – Индия). При этом Индия взята здесь в качестве примера не только из-за фактического наличия проблем взаимного восприятия между нею и

центральноазиатскими республиками, но и из-за того, что, являясь в экономическом плане представителем Юга, в политическом плане она близка к Северу, и мнения индийских аналитиков относительно ситуации в Центральной Азии во многом схожи, а нередко вообще основываются на представлениях западноевропейских и американских исследователей. Поэтому на основе анализа взглядов индийских аналитиков на обстановку в центральноазиатском регионе можно в определенной степени сделать вывод о том, как рассматривают этот регион представители Севера. При этом следует сразу отметить, что данное восприятие центральноазиатского региона все еще нельзя назвать вполне адекватным.

Вышесказанное подтверждается рядом следующих фактов.

Прежде всего, следует отметить, что Индия, как, впрочем, и многие другие государства Запада и Востока, все еще воспринимает Казахстан как составную часть всесторонне единого региона Центральной Азии, имеющую лишь незначительные особенности, которые отличают ее от других частей «центральноазиатского целого». При этом в случае с Индией и другими государствами Азиатского континента, подобное восприятие связано с характеристикой, некогда данной региону западными специалистами; при этом в большинстве самых различных зарубежных исследований ясно прослеживается одинаковая тенденция невычленения отдельных государств из региона Центральной Азии по основным политическим и экономическим показателям, что, соответственно, и определяет специфику отношения зарубежных ученых к современному состоянию взаимоотношений центральноазиатских государств. Подобное невычленение отдельных государств в рамках региона связано с этно-лингвистическим, конфессиональным, культурно-цивилизационным и собственно историческим аспектами. Последний подразумевает существование единой Центральной Азии в период функционирования Великого Шелкового пути, в рамках Российской империи и затем СССР. Учитывая же тот факт, что государства Южной Азии являлись активными субъектами торговых и культурных контактов на Великом Шелковом пути и, пусть и пассивными, участниками борьбы Российской и Британской империй за господство в Центральной Азии, а также принимая во внимание тесные советско-индийские связи (причем на протяжении всех этих периодов Центральная Азия взаимодействовала с Индией как единое пространство), данное обстоятельство может считаться в некоторой степени объяснимым. (Здесь важно сразу оговориться, что индийцы воспринимают Центральную Азию как единый регион в силу сформировавшегося на протяжении веков стереотипа, а не потому, что они заинтересованы в том, чтобы Центральная Азия действительно была едина и неразделима. В частности, подобное восприятие региона индийцами не имеет ничего общего с американской концепцией «Большой Центральной Азии», провозглашенной Фредериком Старром, на основе которой унификация этого региона с политическим включением в него Синьцзяна, Монголии и Афганистана действительно представляется желательной).

Суждения о Центральной Азии как о едином регионе касаются также общей внутриполитической ситуации в отдельных государствах, вопросов религии, социального развития, правовых и институциональных моментов и прочих аспектов. Пожалуй, исключением является лишь отмечаемая индийскими авторами

разница в экономическом развитии и внешнеполитической ориентации того или иного государства региона. При этом центральноазиатским республикам в целом дается характеристика как государствам с преимущественно мусульманским населением, этнически разнородным, политически нестабильным, зависящим в своем экономическом развитии преимущественно от обладания природными ресурсами и пр. Если говорить об указанных положениях более подробно, то такой взгляд индийской общественности и ученых на ситуацию в государствах Центральной Азии предопределяет ряд сложившихся о них мнений.

Так, индийцы сильно преувеличивают роль ислама в социальной и политической жизни этих государств, чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, резкая активизация усилий Пакистана, Ирана и Турции по включению в орбиту своего идеологического влияния новых независимых государств Центральной Азии на основе религиозного фактора, вступление этих государств в Организацию Экономического Сотрудничества. Во-вторых, экономический кризис в центральноазиатских республиках, последовавший за распадом СССР и повлекший за собой религиозное возрождение в обществе как попытку поиска идеологических путей выхода из этого кризиса. В-третьих, не слишком обоснованное мнение некоторых западных специалистов и общественности о том, что республики Центральной Азии просто «обречены» на превращение в радикальные исламские государства. Повышенное внимание уделяется также и вопросу о степени исламской угрозы самим центральноазиатским государствам, которую индийцы склонны сильно преувеличивать. В какой-то степени данные воззрения могут считаться верными. Однако в таком случае в рамках понятия Центральная Азия на одну доску ставятся граничащий с Афганистаном Таджикистан, регионы Узбекистана и Киргизстана, прилегающие к Ферганской долине, и Казахстан, где ситуация не может быть охарактеризована столь драматично. Вообще, что касается мнения о распространении исламской угрозы конкретно в Казахстане, то здесь можно сделать два предположения. Либо в подобных исследованиях Казахстан не входит в обычную трактовку «Центральной Азии», либо декларативные заявления казахстанских официальных лиц о «всеобъемлющей угрозе исламского экстремизма» воспринимаются в Индии слишком буквально. Но как бы то ни было, вряд ли для Казахстана может быть выгодным взгляд на него как на государство, реально подверженное угрозе распространения радикального ислама.

Правда, впоследствии в Индии несколько смягчили категоричность подобных высказываний, увидев, что опасения относительно радикальной исламизации пяти республик Центральной Азии оказались, по сути, напрасными.

Далее, индийцев с момента обретения центральноазиатскими государствами независимости беспокоит вопрос об их внутренней социальной и политической стабильности. Вместе с тем, если в более ранних работах индийских авторов выражалась реальная обеспокоенность политическими режимами в Центральной Азии и говорилось о возможности передачи Индией своего опыта в построении демократических государств, то впоследствии ситуация несколько изменилась. Индийские исследователи и политики стали полагать, что в этом нет особой необходимости, что центральноазиатские государства должны сами решать, какая степень демократии им необходима. В настоящее же время для

Индии главное – чтобы любые режимы в Центральной Азии могли обеспечить стабильность в своих государствах и своем регионе для более гладкого и активного сотрудничества между ними и Индией. Однако следует все же иметь в виду, что мнение о не вполне демократичном характере государственных режимов в Центральной Азии у индийцев осталось неизменным, изменилось лишь отношение к этому факту.

Еще один важный момент в этой связи – уверенность многих индийских исследователей и официальных лиц в том, что между республиками Центральной Азии имеются серьезные противоречия, вплоть до конфликтных, также отрицательно влияющие на стабильность в регионе. Таким образом, индийцы долгое время не видели и не знали в Центральной Азии того, чем, в частности, Казахстан так гордится – социальной толерантности и преобладающей внутрирегиональной (не путать с внутригосударственной) стабильности.

Что касается вопроса о сырьевой направленности экономик центральноазиатских государств, то и здесь можно встретить достаточно категоричные суждения. Однако в данном случае мнение индийцев опирается не только и даже не столько на суждения зарубежных исследователей, сколько на общеизвестные статистические данные о предметах торговли между Индией и республиками Центральной Азии. Действительно, мы в основном поставляем в Индию сырье в обмен на готовые товары. Вместе с тем, если в более ранних исследованиях индийских авторов часто говорилось о том, что в Центральной Азии для Индии существуют почти неограниченные возможности в плане разносторонней подготовки местных кадров, то в более поздних работах можно увидеть более взвешенный взгляд на истинное положение вещей. Индийцы стали выделять лишь несколько сфер, в которых их опыт является, несомненно, более значительным, чем наш (высокие и информационные технологии, менеджмент на глобальных рынках и пр.). В остальном же ими признается высокий уровень подготовки местных специалистов в ряде областей, равно как и факт практически стопроцентной грамотности населения центральноазиатских республик.

Здесь следует подчеркнуть, что в целом такие три аспекта, как единство региона, его значимость, прежде всего, с точки зрения наличия природных ресурсов и заинтересованность того или иного внешнего субъекта в регионе именно на основе этого обстоятельства, являются характерными, естественно, не только для Индии. Поэтому это вовсе не означает, что Индия (или что только Индия) смотрит на регион в целом и на Казахстан в частности свысока, лишь как на объект, пригодный для решения своих собственных экономических проблем. Заинтересованность Индии в регионе, по признанию самих индийцев, всегда была связана в первую очередь с политическим партнерством и уже во вторую – с экономическим сотрудничеством. И все же учет данного обстоятельства должен стать существенным элементом внешней политики нашей страны. В связи с этим, необходимо выработать и реализовывать стратегию соответствующего позиционирования Казахстана в мире как, в первую очередь, самостоятельно развивающегося государства, только географически расположенного в регионе Центральной Азии, активно стремящегося отойти от сырьевой направленности своей экономики и взвешенно подходящего к выбору партнеров для сотрудничества.

Таковы основные (однако, далеко не исчерпывающие) «характеристики», даваемые индийцами государствам Центральной Азии, в том числе и Казахстану. Причем некоторые из этих «характеристик» не просто неверно или утрированно отражают реальную ситуацию в регионе и его отдельных государствах, но в отдельных случаях даже полностью противоречат ей. Этот факт заслуживает нашего пристального внимания.

Конечно, целый ряд индийских ученых довольно рано стали создавать работы, в которых анализ событий в Центральной Азии и будущих перспектив их сотрудничества с Индией делался на основе взвешенного подхода, критического использования источников и, соответственно, выглядел не так странно и курьезно. Индийцы подчеркивали ошибки и неточности, подобные перечисленным в статье, в работах как отечественных, так и зарубежных коллег. Индийские ученые все лучше осознавали, что из западных источников, которыми они вынуждены пользоваться за неимением иных, они получают не самую достоверную информацию о центральноазиатском регионе.

Кроме того, автор настоящей статьи также не исключает вероятности того, что под «ошибками» во взглядах Индии на государства Центральной Азии может скрываться некая политическая игра. Так, например, говоря о весьма значительном влиянии исламского фактора на стабильность в Центральной Азии, Индия могла и может ставить перед собой цели: а) привлечь центральноазиатские республики к более активному сотрудничеству с ней в борьбе с реальной угрозой со стороны исламских радикалов; б) подстраховать себя от роста исламского экстремизма в республиках Центральной Азии путем превентивного напоминания об этом государствам с преимущественно мусульманским населением; в) получить возможность более активного участия в политических делах центральноазиатских государств на основе необходимости защиты своих «секулярных ценностей». В этом случае «исправление» подобных «ошибок», разумеется, требует несколько иного подхода.

И, тем не менее, при любых допущениях нельзя отрицать тот факт, что в Индии в целом все еще слабо осведомлены о центральноазиатском регионе.

Поэтому со стороны центральноазиатских государств дать индийцам возможность больше и лучше узнать о нас важно также потому, что Индия, в отличие от ряда других государств, интересуется нашим регионом и его отдельными республиками не только с точки зрения месторождений углеводородного сырья и создания транспортных коридоров, но с точки зрения развития всестороннего, полномасштабного и взаимовыгодного сотрудничества.

В заключение хочется отметить, что целью данной статьи являлась не только и не столько демонстрация большей или меньшей ошибочности и искаженности в недавних представлениях индийцев о центральноазиатском регионе вообще и о Казахстане в частности, но и указание на стереотипы относительно Казахстана, имеющиеся не только у Индии, но и многих других государств, которые нужно активно преодолевать на внешнеполитической арене.

Contact : lenochka_rud@mail.ru

Mirzokhid Rakhimov, Head of "Contemporary History and International Studies Department", of the Institute of History Academy of Sciences Uzbekistan

Central Asia and Japan: Mutual Cooperation and Perspective on Wider Partnership.

With the collapse of the Soviet Union in the 1991s Central Asian nations and Japan established diplomatic relations and during two decades of partnership began to increase steadily as manifested by the level of official contacts and Japanese economic investment to the region. In 1997 the "Silk Road" Diplomacy concept was formulated for Japan`s policy toward Central Asia.

Japan's "Silk road Diplomacy" was highly lauded by countries in the Caucasus and Central Asia. Japan's ODA yen loans to Central Asia are about US$2 billion so far; grant aid is rather small, totaling US$600 million up to now. Within that sum, about US$260 million is for technical assistance towards capacity building. ODA`s loans were used for infrastructure development in Central Asia: roads, modernization of airports, railways, optical fiber lines, bridges, power plants, vocational schools, water supply and canalization system.

ODA was used to technological innovation and constrictions and Central Asian nations defined priorities themselves.

In January-February 2010, the author performed qualitative sociological survey among 20 scholars from academia and experts from government (including, institutes of strategic studies) and nongovernmental organizations in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan on the Central Asia-Japan bilateral and multilateral relations.

On August 28, 2004, Japan Foreign Minister Kawaguchi held a joint meeting in Astana, Kazakhstan, with the Ministers of Foreign Affairs of all the Central Asian countries except Turkmenistan. The ensuing Joint Statement declared that Japan and the four Central Asian countries had agreed to launch the new forum, "Central Asia Plus Japan".

In August 2006 was made the first visit by Japanese Prime Minister Koizumi to the Central Asian republics of Kazakhstan and Uzbekistan is part of Japan's efforts to shape its foreign policy towards this resource-rich and strategically important region. During Koizumi's visit to Kazakhstan, where the memorandum on cooperation in peaceful exploitation of nuclear energy and uranium mine development was signed. In Uzbekistan, in addition to energy-related talks and the commitment of both sides to launch a framework for working-level talks on various issues, including Japans aid for education projects involving increased number of students from Uzbekistan attending Japanese educational institutions.

In autumn 2006, Aso Taro, Minister of Foreign Affairs of Japan in the new Cabinet under Prime Minister Abe Shinzo, launched a new initiative "The Arc of Freedom and Prosperity". In the same year, the Japanese Ministry of Foreign Affairs (MOFA) set out to create the Arc of Freedom and Prosperity (AFP) as a new pillar for Japanese diplomacy. The AFP was represented an a initiative for foreign policy based on democracy, among the entire area along the rim of the Eurasian continent, including

ASEAN countries, Central and South Asia, the Middle East, the Black Sea region, and Central and East Europe.

There are some challenges and problems in the Central Asia and Japan relations. For instance, according to Uyama the general public and political circles in Japan, do not always recognize the importance of Central Asia, and diplomats and experts who work with this region have often had difficulties in explaining why Central Asia matters.

In Central Asia there is also different understanding and approaches toward Japan. In my pool experts also mentioned some problems in Central Asia–Japan relations. Though the majority (80%) consider started the absence of the problem in the relations of their country and Japan, but 20% of the respondents mentioned some problems, including language problem, low level political cooperation compared with economic relations, moderate level of economic cooperation, weak contacts and experts, lack of experiences of Japan business in Central Asia.

It should note that after terrible earthquake in Japan in March 2011 all Central Asian countries expressed their support and Uzbekistan and Kazakhstan provided humanitarian assistance to the country.

Multilateral approach: Central Asia plus Japan.

The geopolitical situation in the Central Asia changed considerably in the second part of the 1990^{s} and at the beginning of the millennium, when China start began activating bilateral and multilateral relations in Central Asia with starting Shanghai process in 1996, Russia reestablished its position and sphere of interest in Central Asia, also joint activization of Russia and China, changing situation in Afghanistan and Taliban's came to power and its influence to the regional security. In 2001 after the terrorist action in the US, the new geostrategic transformation came to Central Asia with the appearing its military bases in Central Asia countries – Uzbekistan and Kyrgyzstan, NATO contingent in Uzbekistan and Tajikistan and starting counterterrorism operation in Afghanistan. Also it was grooving of Central Asian importance as the natural resource of the region, significant geo-economic potential and verification of energy delivery to the world market.

Also in the beginning of 21st century we see activization of India, Korea and Japan in Central Asia, which were mainly welcomed in the region. If compared with India and Korea, Japan attempted to implement not only active bilateral partnership, but also multilateral one. Tokyo recognized the growing strategic importance of Central Asia in the context of international security and sought to play a more active role as an Asian nation in Eurasia.

In 2002 in Asian Forum in Boao of China, former Prime Minister of Japan presented a speech for Central Asia as the continent's geo-strategic hub in the integration of the region in economic cooperation with countries in East Asia. It was a call to join the transcontinental efforts to attract capital and technology to create and enhance the effectiveness of infrastructure in the region, including construction of oil and gas pipelines from the region in the East and South-East Asia.

As continuation of the this new approach in August 2004 Japanese Foreign Minister Yoriko Kawaguchi[63] visited the four countries of Central Asia – Ouzbekistan[64], Kazakhstan[65], Tajikistan[66] and Kyrgyzstan and held

[63] http://english.peopledaily.com.cn/data/japan.html
[64] http://english.peopledaily.com.cn/data/uzbekistan.html
[65] http://english.peopledaily.com.cn/data/kazakhstan.html

talks with presidents. The talks mainly focused on the issues of bilateral relations, regional cooperation and situation in Afghanistan[67] and a series of documents were signed. Also on August 28, 2004 the first foreign ministerial conference of "Central Asia plus Japan" was held in Astana, the capital of Kazakhstan. In the conclusion of the conference, foreign ministers signed a joint declaration in which pointed out that all the participants expressed the hope that they will continue the dialogue and develop the cooperative relations in all spheres between Japan and the Central Asian countries. Yoriko Kawaguchi's visit to the Central Asia is aimed at consolidating and strengthening the bilateral and multilateral relations between Japan and the Central Asian countries and will further boost Japanese influence over the region.

The main concepts of inter-regional cooperation “Central Asia plus Japan” were declared respect different points of view, competition and coordination and open cooperation.

In October 2006 the Foreign Ministers of Japan, Kyrgyz Republic, Tajikistan, Uzbekistan, the special envoy from Kazakhstan and also the Foreign Minister of the Islamic Republic of Afghanistan as a guest held the Second Foreign Ministers Meeting within the framework of the "Central Asia plus Japan" Dialogue in Tokyo and discussed how the countries could cooperate among themselves, focusing on the promotion of intra-regional cooperation.

However, the further development of Central Asia plus Japan was very slow and not concrete, example it was planned for the Japan Minister of Foreign Affairs Aso and his counterparts from Central Asia to meet while they attended the General Assembly of the United Nations in 2007, but, it did not happen. According to information from Central Asian embassies, there was also a plan to hold the third ministerial meeting in Tashkent in 2008, but due to some problems from Japan side, including often replacement Prime Minister Administration the Tashkent meeting would not be organized. Only in August 2010 it was organized third ministerial meeting in Tashkent (Uzbekistan) and agreed to have Central Asia-Japan economic forum in 2011 in Tokyo.

According to my survey among the majority of Central Asian experts (80 %) consider the format “Central Asia plus Japan” as “having little effect”, but the initiative could support future regional cooperation, due to the absence of geopolitical interest of Japan in Central Asia, its historical transformation and presumably its economic activation. At the same time 20 % of respondents consider initiative “insignificant and having negative effect on the future cooperation”.

The Central Asian nations consider cooperation with Japan to be strategically important and collaboration also will also build closer trade, economic and investment interaction between Eurasia, Europe, the Middle East and Asia-Pacific region, using geo-strategic and other advantage.

During many years Japan shows interest in the «political stability and development of all forms of cooperation» with the countries of Central Asia, the desire to strengthen and consolidate its presence in the region to ensure greater stability in the supply of energy for its economy. At present Japan imports some 90% of its crude oil from Middle East and it is essential energy security of Japan.

According to Japanese scholar Takeshi there is also a link between Russia and Central Asia in the context of the Japanese strategy of energy supply from Eurasia. The idea of diversifying the supply route

[66] http://english.peopledaily.com.cn/data/tajikistan.htm
[67] http://english.peopledaily.com.cn/data/afghanistan.html

was driven by Japan's pragmatic policy towards Russia, especially since the beginning of the 21st century. Also Japan and Russia have shared mutual interests in Central Asia regarding energy issues, and especially regarding the construction of a cooperative regime of technology for the peaceful use of nuclear energy.

The Japanese also consider that the development of the transcontinental transport system will intensify the integration of Central Asia in global trade, as well as provide access to the development of commodity resources in the region. Japan like many other countries is very interested and supported in the speedy release of Central Asia on any of the possible routes through China, Turkey, either through Iran or Afghanistan and Pakistan. The future transport communications projects will serve to foster economic relations between Central Asia and Japan itself.

According to MOF of Japan continues to support efforts of the Central Asian and Caucasian countries towards democratization and transition to the market economy, through bilateral means as well as through the framework of the "Central Asia plus Japan" Dialogue and others.

Sum, Central Asia Plus Japan initiative is a good platform for multinational partnership, but it is necessary to define the particularly goals and measures, gradually widening it the scale and scope of cooperation with participation off all interested nations and international and regional organizations.

CA-Japan in the context of wider international cooperation.

In the post-Cold War period Japan expanded its foreign and security policies to include the Asia-Pacific and Eurasia. Japan had considerable transformation in relations with China, Korea, India and different multilateral formats, including ASEAN.

There are different regional organizations in Eurasia- CIS, CSTO, Evraszes, SCO. According to author's sociological survey and interviewing the experts from Central Asia consider the SCO as the most successful organization in Central Asia. There are different opinions on the perspective of Japan and Central Asia relations in the context of different organizations, including the SCO. For the Central Asian states, pointed out Marat Nurgaliev from the Kazakhstan Institute for Strategic Studies, participation of Japan in the SCO is very beneficial as well. Regarding the long-term interests of small members of the organization (Central Asia countries) participation of Japan to the SCO is enlargement of space for economic and political balancing in fact. Thus, it is necessary to emphasize that on the modern stage Japan has enough opportunities to involve more actively in the region of the Central Asia and for starting cooperation with the SCO as well. Japanese scholar Iwashita proposed in the framework of SCO to create an ad hoc status at the summit, perhaps with a "Guest" status; Pre-summit interactions: for example, Establishing a "SCO Plus Alpha" format; from a "Guest" toward a "Partner." The framework could be laid out in the form of the SCO Plus Three (EU, U.S., Japan), the SCO Regional Forum and so on; Linking the SCO and other regional organizations such as SAARC, ASEAN, the Six-Party talks.

During the SCO summit in Tashkent in June 11, 2010 it was several documents were signet, and the most interesting was "Regulation on accepting new member countries of SCO". According to the document, a country candidate to the membership should be from Eurasian region, have diplomatic relations with all member countries, to have an observer status or a partner on dialogue status, not to be under the UN

sanctions, not to be in the military conflict with any other country or countries. The summit was an important stapes for further transparence of the SCO and in future it is necessary for the SCO to develop strong partnership with Japan, Korea and other Asian and European countries.

It should be noted that Japan has a strong positive image in Central Asia, which could be regarded as an additional factor for fostering bilateral and multilateral Japan and Central Asian cooperation.

Since the beginning of international counte-terrorism operation in Afghanistan, Japan is one of the main donors to reconstruction in Afghanistan, where Japan is conducting replenishment support activities in the Indian Ocean through the Maritime Self- Defense Force. In addition Japan a contributing considerable assistance in to the areas of infrastructure development and health and education through ODA. As for Afghanistan's neighbor Pakistan, Japan is actively pursuing efforts toward the eradication of terrorism and the stabilization of the economy. From September 2001 to July 2009, Japan has donated US$1,79 billion for humanitarian aid, democratization, governance, security sector reform, and other reconstruction assistance for Afghanistan.

In summer 2009, the United States crystallized these ideas in establishing the Northern Distribution Network (NDN), as a series of logistic arrangements linking the Baltic and Caspian ports with Afghanistan via Russia and the Central Asian states. This will lead to a strengthening of the partnership between the United States and Central Asia will increase the stakes for Central Asian interests in Afghanistan. The US has a more generally adopted and wider regional view linking Central Asia strongly with the South Asian region.

Central Asian countries also participate in the reconstruction process in Afghanistan. Stabilization of Afghanistan is the key factor of security of Central Asia and the future international communication project thought Afghanistan also would foster broad Asian and Central Asia-Japan partnership.

Talking on perspective of the broad partnership in Asian continent, we could mention the concept "Broader East Asia" or "Eastern Eurasia". Central Asia according to Uyama, occupies an important place in Broader East Asia.

Continuing discussion on the future prospects of the broader bilateral and multilateral partnership, I think it will be good to develop a new concept which can be conventionally entitled "The Concept of Broad Partnership on Silk Road" which will be the basis for intercontinental space of trust, political dialog, mutual understanding and a wider range of cooperation among European and Asian countries and also other nations from different continents.

Sum, Central Asian countries and Japan during almost two decades extended bilateral relations and multilateral partnership. There are some challenges and problems of the relations, nevertheless there is a large potential and prospects for improvement and fostering regional cooperation in Central Asia and as well as Central Asian partnership with the vast Asian continent and beyond.

Contact : mirzonur@yahoo.com

Экономические ресурсы, экономические субъекты и граница Север/Юг Economic resources, economic actors and the North / South border

Жулдвзбек Абылхожин, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, и Мостафа Голам, КИМЭП (Казахстанский институт менеджмента, экономики и прогнозирования), Алматы

Дилемма «Север-Юг»: внутристрановые социально-экономические и социально-культурные проекции (центральноазиатский вектор)

Позиционирование «Север–Юг», отчетливо фиксируемое в постсоветском пространстве Центральной Азии, исторически формировалось под воздействием самых разных факторов, таких, например, как специфика природно-климатических ландшафтов, особенности историко-географических провинций и областей, хозяйственно-культурная дифференциация, асимметрия этнодемографических и социокультурных параметров тех или иных регионов.

Не вдаваясь в слишком отдаленную ретроспективу исторического влияния этих и других опосредований, мы сконцентрируем причинный поиск проблемы «Север–Юг» исключительно на периоде ее советского и постсоветского генезиса. При этом будут артикулироваться два соподчиненных аспекта: социально-экономический и социокультурный.

Известно, что советская экономика, будучи по своей природе нерыночной, демонстрировала соответственно ярко выраженный экстенсивный характер. По сути, она располагала лишь двумя ресурсами для своего какого-то движения. Это – стратегия бесконечно расширяющегося природопользования (беспрецедентные распашки обширных земельных массивов, нещадные вырубки лесов, освоение все новых и новых месторождений полезных ископаемых, нескончаемое строительство гидроэлектростанций и т.д.) и перманентное наращивание массы труда (вспомним хотя бы регулярные

директивно-идеологические кампании по мобилизации рабочей силы).

Отсюда понятно, почему наиболее масштабные государственные инвестиции аккумулировались именно в точках экстенсивного роста. Они же выступали основными центрами притяжения союзной, то есть межреспубликанской, трудовой миграции.

Естественно, что практика экстенсификации советского народного хозяйства десятилетиями формировала неравномерную межрегиональную диспозицию производительных сил, их все более углублявшуюся территориальную диспропорциональность.

Подобные тенденции отчетливо наблюдались и в Казахстане. Так, в его северных, восточных и центральных регионах (районах развития цветной металлургии, топливно-энергетического комплекса, военно-промышленных производств, освоения горнорудных месторождений и целинных земель) сложились относительно развитые производственные и социальные инфраструктуры. Здесь динамично протекали процессы урбанизации. А в результате длительной внешней миграции трудовых ресурсов (только на Целину прибыло, по некоторым оценкам, около 1 млн. человек из различных республик СССР, главным образом из России и Украины) данные регионы превратились в обширные этноконтактные ареалы с глубокой социокультурной диффузией и интернационализацией общественной жизни (например, на севере республики 20% браков имели в 1970-е−1980-е годы межэтнический характер).

В это же самое время южные и западные области Казахстана продолжали стагнировать в качестве внутренних аграрных периферий. Абсолютная доля их ВВП формировалась за счет сельскохозяйственного производства. С ним же была связана трудовая деятельность большей части населения (прежде всего, конечно, казахского). Перемещение «южных» сельчан в такие города, как Чимкент, Джамбул, Талдыкурган, в столицу Алма-Ату, а уж тем более в городские центры северных, восточных или центральных областей обнаруживало в 1970-е–1980-е годы не слишком заметную динамику.

Согласно Всесоюзным переписям населения, в 1970 году в городах проживало 26,3% казахов, в 1979 году – 30,9%, а в 1989 году – чуть более 38%. Иначе говоря, казахи даже к концу 1980-х годов оставались преимущественно «аграрным» этносом, поскольку абсолютное их большинство являлось сельскими жителями.

Как мы знаем, маркерами излома по линии «Север−Юг» (рассматривается ли он в глобальном контексте, или на уровне каких-то региональных локальностей) выступают в первую очередь социально-экономические характеристики. Другими словами, здесь чаще всего апеллируют к бинарной оппозиции «экономически развитые страны/регионы – экономически неразвитые страны/регионы».

Вместе с тем при этом вовсе не забывается, что важнейшей проекцией разноскоростного социально-экономического развития выступают социокультурные противоречия. В самом деле, если для экономически развитых, индустриальных сообществ характерно модернизированное общественное сознание, то в доиндустриальных устойчиво транслируются установки и стереотипы аграрно-традиционной ментальности.

Мировой исторический опыт показывает, что воспроизводство последних приостанавливается, а в последующем почти полностью

блокируется только императивами развития рыночной экономики (не будем здесь задерживаться на раскрытии их разнообразной структуры).

Но эти императивы, естественно, не «работали» в СССР уже в силу нерыночной парадигмы его развития. Можно, наверное, согласиться, что в призме рассмотрения технологически-экономических характеристик, структуры производительных сил и прочего страна виделась одним из индустриальных гегемонов. Но в своем культурно-цивилизационном статусе советское общество оставалось именно аграрно-традиционным (хотя и в превращенной, то есть его осовремененной и видоизмененной, модификации).

Поэтому ясно, что в советском социокультурном пространстве отнюдь не «умерли» мотивационные установки, характерные для логики массового сознания аграрно-традиционных обществ. Однако эти установки некоторым образом трансформировались или корректировались процессами урбанизации. Городская субкультура, конечно, не нейтрализовала их полностью. Но в ее сфере они делались как бы подавленными и более адаптивными к реалиям современной жизни.

Что касается сельской субкультуры, то она продолжала оставаться естественным доменом и очагом устойчивой консервации аграрно-традиционного мировосприятия. Долгие десятилетия советское государство пыталось перестроить его в азимуте коммунистической доктрины. Но здесь можно вспомнить, что такие ее центральные идеалогемы, как всеобщее равенство или социальная справедливость, понимаемая как примитивное уравнительное перераспределение ресурсов, совпадали с ценностями доиндустриального крестьянского мира.

Отметим также и то, что образованные в свое время колхозы и совхозы, в сущности, представляли собой не что иное, как переиначенные (перевернутые) на социалистический лад те же общинные, но уже огосударствленные структуры. Разница была лишь в том (опуская иные важные моменты), что здесь традиционные горизонтальные связи были замещены вертикально-командными иерархиями. Следовательно, можно сказать, что создание колхозов и совхозов, но не рыночных фермерских хозяйств, порождало своеобразные резервации аграрного традиционализма. А потому, несмотря на широкомасштабные советские проекты (колхозно-совхозную систему, коммунистическую социализацию сельчан, ежедневную идеологическую пропаганду, различные аграрные реформы и прочее), примордиально общинно-крестьянское сознание сельчан, назови их хоть «тружениками социалистического сельского хозяйства», лишь мимикрировало под давлением жесткого режимного контроля, но от этого вовсе не испарялось.

В школах и на общественных собраниях озвучивались официальные декларации, призывы к «советским моральным и поведенческим ценностям». И действительно, в публичной жизни они массово и успешно имитировались. Но на обыденно-бытовом, частном уровне (семейно-родственные контакты, тесно доверительные дружеские отношения и т.д.) осуществлялась трансмиссия различного рода группоцентристских ориентаций, свойственных аграрно-традиционному сознанию (тем более что в конечном счете, как уже отмечалось, они ничуть не разнились и даже удобно сочетались с природой такой же узкокорпоративной, хотя и советской их модификации).

В силу сложившихся исторических обстоятельств в советское время города и городские поселения традиционно являли собой ареалы расселения представителей преимущественно русского и других этносов, тогда как казахи, как отмечалось выше, проживали главным образом в сельской местности. Поэтому при «входе» миграционных потоков (тогда это были больше ручейки) в города происходила встреча не просто двух пространственно локализованных социокультурных миров, но и двух этнически разнородных субстатов. Это вызывало как диффузию (взаимопроникновение), так и взаимоотторжение неадекватных modus vivendi, т.е. образов жизни.

Казахи-мигранты как носители сельской субкультуры, прибывая в города, были вынуждены осваивать иные, чуждые им культурные ценности и стереотипы, социальные роли, образ жизни, присущие как собственно городской субкультуре, так и культуре доминирующей городской этногруппы. И если городские казахи (в последующих поколениях) стали являть собой субъекты причудливого симбиоза разноплановых культурных ориентаций, во многом дезориентированных в своей социокультурной идентификации, то сельские мигранты выступали носителями контртенденции.

В результате такой разноаспектной маргинализации города образовывали динамические социальные поля, где действовали разновекторные силы притяжения и отторжения, социально-психологических симпатий и антипатий групповых интересов.

Агенты этих интересов могли подолгу жить бок о бок в состоянии определенного равновесия и баланса, но сохраняя при этом чувство подавленной ксенофобии. «Оставаясь в растворе», она могла время от времени (на бытовом уровне) кристаллизироваться (можно вспомнить в этой связи, например, трагические декабрьские события в Алма-Ате в 1986 году).

Итак, в 1980-х годах процессы маргинализации протекали преимущественно по линии перемещения из сельской субкультурной среды в урбанизированную. Прибывая в города, сельские мигранты привносили сюда присущие им системы ценностей, психологию, поведенческие стереотипы и установки (многие из которых, как уже отмечалось, совпадали со структурой аграрно-традиционной ментальности). Но вчерашние сельчане были вынуждены приспосабливаться к урбанизированному образу жизни. И надо сказать, что, поскольку сельско-городские миграционные потоки имели тогда более или менее контролируемый характер и не были столь обширными, как позже, принимающие города были способны обеспечить такую адаптивность. А потому это был по своему качеству, (а не по чисто количественной динамике новых городских жителей) именно позитивный процесс урбанизации.

С развалом СССР, а затем и обрушением в одночасье советской колхозно-совхозной системы ушел в небытие ставший уже давно привычным и устоявшимся регламент жизни сельчан. Разразившийся кризис охватил всю экономику, но его наиболее обвальные последствия сказались именно в сельском хозяйстве.

Сельчане моментально утратили прежнюю относительно стабильную занятость и источники жизненных средств. Они поневоле превратились в наиболее массовых «рекрутов» пауперизации (то есть процессов дезинтеграции относительно производственных отношений и обнищания). И эти обширные потоки пауперизировавшихся обездоленных сельских жителей в

поисках хоть каких-то лучших или минимально приемлемых жизненных альтернатив устремились в города.

Понятно, что постсоветская сельско-городская миграция обрела качественно иные характеристики. Она стала гораздо более динамичной и несоизмеримо объемной. Самым массовым субъектом миграции являлись молодые поколения. Ведь во все времена именно они отличались повышенным уровнем социальной мобильности. Но для них также всегда и везде характерен безапелляционный и агрессивный максимализм, подчас весьма нигилистский и консервативный. Образовательный и профессионально-квалификационный уровень абсолютного большинства сельских мигрантов был неадекватен требованиям современного сектора занятости. Поэтому они были заняты преимущественно на малоквалифицированных, низкооплачиваемых работах или в неформальном секторе. А это, по сути дела, означало их дальнейшую пауперизацию. Мигранты становились самыми массовыми носителями социальной эксклюзии, так как были исключены из доступа к социальным ресурсам города (здравоохранению, образованию, социальному обеспечению и т.п.). В этом контексте можно утверждать, что постсоветская сельско-городская миграция была симметрична процессам пауперизации и маргинализации.

И именно таким структурно-качественным типом миграции стали «затапливаться» города, особенно в южных регионах страны. В результате позитивный процесс урбанизации сменился на негативные явления рурализации или кантрификации. Уже не сельские мигранты в целях адаптации осваивали урбанизированную субкультуру и этос, а города, будучи неспособными адаптировать всю миграцию, превращались в объекты агрессивной интродукции традиционной сельской субкультуры. Города, вопреки своей «родовой» функции, начинали жить по правилам, стереотипам сельской жизни, подчиняясь ее нормам и логике.

Известно, что модернизация, предполагающая быстрые и радикальные изменения, всегда сопровождается фрустрацией (дезориентацией) в настоящем и тем более в будущем, смыслоутратой в жизненных экспектациях (ожиданиях) и т.д. В этой ситуации происходит ревитализация (оживление) традиционализма. Фрустрированные индивиды, спасаясь от непредсказуемости, кажущегося хаоса радикальных изменений, движимы поиском стабильности и понятной им определенности (что, кстати, всегда было характерно для общинно-крестьянского сознания). В этом поиске наиболее привлекательной представляется «тихая заводь» традиционализма, подчас фундаменталистского. Именно такому массовому влечению подвержены маргинальные, пауперизированные и фрустрированные слои населения.

Раньше на уровне достаточно грубых условностей по аналогии с оппозицией «Север−Юг» можно было гипотетически представлять какую-то демократионную линию между городом (относительно модернизированное мировосприятие) и аграрной периферией (традиционная сельская субкультура). Теперь эта граница более чем аморфна. Образно говоря, «Юг» оказался внутри «Севера» и притом очень динамично ассимилирует его.

Contact : abylkhozhin@mail.ru

Raphaële Machet de la Martinière, Université Paris Ouest Nanterre / AgroParisTech, Paris, France.

Can Kirghiztan agriculture be qualified as post-colonial?

After the decline of colonial empires and the collapse of the Soviet Union, globalization and the growth of economic disparities led to a new world perception based on a North/South division. Scientific literature tried to explain the mechanisms of this regional differentiation. In particular, Marxist postcolonial theories study different areas all dominated by occidental powers (CHIONI MOORE, 2001).

I first wanted to test the postcolonial model in an agrarian area in North Kyrgyzstan. But my approach is now a little different: after my fieldworks and an overview of scientific literature on this area, I chose not to use any of the usual explanation models such as Global North/Global South, developed/developing/less advanced countries division, post-colonialism, etc. They were generally built comparing the "First" and the "Third" Worlds, and it is difficult to situate Central Asia in these models (GORSHENINA, 2009). When the models are used in some discourses, it is often to accentuate distress of national economies or hyper-modernity, depending on the political objectives.

In fact, the issue is not to "situate" Central Asia within a model but to find a method to read the current socio-spatial dynamics, and comprehend economic change. That is why I started from empirical fieldwork observations, to describe a very dynamic economic phenomenon in Kyrgyzstan: the beef chain in the North. I use this subject to understand permanencies and transformations in this area.

I refer here more to methodological and practical references than to global theories. In order to understand the complexity of social and economic change, it is important to emphasis the plurality of historical times, as Fernand BRAUDEL did. This historian distinguishes between different temporal scales: short, medium and long-time scale, each one having its particularities and its logics. That is why I use it as a main reference to put permanencies and transformations in my studied area, the Chuy valley in North Kirghizstan, into perspective.

I.

The long time scale shows the "structures", what resists to change. For example, in Kyrgyzstan, mountains and the continental position have always been major constraints in historical evolution: lack of arable lands, great variability of natural resources according to altitude, difficulties of communication. On the other hand, the temperate oasis situation in a dry area like Central Asia can be seen as an asset and explain the long specialization in livestock production.

In the pre-soviet system, production was self-consumption oriented and based on nuclear family units (JACQUESSON, 2009). Then, in the Soviet plan system, the country was in charge of meat and wool production. It was integrated in a large network across the Union. Today, after the disruption of all the previous networks, new production chains are put in place, based on various private production systems. Beef is one of these.

Permanencies in the relationship between men and their natural environment can be seen above all in the agrarian system, i.e. the main

features of agriculture in an region. This one combines historically a transhumant extensive livestock farming and different kinds of crops in the lowlands. Livestock mobility allows a better use of the different agro-ecological levels, and a good adaptation to the variability of resources. Climate and altitude are constraints but, here, are also comparative advantages (good quality and free summer fattening).

So certain patterns such as transhumance have not been changed, but the production structures changed few times according to historical evolutions.

II.

A region, as an homogeneous and integrated area, is the result of historical evolutions and geographical trends. The agricultural history of Chuy Valley shows that this remote area always adapted itself to exogenous dynamics. It has been an old irrigated land from the Sogdian era, even if the Mongolian invasions disrupted it between the 13th and the 17th century (ABRAMZON, 1971). After the nineteenth century this Central-Asian area was influenced by the Russian colonization, which introduced new tools (scythe), new species (oat, vegetables) and integrated local agro-pastoralism to market. But colonists' settlements and the expansion of croplands led to a competition for the lowlands. It explains the beginning of agricultural intensification. The development of the irrigation system is one example.

Collectivization in the thirties, and then decollectivization and independence in the nineties are two main moments of upheaval in the economic structure, mainly because of the change of the property rights. Both caused a major transition crisis, visible in the great decrease of livestock.

Current agro-pastoralism in the Chuy valley is in a post-crisis situation: with the border building process, there was a disconnection from the previous exchange networks (THOREZ, 2005). The stop in agricultural investments for the last twenty years has led to a drastic reduction of the quantity of inputs per hectare. In the countryside, self-subsistence strategies have become the most important at every scale. But embededness in the social networks (familial, professional, based on clientele) compensates for the disintegration of previous economic structures. Rural depopulation, migrations and globalization in the capital have set up new connections with the rest of the world.

New agricultural dynamics can be observed at a local level, such as the development of dairy production and market-gardening around Bishkek. Beef production is also a very dynamic chain all across Kyrgyzstan. Indeed, beef price has been multiplied by five in the last ten years (it is the biggest increase for agricultural products). It is today one of the most market-oriented production towards the main urban areas close-by (Bishkek, Almaty and the other cities in Kazakhstan).

Kyrgyzstan's society is not back to traditional structures, but it is important to stress its resilience and its ability to cope with an unfavorable economic context but also new markets and opportunities.

III.

Short-time scale considers events and daily life. It is also essential to understand concrete current change. The aim is to understand how and why people cope with change in an uncertainty context (political crisis and revolutions, borders' closing, increasing economic inequalities, etc. (see STEIMANN, 2011), and to show social groups' vulnerabilities (see also SHIGAEVA, 2007). This approach is linked to Braudel's main focus on "material life", but also to the strategic approach (CHAUVEAU, 1997) and the livelihood approach (MORSE, 2009), which have been widely adopted by international institutions.

My objective is to see how beef production fits into the different production systems (i.e. the different types of farms according to their assets and strategies). The observations show that beef production is the most market-oriented, but also one of the most-capitalistic and best-paid productions. That is why all the agricultural households are not involved in beef production.

A typology shows that the reasons for this phenomenon can be very different. The most vulnerable households get trapped in poverty, they sell animals, land, and rely more and more on social aids. Others switch to new types of jobs such as retailing, taxi or security in Bishkek. The incomes are not high but more regular and less risky. Those people are more likely to migrate towards the capital, Kazakhstan or Russia in the long run. At the same time, some farms get specialized (in fattening for example) and show a rapid growth. So interests and long-term perspectives of those different groups are not the same. It shows current social dynamics in the agricultural sector and agricultural possible future of Chuy Valley.

This system relies on different agro-ecological resources (transhumance between the different kinds of pastures, fodder production). It shows the relevance of agro-pastoralism today. The chain approach is a way to consider social groups' economic integration and the area's spatial integration based on livestock mobility, urban-rural relationships (through familial networks or bazaars' trade), and cross-border trade.

The concrete functioning of bazaars' economy is very important. Traders gather a very fragmented production, and are in charge of transport and risks related to prices' variations. It shows the progressive concentration of production along the chain. Bazaars are knots in the exchange network, but also a part of the urban fabric. The power struggles about it reveal how strategic these economic activities are.

In other words, it is possible to conclude to a real economic change in north Kyrgyzstan in the last twenty years. It is linked to structural constraints, historical trends and everyday events. It is important to sort it out. The developmental paradigm cannot account for this complexity and these ambivalences.

That is why researchers are always challenged to evaluate their own theories to avoid those "assignation à identité" et "assignation à territorialité", which confines countries and people to some place elsewhere where everything goes wrong (Hancock, 2007). In my opinion, keys for interpretation of reality are more important in social sciences than global theories.

ABRAMZON S. M. (1971), *Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svâzi*, Leningrad, Nauka, 480 p.

BRAUDEL F. (1958), « Histoire et Sciences sociales : La longue durée », *Annales. Économies, Sociétés, Civilisations*. 13e année, N. 4, pp. 725-753.

CHAUVEAU J.-P. (1997), « Des "stratégies des agriculteurs africains" au "raisonnement stratégique" : histoire, usages et remise en question d'un concept pluri-disciplinaire », In: BLANC-PAMARD Ch., BOUTRA J. (coord.), *Thème et variations: nouvelles recherches rurales au Sud*, ORSTOM, pp. 179-217.

CHIONI MOORE D. (2001), "Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique", *PMLA*, Vol. 116, No. 1, pp.111-128.

COCHET H., DEVIENNE S. (2006), « Fonctionnement et performances économiques des systèmes de production agricole : une démarche à l'échelle régionale », *Cahiers Agricultures* vol. 15, n° 6, pp. 578-583.

GORSHENINA S. (2009), "La marginalité du Turkestan colonial russe est-elle une fatalité ou l'Asie centrale postsoviétique entrera-t-elle dans le champ des Post-Studies ?", Cahiers d'Asie centrale, n°17/18.
HANCOCK C. (2007), « "Délivrez-nous de l'exotisme" : quelques réflexions sur des impensés de la recherche géographique sur les Suds (et les Nords) », *Autrepart*, n°41, pp. 69-81.
JACQUESSON S. (2009), *Pastoréalismes. Anthropologie historique des processus d'intégration du Kirghiz du Tian Shan intérieur*, Wiesbaden, Verlag.
MORSE S. *et alii* (2009), *Sustainable Livelihood Approach: A critical analysis of theory and practice*, Geographical Paper No. 189, University of Reading, UK.
SHIGAEVA J. et alii (2007), "Livehoods in transition: changing land use strategies and ecological implications in a post-soviet setting (Kyrgystan)", *Central Asian Survey* n°26.
STEIMANN B. (2011), *Making a Living in Uncertainty. Agro-pastoral Livelihoods and Institutional Transformation in Post-Socialist Rural Kyrgyzstan*, Human Geography Series, vol. 26, Bishkek and Zurich.
THOREZ J. (2005), *Flux et dynamiques spatiales en Asie centrale. Géographie de la transformation post-soviétique*, Thèse de doctorat de géographie soutenue à l'Université Paris X - Nanterre.

Contact : raphaele.delamartiniere@gmail.com

Элен Русло, EHESS/ CETOBAC (Центр турецких, оттоманских балканских и центральноазиатских исследований), Париж, Франция.

Развитие и преобразование рентной экономики в Туркменистане и Казахстане, 1991-2002

В этом докладе рассматривается вопрос образования системы ренты в Казахстане и Туркменистане после 1991-го года. В контексте постсоциалистического системного преобразования каждая из двух бывших советских республик выбрала своё направление экономического развития.

Доклад основан в том числе на работах Полины Джонс Луонг и Эрики Веинтал (Pauline Jones Luong et Erika Weinthal). Согласно этим авторам, преобразования в Туркменистане из-за его макроэкономического выбора, совершались гораздо медленнее, чем в Казахстане. В докладе исследуется, каким образом лимитированное число покупателей нефти и газа предопределило государственную экономическую политику этих двух стран в девяностых годах, а также их выбор в области привлечении прямых иностранных инвестиций (ПИИ).

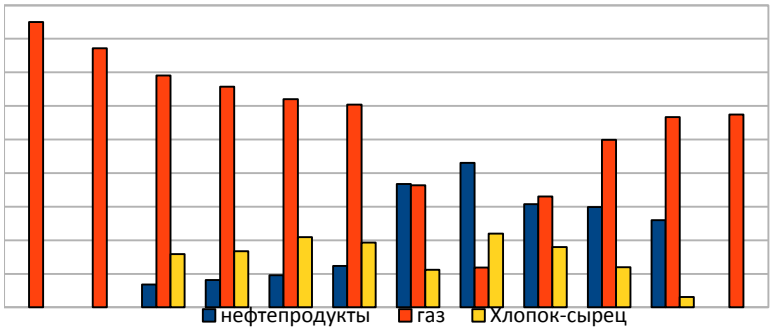
Макроэкономический выбор двух стран в девяностых годах

С 91-го года туркменское государство отдавало предпочтение развитию сельского хозяйства, так как 42,5% населения зависело от

этого сектора, в Казахстане же этот показатель составляет 26,1%. Но это не единственная причина этого предпочтения.

Независимый Туркменистан был способен сразу выгодно экспортировать хлопок. Даже если Россия продолжала покупать туркменский хлопок-сырец, Туркменистан обратился с 91-го года к «традиционным» иностранным покупателям советского хлопка. В результате, Москва больше не служила посредником в торговле хлопком. Это является первым значительным преимуществом по сравнению с ситуацией в секторе нефти и газа. Другим преимуществом, которое способствовало уменьшению затрат государства Туркменистана, является тот факт, что экспортация хлопка не требовала вложения огромных средств, тогда как в случае увеличения экспорта газа было бы необходимо поиск новых внешних рынков и строительство новых трубопроводов. Несмотря на то, что доходы от экспортации хлопка представляют меньшую часть в общей экспортации по сравнению с доходами от экспорта газа, эта часть доходов постоянно увеличивалась с 91-го года по 96-й год. Напротив, с 91-го по 98-й год доходы от экспорта газа значительно уменьшились.

Турк**менист**ан : доли экспорта газа, нефтепродуктов и хлопка



Государственная политика цен на покупку хлопка, а также выгодный обменный курс валют позволили передать большие средства из сельского хозяйства в другие сектора экономики. Например, Гонзало Пастор и Рон Ван Рооден (G. Pastor, R. Van Rooden) считают, что в 99-ом году 15% ВВП составляют доходы, переведённые из сельско-хозяйственного сектора. Другие авторы оценивают эту часть переведенных средств в 11%.

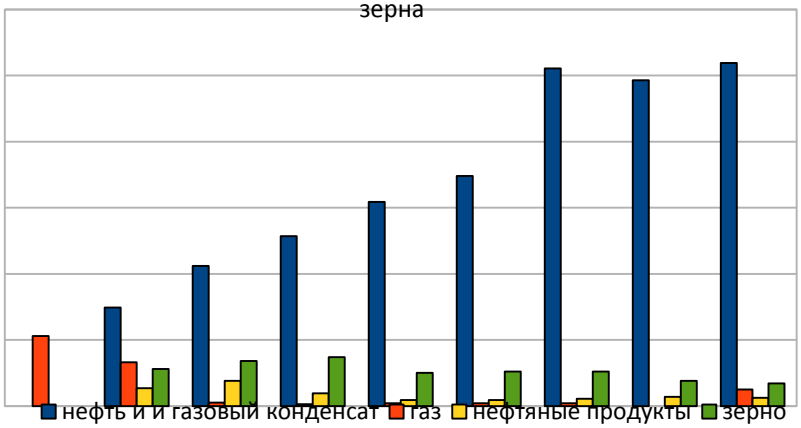
Государственная цена на покупку хлопка и пшеницы у внутренних производителей составляет 50-60% от цены, базирующейся на официальном курсе валюты на мировом рынке. Эти передачи средств из сельско-хозяйственного сектора в другие области экономики являются значительными по сравнению с международными стандартами. Такая политика подчиняет хлопковый рынок интересам государства, не позволяя рынку свободно развиваться на конкурентной основе. В этом заключается главное отличие сельско-хозяйства от сектора нефти и газа, где государственная администрация, владеющая недрами, ведет совершенно иную политику по отношению к иностранным компаниям.

С самого начала своей независимости Казахстан предполагал разнообразить свою экономику, привлекая ПИИ. Программа « Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства », опубликованная весной 92-го года,

предвидела с 96-го по 2005-й год привлечение ПИИ и постепенное изменение ориентации экономики в сторону уменьшения доли сырья.

В начале девяностых годов Казахстан является преимущественно страной-экспортёром в сельско-хозяйственном секторе. Основные статьи экспорта Казахстана— зерновые и хлопок — слабо субсидированы государством и подлежат незначительному налогообложению. Эта ситуация значительно отличается от положения туркменского хлопкового сектора, где государство удерживает большую часть доходов.

Казахстан : доли экспорта нефти, газа, нефтепродуктов и зерна



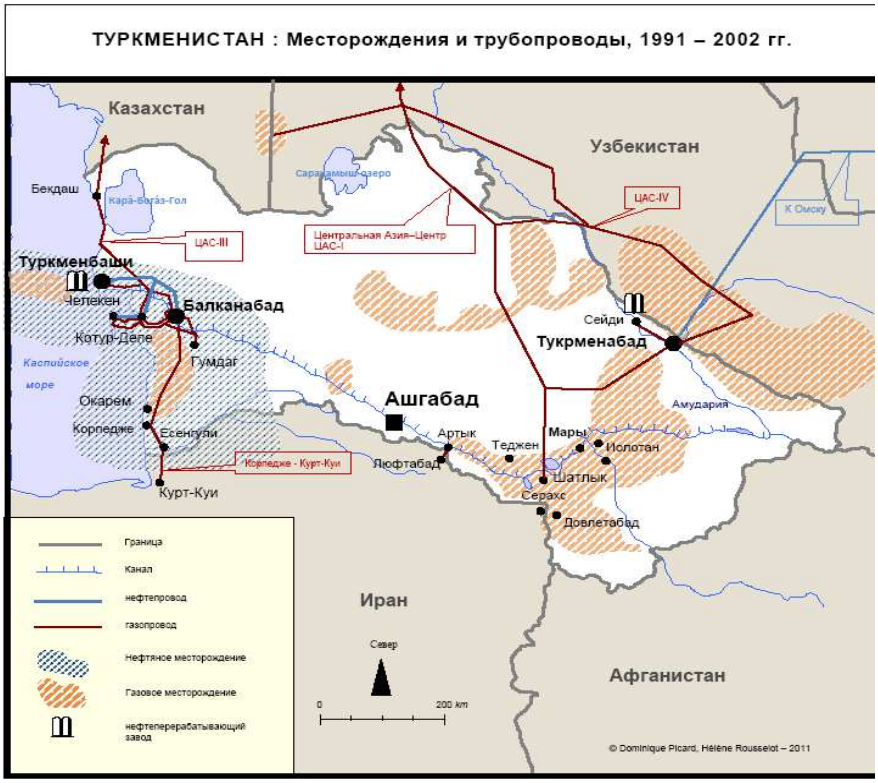
Основные сельско-хозяйственные статьи занимают скромную часть в общем экспорте Казахстана. В своём сельско-хозяйственном секторе Казахстан не владеет статьёй доходов, равной по своему значению туркменскому хлопку, который приносит огромные доходы в бюджет туркменского государства. Тем не менее, с двухтысячного года увеличивается бюджет министерства сельского хозяйства Казахстана. Такая экономическая ситуация подтолкнула Казахстан в начале девяностых годов к привлечению иностранных инвесторов для развития нефте-газового сектора. Туркменистан же, в отличие от Казахстана, начал похожую политику в этом секторе намного позже.

Внешняя торговля нефтью и газом

Необходимо упомянуть, что Казахстан и Туркменистан - две страны, не имеющие выхода к морю (кроме Каспийского, которое является закрытым морем). Необходимо подчеркнуть также различие в организации торговли нефтью и газом. Во всём мире в секторе газа договор купли-продажи заключается до начала строения газопровода. А в том, что касается нефти, существует спот-рынок**.** Это совсем различные принципы торговли.

До ноября 2001-го года казахская нефть в основном транспортировалась к Балтийскому морю и к европейским рынкам через страны СНГ по нефтепроводу Атырау-Самара. Введённый в действие в ноябре 2001-го года Каспийский Трубопровод Консорциум (КТК) соединил месторождение Тенгиза и российский порт Новороссийск. В ноябре 2001-го года ввод в действие КТК, часть которого проходит через территорию России, позволил Казахстану отчасти освободиться от зависимости системы трубопроводов, созданных в период СССР.

Но географическое положение нефтяных и газовых трубопроводов и контрактная основа обменов не позволяют этим рынкам развиться на информационно доступной и конкурентной основе. Кроме того, Россия использует туркменский газ, чтобы приспособиться к европейскому спросу, как показал взрыв на туркменском участке газопровода «Центральная Азия – Центр» в ночь с 8 на 9 апреля 2009 года. Это значит, что не существует рыночной цены туркменского газа. В настоящий момент эти рынки функционируют на недостаточно «здоровой почве», что приводит к появлению системы рент.



Макроэкономический выбор, сделанный каждой из этих стран, и отсутствие рынка казахской нефти и туркменского газа парадоксальным образом привели к появлению рентной системы. Надо использовать этот термин с осторожностью потому, что

определение, расчёт и теория ренты остаются проблематичными. Французский экономист Фатиа Талаит (Fatiha Talahite) в одной из своих статей подчёркивает, что « у этого понятия существует множество значений и определений, общепринятой теории ренты также не существует ». Можно также добавить, что рента формируется не только из внешних доходов (то есть из налогов, выплачиваемых иностранными предприятиями), но также и из доходов отечественных компаний, как Казмунайгаза, которая была создана в 2002-ом году. Отметим, что сегодня в Туркменистане такого предприятия всё ещё не существует.

Политические и социологические аспекты : унаследование советского общественного договора

Согласно вышеупомянутым авторам - Полине Джонс Луонг и Эрике Веинтал — правительство Сапармурата Ниязова смогло отсрочить привлечение ПИИ в сектор нефти и газа благодаря « хлопковой ренте ». В результате, внедрение иностранных предприятий в Туркменистан было сильно ограничено, тогда как политический режим С. Ниязова продолжал укрепляться.

Хлопоковый туркменский сектор унаследовал от прежнего советского режима такие черты, как общественный договор и отношения с элитой. Эти факторы в определённой мере также предопределили макроэкономический выбор, совершенный Туркменистаном. В советской Центральной Азии производство хлопка лежало в основе отношений, с одной стороны, между руководящей элитой на уровне республики и элитой на низших административных кругах, и, с другой стороны, между региональной элитой в лице председателей колхозов и совхозов и их « владениями ». А нефте-газовый сектор базируется на капиталистических отношениях между действующими сторонами (это значит, что в этом секторе необходимы большие капиталовложения и относительно мало рабочей силы). Это идёт вразрез с установившейся системой договорных отношений в хлопковом секторе Туркменистана.

В период распада СССР положение сектора нефти и газа в Казахстане было совершенно иным. Местная казахская, уже достаточно многочисленная элита, завладела нефте-газовым сектором, как только это стало возможным. В качестве примера можно привести эпизод возврата из Москвы группы полномочных представителей Казахстана в октябре 91-го года. Эта делегация предлагает вести переговоры с фирмой Шеврон о месторождении Тенгиз без посредничества Москвы. Туркменская элита, менее многочисленная, не имела такого же влияния в нефте-газовом секторе. Так, у туркменских кадров не возникло удобного случая обратиться к иностранным инвесторам для эксплуатации месторождения Довлетабад, которое тогда уже было в эксплуатации (с 1983-го года). Вдобавок, технология иностранных компаний была здесь не нужна.

Неподходящие экономические теории

Согласно теории рентного государства, в странах, отличающихся низким доходом с нефти на душу населения и сильной зависимостью от этой статьи доходов в экспорте страны, достаточно высок риск политической нестабильности. Эта нестабильность является следствием неадекватного политического управления и отсутствия прозрачности в этом управлении.

А развитие этих стран после 91-го года отличается политической стабильностью. До 2002-го года в Казахстане и Туркменистане проходили демонстрации против обеднения населения и безработицы. Однако эти движения не подрывали основ режимов Н. Назарбаева и С. Ниязова и сегодня Туркменистан политически стабилен.

Это значит, что в случае Казахстана и Туркменистана, теория рентного государства не подтверждается. Эта теория, которая была разработана на примере стран Ближнего Востока, не может быть применена к этим двум странам.

В заключении можно сказать, что процессы привлечений ПИИ и формирования нефте-газового рынка непосредственно связаны с историческим развитием обеих стран до появления рентной системы. Именно это и не принимается в расчёт теорией рентного государства.

Таким образом, для описания и объяснения системного преобразования таких центрально-азиатских рентных стран, как Казахстан и Туркменистан, необходимо разработать новую экономическую модель, учитывающую и теорию процесса перехода в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ, и теорию рентного государства, которые до сих пор игнорировали друг друга.

Contact : Helene.Rousselot@ehess.fr

Giulia Prelz Oltramonti, CEVIPOL, Université Libre de Bruxelles, Brussels, Belgium.

Business through de facto states: cross-border trade links and political economies of "stalemates"

Introduction

This paper focuses on cross-border trade links and economic cooperation in the Caucasus as a tool for conflict resolution; the two cases studies are Abkhazia and South Ossetia in the timeframe between the early 1990s and 2008. I look at the nature of these business environments and their regional relevance, in conjunction with levels of violence in the two regions. These issues are tackled from a conflict studies perspective, which deals with conflict dynamics as a multifaceted subject of studies that revolve around the two key questions of motive and feasibility. I mostly focus on analyses of political economies of conflict, which in the past have lead to a better understanding of both the motives and the means that underpin protracted conflicts or lack of conflict resolution.

While there has been a proliferation of literature on war economies since the early 1990s, it mainly focused on Sub-Saharan Africa and the role of primary resources; comparatively little attention has been paid to the cases of the former-Soviet Union. This paper aims at filling this gap by scrutinizing the political economies of the Abkhaz and South Ossetian stalemates between the early 1990s and 2008, that is in the timeframe between the ceasefire agreements and the resumption of a

full-scale conflict.[68] As the economies of Abkhazia, South Ossetia and, to a large extent, neighbouring regions were largely depended on cross-border and cross-cease fire line trade, as well as external support, the focus of the analysis of the political economies of these two conflicts rests on trade, shifting away from the prevailing attention to primary resources, which can be found in most of the literature.

As I focus on stalemates instead of high-intensity conflicts, instead of feasibility of a conflict, I look at viability of the de facto states, through a review of political economies of the de facto states themselves; on the other hand, I look at motive through a methodological approach based on a stakeholder analysis. In conflict resolution, stakeholder analysis is the process of identifying the individuals or groups that are likely to be affected by certain actions or realities on the ground, and sorting them according to their impact on the action and the impact the action will have on them. This in turn is used to assess how those same actors affect the developments of a conflict transition or resolution. In order to carry out a stakeholder analysis of the no peace/ no war Abkhaz and South Ossetian stalemates, I will first address the existing theoretical framework on political economies of conflicts, with a special focus on political economies of borderlands in conflict settings. I will then introduce the cases of Abkhazia and South Ossetia in relations to this existing framework. In the third part of my paper I go through the nature of the political economies of both cases, with a particular focus on viability of the de facto states, and therefore feasibility of a protracted stalemate – but because of time constraints I will have to skim through it. Finally, I will spell out the results of stakeholder analysis, first for Abkhazia, then for South Ossetia, pinpointing groups of individuals likely to be affected by changes to the status quo. This second part of the analysis shows that although the interests embedded in the political economies of stalemates were geared against a resolution of the stalemate itself, they were also, for the most part, against a resumption of high scale violence.

Theoretical framework

The analysis of the economic functions of violence in conflict is a stepping-stone in the understanding of the dynamics of conflict.[69] It dismisses the representations of war as dysfunctional and illogical, showing that instability can support a multitude of interests for some of the actors involved. Instead of being a complete breakdown, conflict is, in David Keen's words, a "way of creating an alternative system of profit, power and even protection".[70]

Two important implications arise from this. First, it undermines the clear-cut dichotomy between peace and conflict. While Keen initially disputed the dichotomy on economic grounds, he later expanded his argument to include political, social and legal factors.[71] The focus on the continuity of socioeconomic processes, as opposed to abrupt changes, is extremely useful in understanding processes of evolution of conflicts.

[68] While most commentators have avoided the term "conflict" or "war" to characterise the circumstances of Georgia and its separatist regions in the late 1990s and 2000s, it is undeniable that no peace agreement had been reached and that the process of conflict resolution was repeatedly stalled and led to no conclusive achievement. Although I draw extensively from the literature on political economies of war, I will refer to the periods comprised between the ceasefire agreements and 2008 as "stalemates", in order to differentiate them from the full-scale conflicts of the early 1990s and of 2008.

[69] Berdal and Keen (1997)

[70] Keen (1998) p.11

[71] Keen (1998; 2001)

Second, this perspective implies that some parties may be more interested in prolonging, rather than winning, conflict.[72] This perspective, however, initiated scholarly battle around the "greed and grievance" dichotomy, between those who looked at the motives and those who looked at the means[73] as explanatory factors of conflicts.

In order to understand the mechanisms behind these two tendencies, we should first elucidate the role of borders in regional political economies. Donnan and Wilson to assert that "[the] existence [of borders] as barriers to movement can simultaneously create reasons to cross them".[74] To illustrate such statement, let us point out that for the residents of the borderlands, commerce through dividing lines often represents one of the few ways to make a living. For the private sector, borders represent a hurdle (in terms of logistics and finances) but also an opportunity to increase profits from additional services. For administrations and law enforcement agencies, borders are the line along which taxation can be extracted, whether officially or unofficially (i.e. bribes). Stakeholders of border systems are therefore extremely numerous and diverse.

On both sides of borders or *de facto* borders, borderlands are often characterised by a weaker presence of the official authorities, due to their distance from the capital and the power that stakeholders of border systems can harness through the exploitation of opportunities created by the very existence of borders. Being areas where all opportunities created by the cleavage are exploited, borderlands often become "spaces of avoidance, where much that goes on is less than fully legal – in fact, they have a comparative advantage in illegality".[75] While this is most apparent when transnational criminal networks are involved, smuggling also concerns residents of borderlands who make a living out of small illegal trade of agricultural products, commodities or consumer goods in small quantities.

In this framework, it is of key importance to elucidate what sort of influence various stakeholders have in determining the porosity and permeability of conflict borders in order to understand the dynamics that underpin conflicts in borderlands (whether external or internal borderlands). As seen above, mobility through borders is a priced asset that influences the livelihoods and the economies of the regions surrounding them.

Situating Abkhazia and South Ossetia

Overcoming the clear-cut dichotomy between peace and conflict is helpful for an analysis of the dynamics underpinning the conflicts in Abkhazia and South Ossetia and the fifteen years that followed the ceasefire agreements. While key dates and events can be enumerated for both cases, they are better understood when addressed in their continuum. The long interval between the cease-fires, brokered in the early 1990s, and the most recent conflict in South Ossetia in 2008, can hardly be categorised either as at peace, or as at war, according to most definitions of civil conflict.[76] The low-intensity violence, which persisted in cease-fire line (CFL) areas, cannot be solely ascribed to conflict. Similar intensity can be found in regions that are generally considered at peace, although with high levels of civil violence. Also, when tackling the dualism between war and peace through the lenses of diplomacy

[72] Berdal and.Keen (1997) p.798
[73] Collier and Hoeffler (1996; 1998); Collier, Hoeffler and Rohner (2006)
[74] Donnan and Wilson(1999) p.87
[75] Goodhand (2008) p.234
[76] Small and Singer (1982); Singer and Small (1994); Wallensteen and Sollenberg (2000)

and negotiations processes, the stalemates were characterised by enduring cease-fire agreements and lack of peace agreements. Accordingly, the economic situations of Abkhazia and South Ossetia ought to be tackled in the continuum between war and peace.

In addition, the recent progresses in research on border and borderlands in conflict settings present us with an important analytical framework for the study of the dynamics underpinning the Abkhaz and South Ossetia conflicts. As borders and borderlands are spaces of profit making, they play a key role in the political economies of territories with poorly developed economies or a lack of natural resources – that is, those territories where borders can determine their integration or exclusion from a regional economic network, which dictates their viability. Inevitably, attempts at regulating, restricting or freeing trans-border and trans-cease fire line trade have significant impacts on borderlands populations, *de facto* states and regional political and economic elites. This is all the more true in environments such as Abkhazia and South Ossetia, and to a slightly lesser extent Georgia and the Russian federation, where concentration of political and economic power is extreme.

What ensues from this is that, in order to deepen the understanding of Abkhazia and South Ossetia's political economies and their failure to sustain a resolution of the conflicts, much attention shall be devoted to cross-border mobility, trade links and cooperation.

Motive and feasibility – towards a political economy of transition

If we look at political economies of stalemates in terms of viability, it is undeniable that business and trade through *de facto* states sustained the status quo, enabling the *de facto* authorities to postpone the urgency for a settlement. Trade across borders and ceasefire lines provided, to varying extents for the two cases and across time, revenue to the power institutions of the *de facto* states. It also afforded a mean of survival for the majority of the population. This is particularly true for the case of South Ossetia. Its geographic location and its economic potential are the two elements that led it to be defined as "unviable as fully independent state".[77] According to the *de facto* Ministry of Economy of South Ossetia, around 60 percent of its budgetary income derived in 2003 from the trade on the TransCam transportation corridor.[78] Surely, this changed after trade was suppressed and, in concomitance with a widening of the Georgian-Russian split, South Ossetia found itself less and less able to claim viability as an independent state without the support of its large Russian neighbor. In the case of Abkhazia, trade across the CFL and the border with Russia provided a lifeline for residents and business, which granted Abkhazia with a level of viability unthinkable if the embargo had been strictly enforced.

If we look at them in terms of motives, on the other hand, the picture is more complex. It is clear that many actors had a stake in the continuation of the status quo – in terms of failure of conflict resolution – and the maintenance of semi-permeable de facto borders, again to varying extents for the two cases and across time, and spaces of avoidance. But it is also apparent that few of those actors, if any, had stakes in the resumption of conflict and renewed violence, which would inevitably disrupt trading routes.

[77] Walker (2006)
[78] Dzhikaev.and.Parastaev.(2004) p.194

In the case of Abkhazia, stakeholders exploited the lack of central governance, laws and control over borders. However, they were also dependent on the absence of renewed high-intensity conflict, which would have entailed increased militarisation of the region, heightened control of the CFL on both sides, disruption of trade routes, and potentially a strengthened and internationalised peacekeeping mission. In this context, even the correlation between organised crime and renewed armed violence can be questioned.[79] As transnational criminal groups profited from established smuggling routes, they had vested interests in maintaining a relative stable environment. Surely, levels of violence in the areas, especially in the Gali and Sagramelo regions, were high.[80] However, it was paradoxically noted that the same racketeer Abkhaz paramilitary groups, responsible for heightened insecurity in the Gali district, guaranteed a certain level of security in the area along the CFL. [81]

In South Ossetia, the stakeholder analysis revolves around the TransCam trade and the evolution of trade regimes. The interests of these actors varied with time, and there is a clear divide between 1992-2003 and 2004-2008. Until 2003, stakeholders had clear interests in maintaining the stalemate, consisting of a lack of settlement, but also a lack of resumption of hostilities. The imposition of trade restrictions curtailed their profits, but failed to create an influential constituency, which had interests in the peace process. After 2004, that interest was lost – that of avoiding disruption of the Trancam because of renewed fighting, as the corridor existed no longer.

The GoG's main policy throughout the 1990s and 2000s was mostly that of suppressing the business and commercial links that connected the motherland with the de facto states. Little debate was carried out on the possibility of investing in the creation of political economies of transition. Political economies of transition would have taken into account the interests of those very stakeholders that should have supported a war to peace transition, and not only those actors that the GoG deemed worthy of consideration. Instead, it attempted to solve the problem by reducing the viability of the de facto states/ feasibility of the protracted stalemates. However, as Abkhazia's and South Ossetia's political economies hinged on the proximity with Russia, in terms of geography, trade links and financial support, this strategy failed.

Key references

Berdal, Mats and David Keen (1997), 'Violence and Economic Agendas in Civil Wars: Some Policy Implications', *Millenium: Journal of International Studies*, 26, No.3

Collier Paul and Anke Hoeffler (1996), *On economic causes of civil war*, Mimeo, Centre for the Study of African Economies, Oxford

– – (1998), 'On economic causes of civil war', *Oxford Economic Papers*, vol 50, issue 4

Collier, Paul, Anke Hoeffler and Dominic Rohner (2006), *Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War*, Research paper

Donnan, Hastings and Thomas Wilson, *Borders: Frontiers of identity, nation and state*, Oxford: Berg Publishers, 1999

Duffield, Mark (2001), *Global Governance and the New Wars, The Merging of Development ad Security*, Zed Books, London

[79] Wennmann (2004) p.105

[80] Closson (2007) pp.175-6; Kupanadze (2008) pp.187-191

[81] Billingsley.(2001) p.19; Kukhianidze.et.al.(2004)p.16

Goodhand, Jonathan, 'War, peace and the places in between: Why borderlands are central.' in *Whose peace? : Critical perspectives on the political economy of peacebuilding*. Basingstoke [England] and New York: Palgrave Macmillan, 2008
Keen, David (1998), *The Economic Functions of Violence in Civil Wars*, Adelphi Paper No. 320, Oxford University Press, Oxford
– – (2001), 'War and Peace: What's the Difference?', in Adekeye Adebajo and Chandra Lekha Sriram, eds., *Managing Armed Conflict in the 21st Century*, Frank Cass, London
Nordstrom, C. (2000), 'Shadows and Sovereigns', *Theory, Culture, and Society*, 17, No.4
Pugh, Michael and Neil Cooper (2004), *War Economies in a Regional Context, Challenges of Transformation*, Lynne Rienner, London
Singer, David and Melvin Small (1994), *Correlates of War Project: International and Civil War Data, 1816 – 1992*, Inter-University Consortium for Political and Social Research, Ann Arbor
Small, Melvin and David Singer (1982), *Resort to Arms: International and Civil War, 1816 – 1980*, Sage, Beverly Hills
Wallensteen, Peter and Margareta Sollenberg (2000), 'Armed Conflict, 1989-99', *Journal of Peace Research*, Vol. 37, No. 5

Contact : gprelzol@ulb.ac.be

Назгуль Мингишева, Карагандинский университет « Болашак», Казахстан

Формирование исламского банкинга в Казахстане: некоторые аспекты и перспективы

Формирование исламского финансирования в Казахстане началось с небольшого исламского кредита БТА банка в 2003 году. Через два года БТА заключил вторую сделку на 50 миллионов американских долларов. В феврале 2006 года Банк Центр Кредит подписал соглашение по привлечению исламского финансирования Мурабаха на сумму 38 миллионов долларов США сроком на один год. В марте 2007 года еще один банк «Альянс Банк» также подписал соглашение по финансированию Мурабаха.

Исламская сделка БТА банка «Вакала» на сумму 250 миллионов долларов США была признана лучшей сделкой 2007 года в Казахстане по версии "Islamic Finance News". Данная сделка была закрыта в июле 2007 года на сумму 250 миллионов долларов США с переподпиской на 100 миллионов долларов США больше заявленной суммы.

Начало развитию исламских финансов в Казахстане положило принятие Парламентом закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам организации и деятельности исламских банков и организации исламского финансирования» от 12 февраля 2009 года. С принятием данного закона, по мнению Р.И. Беккина, Казахстан фактически реализовал так называемую «дуалистическую модель» развития исламских финансов в стране [1, 268].

Следует отметить, что инициатива о развитии исламских банков в Казахстане исходила от Президента Исламского банка развития

Ахмеда Мохамеда Али еще в 2003 году, и только в 2008 году Президент Казахстана дал поручение Правительству разработать отдельный законопроект по исламскому финансированию.

Первый исламский банк начал работу в Казахстане 11 июня 2009 года, когда между Правительством РК и ОАЭ было подписано соглашение об открытии Исламского банка «Аль-Хиляль», уставной капитал которого составил около 5 миллиардов тенге (или 33,3 миллионов долларов США), и который в настоящее время имеет филиалы в Алматы и Астане.

По словам председателя Правления «Аль-Хиляль» банка Прасада Абрахама, банк в начале своей деятельности начал финансировать крупные корпорации и государственные компании, так как банк открывался на межправительственном уровне Республики Казахстан и Объединенных Арабских Эмиратов для финансирования крупных инфраструктурных проектов в Казахстане. Такая политика банка была заложена на первые год-полтора после начала работы «Аль-Хиляль».

Основными продуктами на первом этапе развития банка являются следующие: 1) открытие текущих и сберегательных счетов; 2) инвестиционные депозиты; 3) иджара (лизинг); 4) мурабаха (продажа товара с оговоренной наценкой на себестоимость); 5) истисна (контракт на производство с отсроченной поставкой) и 6) мушарака (партнерство).

Банк планировал нарастить ссудный портфель примерно до 250 миллионов долларов США, что составило бы менее 0,5% всей рыночной доли в Казахстане. 22 июля 2011 года правлением Нацбанка РК было принято постановление о приостановлении действия лицензии, наряду с другими двумя банками Казахстана, на проведение банковских и иных операций, выданной «Исламскому банку Аль-Хиляль» в части приема депозитов, открытия банковских счетов физических лиц сроком на три месяца.

Причиной вышеперечисленных мер стало невыполнение крупными участниками банков – физическими лицами, владеющими в совокупности более 25% голосующих и размещенных акций банков, требований подпункта 3 пункта 3 постановления правления АФН «О минимальных размерах уставного и собственного капиталов банков второго уровня» от 2 сентября 2008 года №140 по увеличению собственного капитала банка [2]. Другими словами, банк «Аль-Хиляль» не смог увеличить свой капитал до необходимого уровня, как планировал ранее.

В то же время, в октябре 2010 года бывший глава закрытого недавно АРД РФЦА (Агентство по регулированию деятельности Регионального финансового центра города Алматы) Аркен Арыстанов заявлял, что до 2020 года доля исламских финансов в экономике Казахстана может достигнуть 10% от всего рыка страны. Другими словами, за 10 лет рост исламского финансирования может увеличиться в 20 раз, или ежегодное увеличение – в 4 раза. Возможно ли такое быстрое наращивание исламского финансирования в Казахстане? Как исламские финансы влияют на развитие социально-экономического сектора страны? Что можно ожидать от сотрудничества Правительства РК и исламских финансовых институтов? Почему данное сотрудничество оказалось возможным в настоящее время? Какие результаты это может принести в будущем для казахстанского общества?

Возможные ответы на данные вопросы будут даны при анализе шести интервью, взятых на сайте центральной мечети г. Алматы (meshet.kz):

1) Бауыржан Смаилов, депутат Мажилиса РК, к.э.н., руководитель рабочей группы по законопроекту организации и деятельности исламских банков в Казахстане;

2) Марат Смагулов, директор Центра исламской экономики и права Казахского гуманитарного юридического университета (ЦИЭП КазГЮУ);

3) Айдос Демешев, председатель Правления АО “Fattah Finance”;

4) Хумайон Дар, исполнительный директор BMB Islamic Company;

5) Прасад Абрахам, председатель Правления банка «Аль Хиляль» в Казахстане;

6) Ерлан Байдаулет, председатель Ассоциации развития исламских финансов Казахстана, советник министра индустрии и новых технологий РК.

Также автор статьи включил экспертную оценку по исламским финансам бывшего представителя Карагандинского филиала РФЦА Виктории Тищенковой. Следует отметить, что интервью на сайте приведены в обратном порядке, то есть от последнего до первого.

По словам Бауыржана Смаилова, исламские финансовые институты, в силу своей закрытости для западного капитала, являются альтернативой для финансирования экономики в период мирового финансового кризиса. В первую очередь, это касается так называемого некоммерческого характера исламского банкинга, где существует запрет на процентную ставку (риба). По его мнению, исламские финансы имеют большой потенциал: по оценке РА “Standard&Poors” потенциал исламского финансового рынка к 2010 году может достигнуть 2 трлн. долларов США. Также он отметил региональный аспект исламского финансирования, который смещает инвесторскую базу для Казахстана в сторону Ближнего Востока и юго-восточной Азии, что может способствовать диверсификации финансового рынка в стране. Особо следует отметить этноэкономический аспект в интервью Смаилова, который рассматривает Казахстан как региональный центр стран Центральной Азии, через который будут проходить потоки исламских финансов. Он характеризует Казахстан, как «ворота для исламских инвестиций».

Марат Смагулов представляет, скорее, образовательный сегмент казахстанского общества. Он является магистром Международного университета Аль-Азхар и возглавляет учебный центр исламской экономики и права, который был открыт в 2006 году при Казахском гуманитарном юридическом университете. Данный центр функционирует при поддержке Исламского банка развития. В рамках данного сотрудничества с 2003 года центр проводит семинары, учебные курсы и конференции с участием Исламского института исследований и обучения (ИИИО). Слушателями центра были представители как государственных (Министерство экономики, МИД), так и коммерческих структур (банки, страховые компании, инвестиционные и пенсионные фонды). Также слушателями курсов были представители Азербайджана, России, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. ЦИЭП КазГЮУ является исследовательским и учебным центром, который готовит специалистов и повышает квалификацию в области исламской экономики и права.

Смагулов в своем интервью поднимает вопрос об интеграции мусульман постсоветского пространства, точнее, о так называемом «Евразийском исламском проекте». Возможен ли такой проект и такая интеграция? Можем ли мы сейчас говорить о формировании

мусульманской элиты и появлении в странах Центральной Азии, а также на бывшем постсоветском пространстве интеллектуалов-мусульман (улама, улемов)? На мой взгляд, это длительный процесс, хотя некоторые экономические аспекты и социальные проблемы могут ускорить данный процесс.

Также Смагулов говорит о возможности введения в Казахстане и на постсоветском простанстве, в целом, норм Шариата относительно семейно-брачных отношений, экономики, гражданских споров. Он говорит о необходимости соединения исламских норм и национальных традиций (например, институт биев и ханов, которые управляли по законам Шариата). Он упоминает институт «Шуры» (совещательности), на основе которой каждая община или организация может разрабатывать срединный путь своего развития, руководствуясь реалиями жизни и своими приоритетами. Смагулов также упоминает о том, что мировой финансовый кризис позволил развиваться исламскому банкингу в Казахстане, но, в то же время, следует отметить этноцентризм и этнический аспект его интервью, где он говорит о Казахстане, как о последней стране в Евразии с мусульманскими корнями. Помимо этого, Смагулов поднимает вопросы мусульманской интеграции в Евразии, что подразумевает образовательный (или интеллектуальный) аспект мусульманского объединения.

Айдос Демешев, председатель Правления АО “Fattah Finance”, указывает на привлекательность исламских финансов в силу их моральных ограничений в деятельности, а также хороших показателей прибыльности. Он отвечает утвердительно на вопрос о том, возможно ли совмещение законов светского государства и норм мусульманского права в области финансов. Он упоминает о законе, подписанном Президентом РК, об организации и деятельности исламских банков в Казахстане 2009 года. По мнению Беккина, такое сосуществование традиционных и исламских банков может также говорить о формировании дуалистической модели исламских финансов в Казахстане [1, 258-259].

АО “Fattah Finance” является брокерской и дилерской компанией, осуществляющей свою деятельность в соответствии с принципами Шариата на рынке ценных бумаг, имеет лицензию, то есть ведет банковскую деятельность и не предлагает банковские услуги и продукты. Демешев отмечает, что исламское финансирование в Казахстане регулируется законом наряду со сделками в традиционных финансах.

Из данного интервью становится понятным, что исламский банкинг в Казахстане позволит привлечь дополнительные инвестиции из стран Ближнего Востока, Малайзии и других азиатских инвесторов, что повысит устойчивость казахстанской экономики. Другими словами, банковский сектор Казахстана расширяет инвестиционную среду, ориентируясь также на южные азиатские страны. Для успешного развития исламских финансов в стране Демешев предлагает увеличить рекламу данных институтов и повысить в будущем грамотность населения в области исламских финансов, повысить информированность широких слоев населения по деятельности исламского банкинга в Казахстане.

Интервью доктора Хумайона Дара, исполнительного директора BMB Islamic Company, было перепечатано из журнала Business Islamica. Доктор Дар является специалистом в области исламской экономики, он в то же время и бизнесмен, возглавляющий консалтинговую компанию, предоставляющую шариатские консультационные услуги. По сути, его интервью дает возможность

узнать более общие вопросы исламских финансов и их роль в глобальной экономике. По словам доктора Дара, на мировом рынке работают более 50 фирм, аналогичных BMB Islamic Company. Относительно самой компании, одним из основных ее видов деятельности является публикация ежегодного путеводителя об исламских финансовых продуктах, институтах и рынках.

В начале своего интервью доктор Дар сразу высказал идею о том, что исламские финансы могут подготовить платформу для социальных реформ в исламском мире. Он также указал на ряд недостатков относительно низкого спроса в исламском финансировании со стороны стран-участниц Организации Исламская Конференция (сейчас Организация Исламского Сотрудничества, ОИС) и слабого маркетинга. Он предлагает исламским банкам изобрести такие финансовые продукты, которые бы удовлетворяли потребности среднего потребителя финансовых услуг в странах ОИС. Другими словами, профессор Дар говорит о расширении и доступности исламских финансов для среднего класса в мусульманских странах.

Далее, доктор Дар говорит о связи западного социально-ответственного инвестирования (СОИ) и исламских финансов, но оговаривает тот факт, что исламское инвестирование менее сложное, чем западное СОИ. Помимо этого, он предлагает шариатские продукты и исламские финансы для неисламских общин, а также говорит о том, что в исламском банкинге, на сегодняшний день, мало представлены слияния и поглощения.

Говоря о перспективах исламского финансирования, профессор Дар отмечает созданную правительством Малайзии Международную организацию закят, которая призвана ослабить бедность в 58-ми странах ОИС, и которой управляет BMB Group. Основной задачей организации является развитие крупнейшего благотворительного фонда для послабления бедности в исламском мире. Фонд будет вкладывать средства в человеческий капитал и развитие социальных предприятий для улучшения качества жизни населения, в отношении которых ислам предписывает расходовать деньги из закята.

Другой, сходной, перспективой исламских финансов является социальная ответственность исламского финансирования в будущем. Это необходимо для устойчивого развития исламского банкинга. Доктор Дар высказывает надежду, что исламские банки начнут предлагать больше структурированных продуктов, что, в свою очередь, позволит им разнообразить их предложение на рынке банковских услуг. Он также высказал мысль о том, что в будущем США могут поддержать исламские финансы (такова, по крайней мере, политика кабинета Президента Обамы).

Пятое интервью было взято у председателя Правления Al Hilal Bank в Казахстане, господина Прасада Абрахама, о котором уже упоминалось выше. В целом, он отмечает высокую заинтересованность исламских банков в Казахстане, где создана инфраструктура для развития исламского финансирования, в том числе, правовая. Следующим этапом в развитии исламских финансовых продуктов в Казахстане Прасад Абрахам указывает развитие исламского страхования и паевых фондов. Для последних необходимо создать индекс, соответствующий принципам Шариата.

По мнению Прасада Абрахама, увеличение исламских банков на территории Казахстана предполагает более быстрое и эффективное развитие, когда вместо 30-40 лет, процесс развития исламского

финансирования может занять всего пять. Таким образом, за довольно короткое время Казахстан может стать центром исламского банкинга в Центральной Азии. Относительно перспектив дальнейшего развития, Al Hilal Bank планирует экспансию, прежде всего, в странах Центральной Азии и только потом – на территории стран-участниц Таможенного Союза. В будущем, главный акционер банка Правительство Абу-Даби, окажет содействие в распространении исламских финансовых продуктов в странах СНГ. Можно видеть, что глава Аль-Хиляль банка рассматривает Казахстан в качестве регионального лидера в продвижении исламских финансов в Центральной Азии и СНГ.

Последнее интервью, на мой взгляд, является наиболее интересным и важным, так как представляет собой разговор, затрагивающий вопросы институционального развития исламских финансов в Казахстане. Интервьюируемый – Ерлан Байдаулет – председатель Ассоциации развития исламских финансов Казахстана, советник министра индустрии и новых технологий Республики Казахстан. В рамках интервью я могла бы охарактеризовать Байдаулета, как последовательного представителя системного подхода в развитии исламского финансирования в Казахстане.

Байдаулет указывает ряд государственных мероприятий по созданию инфраструктуры исламского банкинга в стране, куда, помимо принятия закона по исламским финансам и открытию первого исламского банка, входят: 1) Послание Президента Казахстана 2010 года, где ставится стратегическая задача по созданию регионального центра исламского банкинга в Алматы до 2020 года; 2) переговоры Правительства Казахстана с крупнейшими представителями исламских банков в 2010 году; 3) министр финансов Булат Жамишев ставил вопрос о возможности выпуска суверенных облигаций Сукук в объеме 500 млн. долларов США в течение 2010 года; 4) создание Дорожной карты по развитию исламских финансов до 2012 года, внесение изменений в законодательство по выпуску ценных бумаг, налогового права и страхования; 5) проведение двух конференций по исламским финансам в Казахстане.

Байдаулет также указывает на создание отдельного инвестиционного блока по Ближнему Востоку, Северной Африке и юго-восточной Азии; продвижению положительного инвестиционного имиджа Казахстана в Саудовской Аравии, Кувейте, ОАЭ, Бахрейне и Малайзии. Здесь особый инвестиционный интерес представляют сельское хозяйство, горнодобывающая и нефтехимическая промышленность, туризм, транспорт и проекты халал-индустрии.

Он отметил, что председательствование Казахстана в ОИС, в первую очередь, направлено на торгово-экономическую сферу и особо подчеркнул, что данные процессы никоим образом не влияют на светские основы государственного строя страны, а полностью регулируются и обеспечивают дополнительные конкурентные преимущества казахстанской экономики в условиях глобализации. По его оценке, Казахстан в 2012-2013 годах будет располагать наиболее благоприятной законодательной базой в условиях последовательного формирования регионального исламского финансового центра и его реальной конкурентоспособности среди стран СНГ. Здесь также следует отметить, что Казахстан в июне 2011 года, помимо проведения

сессии Организации Исламского Сотрудничества, провел Всемирный Исламский Экономический Форум.

Байдаулет указывает на основные проблемы исламского банкинга по отношению к малому и среднему бизнесу (МСБ). В Казахстане данный вопрос должен решиться в течение 2011 года, когда ожидается открытие второго исламского банка с малазийским участием, который должен будет начать работу с МСБ и населением. Меморандум на открытие второго исламского банка в Казахстане был подписан еще в августе 2010 года и планировалось, что банк начнет свою работу в первой половине 2011 года.

Относительно социальной составляющей исламского финансирования, Байдаулет высказывает мысль о том, что исламский банкинг в силу своих этических принципов поможет преодолеть финансовый кризис в стране, повысит социальную ответственность бизнеса, улучшит отношения между бизнесом и государством, поможет в борьбе с коррупцией, увеличит доверие между бизнесменами и обществом. Также он отмечает необходимость социальных исследований для изучения восприятия населением исламских финансов, а также для развития маркетинговой стратегии.

По мнению представителя упраздненного регионального филиала РФЦА в Караганде Виктории Тищенковой, исламские финансы в Казахстане имеют большие перспективы в силу своего некоммерческого характера и заинтересованности в развитии, прежде всего, сельского сектора казахстанской экономики.

Мы можем видеть, что все интервью и экспертные оценки, так или иначе, затрагивают социальные (в частности, образовательные) аспекты исламского финансирования как в региональном, так и в глобальном масштабе. Помимо этого следует отметить этнорегиональный фактор исламских финансов в Казахстане, когда страна рассматривается как лидер в развитии исламского финансового рынка как в Центральной Азии, так и в странах СНГ. Можно сказать, что в интервью неоднократно высказываются мысли о привлечении исламских финансов в республику для того, чтобы повысить устойчивость казахстанской экономики не только за счет расширения инвестиционной базы за счет азиатских и северо-африканских стран, но также для повышения социальной ответственности бизнеса перед обществом и снижения коррупции. В то же время, можно отметить, что на глобальном уровне прослеживается взаимодействие западного и исламского капитала, тогда как на региональном уровне мы можем видеть оценку исламских финансов в качестве альтернативы традиционному коммерческому (т.е. западному) банкингу (интервью Смаилова и Смагулова).

Подводя итог вышеизложенному и отвечая на вышепоставленные вопросы, можно сделать следующие выводы:

1- Правительство РК начало привлекать исламские финансы в период начала финансового кризиса с расширением инвестиционной базы и ориентацией на страны ОИС.

2 -Быстрое наращивание исламского финансирования в Казахстане возможно, но в настоящее время, мы можем видеть некое замедление в развитии исламского банкинга в стране. Об этом может говорить некоторое отклонение от плана открытия второго исламского банка в Казахстане в текущем году и приостановление лицензии у банка «Аль-Хиляль».

3- Если рассматривать деятельность «Исламского банка Аль-Хиляль» в Казахстане, то мы можем видеть, что его деятельность

сосредоточена на крупных национальных и государственных корпорациях. Социальных проектов, ориентированных на образование и медицину мы пока не видим, но, по-видимому, они предполагаются, так как сейчас мы можем видеть развитие исламской инфраструктуры в стране в виде халал-индустрии, исламских СМИ, мусульманских кафе, магазинов мусульманской одежды и т.п.

4- Из интервью Байдаулета становится понятным, что на первоначальном этапе формирования исламского банкинга в Казахстане поддержка государства необходима, и эта поддержка очевидна со стороны министерства финансов и министерства индустрии и новых технологий РК, а также со стороны первых лиц государства и Парламента. Данные процессы могут также указывать на создание и развитие дуалистической модели исламских финансов в стране (Р.И. Беккин).

5- На долю исламских финансов возлагается много надежд и, прежде всего, это относится к повышению социальной ответственности бизнеса перед обществом, возрастанию доверия между бизнесом и государством, а также борьба с коррупцией. По мнению многих опрашиваемых, исламские финансы в силу своих этических принципов могут изменить и решить многие вопросы государственных и социальных институтов.

6- экономическая и финансовая модель, возможно, в настоящее время берется в качестве перспективной модели для Казахстана, что может говорить о так называемой «южной ориентации» в развитии исламских финансов в стране.

Использованная литература:

1- Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М.: Издательский дом Марджани, 2010.
Нацбанк Казахстана приостановил лицензии четырех банков. - http://news.mail.ru/inworld/kazakhstan/economics/6523022/
3- www.meshet.kz

Contact : nazgulm2006@gmail.com

Report on session 5

In this panel, the role of the actors, be they public or private, collective or individual, was discussed with regard to the access to resources. This was demonstrated in several fields, such as Islamic finance, cross-border trade and cooperation, urbanisation, and the rural-urban cleavage. The difficulty of shifting from a centrally planned economy towards a system compatible with market economy was highlighted.

The specificity of Islamic finance is a special concern for research in social sciences. However, at least as far as Kazakhstan is concerned, the role of Islamic banks is still very limited. So far, there exists only one Islamic bank in the country and there are no data about its share in the national market. As regards the philosophy of this Islamic bank, on the one hand, the loans are theoretically interest-free. On the other hand, the absence of interests is compatible with a commercial margin which can be quite high; moreover, the bank can become a shareholder in its customers' companies, which means that it can benefit from the

companies' prosperity. It is also worth underlining that the values of the Islamic finance are not only supported by the credit committee, but also by the sharing committee, the latter being, among others, in charge of preventing customers from dealing with illicit devices such as alcohol.

The usefulness of understanding the logics of individual and collective action was also underlined with special regard to trade in (post-)conflict areas. The existence of conflicts between states (or pseudo-states) goes hand in hand with renewed spaces of manoeuvre concerning political and economic resources. For instance, when the trans-Caucasus trade corridor was closed down in 2004, after Mikheïl Saakashvili's access to power in Georgia, violence erupted because different categories of people lost income opportunities and political rents. Insofar, it would have been helpful to analyse the situation according to the stakeholder theory. This approach turns out to be useful for better understanding the resources at stake, the actors interested in these resources and, thus, for contributing to conflict solution.

People's strategies can also be analysed with regard to land reforms, such as those undertaken in Kyrgyzstan, although it has to be underlined that land reforms have been undertaken all over the post-Soviet space, with cooperatives being the "solution" widely suggested. However, the shift from the centrally planned economic system to "new" forms of organisation in rural areas turns out to be a complex enterprise, and the planned reforms are difficult to implement. Indeed, people continue sticking to small-scale (subsistence) farming with family labour being the rule, and there is only a small — and decreasing — number of cooperatives left.

In some specific areas, research in social sciences is still lacking serious data, which means that we have to rely on the experts' "empirical feeling". This is also the case as far as the urbanisation process in Kazakhstan is concerned. To a large extent, social structures continue to be determined by "clans". The integration of rural Kazakhs — with their specific patterns of consumption and behaviour — seems to be difficult to come about in towns. This gives way to social tension, with xenophobia and religious extremism being the most wide-spread manifestations. This is the more detrimental to a homogeneous development process as decision makers are not necessarily close to the population and are lacking a long-term vision as regards people's motivations.

Eveline Baumann, IRD, Paris, France.

Бедность, неравенство, социальная политика
Poverty, inequalities and social policy

Eveline BAUMANN, UMR 201 « Développement et Sociétés » (IRD / Université Paris I Sorbonne)

Social Protection in the South: Georgia and Senegal: Comparing the Uncomparable ?

The underlying idea of this paper is that, in the context of a globalized market economy, transnational comparison in social sciences is instructive, insofar as it allows for highlighting the resilience of national trajectories with regard to convergent pressure imposing so-called universal norms. Moreover, it prompts us to question the transition mechanisms between supranational and national levels. I will concentrate on social protection in Georgia and Senegal and argue that, in order to gain prestige from the international community and to attract foreign investment and, possibly, aid, both Georgia and Senegal do "play the game" of adapting their economic and political system to global standards. I will demonstrate that social protection is increasingly considered as a simple means of poverty alleviation, which is coherent with current market economy and a restrictive interpretation of democratisation.

South and East, beneficiaries and actors of global norms

Georgia and Senegal. A post-Soviet country in the South Caucasus, whose inhabitants tend to insist on their cultural proximity to Europe, on the one hand and a Sub-Saharan country labelled « least developed » by international agencies, on the other. Comparing them, whether in the specific field of social protection or in any other domain, could be considered a hazardous exercise. However one wishes to compare Georgia and Senegal, the discrepancies in broad societal and economic factors are indeed substantial, be it with regard to demography, GDP per inhabitant, the level of education, and the receptiveness to European values, etc. (*cf*. Table 1). Concerning these aspects and despite high overall hardship, Georgia is definitely a Western country, whereas Senegal is a "classic" country of the South.

Nevertheless, both Georgia and Senegal do also share intrinsic features of regions of the South. Indeed, more than half of the labour force is active in the primary sector, mostly in agriculture where the output is low. This is especially the case in Georgia: subsistence agriculture is widespread, as a response to the dismantling of the state farms and to massive lay-offs in the industry in the aftermath of Independence in 1991. As regards demographic flows, Senegal has undergone the opposite evolution, with intensive rural-urban migration

since Independence in 1960, leading to the ubiquity of small-scale activities in towns. Unsurprisingly, both the Georgian and Senegalese labour market is highly segmented; self-employment and family labour are the rule, be it in the primary sector, in petty commodity production or in service providing. As a consequence, fiscal revenues are limited, hampering "generous" social policy measures [European Commission 2011, ILO 2008]. With regard to democratisation, both countries can be considered as "hybrid systems": elections are not completely free and fair, there is harassment and pressure on journalists, the judiciary is not independent, civil society is weak and lacking in trustworthy decision makers and efficient public institutions. In both cases, access to resources is characterised by high inequality. Differences in living conditions between rural areas and towns are tremendous and public redistribution mechanisms play a minor role.

Georgia and Senegal are concomitantly engaged in a globalisation process, understood as growing transnational flows of capital, products, services, people, but also of ideas and norms. International agencies measure the distance of local rules from what are supposed to be universal standards, rating the progress made in the so-called transition to market economy and in the democratisation process. New, global ideas are also ubiquitous in the field of social protection. Introduced under the influence of international stakeholders, these ideas are clashing with generally deeply rooted local attitudes as regards private and public solidarity. Local decision makers, together with private stakeholders, are to work out new socially acceptable institutional arrangements. For Georgia, this means that the severance with the inclusive Soviet system needs to be overcome, despite high expectations among the population towards post-Soviet social policy [Baumann 2010]. As regards Senegal, a socially acceptable compromise has to be worked out between the selective social security system set up during French colonial rule and the need for social inclusion of the self-employed representing the marginalised majority among the active labour force (*cf*. Table 2).

ILO standards and neoliberalism

The International Labour Organisation started setting up norms linked to the protection of workers and their family, as part of labour conditions, as early as a century ago. The creation of ILO in the aftermath of World War I was not only determined by humanitarian and economic considerations, but also by the political will to prevent insecurity and unrest which might have emerged from the labour force. This last point should be borne in mind in order to fully comprehend the current attitudes towards social protection.

The ILO standards have been subsequently adopted by trade unions all over the world, as well as by international organisations such as the Council of Europe, the European Commission, the African Union, the International Trade Unions Confederation, etc. Among the nearly 200 conventions drawn up so far, Georgia has ratified 16, Senegal 37. Seven conventions are linked to social security. Whereas Senegal has ratified two, Georgia has ratified none of them. In both countries, working conditions — especially in the field of petty jobs — sharply contradict the most basic standards. The situation is particularly dramatic in Georgia which has undoubtedly one of the most ultra-liberal Labour Codes in the world. However, the ILO is not allowed to impose sanctions on countries which do not respect international standards. Only "diplomatic" pressure can be exerted on local decision makers. This also holds true for other organisations such as, in the case of Georgia, the

European Commission with its European Neighbourhood Policy Instruments.

Insufficient implementation of ILO standards is not only due to the deficiency of global governance tools. Globalisation and the market economy have brought about new attitudes towards social protection and, more generally speaking, “development” issues. Indeed, until the end of the seventies, social policy measures were viewed as means of reducing people’s hardship. The Washington consensus broke with this vision of workers being potential victims of social structures. The structural adjustment programmes, tested in Sub-Saharan Africa — Senegal being the first beneficiary country — and later adapted to the post-communist countries, were intended to downsize the state and delegitimize public regulations, also with regard to social policy. However, despite — or because of — these programmes, poverty continued increasing, leading towards a revision of the neoliberal development agenda. This was done, firstly, by extending economic analysis to non-economic domains of life and, secondly, by focussing on the individual, viewed as a rational and responsible actor, even concerning health matters. Local and international civil society organisations became the promoters of “empowerment” — especially regarding women and democracy promotion — , microfinance was presented as a “macro-idea” able to boost entrepreneurship and alleviate poverty. Microinsurance started being introduced in order to counter-balance the deficiencies of the public health care system.

Like most countries benefiting from international aid and technical assistance, both Georgia and Senegal are directly concerned by the shift towards this individual actor-centred approach, with local decision makers being convinced that only market mechanisms are able to foster growth. In this regard, Georgia goes much farther than Senegal, by openly advocating ultra-liberalism which, in the eyes of president Saakashvili and his team, is the only means of heading off the Russian danger. However, Georgia’s ultra-liberalism is, to a large extent, a formal one, because the presidency’s interventions in public life — including the economy, the media, education, etc. — are widespread.

Extraterritorial incentives and decreasing autonomy of national policies

Concomitantly with this renewed “development” approach, the donor community — which is characterized by the hegemony of the World Bank Group and the USA — has worked out new lending practices [Soederberg 2004]. Whereas in previous periods, financial support (loans and grants) was given in order to create market economy conditions and foster democratisation, the current guiding principle consists in supporting only countries having already successfully demonstrated their commitment to the classic neo-liberal development philosophy (and, implicitly, their aversion for redistribution mechanisms). So-called failed states are thus excluded from development aid and, implicitly, from the international community’s esteem. The main tool measuring the neoliberal discipline of the potential beneficiaries is the Millenium Challenge Account (MCA) which is to help poor countries to reach the Millenium Development Goals. Both Senegal and Georgia have met the MCA eligibility criteria. This enabled them to be awarded MCA grants, the former in 2009 (420 Mln USD), when the USA was becoming increasingly preoccupied by the influence of the Gulf states, the latter in 2005 (500 Mln USD), in the aftermath of the first coloured revolution in the post-Soviet space.

The approach adopted by the World Bank ranking agency Doing Business (DB) is close to the MCA methodology. The easiness of entrepreneurial activities is evaluated according to a series of criteria linked to the business environment. The agency's website offers the possibility of simulating the impact reforms would have on an economy's ranking. The best ranked countries obtain the prestigious title of "top reformer", which was the case for Georgia in 2007. Needless to say that, being destined to attract foreign investment, the prospect of good DB ranking helps decision makers to push through unpopular measures. Georgia's ultra-liberal Labour Code voted in 2006 is undoubtedly an outstanding example for this instrumentalisation of extraterritorial rules [Schueth 2011]. Whereas Georgia has succeeded in attracting high amounts of foreign investment — 17 % of GDP in 2007, 12 % in 2008, with a powerful downward trend though — , the situation is different in Senegal, with foreign direct investment corresponding to approximately 5 % of GDP. Investment opportunities are limited and the business climate is much less attractive in Senegal than in Georgia, which is also due to the overall low level of professional skills. Moreover, trade unions are powerful and the long tradition of social dialogue contributes to resisting in-depth reforms. The pro-DB discourse is thus partially a virtual one.

Both in Georgia (the DB rank is 12 out of 183 in 2011) and Senegal (rank 152), the symbolic power of "extraterritorial" rules is prominent and public policy is, to a very large extent, oriented towards the fulfilment of MCA and DB criteria. Thus, in both countries, reforms are characterised by an opportunistic approach, the core of the social reforms consisting in poverty alleviating measures. Long term visions, however, are lacking, which is a major constraint for people's trust in the future.

The protection of workers after the 2008 crisis…

The 2008 financial crisis — in Georgia exacerbated by the war with Russia — has undoubtedly shown the limits of neoliberalism, especially in the field of working conditions and social protection. International experts suggest a "decent work" alternative and recommend "a more comprehensive approach on labour market policies […] and a right balance between measuring regulations and flexibility". Undoubtedly, this renewed approach will also have consequences for the DB methodology. It might also hinder the race towards ultra-liberalism and act as an incentive for policy makers in countries where the democratisation process is flawed. In this regard, it is worth paying close attention to recent political unrest both in Georgia and Senegal

Table 1 : Country characteristics: Georgia, Senegal

	Georgia	Senegal	Sources
Development indicators, economy			
GDP *p.c.* (PPP US$ 2009)	4,770 $	1,820 $	http://data.worldbank.org/
GDP growth rate (2010)	6.4 %	4.2 %	Georgia: http://www.geostat.ge Senegal: OECD, African Outlook
Agriculture as % of GDP	8 % (2009)	17 % (2010)	http://www.africaneconomicoutlook.org/en/
Human development ranking	74/169	144/169	UNDP, http://hdrstats.undp.org/
Doing Business ranking	12/183	152/183	http://doingbusiness.org
Demography, migration			
Population (2010)	4.4 million	12.4 million	United Nations,
Pop. growth rate (2010)	— 0.6 %	2.7 %	*World Population*
Population 60+ (2009)	19.1%	3.9 %	*Prospects 2010*
Old age dependency rate	23	6	http://esa.un.org
Urbanisation rate	53 %	42 %	
Out-migration: % of total pop.	25 %	5 %	World Bank, *Migration and*
Remittances: % of GDP	6 %	9 %	*Remittances Factbook 2011*
Labour			
Labour participation rate (% of working age population)	64 %	60 %	Georgia: http://www.geostat.ge/ Senegal: http://www.ansd.sn/
Self-employed, family workers	63 %	80-90 %	
Primary sector as % of labour	54 %	54 %	
25+ population with higher education as % of total population	26% (2002)	1% (2006)	UNESCO: http://www.uis.unesco.org/
Public finance, social policy			
Tax revenue and social contributions in % of GDP	23 % (2009)	22 % (2008, est.)	Georgia: http://data.worldbank.org/ Senegal: OECD, *African Outlook*
Soc. Protect. expenditure: % of GDP	8 % (2010) [pensions = 50%]	3% (2004) [pensions = 50%]	Georgia: IMF, *Country Report 2011* Senegal: ILO/Annycke 2008
Health expenditure: % of GDP	10 %	6 %	
Gov.expenditure (health) as % of total expenditure on health	29 %	56 %	World Health Organisation:
Gov.expenditure (health) as % of total government expenditure	8 %	12 %	http://apps.who.int/ghodata/?vid=60610 [WHO data refer to 2009]
Out-of-pocket expenditure as % of privage health expend.	94 %	79 %	
Private prepaid plans as % of private expend. on health	4 %	18 %	
Democratisation			
Democracy Index (2010; best = 1)	103/158	95/185	Economist Intelligence Unit:
Type of political system	"hybrid system"	"hybrid system"	www.eiu.com/

NB : Old age dependency ratio = ratio of the population aged 65+ to the population aged 20-64, presented as number of dependants per 100 persons of working age (20-64).

Table 2 : Main characteristics of the Georgian and Senegalese social protection system

	Georgia	Senegal
Historical background	Highly inclusive Soviet social protection based on full employment and life long jobs. Progressive rupture after Independence (1991) with introduction of market economy. In-depth reforms after Rose Revolution (2004). Soviet period: coverage 100 % of population.	Legacy of the social security system set up during French colonisation (1930—) for expats, later extended to locals in the public and "modern" private sector. Colonial period : no insurance for self-employed and family workers (rural, urban).
Current system	Since 2004 social protection based on poverty reduction (data base registering poor: cash allowances, free health insurance). Free basic health service for specific diseases. Progressive introduction of cheap insurance viewed as low quality by beneficiaries. Old age pensioners: coverage 100%, but pensions = app. 15% of average wage. Allowances for Internally Displaced Persons. No unemployment benefits.	Social protection only for employees of big companies, civil servants and their family. Coverage 12 % of total popul. Old age: Pay-as-you-go-system (PAYG). Microinsurance introduced with help of international donors and NGOs. Old age pensioners: free basic health care. No unemployment benefits.
Local stakeholders	One ministry involved, but dominance of ultra-liberal decision makers (Presidency). Trade unions still seeking their identity (45 % of employees and civil servants affiliated). Civil society poorly represented. Self-employed not organised.	Several ministries involved in reforms > lack of coherence of reforms. Trade unions (company based) represent only employees (*i.e.* 10 % of active popul.). Civil society poorly represented. Self-employed not organised.
International stakeholders	ILO: Georgian ultra-liberalism limits ILO's influence and generalisation of ILO norms. European Commission, Council of Europe: increasing pressure concerning respect of European Social Charter. US Trade Unions: pressure concerning respect of social rights. Foreign experts (USA)	ILO: involved in reforms. International Association of Social Security and international experts. African Union: only formal commitment. Influence of Senegalese diaspora. Foreign experts (Internat.Soc.Insur.Assoc.)
Major constraints for extension	Low level of tax revenues linked to widespread informal activities. Ultra-liberalism as expressed in Liberty Act, Constitution and organic laws [state budget = max. 30 % of GDP, flat income tax = 20 %].	Low level of tax revenues linked to widespread informal activities. Plurality of local stakeholders. Lack of political will concerning new and democratic distribution patterns.
People's attitudes	High expectations of population, comparing current situation with Soviet period. Insurance mechanisms: limited understanding. versus assistance, distrust in public institutions. Social insurance "does not make sense" given widespread informal payments to health care providers.	Public discourse: overvalues private family based solidarity. Insurance mechanisms: limited understanding. High distrust in public health providers. Preference for short-time perspectives versus investment in insurance.

References, websites:

BAUMANN Eveline, 2010. — ”Post-Soviet Georgia : The Rocky Path towards Modern Social Protection”, *Social Policy and the Global Crisis, ESPANET Conference*, Budapest, September 2-4, 21 p. [http://recherche-iedes.univ-paris1.fr/].

BIT (BUREAU INTERNATIONAL DU TRAVAIL), 2008. — *Sénégal. L'analyse des prestations et des indicateurs de résultats de la protection sociale*. Rapport préparé par P. Annycke. Genève, BIT, xvii, 159 p.

EUROPEAN COMMISSION, 2011. — *Social Protection and Social Inclusion in Georgia*, Report prepared by A. Danelia *et al.*, Brussels, European Commission, 155 p.

ORENSTEIN Mitchell A., 2008. — “Postcommunist Welfare States“, *Journal of Democracy*, vol. 19, n° 4, October 2008, p. 80-94.

SCHUETH Sam, 2011. — « Assembling International Competitiveness : The Republic of Georgia, USAID, and the Doing Business Project », *Economic Geography*, 87 (1), p. 51-77.
SOEDERBERG Susanne, 2004. — « American Empire and 'Excluded States' : The Millenium Challenge Account and the Shift to Pre-Emptive Development », *Third World Quaterly*, vol. 25, n° 2, p. 279-302.

Doing Business : http://www.doingbusiness.org/
EU, European Neighbourhood Policy: http://eeas.europa.eu/georgia/eu_georgia_summary/index_en.htm
Georgian Trade Union Confederation: http://gtuc.ge/en/ (search Labor Code)
ILO, Database on international Labour statistics: http://www.ilo.org/ilolex/english/convdisp1.htm
Millenium Challenge Account : http://www.mcc.gov/

Contact : eveline.baumann@ird.fr

Саодат Олимова, руководитель Службы общественного мнения Центра «Шарк», Музаффар Олимов, директор Исследовательского Центра «Шарк» (Таджикистан)

Человеческий капитал и неравенство в независимом Таджикистане: взаимосвязь и взаимозависимость

Двадцать лет назад бывшие братские республики СССР избрали различающиеся экономические и политические модели, но важнейшим фактором, детерминирующим направления развития, является, говоря перестроечным языком, «человеческий фактор». Как изменился бывший «советский народ», что он строит в каждой отдельно взятой части бывшего СССР, как представляет себя и свое будущее? Эти вопросы занимали нас во время работы над исследованием о развитии человеческого капитала в Таджикистане за 20 лет независимости, проведенного при поддержке Европейского фонда образования (ЕФО) в 2009-2010 годах. Для того, чтобы определить основные тенденции и динамику развития человеческого капитала (ЧК) в процессе трансформации Таджикистана мы использовали данные официальной статистики, результаты ранее проведенных исследований, а также провели два опроса общественного мнения, экспертный опрос и две фокус-групповые дискуссии.

Теория человеческого капитала, сформулированная на рубеже 1950-1960-х гг. Т.Шульцем, Г.Беккером, Дж.Минцером признает человека и его знания главным фактором экономического роста, определяющим направления развития экономики. В своей работе мы использовали следующее определение человеческого капитала - это знания, навыки, способности, мотивации, которые могут быть использованы человеком в процессе труда и которые вносят вклад в социально-экономическое развитие страны. Мы ограничились изучением вопросов образования, обучения, приобретения профессиональных знаний и навыков и их применения на рынке

труда и исключили изучение здоровья и питания, которые требуют отдельного исследования.

Анализируя процесс изменений ЧК в постсоветский период, мы изучали его текущий уровень и направления развития в контексте общеэкономических процессов в Таджикистане, таких как: переход к рынку и структурная перестройка экономики в период после обретения независимости, трудовая миграция, рост неравенства доходов, бедность , изменение роли государственных и общественных институтов.

Таджикистан наряду с другими республиками Средней Азии осуществил в советский период глубокую , но незавершенную модернизацию (Вишневский А.,1998.:290-296). Одним из ее результатов было достижение высокого уровня человеческого капитала. В первые годы транзита идеологи преобразований рассматривали высокий уровень человеческого капитала как главный фактор успеха реформ в Таджикистане. Предполагалось, что образованные и патриотически-мотивированные люди приложат все усилия для того, чтобы построить в Таджикистане независимое национальное государство с демократической формой правления и рыночной экономикой. Однако строительство национального государства и переход к рынку сопровождались значительными трудностями. Это и гражданская война, и потрясения, связанные с переходом к рыночной экономике, обнищание населения , формирование бедности и борьба с ней. Все это стало фоном, на котором шлиразнообразные преобразования: политические, экономические, социальные, культурные, религиозные. Как все эти процессы повлияли на человеческий капитал – главное богатство Таджикистана?

ЧК в постсоветское время. Если взглянуть на развитие человеческого капитала в Таджикистане последних 20 лет, то мы увидим его последовательное ухудшение - молодежь менее образована, чем их родители (ВБ,2009: 84). Если в советское время образованием были охвачены все дети, то в настоящее время появилась группа людей, никогда не посещавших школу и не владеющих навыками грамотности. Так, в материалах Переписей 1989 и 2000 годов не были отмечены люди, не имеющие никакого образования, Но в 2007 г. 0.7% населения Таджикистана старше 15 лет сообщили, что они никогда не посещали школу и не владеют грамотой. (TLSS, 2007) С 1989 г. по 2007 годы доли людей с высшим образованием и со средним профессиональным образованием сократились на 1,8% и 2,1% соответственно (TLSS, 2007).

Заметно упало качество образования. Существует несоответствие между длительностью обучения (числом лет обучения) и его качеством (полученными в ходе обучения знаниями, умениями и навыками). При сохранении достаточно длительного срока обучения, ученики и студенты овладевают значительно меньшим комплексом знаний, умений и навыков, чем раньше (IMF,2004). Падение качества образования ведет к росту неравенства в доступе к образованию и особенно заметно среди сельских жителей, бедных и девочек. Низкое качество образования, доступного сельским бедным слоям населения и женщинам, ограничивает возможности их перехода на более высокие уровни обучения и ведет к застою и торможению развития страны в целом, так как статистические данные показывают, что уровень

образования детей во многом зависит от образования матерей (Мултикластерное обследование, 2005: 75-76).

Уровень образования рабочей силы в целом преимущественно ограничивается средним образованием, не охватывая профессиональное и высшее образование. Около половины экономически активного населения имеет лишь среднее образование, и лишь треть всех людей, участвующих в трудовой деятельности, получили профессиональное и высшее образование (TLSS,2007).

Что же способствовало ухудшению ЧК в Таджикистане? Изучая различные факторы, действующие на развитие ЧК, мы выделили четыре основных: а) состояние системы образования; б) влияние структурной перестройки экономики; в) воздействие масштабной трудовой миграции; г) влияние отдачи от образования.

Ухудшение системы образования. Как правило, проблемы в сфере образования Таджикистана, принято связывать с последствиями гражданской войны 1992-1997 годов и эмиграцией наиболее образованных людей в первые годы после распада СССР. Признавая важность этих обстоятельств, следует отметить, что ухудшению состояния сферы образования в Таджикистане также способствовали следующие факторы :

- Сокращение инвестиций в ЧК с 9,7% от ВВП в 1991 году до 4,1% от ВВП в 2008 году (Госкомстат РТ,2009:7).
- Демографическое давление. За годы независимости не только заметно выросла численность населения Таджикистана – с 5 млн. 108,6 тысяч человек в 1989 г. **до** 7 млн. 565 тысяч человек в 2010 г. (Гостатагентство РТ , 2010: 4), но и увеличилась доля детей школьного возраста, что создало все возрастающую нагрузку на систему образования РТ. С 1990 по 2000 гг. численность детей и молодежи в возрасте 5-19 лет увеличилась на 27 % (Рассчитано по : Госкомстат РТ,2002: 86)
- Обнищание населения РТ. В 1990 г. доход на душу населения в Таджикистане составлял около 1050 долл. США. Через два года он снизился наполовину (до 480 долл. США в 1992 г.), а еще через 10 лет составил 150 долл. США, т.е. снизился на 85%. (ВБ, 2003)

Влияние структурной перестройки экономики. Наиболее сильное воздействие на ЧК оказала структурная трансформация экономики Таджикистана. Ее сопровождали процессы *деиндустриализации, дезурбанизации, социальной стратификации и формирования неравенства.*

Деиндустриализация была следствием остановки промышленных производств в ходе распада советского народного хозяйства. Если в 1991 г. в промышленности Таджикистана были заняты 21%, то в 2009 г. только 4,8% всех работников (Госкомстат РТ, 2010: 90).

Наряду с деиндустриализацией сокращалась доля городского населения. Если в 1989 году в городах проживало 33% населения РТ, то в 2010 году – 26,4 % (Гостатагентство РТ, 2010:22) Соответственно повысилась занятость в сельском хозяйстве и, особенно в производстве продовольствия для собственного потребления. Разрастание натурального хозяйства и трудовая эмиграция поглощали все больше людей, переставших выходить на внутренний рынок труда. Так образовалась отмечаемая статистикой низкая и продолжающая падать экономическая активность населения Таджикистана, за которой скрывается невидимая неформальная занятость, поглотившая к 2011 году 52%

рабочей силы Таджикистана (Госстатагентство РТ,2010). Как отразились эти процессы на ЧК?

Произошедшие в 1995-2007 изменения в структуре ВВП РТ привели к тому, что доля отраслей, где занята более квалифицированная рабочая сила, уменьшилась, а доля отраслей с менее квалифицированными работниками, возросла. Например, промышленное производство, которое требует квалифицированного труда, сократилось более чем на 50%, в то время как объем торговли, требующей сравнительно менее квалифицированных работников, почти утроился. Наиболее интенсивно росли секторы строительства и услуг, которые используют менее квалифицированных работников. Все это привело к изменениям качества работников на рынке труда и падению спроса на человеческий капитал с точки зрения профессиональной или технической квалификации.

Малоквалифицированные работники продолжают пользоваться спросом и в настоящее время. Потребность в высококвалифицированной рабочей силе снижена, хотя в последние 5 лет на нее появился неудовлетворенный спрос. Исследование теневой экономики в РТ показало, что 32% фирм испытывают острый дефицит квалифицированных сотрудников (Дж.Олимов, 2007:98). Серьезная ситуация с дефицитом специалистов сложилась в промышленности, строительстве, ЖКХ , здравоохранении и связи. Менее напряженная ситуация наблюдается в сфере транспорта, торговли и общественного питания, сельского хозяйства(Дж.Олимов, 2007:48-49). .

Отдача от образования. Уровень человеческого капитала тесно связан с отдачей от образования, т.е. оплатой квалифицированного труда. Мы выясняли, насколько образование повышает доходы, изучая соотношение между ежемесячными доходами домохозяйств и уровнем образования главы домохозяйства. Полученные данные показали, что профессиональное образование может значительно увеличить ежемесячный доход, но оно не приводит к обеспеченности, и тем более богатству. Университетское образование способствует повышению семейных доходов от крайне низкого до среднего уровня, а также может увеличить доходы семьи до чрезвычайно высокого уровня (С.Олимова. М.Олимов, 2010: 36-37). Таким образом, профессиональное и высшее образование являются средством выхода из нищеты, но чтобы добиться настоящего благополучия , необходимы дополнительные условия - социальный капитал, в который входят связи, происхождение и т.д. Если этого нет, то затраты на получение высшего образования не окупаются .

Влияние миграции на образование .

Существует целый ряд исследований, проведенных в различных странах, в которых рассматривается влияние миграции на человеческий капитал. Большинство исследований показывают, что миграция оказывает положительное воздействие на ЧК путем снижения крайней бедности, расширения доходов за счет денежных переводов и соответственно увеличения расходов семей мигрантов на образование, а также получения дополнительных знаний и навыков в процессе миграции (Кокс и Урета,2003), (де Хаан,2005), (Маккензи и Рапопорт,2006). Однако собранные нами данные показали, что в Таджикистане как среди мигрантов, так и в их семьях уровень образования постепенно снижается. Ухудшение ЧК можно видеть на примере таджикской трудовой миграции в России, которая за последние 18 лет заметно потеряла в уровне

образования. Эта ситуация отличается от опыта других стран-«миграционных доноров», таких как Турция, Иордания, Пакистан, Мексика и др., где трудовая миграция привела к повышению ЧК..

Возникает вопрос, связано ли снижение уровня образования мигрантов с общим ухудшением человеческого капитала в Таджикистане или это негативные последствия трудовой эмиграции?

В начале нашего исследования мы выдвинули следующую гипотезу: причиной снижения уровня образования мигрантов является коллективный опыт, накопленный в ходе развития миграции. Этот опыт заметно отличается от опыта других стран, где мигранты являются выходцами из средних и низкостатусных слоев населения, не удовлетворенных уровнем зарплат или своим положением. Однако, в Таджикистане трудовая миграция развивалась в рамках процесса структурной трансформации рынка труда. Остановка промышленных производств после распада СССР и процесс де-индустриализации вызвал массовую безработицу в первое десятилетие независимого существования Таджикистана. Приватизация не привела к образованию слоя ответственных собственников, которые могли бы развивать бизнес и создавать рабочие места. Малый и средний бизнес развивались плохо. Экономические реформы привели к социальной стратификации, сильному росту дифференциации доходов и заметному социально-экономическому неравенству. Безработица и обнищание вытолкнули за пределы страны огромные массы людей, сформировавших масштабную трудовую миграцию.

Она вовлекла в свою орбиту высококвалифицированных работников и специалистов из высокостатусных групп населения. Большинство из них нашли работу в России в качестве простых рабочих, так как в ходе структурной перестройки рынка труда России также повысился спрос на тяжелый и малоквалифицированный труд. Из-за нерегулируемого правового статуса многие таджикские мигранты жили и продолжают жить в условиях, когда образование не нужно и неуместно. Этот коллективный опыт препятствует улучшению образовательного уровня молодых мигрантов.

Чтобы принять или отклонить эту гипотезу, мы изучили, как образовательный уровень трудовых мигрантов связан с их доходами в России. Если бы отдача от образования в России была бы высокой, то мигранты были бы заинтересованы получать образование, несмотря на низкую отдачу от образования в Таджикистане. Изучая зависимость переводов, которые отправляют мигранты из России, от уровня их образования, мы обнаружили, что лица с высшим образованием отправляют большие по размеру переводы и более часто, чем другие. Тем не менее, разница в доходах между людьми с общим средним, со средним профессиональным и высшим образованием невелика. Исследование показало, что работники из Таджикистана не особенно заинтересованы в приобретении профессионального или технического образования, поскольку большинство из них работает в секторах, потребляющих малоквалифицированную рабочую силу. Это строительство, инфраструктура торговли, коммунальное и сельское хозяйство. Так, в 2007 г. 74,1% таджикских мигрантов в России были заняты в строительстве, 10,8% в торговле, 5,4% в сельском хозяйстве, 4,8% в промышленном производстве и только 4,8% в секторах, требующих высокой квалификации, но при

этом предоставляющих низкие доходы, таких, как образование и здравоохранение (Brown, Olimova and Boboev ,2008).

В этой ситуации нет достаточных стимулов для приобретения профессиональных или технических навыков, превосходящих уровень базовой грамотности. В то же время имеющаяся у мигрантов квалификация не востребована на рынке труда России.

Кроме того, к 2003-2004 годам в Таджикистане произошло формирование транснациональной мигрантской экономики, в которой по данным 2010 г. участвует 47% домохозяйств РТ, имеющих как минимум одного трудового мигранта за рубежом. Она включает два сектора : это зарубежная работа мужчин, приносящая денежные доходы(переводы), и натуральное и/или мелкотоварное хозяйство на родине, в котором используется неоплачиваемый ручной малоквалифицированный труд женщин и детей. Это привело к падению статуса женщин в обществе, гендерному дисбалансу, резко возросшему за годы независимости, а также расширению масштабов использования детского труда. Проведенные нами ранее исследования показывают, что мигрантские домохозяйства не считают выгодным инвестировать в образование детей, кроме того, трудовая миграция стимулирует спрос на детский труд (С.Олимова, 2005). Тем не менее, вопрос о том, как миграция влияет на инвестиции в детей и в целом в образование в Таджикистане, не имеет однозначного ответа. Воздействие миграции отцов и в целом значительной части старшего поколения мужчин на детей, молодежь и их образование имеет комплексный характер.

И все же исследование показало, что трудовая миграция несколько увеличивает человеческий капитал за счет приобретения дополнительных навыков и квалификации мигрантами во время работы за границей. Так, 66,1% мигрантов выучили русский язык и 69,2% приобрели те или иные профессиональные навыки , не подтвержденные сертификатом. Отсутствие подтверждающих документов приводит к тому, что дополнительную квалификацию трудно перевести в более высокую зарплату, что также тормозит развитие ЧК. Изучение роли возвратной миграции как трансфера технологии и квалификации показало, что ее значение незначительно (ILO ,2010).

Выводы. За годы независимости в Таджикистане значительно понизился интерес к приобретению человеческого капитала и образованию. Это произошло в первую очередь в результате структурной трансформации экономики и изменений на рынке труда в переходный период. Низкая отдача от образования как внутри Таджикистана, так и в основной принимающей стране России, ,привела к снижению спроса на образовательные услуги, и к ухудшению ЧК в долгосрочной перспективе. Негативное воздействие на развитие ЧК в будущем оказывает также растущее неравенство в доступе к образованию среди различных групп населения, особенно среди женщин, бедных, сельских жителей. Несмотря на рост понимания важности ЧК в обществе и усилия правительства РТ по восстановлению и развитию сферы образования, эта проблема пока не нашла своего решения.

Литература

Вишневский А.Г.(1998) *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*.-М.:ОГИ,1998.

Всемирный банк 2009. «Республика Таджикистан. Оценка параметров бедности. Март 2009»
Госкомстат РТ (2002) Население Республики Таджикистан 2000, Душанбе, Госкомстат РТ, 2002
Госкомстат РТ (2009) *Образование в Республике Таджикистан* Душанбе: Госкомстат РТ, 2009
Гостатагентство РТ (2010) *Предварительные итоги переписи населения и жилищного фонда 2010 года.* Душанбе: Госстатагентство РТ, 2011
Госкомстат (2010) *Статистический ежегодник Республики Таджикистан 2003.* Душанбе: Госкомстат РТ, 2010
Меморандум МАР/ВБ по страновой стратегии , Всемирный банк, 12.2003
Олимов Дж. (2007) ПРООН Отчет по человеческому развитию. *Теневая экономика в Таджикистане,* ПРООН, Душанбе, 2007
Олимова С. Олимов М. 2010. ЕТФ-ШАРК. *Обзор связи между развитием человеческого капитала и справедливостью в Таджикистане.* Национальный отчет. Душанбе, 2010-Драфт
Олимова С. МОТ. *Экспресс-оценка детского труда в городах Таджикистана. Душанбе,* 2005 -Драфт
Brown, R., Olimova S., and Boboev M. (2008) "*Country Report on Remittances of International Migrants in Tajikistan,*" in Study on International Migrants' Remittances in Central Asia and South Caucasus. Asian Development Bank. Доступно на : http://www.adb.org/Documents/Reports/Consultant/40038-REG/40038-04-REG-TACR.pdf
Cox Edwards, A. and M. Ureta. (2003). "*International Migration, Remittances and Schooling: Evidence from El Salvador." Journal of Development Economics* 72 (3): 429–61.
de Haan, A. (2005). "Migration in the Development Studies Literature: Has it come out of marginality?" Paper For UNU-WIDER Jubilee Conference Future Of Development Economics, Department for International Development, United Nations University.
ILO (2010) "*Migration and Development in Tajikistan-Emigration, Return and Diaspora*", Moscow, ILO, 2010 Доступно на : http://www.ilo.org/public/english/
IMF (2004) "*Republic of Tajikistan: Poverty Reduction Strategy Paper Progress Report*". IMF Country Report No. 04/280, August 2004.
McKenzie, D.J. and H. Rapoport. (2006). "*Can Migration reduce educational attainment? Evidence from Mexico*." World Bank Policy Research Working Paper No. 3952, Washington.
TLSS (2007). *Tajikistan Living Standards Measurement Survey 2007*, Dushanbe: State Statistical Committee of Tajikistan, UNICEF, 2009;
SCSRT, (2005) *Tajikistan: Multi-Cluster Survey, 2005*, Dushanbe: State Statistical Committee of Tajikistan.

Contact : olimov@tajik.net, s_olimova@mail.ru

Gulzhan Alimbekova, Aizhan Shabdenova: "Urban versus countryside in Kazakhstan: A comparative sociological data analysis 2001 and 2010”
Алимбекова Гульжан, Шабденова Айжан: “Неравенство «городская - сельская местность» в Казахстане: сравнительный анализ периодов 2001 и 2010 гг. сквозь призму социологических данных”.

Новые отношения в казахстанском обществе складывались и складываются через массу конфликтов, которые разворачиваются на всех основных уровнях социальной организации, к числу наиболее одних из наиболее проявленных относятся противоречия в разрезе «город-село». Разница в уровне жизни в данном разрезе, качестве и наличии услуг образования и здравоохранения, возможности трудоустройства являются критическими. Высокий уровень разрыва в качестве жизни сельчан и горожан привел к высокому уровню внутренней миграции в Казахстане: люди переезжают из села в город.

Научная работа содержит в себе как анализ статистических данных в Казахстане, так и данные социологических опросов, реализованных в 2001 и в 2010 годах, исследовательской компанией ЦИОМ.

Согласно полученным данным, население сельских районов страны удовлетворено своим материальным положением и жизнью в целом, по их личной оценке. Но объективная оценка качества жизни на селе свидетельствует о её неудовлетворительном состоянии.

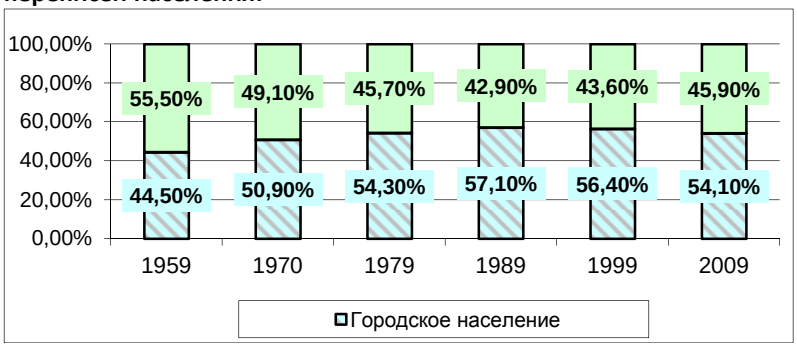
Работа посвящена сравнительному анализу условий жизни в городах и селах Казахстана в таких разрезах как занятость населения, питание, наличие коммунальных услуг, доступ к медицинским услугам, уровень образования.

СТАТЬЯ

Новые отношения в казахстанском обществе складывались и складываются через массу конфликтов, которые разворачиваются на всех основных уровнях социальной организации, к числу наиболее одних из наиболее проявленных относятся противоречия в разрезе «город-село».

По данным переписей населения с 1959 года, прослеживается увеличение доли городского населения в общей численности населения Казахстана [1]. По итогам переписи населения 2009 года, доля городского населения уменьшилась на 2,3% , по сравнению с итогами переписи 1999 года (рис.1). Это уменьшение объясняется тем, что в соответствии с Законом РК «Об административно-территориальном устройстве Республики Казахстан» от 4 ноября 2006г. №184-III, введенным в действие с 1 января 2007г. городские поселки, находящиеся вне территории подчиненности администрациям городов республиканского, городского и областного значения, преобразованы в сельские местности [2].

Рисунок 1. Численность населения Казахстана по данным переписей населения.



Президент Н.А. Назарбаева в Послание народу Казахстана о стратегии развития страны «Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех Казахстанцев» отметил: «Поляризация получила яркое выражение в отношениях между городом и селом. Здесь идет глобальный процесс расслоения, и при этом разрыв постоянно возрастает. Село в ближайшее десятилетие должно стать приоритетной сферой с точки зрения придания дополнительных импульсов рыночным преобразованиям и акцентированного решения социальных проблем, инфраструктуры.

Нам следует ожидать крупного высвобождения рабочей силы на селе, значительной миграции сельских жителей в город и развития процессов урбанизации. Село сегодня стало средоточием всех основных социальных проблем - невыплаты заработной платы, пенсий, отсталости, бедности и безработицы, слабых инфраструктуры, образования и здравоохранения, экологических катаклизмов. При этом здесь самый высокий демографический потенциал. С трудом "собираемые" на центральном уровне необходимые ресурсы, оседая в городах, до села не доходят. С такой размазанной политикой пора кончать. Необходимо в сжатые сроки завершить все преобразования на селе, сопровождая их энергичной и акцентированной социальной политикой» [3].

Здоровье, образование и благополучие граждан Казахстана были поставлены как одни из важнейших приоритетов в развитии государства. Среди компонент стратегии Президент РК отметил, что нужно уменьшить разницу между имущими и неимущими в нашем обществе и постоянно обращать особое внимание на проблемы села.

Изучение условий, образа жизни, здоровья и социального самочувствия населения было одной из задач международного научного проекта «HITT» - «Здоровье населения и социальные перемены в переходный период», это сравнительное социологическое исследование, проводившееся в 8 постсоветских государствах, на грант Европейского Союза. В рамках этого проекта, в 2010 году Центр Изучения Общественного Мнения (ЦИОМ) провел широкомасштабное социологическое исследование на территории всего Казахстана. Опрошено 1800 респондентов методом личного стандартизированного интервью в возрасте 18 лет и старше, выборка репрезентирует распределение населения Казахстана по регионам и типу поселения, для отбора домохозяйств использована маршрутная выборка, респонденты в домохозяйствах отбирались на основании правила ближайшего дня рождения.

Ошибка выборки не превышает 2,3%. Подобный социологический опрос был проведен в декабре 2001 года, в рамках международного научного проекта «Условия жизни, образ жизни и здоровье» (проект LLH). Опрошено 2000 респондентов методом личного стандартизированного интервью в возрасте 18 лет и старше, выборка репрезентировала распределение населения Казахстана по регионам и типу поселения. Следует отметить, что опрос проекта HITT был реализован по аналогичной выборке, методологии и инструментарию, что и проект LLH. В опрос были включены те же населенные пункты. Этот факт позволяет проследить тенденцию изменений по некоторым вопросам.

В данных исследованиях применялись субъективные и объективные оценки качества жизни населения. Среди субъективных оценок, приведенных в данной статье, рассмотрены удовлетворенность своей жизнью в целом, удовлетворенность материальным положением своего домохозяйства, оценка материального положения своего домохозяйства. Среди объективных оценок анализировались: занятость населения, питание, наличие коммунальных услуг, доступ к медицинским услугам, уровень образования.

Полученные данные исследований, в части занятости населения, свидетельствуют, что на селе выше доля безработных, чем в городе. Отсутствие работы для большинства людей означает снижение жизненного уровня и качества жизни. Анализ данных 2010 года по безработным выявил, что среди находящихся без работы 1 год и более, в 2,5 раза больше жителей села, нежели городских жителей. В 2001 году вопросы о занятости были заданы по-другому, отметим лишь, что в 2001 году среди сельских жителей было 17% безработных, а среди городских – 10%.

Исследование выявило, разницу в трех основных причинах безработицы сельского и городского населения. В городе три основные причины безработицы это: уволился по собственному желанию (из-за низкой зарплаты, плохих условий работы и т.п.) – 30%, закончилась временная работа – 11%, сокращение штатов – 11%. В селе наиболее часто называвшиеся причины безработицы совершенно другого характера: закончилась временная работа – 19%, никогда не имел постоянной оплачиваемой работы – 17%, не смог найти работу после окончания образования – 13%. Эти данные свидетельствуют, что в городе безработица имеет причинный характер, т.е. люди не работают по определенным причинам, но возможности для трудоустройства есть, тогда, как в селе население не работает, т.к. действительно нет возможности трудоустроиться.

Соответственно наблюдается различие в структуре источников доходов домохозяйств:

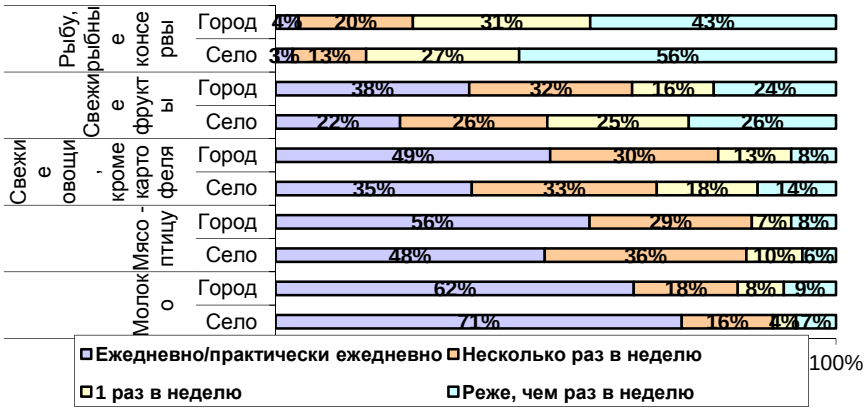
- Заработная плата на основной работе: в городе - 75%, в селе – 69%
- Пенсия, социальная помощь: в городе – 15%, в селе – 17%
- Следующим источником дохода является: в городе – доходы от собственного бизнеса – 4% , в селе – доходы от продажи выращенной сельхозпродукции – 6%.

Немаловажную роль в оценке качества жизни играет питание человека. Общеизвестно, что пища должна быть разнообразной, чтобы обеспечить организм всеми необходимыми пищевыми веществами – белками, углеводами, жирами, витаминами, минеральными веществами и т.д. Этого можно добиться только при разумном сочетании в рационе питания самых разных продуктов животного и растительного происхождения.

Полноценное питание способствует нормальному развитию организма, сохранению здоровья, высокой умственной и физической работоспособности. Национальными и региональными исследованиями выявлены существенные нарушения в питании большей части населения республики в виде недостаточного потребления белков животного происхождения, растительных масел, овощей и фруктов, пищевых волокон, минеральных веществ и витаминов [4].

Данные исследования 2010 года свидетельствуют, что жители села реже потребляют основные продукты питания, чем жители городов, т.е. не все продукты ежедневно или практически ежедневно присутствуют в рационе многих казахстанцев, живущих в селе. Так по данным исследования, источники белков животного происхождения – мясо, птицу ежедневно потребляют 56% жителей города (N=680) и 48% жителей села (N=800) ($p<0.05$). Аналогичная ситуация с ежедневным потреблением свежих овощей и фруктов а такой полезный продукт как рыба, большинство респондентов в городе (55%) потребляют раз в неделю или чаще, в то время как в селе наоборот 56% респондентов потребляют рыбу реже, чем раз в неделю (рис.2).

Рисунок 2. Частота потребления основных продуктов питания, в разрезе город/село. N=1480.



Большое влияние на качество жизни оказывает обустроенный быт, наличие коммунальных услуг. В этой связи всем респондентам задавались вопросы о наличии коммунальных удобств в жилом помещении. В целом положение улучшилось, по сравнению с 2001 годом, но в селе по-прежнему около трети респондентов не имеют холодную воду ни в доме, ни около него. Аналогично обстоит дело с горячим водоснабжением, как показывают данные, положение улучшилось лишь в городах, на селе по-прежнему нет горячего водоснабжения. Данные о наличие коммунальных благ в домохозяйстве представлены в таблице 1.

Таблица 1. Наличие коммунальных удобств в домохозяйстве.

	Внутри дома/квартиры				Вне дома/квартиры				Не имею			
	2001 год		2010 год		2001 год		2010 год		2001 год		2010 год	
	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село	Город	Село
Водопровод с холодной водой	89%	17%	95%	29%	7%	50%	3%	45%	4%	32%	2%	26%
Водопровод с горячей водой	68%	3%	79%	4%	0,6%	1%	0,3%	0,5%	31%	96%	21%	95%
Туалет с водяным смывом	-	-	86%	8%	-	-	0,4%	0,8%	-	-	13%	92%

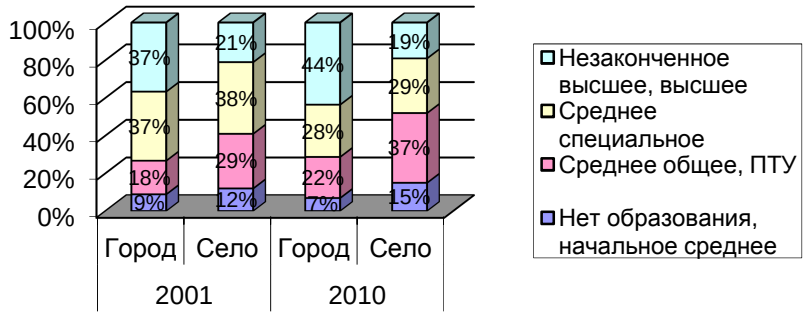
В ходе социологических исследований изучался вопрос о доступе к услугам здравоохранения. У всех респондентов, имевших какие-либо проблемы со здоровьем за последние 4 недели, спрашивали, обращались ли они за медицинской помощью. Среди причин, по которым респонденты не обращались за медицинской помощью, следует отметить, что среди сельских жителей больше, чем среди городских жителей, доля респондентов:

- занимающихся самолечением (село – 61%, город – 40%);
- у кого не было денег оплатить лекарства (село – 8%, город – 3%);
- не было денег оплатить лечение (село – 6%, город – 2%).

Следует отметить, что большая часть опрошенных в сельской местности, активно практикуют самолечение при наличии определенных проблем со здоровьем, что так же свидетельствует об отсутствии беспрепятственного доступа к услугам здравоохранения.

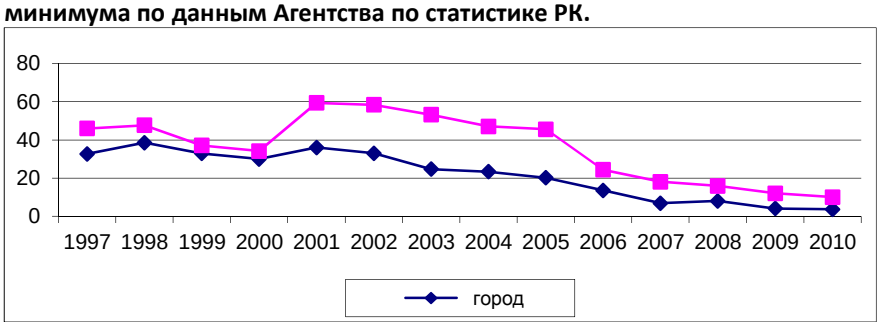
Анализируя уровень образования респондентов, отметим, что данные исследований свидетельствуют: возросла разница между городом и селом по наличию респондентов без законченного среднего образования, если в 2001 году эта разница составляла 3%, то в 2010 году 8%. Аналогичная ситуация по респондентам с незаконченным высшим/высшим образованием (рис.3).

Рисунок 3. Уровень образования респондентов в разрезе город/село. N_2001=1530, N_2010=1480.



Данные исследований сопоставимы с данными статистики, так по индикаторам уровня жизни населения Агентства по статистике РК, при общем сокращении доли населения с доходами ниже прожиточного минимума, наблюдается разница между городом и селом, т.е. на селе доля такого населения почти в два раза больше, чем в городе (рис.4).

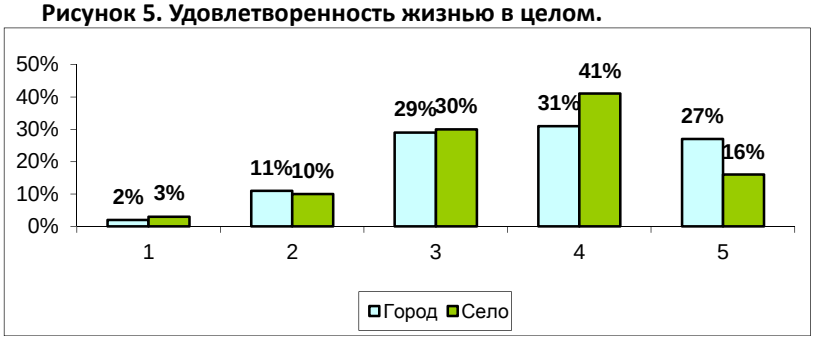
Рисунок 4. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума по данным Агентства по статистике РК.



Несмотря на неустроенный быт, невозможность трудоустроиться, сравнительно низкий доступ к услугам

здравоохранения и образования, сельские жители Казахстана не ропщут на свои проблемы, они удовлетворены тем, что имеют. Так в опросе 2010 года всем респондентам города и села предлагалось оценить удовлетворенность своей жизнью в целом, по шкале, где 1 означает «Совершенно не удовлетворен», а 5 «Полностью удовлетворен». По результатам опроса, практически все респонденты, как городские жители, так и сельские одинаково удовлетворены своей жизнью в целом (рис. 5).

Рисунок 5. Удовлетворенность жизнью в целом.



Аналогичная ситуация и с удовлетворенностью материальным положением своего домохозяйства, нет разницы в оценках городского и сельского населения: большинство населения оценили от 3 до 5 по пятибалльной оценочной шкале.

Разрыв между городом и селом должен стать объектом пристального внимания, поскольку слишком большой разрыв неизбежно вызовет противоречия в политической и общественной сферах жизни. Разница между городом и селом возникла не за один день, и не за один день ее можно ликвидировать. Для достижения надлежащего результата следует разработать и реализовать дальновидную стратегическую политику. Эта политика должна быть долговременной и предусматривать изменение финансовых потоков, реструктуризацию налогов, создание рабочих мест, поднятие уровня образования на селе, повышение уровня социального обеспечения на селе и т.д.

В связи с этим следует отметить своевременно принятую политику государства, особенно в последние годы, направленную на поддержание численности сельского населения путем развития экономики села, его благоустройства и улучшения социальной инфраструктуры. В рамках, которой была принята Государственная программа развития сельских территорий Республики Казахстан на 2004-2010 годы, целью которой является: на первом этапе - достижение динамичного роста экономики сельских населенных пунктов, обеспечивающего приемлемый уровень социальных благ сельским жителям, на втором этапе - оптимальное расселение сельских жителей в регионах, имеющих перспективы для жизнеобеспечения.

Следует отметить, что налицо определенные успехи госпрограммы, что подтверждается данными социологических опросов, т.е. в целом, по сравнению с 2001 годом положение на селе улучшилось, но вместе с тем, в сельской местности все еще немало нерешенных проблем, соответственно качество жизни на селе по-прежнему отстаёт от городского.

Список использованной литературы:

1 Перепись населения Республики Казахстан 2009 года, стр.5. Краткие итоги. Агентство Республики Казахстан по статистике.

2 Казахстан за годы независимости 1991 – 2009, стр. 11. Статистический сборник. Агентство Республики Казахстан по статистике.
3 Стратегия «Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех Казахстанцев», Н.А.Назарбаев.
4 Т.Ш. Шарманов, «Долгосрочная государственная политика здорового питания Республики Казахстан», Журнал «Здоровье и болезнь» №6 (91), 2010 г.

Contact : welcome@ciom.kz

Sophie Hohmann, CERCEC and INED, Paris, France and Cécile Lefèvre, University Paris Descartes 5, Paris, France, *Social policies in the Caucasus and in Central Asia: What changed? How to approach them? What are the national trajectories?*

One of the emblematic policies of former USSR was its social policy. It was always promoted in the political discourse. However, it was often given a low priority during economic and budget arbitrations, according to the “residual principle”.

Moreover, one of the factors of social and economic development of a country is the setting of plans to protect collectively individuals from life hazards, as a form of public solidarity. These plans and these policies are often lacking in countries from the South.

Countries from the Caucasus and from Central-Asia are at the intersection of these two attitudes: what dimensions of the social policies inherited from the former USSR can one keep or transform? What type of social protection shall one develop within a new development policy, as is the case in poor countries from the South?

This paper will first briefly review the soviet-type social protection system set up in the Southern Republics of the former USSR. By soviet-type social protection system we mean a set of articulated policies and programs of social protection in the field of health, education (the two main axes of the soviet state), the family, the elderly, and housing. Programs of social assistance for the most deprived were also put in place progressively, but only after the end of the USSR was poverty recognized. Likewise, unemployment was recognized, and policies were developed to fight it and to cover against these risks.

Social policies implemented in Russia were also developed in the Southern Republics, however differently and to various extents, according to local political, cultural and demographic specificities: co-existence of traditional medicine (S. Hohmann, 2006), very important role of codified family solidarity (T. Dragadze, 1988), adaptation of the family policies to higher birth rates than in the USSR (Barbieri, Blum *et alii*, 1996)

This paper deals primarily with the changes in these social policies after the collapse of the Soviet Union. Have they disappeared, in particular as a result of the large economic recessions and the political crises? Were they kept? Or rather restricted and transformed? Does one see appearing new forms of changes of these social policies

among the various countries of the Caucasus and Central-Asia, in particular as a function of their economic situation? How to interpret these changes in comparison with former and new approaches?

Indeed, the soviet-type system of social protection was a system which claimed to be universal (as the social-democrat system of beverdigian type, according to G. Esping-Andersen, 1990), but which is in reality closely linked to the place of the individual within the system of production and the work organization (the corporatist system or Bismarkian system: C. Lefèvre, 1995, 2003). Access to goods and social services depended upon the type of employment, and the company of the administration employing the person. This strong relationship still exists today, at least in part, but the hierarchy of positions on the job market was transformed, new insurance schemes were developed, and a large part of the social protection became more market-oriented, when not privatized.

How does the type of changes in Russia apply in the Caucasus and Central-Asia? This paper will try to answer this question by analyzing the changes in social and health policies in Central-Asia and the Caucasus, according to three main axes:

- **Fight against poverty:** we will study in particular the programs of social assistance, the philosophy of the reforms, and the influence of international organizations (European Union, World Bank), NGO's, as well as the issue of statistical measurement and categories of poverty.
- **Health systems**: the health systems tend to change differently in these countries: in Armenia, the soviet inheritance is still present, in contrast with Georgia where the systems was recently entirely privatized, and is inspired by the American model (Medicare, Medicaid). In Tajikistan and in Uzbekistan, the economic and budget constraints slowed down the real application of reforms, whereas the public health system deteriorated since the 1990's (civil war in Tajikistan).
- **Migration and social solidarities:** Migration will be analyzed in relation with economic and social policies on one hand, and with demographic change on the other hand (low birth rate, high life expectancy and population aging in the Caucasus which implies to transform deeply the pension legislation). In Central-Asia, work migrations affect a considerable share of the population since the late 1990's. Migration are different in Georgia by their country of destination (Germany and United States rather than Russia) and by their gender structure (high proportion of women are labour migrant), as well as in Armenia, because of the historical role of the Diaspora. Finally, remittances from labour migrant seem to constitute a real contribution for the economic survival of households, and reinforce the familial solidarities, reifying them, even if changes in the population structure (particularly in Georgia) should become a new stake.

Through these three axes, we will also discuss the approaches and the interpretation of these phenomena.

In this analysis of social policies or need for social programs in these areas, we will not refer to other developing countries from the classic « South » (such as sub-Saharan Africa) because the comparison would not be relevant since these countries neither had well developed structures of public solidarity nor had a health system as organized, as equalitarian and as universal, reaching the rural areas. Furthermore, the socio-demographic situation is very different: the demographic transition is well advanced in Central Asia, and terminated in Armenia and Georgia, with Total Fertility Rates (TFR) around 1.45 children per women (in 2008), which raises now issues of supporting natality and the

family. The trajectory is therefore very different. However, as mentioned by E. Baumann (2006, 2007), the *ex-post* analysis of the weaknesses and deficiencies of social protection will probably allow making the following comparisons:

- Access to health care for adults, stagnation of life expectancy, old age dependency, problems in preventing and curing chronic non-infectious diseases;

- Importance of the informal sector, limiting the classic sources of financing, as opposed to a system based on declared salaries with social protection.

An approach such as “post-colonial studies” could be interesting, but few colonizer countries have really exported their social protection policies to the whole population of colonized countries. This is due to the fact that they often made a distinction between colonizers and natives, and mainly because social policies developed dramatically after World-War-II, at the end of the colonial period.

Furthermore, it seems interesting to revisit the theoretical attempts to identify a « Mediterranean model » (as defined by M. Ferrera 1997, 2005) of social policies in the Caucasus and in Central-Asia (strong mobilization of familial solidarity; importance of the informal sector; patronage; important share of the elderly, etc.). The decline in fertility rates, the quasi-disappearance of large families in some countries (Armenia, Georgia), population aging, together with large migration flows in all these countries will lead to changes in these familial solidarities, where long distance monetary transfers will increase in comparison with traditional forms of daily aid within the stem families and extended families living together. The peculiar situation of the elderly living alone in the countryside is a real problem for the public system of social protection. In the health sector, out of pocket payments remain important and problematic for a large part of the population. They reveal in a complex way at the same time the persistence of soviet practices of bribes, the persistence of cultural traditions of gift and counter-gift, and are one of the consequences of the privatization reforms, which are important and poorly regulated in health centers.

Lastly, we will question the role played by international organizations and by the NGO’s in the changes in social policies in these countries. What is the vision of social policies? What are the preferred recommendations? For instance, the World Bank is present all over the place, and in particular in the standardization of data collection of information through statistical household surveys, and also in the diffusion of their concept of poverty measurement. Other organizations also play a role: notably, the United Nations agencies (UNFPA, WHO, UNICEF, UNDP), as well as certain development agencies (American USAID, German GTZ). Their strong influence raises several questions: a) importation of norms; b) lack of coordination between the recommended reforms; c) dependence of these countries and of the social reforms of non-steady external financing.

The way these countries evoke some national models of social protection is also interesting. Whereas official speeches in Georgia often quote the American model or the Baltic countries, the health officials in Armenia rather refer to social security experiences in France and in Italy. However, all remain very much aware of changes in the social protection system in Russia.

1. Barbieri M., Blum A., Dolgikh E., Ergashev A., *La transition de fécondité en Ouzbékistan*, Dossiers et recherches n°44/ INED, Paris : Institut national d'études démographiques : Tashkent : Comité ouzbek de la prévision et de la statistique ; Moscou : Département de démographie de l'Institut de la prévision économique, 1995 - 76 p.
2. Baumann E. « Se rapprocher de l'Ouest pour se démarquer du Sud sans perdre le nord ?! Questions à l'adresse de la Géorgie (Sud-Caucase) », *Revue Autrepart, "On dirait le Sud… "*, n° 41, 2007, pp. 195-210.
3. Baumann E., Servet J.-M., « La microfinance, une extension des marchés financiers. Réflexions à partir d'expériences sur trois continents (en Georgie, en Inde et au Sénégal) » in Hernandez V. et al. (coord.), *Travail, conflits sociaux et intégration monétaire. L'Amérique latine dans une perspective comparatiste. Paris*, L'Harmattan, 2006.
4. Dragadze T., Rural families in Soviet Georgia. A case study in Ratcha Province, London; New York: Routledge, 1988 - XII-226 p. Esping-Andersen G., *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Polity Press. Princeton University Press. 1990.
5. Hohmann S., " Les " médecins-*tabib* ", une nouvelle catégorie d'acteurs thérapeutiques en Ouzbékistan post-soviétique ? ", *Autrepart*, n°42, juin 2007, pp. 73-90.
6. Hohmann S., "National identity and invented tradition: the rehabilitation of traditional medicine in post-Soviet Uzbekistan", *The China and Eurasia Quaterly Forum*, Volume 8, No. 3 (2010), pp. 129-148.
7. Hohmann S., Garenne M., "Health and wealth in Uzbekistan and sub-Saharan Africa in comparative perspective », *Economics and Human Biology*, Vol. 8, n°3, 2010, pp. 346-360.
8. Lefèvre C., « Organismes internationaux et protection sociale en Russie : analyse de trois types de discours des années 1990 », *Le Courrier des pays de l'Est*, n° 1040, 2003, p. 16-25.
9. Lefèvre C., « Le système de protection sociale russe : héritages et transformations », *Revue d'études comparatives Est-Ouest*, nº 4, décembre 1995, p.25-54.
10. Ferrera M., « General Introduction », in MiRe, *Comparing social welfare systems in Southern Europe* (vol. 3, Florence Conference), p. 13-24, Paris, Mission recherche et expérimentation (MiRe), 1997.
11. Ferrera M. (ed.), *Welfare State Reform in Southern Europe. Fighting Poverty and Social Exclusion in Italy, Spain, Portugal and Greece*, Oxon, Routledge, 2005.

Contact : so_hohmann@hotmail.com ; cecile.lefevre@parisdescartes.fr

Гендерный подход к миграции и бедности
A gender approach to migration and poverty

Kifayat Jabi Aghayeva, Azerbaijan University of Languages, Baku, Azerbaijan.

Migration Negative Effect on Women, Feminization of Poverty

Introduction

Why do people migrate? Why do people migrate across national borders? According to the International Organization for Migration, 2.5% of the world's population are international migrants. Migration is an individual decision, taken in the interest of maximizing the migrant's earning potential. Due to unemployment, underemployment, low wages, poor working conditions and the absence of economic opportunities, migrants concerned with their personal betterment choose in a rational and calculated way the destination country which will get the most benefit. This paper will examine the root causes of migration, and how migration and poverty are rapidly becoming feminized. It will be analyzed how rural/urban migration can lead to international migration, and the vulnerability it can create in female migrants taking advantage of pre-existing migrant networks. It will be investigated how the poverty of Azerbaijan Republic following capitalist transition has contributed to the structural nature of migration.

In Azerbaijan, after the collapse of the Soviet regime, the combination of transition from the communist economy and the war led to an economic crisis that hit women dramatically. Thousands of males out-migrated in search of jobs. Jointly with the many men killed in the war, poverty among women in particular exploded; a surge in patriarchal attitudes intensified the risks of poverty for them. Moreover, with the demise of the Soviet Union, many state programs focusing on the needs of women, such as the system of family and child-care support, were eliminated, transferring this responsibility to women who were already struggling to meet their paid and unpaid work responsibilities. The "triple shift" and poverty have also manifested themselves in women's and children's declining health indicators (ADB 2005; CIA World Factbook; Cosby *et al* 2007).

Azerbaijan history saw dramatic structural changes. Parallel to men's high unemployment rates women also have had higher unemployment rates. Poverty, specifically the feminization of poverty, stems from a number of sources. Changes in the global economy created greater financial pressure that led to widespread job loss and decrease in wages. As jobs traditionally have "belonged" to male providers, so unemployed men looking for a better job moved from one place to another. Married women were not expected to leave their country for

this reason. In the last couple of decades, women have entered a new epoch of labor-force, and new kinds of jobs have opened up.

The gender distribution among migrants today is reasonably balanced, with almost 50 percent of the global migrant population today being female. Studies show that the informal sector is largely receiving female internal migrants, and women are taking jobs with a lack of job security or benefits. Female-headed households are also on the increase in the majority world of developing countries, and these households tend to be poorer and support more dependents than male-headed households. This is resulting in what is being called the 'feminization of poverty'.

I will draw into your attention to the new kinds of jobs; the recruitment of women for trafficking purposes, methods of trafficking, and work conditions. I will discuss characteristics of both traffickers and clients including specific protection concerns based on corruption and reprisals. Young women are subject to the same push-pull factors for migration as the rest of the population in poor countries. However, women can be particularly vulnerable while migrating. In some circumstances, this vulnerability can lead to trafficking for sexual exploitation.

By the 1990s, women were migrating in far higher numbers, both as family members and independently, voluntarily or involuntarily. Women labor migrants' categories could be conditionally defined as the following:

1. Women who follow their migrant husbands.
2. Women who immigrate independently.
3. Women who are deceived or sold as prostitutes.

In 2009, the country (Azerbaijan) was primarily a source and transit point for women, men, and children trafficked for sexual exploitation and forced labor. It is maintained that the risk of women migrants of being trafficked is increasing, and that young women and girls are usually trafficked through well-organized international crime networks with powerful national and international connections. For this purpose, principal destination countries are Turkey and the United Arab Emirates.

The women victimized by traffickers are often poor with little political power and low levels of education, they are frequently seen as more of a burden than a benefit to the national economy.

Education can also affect women's migration potential, as it does with men. But, unlike men, while their education may force them to move, foreign companies have frequently preferred to hire them because they are cheap and submissive rather than educated. In turn, education has become a way of reinvesting the gains of migration.

Migration can result from poverty, but it is not always the poorest who migrate, because of the costs and opportunities involved (World Bank, 2005). Moreover, poverty may result from migration, both for the migrants in destination locations and the families left behind, often mostly affecting women and children. At the same time, female migration can indirectly help ease poverty by raising the productivity, education and health of the females and their families, all key to reducing inequality and poverty in the home.

Women's migration gives them financial independence and increased decision-making power but it is not always so. Migration has mainly negative effect on Azerbaijani women. Women's migration may bring stigma to migrating woman and her family members. Women's migration may lead to "disappearance" of their family roles which could jeopardize children's well-being.

Women migrants are frequently faced with risk. Almost every day the media give information about it. Women give birth at home (lack of necessary documents: passport registration, medical insurance and so on). Today only the "head" (the husband) of the family is registered but it is time to adopt a special law not only for migrant labor arriving in Russia but also for family members. New born children should be registered in the maternity hospital, adequate governmental agencies should be responsible for informing a special department of the migrants' home embassy and the embassy should be responsible for giving certificates to these children. Today it might appear to be a long process, however these problems are no less important than other priorities (customs, trade, financial operations and so on) for the governments.

Gender Distribution among Migrants

"As poverty disproportionately affects women and their children, it is not surprising that, following trends in migration, women would be pushed to migrate in the hopes of acquiring economic security for themselves and their families. Although the push and pull factors of migration are similar for men and women, their migration experience can differ greatly. For millions of women this economic migration ends in sexual exploitation and debt bondage, with no international legal framework in place to address their protection needs" (Kofi Annan, 2002).

Approximately 48% migrants of the world are women. According to the statistic data of SSC of Azerbaijan, 53% of Azerbaijan population are women (SSCA, 2010). Unfortunately, the precise percentage of Azerbaijani women migration is not shown anywhere.

In Azerbaijan males are significantly more likely to participate in migration than women, due to cultural preferences. It is widely accepted that women are supposed to stay at home and take care about the household and raise children, while men are responsible for bread winning for the whole family.

The main factor for the decision to migrate for women is an unsatisfactory economic situation, in other words the lack of jobs or jobs that pay well enough. Women-migrants decide to seek work abroad for other reasons too. When the male-breadwinner has died, divorced them or has not provided for the family.

Decisions to migrate are discussed in the families. There seem to be differences between men and women in regard of decision-making to migrate. While men take their decision more freely, it seems that all women who were living with their families or husbands at the time of their departure have discussed their decision to migrate with their respective fathers, brothers or husbands. Only once they have agreed to it, the women chose to migrate.

According to Anna Matveeva the current gender and demographic trends support greater political and social stability. She maintains that local publics view labor migration as a positive development, despite its negative impact upon family life. Migration disrupts social relations and has created a growing category of women whose social status is uncertain. She claims that the migration of men can arrest political development by reducing the scope for social mobilization. Anna Matveeva shows that conflict situations do not always affect on women negatively, on the contrary empower women's social status and affect their traditional roles. Women adopt circumstances and develop survival strategies. So women work as market traders and their role is being transformed. High standards of education and social awareness

inherited from the Soviet past, coupled with a search for new roles. Finally, women emerge as prominent civil society actors in matters of war and peace (See, www. developmentandtransition.net)

Gender inequality is the main problem in the immigration process. Women face double discrimination because of their gender and immigration. They are considered as a "second sort" migrants and paying them less is justified by their unskilled job ability. Women are not competitor in the labor force where physical power is required. Women migrants work in the service sector, in the domestic sphere, mainly in the private sector, rarely in the farms.

After collapsing of USSR the problem of labor migrant is frequently appeared in Mass Media. This problem is discussed not only by government officials, politicians or journalists but also by ordinary people of my country. Immigrants all over the world are the low-income group of the society so they are mainly workers, refugees, protection seekers, people who come on the basis of family reunion. Today it is difficult to find any part of the world where Azerbaijan migrants are not met but the majority Azerbaijani people migrate mainly two countries, Russia and Turkey. Azerbaijani have a long history of migrating to Russia and this migration continues today. According to MFA of AR there are one million illegal Azerbaijani migrants in Russia but according the information of Azerbaijan Diaspora the numbers of illegal Azerbaijani migrants is two millions.

Why do majority of Azerbaijani women choose to migrate to Turkey? The answer is clear because of friendly attitude of Turkish government and people. The former president of Azerbaijan H. Aliyev always said: "Turkey and Azerbaijan are two governments, one nationality". But why Azerbaijani people migrate to Russia this is a very interesting question. It is not secret that Russian people do not have a good attitude toward migrants but people do not stop migrating to this country.

"Immigrants from the Caucasus are unfavorably seen by native Russians, given their nationalist sentiments and their numerous past clashes with them. *Russia Says 'No' to the Immigration Invasion"* (See, Marc Rousset, http://nils-rus.livejournal.com/32759.html)

More than 60% of Russian population shows publicly their hostile attitude toward labor migrants in Russia. They believe that illegal men migrants are potential participants in the criminal process. Does it say that they have loyal attitude toward women migrants? Of course, no. But why women migrate to Russia because in comparison with men Russian people have tolerant attitude toward Azerbaijani women.

First, many Azerbaijani people have relatives in Russia and migrants know Russian. Second, unemployment problem is not as strict in Russia as in Azerbaijan. So, Azerbaijani uneducated, unskilled people could easily find places to work.

Payment for migrants' labor is determined and carried out according to average monthly payment of the country but migrants work overtime 10-12 hours a day, without day offs, sick-leave certificates. Migrants move to the places where the wages are high and lack of employees. According to the information of Azerbaijan Diaspora Azerbaijani people living in Russia actively go to the utmost North regions to work because of higher wages. There are more than 200.000 in Tyumen, 100.000 in Omsk, 20.00 in Tomsk, 150.00 in the Southern Siberian towns, 70.000 Azerbaijani migrants in Vladivostok.

Recruitment of Women for Trafficking

"*Human trafficking is the third most lucrative activity of organized crime groups worldwide, following the trafficking of arms and drugs.*

Although human trafficking has been the focus of world attention since the first international counter-trafficking treaty was signed in 1904, attention in the international arena has increased dramatically since the 1990s. Regardless of the international commitments to diminishing trafficking in humans, studies show that the phenomenon is increasing as the disparity between wealth and poverty grows between and within countries" (Kofi Annan, 2002).

Approximately 120,000 women and children are trafficked into the European Union every year. Worldwide, estimates range from 700,000 to an astounding 4,000,000 women and children trafficked annually (Andy, 2001.)

Likely other developing countries in Azerbaijan poor social-economical conditions are main factors causing to the women's and children's vulnerability. Trafficking women from Azerbaijan is primarily directed towards Turkey and UAE. Female migrants depend entirely upon traffickers in their migration abroad but voluntarily or not, and as a result, they often suffer from indebtedness, extortion, loneliness, violent behavior, health risks and lack of freedom movement.

Although it is impossible to determine the number of women trafficked from Azerbaijan owing to lack of systematic data collection but the interviews with victims have confirmed the practice of trafficking in women which was conducted by IOM, UNFPA, US Embassy in Baku and Parliament members of Azerbaijan. More than 90 victims and some 170 potential victims of trafficking were interviewed. According to their report 92% of the respondents believe that improvements in the social-economic situation will partially solve the problem, 33% do not think that trafficking in women is an indicator of poverty. Less than half of the respondents (45%) feel that trafficking in persons is linked to people's ignorance, nearly 96% agree with a proposal to better inform the general public about the issue (Shattered Dreams, 2002).

In Azerbaijan there are more than 350 NGOs working in different areas and addressing a range of issues, including those related to women, migration and health, none of them deals directly with trafficking in persons.

Regarding trafficking for sexual exploitation, women and girls are especially vulnerable. Lack of public information campaigns and also lack of education for girls and women contributes to their vulnerability. Victims of trafficking for sexual exploitation that came into contact with the Azerbaijani law enforcement were both from Azerbaijan and abroad. In this context, key informants named as countries of origin Turkey, UAE, Ukraine, Russia, Uzbekistan, Kyrgyzstan and pointed out to cases of internal trafficking in the sex business.

According to the report of International Organization for Migration/United Nations the use of the term 'victim' represents women as uniformly poor, powerless and vulnerable, which leads to the depoliticization and decontextualization of women's experiences of persecution and their conceptualization as passive beings (2000).

A large proportion of identified victims of trafficking for sexual exploitation were in fact women, who were in a difficult economic situation due to the fact that their husbands have left abroad, or they were divorced, single parents or widows. It seems that this group of women is vulnerable to exploitation and trafficking on account of their desperate economic situation and sex. Although many of the women trafficked into prostitution are aware that they will be migrating, they are deceived about the nature of the work they will be forced to perform and their inability to leave at will, as well as their future

working conditions. In the absence of employment opportunities at home they sought other possibilities to provide for themselves and their families and accepted offers of intermediaries/traffickers. It seems however that some identified victims of trafficking are rather well educated, coming from middle-class families.

While Azerbaijan Criminal Code does address a number of trafficking related offences, there are shortcomings in legislation and its implementation as it does not serve as a deterrent of for traffickers. Although the UN protocols related to transnational organized crime, trafficking and migrant smuggling (Palermo Convention) Parliament has yet to endorse it.

The international community is striving to address the issues of trafficking through legal instruments, including most recently the commitments at the UN Millennium Summit to fight Transnational Crime, including Trafficking in Human Beings; the UN Convention against Transnational Organized Crime; and the optional UN Protocol to prevent, suppress and punish Trafficking in Persons, especially Women. However, governments are too often pursuing strategies that target the legal and immigration-based issues of trafficking but not fulfilling the human rights protection responsibilities of host states.

The protection for trafficking survivors with a well-founded fear of prosecution could be an inadequate form of protection. The phenomenon cannot be tackled at national level alone. UNHCR states that temporary protection 'only complements and does not substitute for the wider protection measures, including refugee asylum, offered by the [Refugee] Convention.' European Union harmonization in 2004 would be an appropriate occasion to adopt guidelines recognizing gender-based persecution, specifically addressing the need to offer international protection to trafficked women with a well-founded fear of persecution Commission of the European Communities (2002).

Feminization of poverty

How migration and poverty are rapidly becoming feminized?

Worldwide, poverty is increasingly and disproportionately affecting women. Of the 1.3 billion absolute poor in the world today, 70% are women and their minor dependents. (European Women's Lobby, 2001).

The European Commission contends that contributing factors to international female migration include female-focused unemployment, extreme poverty, and the marginalization of women in source countries. This is particularly true when analyzing countries in transition from a community-based to an individual-based economic system. Following the collapse of communism in the USSR, and in communist states supported by the USSR, economic controls were imposed that led to great unemployment, social and financial insecurity.

Starting with the same ground of the Soviet-style social assistance of the 1990s, countries of the former Soviet block have demonstrated contradictory patterns in reforming their social welfare safety nets.

In the early 1990s, Azerbaijan's economic output declined radically primarily as a result of the drop of trade relations with the Russian Federation and other former Soviet republics and the conflict with Armenia over Nagorno-Karabakh. Consequently, it led to the unemployment and poverty of the Azerbaijan population and women in their turn were much affected by unemployment and poverty.

Not surprisingly, patterns have also emerged that as women are struggling with poverty and are internally displaced for economic reasons; international migration of women is also on the rise. Not only is there a feminization of poverty, but a feminization of migration, as well.

Women's poverty has a lot of reasons. "Having been left for a short time by husbands" continues for years. Facing with indefiniteness (lack of news about husbands' financial position) confuses women for making decision, so they do not get any financial support and do not make any step demand official aid for children. It becomes more difficult to collect from delinquent fathers who have left the country. Poverty became a more widespread problem, young families with children have significantly less money than their counterparts did a generation ago and suffer from poverty. Poverty has many self-perpetuating effects that affect women in particular through their roles as mothers. So being sometimes the illegal citizen of any country deprives the women from welfare and unemployed benefits.

Female migrants are usually employed in less-skilled jobs. As a result their wages are below those of their male counterparts. In Azerbaijan women are concentrated in 'feminized professions", in health and education where they tend to find employment in lower paid jobs than do men. "Mentality" barriers in the choice of specialties and jobs result lower status of women. In the private sector women are underrepresented in management pyramid. So differing labor market outcomes reflect unequal economic opportunities for women and men. More family responsibilities are loaded on women's shoulders.

The most recent (2006) labor market report by the United Nations Development Fund for Women (UNIFEM) states that while unemployment was absent during state socialism, after wage liberalization and privatization, unemployment grew to 10- 30 percent in almost all countries of the region. This resulted in skyrocketing poverty and social inequalities. Nearly 40 percent of unemployed women are classified as long-term unemployed. UNIFEM also found that economic activity rates have declined, especially among younger women.

Azerbaijan Government issued the order about State Program on poverty reduction and sustainable development 2008-2015. The Program was adopted in 15th September, 2008. State Program on poverty reduction and sustainable development has determined nine main strategically objectives and supporting gender equality is one of these.

Conclusion

Importers of labor force loose their demographic potential. So young men's prolonged tearing off the families break populations' polo-age specific structures and it negatively affect on their marital attitudes.

Unlike other nationalities majority Azerbaijani women do not marry to men who have got different religious, nation backgrounds. It is rarely met that other countries' women labor migrants use this opportunity and actively integrate.

Many illegal migrants live in a bad condition and these non-accommodated places, dormitories have negative impacts on their health. Sickness rate is high among migrants, such as; different infectious diseases, tuberculosis, nervous overstrain, AIDS. Illegal migrants are always under constant fear to be jailed, lose their work, to be dispatched from the country

So it is time to think not only today's mothers labor migrants but about their children. AR officials always conduct negotiations with RF officials in this direction. Officially RF law give opportunity to these migrant children to get education and the government give them medical insurance. But in reality it is not always carried out in the right way. As the migrants' children do no know Russian very well, their mothers' isolated life style make some barriers for their children to get socialized (Sometimes they are obliged to help their parents by doing

illegal business at home). Finally they do not know Russian legislation, culture, history, traditions. In big cities some programs are realized in the direction of migrants' integration but it is not enough.

The Cabinet of Ministers of the AR created the Commission on State Migration processes Training for the regulation of migration processes in AR. The Commission prepared a project, "Conception of state policy for managing migration organizations in Baku. Their main goals were to promote the safe return of refugees and forced migrants to their homes, the elimination of the negative influence of uncontrolled migration processes and illegal migration etc. (See, http://www.universalhumanrightsindex.org, 12 May 2008).

The role of women in the processes of economic reform, the rights of women in the process of privatization, the legal and social guarantees for the protection of women's entrepreneurship, the provision of consulting services for women entrepreneurs, networking among women entrepreneurs etc. are to be empowered.

How to escape of the negative effect of migration?

* to attract women into a market economy
* to foster the availability of micro-credits to operate business
* to create opportunity for 'home-based work'
* to instruct women in various areas of knowledge
* to inform women about new conditions in economy

Today women are less aware of their rights and face frequently rudeness, insult, suffer labor abuse and sexual harassment but in 10-15 years their children will be able to demand their rights and I am sure that they will not act as their mothers, they will actively fight for their rights.

State Migration Service of Azerbaijan Republic has taken continual measures in the direction of organizing national security of Azerbaijan Republic, strengthening state control over migration processes, as well as, regulating migration processes.

Reference

1. Alovsat, Aliyev, "Migration to and from Azerbaijan" in Migration Perspective Planning and Managing Labor Migration, Roger Rodrigoz Rios (ed), IOM 2006.
2. An excerpt about Azerbaijani Diaspora from the official digest "Azerbaijan. Information Digest. 2007", Baku, 2007
3. Arlacchi, Pino as per Refugee Reports (2000). 'Trafficking in Women and Children: a Contemporary Manifestation of Slavery'. Op. cit. European Union Press Release (2002).
4. "Azerbaijanis in Russia", *2002 Russian Census*, Retrieved 7 June 2006.
5. Commission of the European Committees (1996). 'Communication from the Commission to the Council and the European Parliament: On Trafficking in Women for the Purpose of Sexual Exploitation'. Brussels, Belgium
6. Cosby *et al,* ADB 2005; CIA World Factbook; 2007
7. Deen, Talif, Palermo Italy. Trafficking in Human Beings Reprehensible December 12, 2000
8. International Organization for Migration (IOM), Azerbaijan Labor Migrant Survey Report, 2009
9. Kofi Annan, IPS. United Nations Children's Fund/United Nations Office of the High Commissioner for Human Rights/Organization for Security and Cooperation in Europe-Office for the Democratic Institutions and Human Rights (UNICEF/UNOHCHR/OSCE-ODIHR). (2002).

10. Lantigua, J. 'Globally, Women's Condition not Sugar, Spice', Contra Costa Times, March 12. (2000)
11. Osborn, Andy. According to the European Commission. Sex Traffic is Europe's Shame. The Guardian, March 9 2001.
12. Shattered Dreams, Report on Trafficking in Persons in Azerbaijan, IOM, August 2002
13. The State Statistical Committee of Azerbaijan (SSCA), 2010
Online
14. BBC (2004) *Azerbaijan probes child-organ traffickers,* http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/3513439.stm, published on 23 February 2004, accessed on 10 May 2008.
15. Ramella Ibrahimkhalilova, "Deyatel'nost' pravooxranitel'nix organov v oblasti bor'bi s torgovley lyud'mi neeffektivna" ("The activity of the law enforcement structures in the human trafficking field is ineffective"), printed in newspaper *Ekho* in November 29, 2006, http://www.echo-az.com/archive/2006_11/1458/obshestvo01.shtml
16. Marc Rousset, see, http://nils-rus.livejournal.com/32759.html
17. www.developmentandtransition.net. published by the UNDP and the London School of Economics and Political Science, pp.4-6
18. http://www.universalhumanrightsindex.org/, 12 May 2008.

Contact : kifayat1955@mail.ru

Natalya Zotova, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow, Victor Agadjanian, Arizona State University, USA.

Exploring Sexual Risks of Central Asian Female Migrants in Moscow[82]

Introduction

In this paper we report initial results of a study of sexual behavior and STD/HIV risks of female international migrants from Central Asia conducted in Moscow in the autumn of 2010. The Russian Federation in general and its capital city in particular have attracted a massive and rapidly growing number of labor migrants from the countries that once constituted the Soviet Union. Migrants coming from the impoverished nations of Central Asia now constitute a majority of labor migrants in the city. While labor migration from Central Asia began as almost exclusively male, women constitute an increasingly large share of the migration flow. Most migrants, men and women alike, are to some degree undocumented in Russia (e.g., lacking migration registration or residential registration and/or work permit) and therefore are often marginalized, harassed, and exploited by their employers and law enforcing officials. However, it may be argued that female migrants are at a particular disadvantage, as gender inequality exacerbates the disadvantages inherent to their irregular migration status in comparison to male migrants. These gendered disadvantages may translate to increased exposure to risky sexual behavior and to sexually transmitted diseases. Given the explosive AIDS epidemic in the Russian Federation, these women may also be at a disproportionate risk of HIV infection.

82 This project was supported by a grant from the School of Social and Family Dynamics, Arizona State University, USA.

Considerable cross-national literature points to elevated risks of STDs and HIV associated with migration. This literature demonstrates that migrants are usually more prone to risky sexual behavior and are characterized by higher prevalence of STD/HIV than non-migrants. Moreover, some studies showed that STD prevalence is higher among female migrants than male migrants. However, to our knowledge, no studies have looked at STD risks of women migrants in Russia or in other parts of the former Soviet Union, where female migration is on the rise and STD/HIV infections are spreading at alarming rates. Our study is a first attempt at filling this gap.

Data

As part of the study, we carried out a survey of 224 women aged 18-40 belonging to three largest national-origin groups—Kyrgyz, Uzbek, and Tajik—and working in three sectors of the city economy in which female migrants typically concentrate—eateries (mainly as waitresses and cleaners), semi-formal produce and clothing bazaars, or *рынки* (as vendors), and small retail and grocery stores (as sales clerks, clerk assistants, and cleaners). The three ethnic groups were selected because of their sizeable presence in the migrant population in Moscow. While all three groups originate from Central Asia and have a lot in common, especially when compared to the host population, there are important ethnocultural distinctions among them, which we also intended to capture. Thus Kyrgyz and Uzbeks speak similar Turkic languages whereas the language of Tajiks is of Iranian stock. Uzbeks and Tajiks represent traditionally sedentary populations of Central Asia whereas Kyrgyz are historically a nomadic group whose sedentarization is relatively recent. Although all three groups are Muslim, the influence of Islam is generally stronger among Tajiks and Uzbeks than among Kyrgyz, with corresponding implications for the position and autonomy of women in society. Finally, Kyrgyz women, like Kyrgyz migrants in general, are relative newcomers to the Moscow labor market, especially compared to Tajiks.

The survey participants were selected through a systematic sampling procedure at their workplaces. For the bazaar segment, we first randomly selected bazaars and assigned each of them to one of the three ethnic groups. In each bazaar, respondents were selected using a random-walk algorithm. To select eateries and retail outlets, we first randomly selected stations of the Moscow metro. Each selected station was randomly assigned to one of the three ethnic groups. All eateries (restaurants, cafés) and retail shops were identified within the radius of 500 meters from each station (300 meters from stations in the city center) and were listed in random order; the interviewers visited those established in that order until they located and interviewed the assigned number of eligible women. The survey collected detailed information on respondents' demographic, ethnocultural, socioeconomic, migration-related and other characteristics, in addition to details of their sexual and marital lives.

Twenty-one survey respondents were selected for subsequent in-depth interviews which further explored social and sexual vulnerabilities and risks of migrant women. Below we present some initial results of the survey and insights from in-depth interviews.

Results

Migrants' sociodemographic and economic profile

Table 1 outlines a general sociodemographic and economic profile of the survey respondents. This information is broken down by ethnicity

and sector of work. The table also provides the distributions of respondents in each ethnicity*sector category; because the number of women in each such cell is small, these distributions should be interpreted with caution. As can be seen from Table 1, the Tajik subsample was the oldest on average. Kyrgyz women, especially those who work in eateries were generally the youngest. In all, however, the age variation across the three ethnic groups and the three sectors of the city economy are not large. In contrast, there is greater ethnic variation in marital status. Thus Kyrgyz and especially Uzbeks had a much lower share of never married women than did Tajiks, despite Tajiks' higher mean age. Interestingly, the proportion of those currently married did not vary as much by ethnicity. The differences in the percentage of divorced/separated are perhaps most noteworthy: Tajik women, despite being oldest on average, had a much lower share of divorced and separated women. Likewise, Tajik women had a noticeably smaller average number of children, which reflects the share of never married women among them.

Table 1. Socio-demographic and economic profile of survey respondents

Characteristics	**Kyrgyz**	**Tajik**	**Uzbek**	**All**
Age, *mean*	29.2	32.1	30.0	30.5
Bazaars	29.7	33.6	32.8	32.1
Eateries	25.6	31.9	28.0	28.5
Retail	32.1	30.9	29.4	30.9
Never married, *percent*	20.0	32.1	11.3	21.4
Bazaars	13.0	26.0	4.3	15.1
Eateries	40.0	32.0	16.0	29.3
Retail	7.4	38.5	13.0	19.7
In registered or religious marriage, *percent*	56.0	55.1	60.6	57.1
Bazaars	60.9	66.7	52.2	60.3
Eateries	44.0	48.0	60.0	50.7
Retail	63.0	50.0	69.6	60.5
Divorced or separated, *percent*	21.3	7.7	18.3	15.7
Bazaars	26.0	7.4	30.4	20.6
Eateries	12.0	12.0	12.0	12.0
Retail	25.9	3.9	13.0	14.5
Number of living children, *mean*	1.3	0.9	1.4	1.2
Bazaars	1.6	1.1	1.5	1.4
Eateries	0.9	0.9	1.4	1.1
Retail	1.5	0.7	1.3	1.2
University educated, *percent*	20.0	37.2	12.7	23.7
Bazaars	26.1	29.6	8.7	21.9
Eateries	8.0	32.0	12.0	17.3
Retail	25.9	50.0	17.4	31.6
Considers herself very religious, *percent*	8.0	9.0	14.1	10.3
Bazaars	4.4	0.0	13.0	5.5
Eateries	8.0	4.0	8.0	6.7
Retail	11.1	23.1	21.7	18.4
Russian Federation citizen, *percent*	17.3	14.1	7.0	13.0
Bazaars	21.7	22.2	13.0	19.2
Eateries	12.0	4.0	4.0	6.7
Retail	18.5	15.4	4.4	13.2
Number of years lived in Moscow, *mean*	2.0	2.5	2.8	2.4
Bazaars	2.2	2.7	4.3	3.1
Eateries	1.6	2.4	2.7	2.2
Retail	2.1	2.5	1.5	2.1
No close adult relatives who lives elsewhere in Moscow, *percent*	22.7	16.7	16.9	18.8
Bazaars	30.4	0.0	21.7	16.4
Eateries	20.0	36.0	16.0	24.0

Characteristics	**Kyrgyz**	**Tajik**	**Uzbek**	**All**
Retail	18.5	15.4	13.0	15.8
Number of people sharing dwelling with respondent*, *mean*	14.7	5.3	5.6	8.5
Bazaars	13.3	5.0	6.7	8.1
Eateries	16.0	5.9	5.9	9.2
Retail	14.9	5.1	4.3	8.3
Number of people sleeping in same room with respondent, *mean*	4.9	2.9	3.2	3.7
Bazaars	4.9	2.7	3.3	3.5
Eateries	4.8	3.2	3.5	3.7
Retail	5.5	3.0	2.7	3.8
Monthly income (RUR), *mean, rounded to next 1000 RUR*	17000	24000	20000	20000
Bazaars	17000	31000	24000	20000
Eateries	15000	19000	19000	18000
Retail	17000	21000	18000	19000

Note: *exclude seven respondents who don't live in a house or apartment

The ethnic fertility differentials may also have to do with education. Tajik women were by far the best educated: more than a third of them, 37%, had a university degree (50% of Tajiks in retail). On the other end of the education spectrum were Uzbek respondents, with only 13% being university-educated. All but one respondent were Muslim (the sole exception was a non-believer), but only 10% considered themselves very religious, with a noticeably higher share of very religious women among Uzbeks and among retail workers.

Uzbek women had by far the lowest share of Russian Federation citizens, while the RF citizenship rate was highest among Kyrgyz. Interestingly, while the share of those with RF citizenship was highest among bazaar workers, it was still below one-fifth, on average, despite the 2006 law that bans non-Russian citizens from selling in Moscow bazaars. Although Kyrgyz respondents had the highest percentage of RF citizens, they had lived in Moscow less time, on average, than the other two groups. Overall, the average length of life in Moscow in the sample was 2.4 years, with bazaar workers having lived in Moscow for much longer (3.1 years) than women in the other two sectors. Kyrgyz women were also somewhat less likely than either Tajiks or Uzbeks to have any close kin living elsewhere in the city of Moscow or Moscow Oblast although even among Kyrgyz, respondents with no relatives in Moscow were just over twenty percent.

Most of the women lived in rented or sub-rented apartments, but the living quarters of Kyrgyz respondents were particularly crowded. At the same time, there was with little variation in the number of people sharing a room or an apartment across the three sectors. Finally, Kyrgyz women reported by far the lowest monthly income, on average; their disadvantage was present in each sector but especially among bazaar workers. Tajiks' income was the highest, particularly in bazaars.

Table 2 presents the distribution of the sample on variables that are more directly related to women's sexual behavior and risks. It should be noted that no woman refused to answer the corresponding questions, although some underreporting on sensitive matters such as those related to sex life is probably inevitable but there are no strong reasons to expect this underreporting to be ethnic-specific. The first indicator presented in Table 2 is the lifetime number of sexual partners. Tajiks women stand out: despite them being the oldest group, on average, their mean number of sexual partner is .9 compared to 1.5 and 1.4

among Kyrgyz and Uzbeks, respectively. The difference between Tajiks and the rest is particularly large among bazaar workers. In general, bazaar workers have markedly higher average number of lifetime sexual partners than women working in the other two sectors. The average number of sexual partners in the 12 months preceding the survey was .8, but was higher among Uzbeks (.9), especially those working in bazaars (1.3), which corresponds to a particularly high share of divorcees among bazaar Uzbeks that was observed in Table 1. Interestingly, on this indicator Tajiks no longer stand out.

Table 2. Characteristics related to sexual behavior and risks

Characteristics	Kyrgyz	Tajik	Uzbek	All
Life time number of sexual partners, *mean*	1.5	0.9	1.4	1.3
Bazaars	2.0	1.1	2.3	1.8
Eateries	0.8	0.8	1.0	0.9
Retail	1.6	0.8	1.0	1.1
Number of sexual partners in past 12 months	0.7	0.7	0.9	0.8
Bazaars	0.7	0.9	1.3	1.0
Eateries	0.4	0.5	0.8	0.6
Retail	1.0	0.6	0.7	0.8
Current unmarried permanent partnership, *percent*	8.0	25.6	22.5	18.8
Bazaars	4.4	29.6	39.1	24.7
Eateries	4.0	16.0	20.0	13.3
Retail	14.8	30.8	8.7	18.4
Current unmarried permanent partnership with unmarried men (n=206), *percent*	5.5	22.1	14.3	13.7
Knows or suspects that permanent partner had sex with other women in past 12 months (women sexually active with a permanent partner, n=143), *percent*	5.1	31.7	15.1	18.1
Consumed alcohol at least once in past four weeks, *percent*	34.7	25.6	38.0	32.6
Bazaars	43.5	26.0	52.2	39.7
Eateries	20.0	20.0	32.0	24.0
Retail	40.7	30.8	30.4	34.2
Condom in vaginal intercourse with permanent partner in past 4 weeks, *percent of those who had sex in past 4 weeks (n=131)*				
Always	16.2	2.1	17.0	11.5
Sometimes	13.5	29.8	10.6	18.3
Never	70.4	68.1	72.3	70.2
Used condom solely or partially against STDs, percent of those who used with permanent partner, *percent*	18.2	93.3	53.8	59.0
At least one STD-like symptom in past 12 months, *percent of sexually experienced respondents* (n=184)	31.2	44.1	20.3	31.5
Somewhat or very worried about getting an STD (excluding HIV), *percent*	37.3	57.7	46.5	47.3
Bazaars	39.1	52.9	47.8	46.6
Eateries	20.0	68.0	44.0	44.0
Retail	51.9	53.9	47.8	51.3
Somewhat or very worried about getting HIV, *percent*	36.0	57.7	45.1	46.4
Bazaars	39.1	55.6	43.5	46.6
Eateries	20.0	68.0	48.0	45.3
Retail	48.2	50.0	43.5	47.4

Characteristics	Kyrgyz	Tajik	Uzbek	All
Ever tested for HIV, *percent*	73.3	69.2	70.4	70.8
Bazaars	73.9	51.9	56.5	60.3
Eateries	68.0	76.0	72.0	72.0
Retail	77.8	80.8	82.6	80.3

Almost one-fifth of the survey respondents, 19%, were in what can be considered an informal permanent partnership ("citizen marriage" or permanent boyfriend). The share of such partnerships was by far the smallest among Kyrgyz (8%) contradicting the general stereotype of more liberal sexual mores among that group. In contrast, more than a quarter of Tajik respondents were in such informal partnerships. Bazaar Uzbeks had the highest percentage of women in informal partnerships among all ethnicity*sector cells, 39%, which again reflects the elevated share of those divorced and separated in that subgroup. Not surprisingly, Tajiks were much more likely to suspect their permanent partners of infidelity: 32% of them knew or thought that their partners had been unfaithful in the past 12 months, compared to 15% of Uzbeks and only 5% of Kyrgyz.

To make sure that the ethnic pattern of informal partnerships does not owe to differential propensities of women in the three ethnic groups to establish partnerships with married men (as de facto second, "Moscow wives"), we exclude women who knew that their partners had another wife or woman (n=20). The difference between Kyrgyz and Tajiks become even sharper. The share of Uzbeks in unmarried partnerships is now significantly lower than in the entire sample, but even so the percentage of Uzbeks in such partnerships is still much higher than among Kyrgyz.

Alcohol consumption has a well established association with risky sexual behavior. One would expect consumption of alcoholic beverages to be low among Muslim women. Yet, one-third of the respondents consumed alcohol at least once in the four weeks preceding the survey (although only 6% said they had drunk hard liquor such as vodka, brandy, or moonshine). Uzbek women, especially those working in bazaars, were most likely to have consumed alcohol; Tajiks had a noticeably lower likelihood of alcohol consumption than did the other two ethnic groups. Interestingly, alcohol consumption was lowest among respondents working in cafés and restaurants, where access to alcoholic beverages should be easiest.

Table 2 also shows the distribution of the sample according to use of condoms in vaginal intercourse with permanent partners (formal or informal) in the four weeks preceding the survey. Because this distribution is restricted to a subsample of women in current permanent sexual partnerships (n=131), no breakdown by sector is provided. Regular use of condoms is very low, 12%, and 70% of respondents never use condoms with their permanent partners. The share of non-users did not vary much by ethnic groups, but with respect to regular use, Tajiks' share was markedly lower than that among the other two groups. This result is especially noteworthy given the high share of Tajik respondents who were in informal partnerships. Interestingly, Tajiks were by far more likely than Uzbeks and especially Kyrgyz to use condom with the sole or partial purpose of protection against sexually transmitted diseases (STDs). While these results are quite intriguing, the small number of observations calls for caution in interpretation.

Only a tiny fraction of the respondents, 2%, reported having ever received an STD diagnosis (respondents were asked whether they had

ever been diagnosed with eight most common STDs). The low reported lifetime diagnosed STD experience is probably partly due to underreporting but may also owe to limited access of Central Asian women to sexual health services. In contrast to the very low share of those reporting diagnosed STDs, almost one-third of sexually experienced respondents, 32%, reported having had in the 12 months preceding the survey at least one of the symptoms that are typically associated with STDs (the list of symptoms was developed on the basis of the WHO syndromatic approach to estimating STD prevalence). When looked at by ethnicity, this share is particularly large among Tajik women, 44%. In comparison, only 20% of Uzbeks had ever had an STD-like symptom.

Although migrant women may not be well informed about sexually transmitted diseases, the risk of contracting one is clearly on their minds. Overall, almost half of them, 47% were very or somewhat worried about getting an STD. Tajik women were most likely to have these worries (58%), regardless of the sector in which they worked. Kyrgyz women seemed least concerned but even among them 37% were worried about risks of STDs. The overall and ethnic-specific distributions of worries about the risks of contracting the HIV virus were very similar, illustrating that HIV/AIDS is a major concern for migrant women along with other STDs. Finally, Table 2 shows that migrant women had had considerable experience of HIV testing; the share of those who had been tested for HIV at least once was particularly large among women of all ethnicities working in retail, 80%. It was the lowest among bazaar workers, but even in that subgroup it reached 60%.

Conclusion

This pilot project has explored social and sexual vulnerabilities of female labor migrants from Central Asia, a growing part of the labor migrant population in Russian in general and in Moscow in particular. While often perceived as a homogenous mass, women migrants from Central Asia are a diverse group; ethnocultural characteristics and experiences in the Russian labor market and Russian society in general shape both their social vulnerabilities and their sexual risks.

Although due to a relatively small sample size, the findings from the survey should be viewed as tentative, we believe they shed important light on the vulnerabilities of female migrants in urban Russia. Thus we find instructive ethnic differences in the number of lifetime partners: Tajik women, a group that can be seen as most traditional among the three, had had by far fewest lifetime partners on average. Yet in the number of sexual partners in the past 12 months before the survey this difference disappears.

Tajik and Uzbek women were much less likely to be in unmarried partnerships than were Kyrgyz. This seems to contradict our assumption that Kyrgyz women are less bound by tradition and therefore are more likely than the other two groups to forgo formal marriage in building partnerships. We suggested that the relatively high prevalence of informal partnerships among supposedly more traditional Uzbeks and Tajiks reflects their tendency to enter stable partnerships with their married co-ethnics. However, when we accounted for this possible tendency, Tajiks and (to a lesser extent) Uzbeks, were still much more likely to be in informal partnerships.

We found fairly high level of concerns about risks of STD/HIV, especially among Tajik women. At the same time, there is little evidence of regular condom use, with regular condom use being particular rare among Tajik women. Yet among condom users, Tajiks

were much more likely that the other two groups to have used condom with a permanent partner in order to avoid an STD infection. Finally, Tajiks were also much more likely to report an STD-like symptom in 12 months preceding the survey. These findings point to Tajik women's elevated vulnerabilities. At the same time, one can argue that Tajik female migrants' relatively high incomes may help offset some of these vulnerabilities.

On the basis of in-depth explorations we can identify two main avenues that may exposure migrant women to sexual risks and potentially to STD/HIV. The first source of these risks is the sexual behavior of women's permanent partners. In a big city with generally liberal mores, relatively high incomes, and numerous opportunities for sexual relationships, migrants' marital unions come under considerable strain. The tensions introduced by city life may amplify the potential for rupture built into traditional marriages, which often are arranged by relatives and lack romantic and emotional attachment between the wife and the husband. The second source of the risks is women's own quest for a durable emotional and social bond in an alienating and even hostile milieu of a large metropolis. Migrant women, especially those with prior marital or sexual ties, realize that even if they decide to return to the places of their origin, their chances of reintegrating into traditional society, including the traditional marriage system, are slim both because of their age and actual or assumed sexual experience. The Moscow partnership and marriage market—or more specifically its "darker-skinned" migrant segment in which Central Asian women can realistically compete—offer ample opportunities for short-term, often transactional encounters, but very few chances for marriage or even long-term relationship.

This relatively small project represents but an initial step toward a more comprehensive, large-scale investigations of social and sexual vulnerabilities of migrant women in Russia. As we hope, the future project will cover a variety of settings outside the Russian capital and other groups of international female migrants in Russia as well as comparison groups of internal migrants and natives.

Contact : Victor Agadjanian- victor.agadjanian@asu.edu ; Natalya Zotova nat.zotova@gmail.com

Анара Молдошева, независимый гендерный эксперт, Кыргызстан, *Гендер и развитие: победители и проигравшие?*

Представляемые тезисы основаны на моем опыте в качестве консультанта и активиста по продвижению гендерного равенства в Кыргызстане и других странах пост-советской Центральной Азии.

Структруно тезисы разделены 3 блока: первый - о общих идеологических основаниях политики развития, второй – о подходе "Глобальный Юг "в качестве альтернативы и третий – об ответственности и участии

Переосмысляя достижения

2009-2010 годы для организаций и активистов гендерного движения Кыргызстана были отмечены рядом мероприятий международного и национального уровня по случаю 15-й

годовщины 4-й Всемирной конференции женщин в Пекине, с которой, как известно, началось движение «Гендер и развитие» (в смысле внедрение подхода гендерного мейстриминга в политику развития, создания специальных структур для реализации подхода на различных уровнях – государства, агентств развития, возникновения новых женских организаций, реализации соответствующих проектов).

За эти 15 лет движение достигло немалых успехов. Например, в Кыргызстане были ратифицированы ключевые Конвенции ООН по правам женщин, приняты законы о государственных гарантиях по обеспечению равных прав и возможностей, защите от домашнего насилия, введены специальные меры по продвижению женщин, молодежи, этнических меньшинств на уровни принятия решений. Например гендерные/молодежные/этнические квоты в партийных списках на уровне парламентских выборов и гендерные квоты в отдельных государственных структурах. В других странах региона также имеются свои достижения в процессе продвижения гендерного равенства.

Вместе с тем, тогда же в выступлениях, дискуссиях высказывалось с одной стороны много критики относительно политики развития последних лет, а с другой звучала ностальгия по 90-м гг., когда казалось, что сделан существенный прорыв на пути к гендерному равенству. С заметным чувством разочарования представителями различных агентств развития, женских и гендерных организаций говорилось, что по сравнению с 90-ми стало меньше энтузиазма и труднее требовать гендерной справедливости, в то время как в регионе ширится наступление фундаменталистких групп, все чаще звучат лозунги и принимаются политики репрессивные в отношении прав женщин.

Но был ли успех в 90-х? Ведь расцвет движения «Гендер и развитие» как раз совпал с периодом наступления в мире правых сил. Совпадение было неслучайным. Идея международного развития пронизана тем, что И. Валлерстайн обозначает как «Дух Давоса» (на основе анализа позиций представленных во Всемирном экономическом форуме (ВЭФ), включая сторонников мировоззрения, которое прославляет роль опытных наделенных всевозможными привилегиями правителей, так и сторонников меритократической системы опирающейся на кадры и управление.[83])

В этой системе предполагается, что цели и приемы успешного развития известны, а трудности объясняются, как правило, плохим управлением, что в свою очередь обосновывается недостатком демократии. Соответственно подход развития допускает такую постановку проблемы, где речь идет о недостаточном доступе женщины или мужчин к ресурсам и возможностям системы, которая сама воспринимается как “естественная”. То есть гендер, если следовать за Д. Скотт, становиться здесь одной из тех из рекуррентных ссылок, посредством которых власть воспринимается, легитимируется и критикуется…[84]

Неудивительно, что на практике доминирующей стратегией организаций гендерного движения в регионе оказывается борьба

83 И. Валлерстайн. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя. Международная конференция «Современное государство и глобальная безопасность», Ярославль, 13-15 сентября в 2009г.

84 Д. Скотт. Гендер: полезная категория исторического анализа. Введение в гендерные исследования ч. 2: Хрестоматия/ Под ред. С.В. Жеребкина - Харьков: ХЦГИ, СПб 2001, с.429

за представительство и получение привилегий в существующей системе властных отношений на основе предъявления “особых” женских нужд (бедность, насилие). Как отмечает И. Жеребкина, политическая субъективация женщин (в пост-советском регионе) осуществляется, прежде всего, в виде виктимизированного субъекта[85].

Перспективы движения “гендер и развития”, таким образом, ограниченны тем, что называется “*Invited spaces* ” – пред-определенным пространством участия (когда определенных субъектов гражданского общества привлекают к реализации задач на основе заранее установленной повестки). [86] Реализация Целей развития тысячелетия (ЦРТ) в нашем регионе является тому ярким примером: показатели Кыргызстана к началу 90-х гг. согласно большинству установленных в ЦРТ были выше, того, что намечено достичь к 2015г. И здесь гендер выступает не более чем как идеологическая категория в структуре, где одна и та же вещь снимает угрозу, которую, сама же и создает[87]

Глобальный Юг как альтернатива

Этот сюжет связан с опытом не-западных организаций. В 2009 правозащитная группа из Индии начала в регионе свою программу для женских НПО Центральной Азии. Программа носила обучающий характер и имела цель повышения потенциала женских организаций Кыргызстана и Казахстана. В подходе коллег из Индии было несколько принципиальных отличий от того, что до сих пор можно было видеть в подобных проектах.

- Правозащитная, женская организация из Азии выходит прямо на связь с женскими группами региона и предлагает «обучение среди равных». Женские НПО из других стран и раньше появлялись в регионе, но, как правило, из стран Северной и Восточной Европы, стран СНГ через посредничество международных агентств развития
- Организация четко артикулирует свои позиции. Во-первых, приверженность феминистским ценностям. Во-вторых, радикальность правозащитного подхода, выраженного в необходимости различать права самых разных групп женщин (сельских женщин, ЛБТ женщин, секс работников, женщин с ограниченными возможностями и др.) и формировании солидарности между разными движениями с целью более эффективной защиты прав человека. В-третьих, направленность на усиление голоса представителей Глобального Юга.

Ожидалось, что такой подход станет основой для открытых дискуссий между участниками и организаторами программы. Однако уже на первой встрече участников стало ясно, что предъявленные позиции и подходы организаторов являются не только сильной стороной программы, но и серьезным вызовом для дальнейшего взаимопонимания между участниками и организаторами.

В обсуждениях группы чувствовалось напряжение: что значит «Глобальный юг»? Почему феминизм, а не гендер? - прежде всего, спрашивали участники. Действительно, многие из них впервые знакомились с предъявленными организавторами концепциями.

85 И. Жеребкина. Гендерные 90-е или фаллоса не существует. – СПб.: Издательство «Алетейя», 2003

86 The development of civil society in Central Asia. Intrac 2005, p.11

87 С. Жижек. О насилии. - М.: Издательство «Европа», 2010, с. 21

Однако было ли это напряжение следствием только незнания нужных слов? Было сильное впечатление, что «наши» НПО скорее готовы рассматривать себя в связке богатым Севером, который оценивался положительно, представляясь реальной демократией, где права человека возведены в идеал, где учтены интересы и слабых, и сильных (в том числе благодаря гендерной политике). Наоборот Юг представлялся как «недоразвитый», «угрожающий» исламским фундаментализмом и угнетением женщин...Замешательство группы, кажется, было оправданным.

Формирование самой идеи Независимого Юга непосредственно связано с политикой СССР в отношении освободительных движений против колониальных режимов в странах Азии и Африки. С распадом Советского Союза модель «Север- Юг» стала разрабатываться и продвигаться в рамках политики международного развития, которая и отличается тем, что здесь Юг выступает как «другой» - слабый/ нуждающийся в опеке либо как угрожающий, но скорее экономически, чем идеологически. Экспертами международных институтов подчеркивается необходимость переосмысления обычного подхода к глобальному экономическому управлению, поскольку на передовую линию мировой экономики выходят динамичные развивающиеся страны (из стран азиатского региона речьЮ прежде всего, идет о Китае, Индии, Индонезии, Южной Корее) [88].

Так может быть как раз отсутствие ясной идеологической основы, предложения альтернативного политического выбора лишает нас возможности рассматривать подход “Глобальный Юг” в качестве рамки для сопротивления господствующим властным структурам...

Об участии

Вначале сказка. *Шли четверо браминов по лесу. Они увидели кости. Первый брамин- ученый увидел, что это кости льва. Сложил их. Второй был анатом. Он одел кости мясом и шкурой. Третий был волшебник, способный делать чудеса. Он оживил льва. Четвертый был только благоразумен. Пока три человека делали из костей льва, он залез на дерево. Лев съел троих, а до четвертого не долез. Четвертый человек оказался безнаказанным. Он был человеком наименьших желаний.*[89]

В сказке заложена идея ограничения желаний, которая должна обеспечивать порядок справедливого человеческого сосуществования. В нашем сюжете о развитии присутствует та же ступенчатость - переход от одного важного действия к другому по возрастающей важности. Кыргызстан в рамках оказания международной помощи пережил несколько программ по сокращению бедности, включая 3 национальных плана по гендерной политике отразивших эволюцию подходов от улучшения положения женщин до стратегии достижения гендерного равенства. Но ни одна из этих программ не утверждалась на законодательном уровне и не была обеспечена соответствующим бюджетом. То есть фактически государство не несло ответственности за происходящее в этих программах.

88 Джастин ИфуЛин– главный экономист Всемирного банка. Мансур Дайлами – основной автор отчета «Горизонты глобального развития»

89 В. Шкловский. Тетива О несходстве сходного.Энергия заблуждения. Книга о сюжете. Избр., 1983

Между тем, внешний долг Кыргызстана за период независимости составил более 2-х млрд. долл. США. Причем сложившееся положение оказалось исключительно удобным для представителей государственной власти независимо от их политических взглядов: либералы могут обвинять Запад (а местные НПО как пособников Запада) в отсутствии должной поддержки и нерешительности в продвижении реформ, социалисты – в разрушении системы социальных гарантий, националисты – в нарушении суверенитета и угрозе национальным традициям.

На этом фоне, смятения среди тех, кто вовлечен в процессы развития, от того порядка, когда безнаказанными остаются как раз субъекты с неограниченными желаниями, могут казаться естественными. Но что если эта разочарованность есть проявление все той же рекурсивной логики, лежащей в основе подходов международного развития... Сопутствующий разочарованию страх потери предыдущих завоеваний, становится обоснованием для новых внешних интервенций... Здесь нередко можно наблюдать подозрительное созвучие заявлений относительно политики Запада со стороны местных традиционалистов с культурным релятивизмом, который пронизывает критический дискурс среди самих представителей международных организаций, гражданских объединений (стратегии не учитывали/учитывают менталитет народа и т.д.)

Оценивая, таким образом, программы развития, поддерживая всеобщее разочарование, за которым опять же следуют призывы к безотлагательным действиям не оказались ли мы ли вновь мобилизованными для изобретения способов делать видимыми то, что власть уже признает как существующее *(А. Бадью)*[90] Ведь так участие – один из ключевых принципов развития, перерождается в соучастие, когда виноваты все и некому судить, ибо как раз у этой вины отнята даже видимость ответственности...[91]

Какие есть возможности выхода? Вероятно, принимая в виду ограничения, стараться все же дальше развивать альянсы с южными регионами. Искать альтернативы, отходя на некоторое расстояния от основного потока...

Юлия Флоринская, Лаборатория анализа миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия.

Стратегии семейной миграции из Центральной Азии в Россию: с детьми или без?

Доклад написан по материалам двух проектов Центра миграционных исследований, выполненных в 2010 году: «Возможности и проблемы социальной интеграции трудовых мигрантов из стран Центральной Азии в России» (размер выборки – 400 респондентов; регионы опроса - Москва и Санкт-Петербург» и

90 Цит. по С. Жижек. Указ. соч., с.165

91 Х. Арендт Скрытая традиция: Эссе. Пер. с нем. и англ. Т. Набатниковой, А. Шибаровой, Н. Мовниной. - М.: Текст, 2008

«Женщины - мигранты из стран СНГ в России» (размер выборки – 1169 респондентов; регионы опроса - Москва и Московская обл., Самарская обл., Санкт-Петербург и Ленинградская обл., Краснодарский край).

Одним из важных факторов, помогающих справиться со стрессом миграции, пусть и временной, в чужую страну, является сохранение тесных семейных связей, поддержка друг друга в семье. Лучший способ достичь этой цели – миграция вместе с семьей. Но на практике, осуществить это удается далеко не всегда - в целом только **1/3** мигрантов выезжают на заработки со своей второй половиной (это лишь чуть больше половины от всех семейных – 57%). При этом мужчины гораздо реже берут с собой в Россию жену – 1/5 из всех (или 37% от всех женатых); в то же время женщин, выехавших вместе с мужем, в два с лишним раза больше – 50% (77% от всех замужних). По странам исхода больше отличаются доли женщин, участвующих в миграции вместе с мужем, а доли мужчин почти идентичны (табл. 1). В среднем, чаще всего со второй половиной на заработки выезжают женщины из Таджикистана (88% от всех семейных женщин), реже всего – мужчины из Таджикистана (33% от всех семейных).

Таблица 1. Находятся ли с Вами в России муж/жена?
Доли ответивших утвердительно от всех женатых/замужних, %

Страна исхода	Мужчины	Женщины
Киргизия	38	60
Таджикистан	33	88
Узбекистан	39	76

Почти половина опрошенных мигрантов из Центральной Азии имеет детей до 16 лет - 46%. Но с детьми в Россию приезжают только **15%** (треть от всех, у кого есть несовершеннолетние дети). Чаще детей берут с собой женщины – примерно 20%, мужчины в два раза реже – 10%.

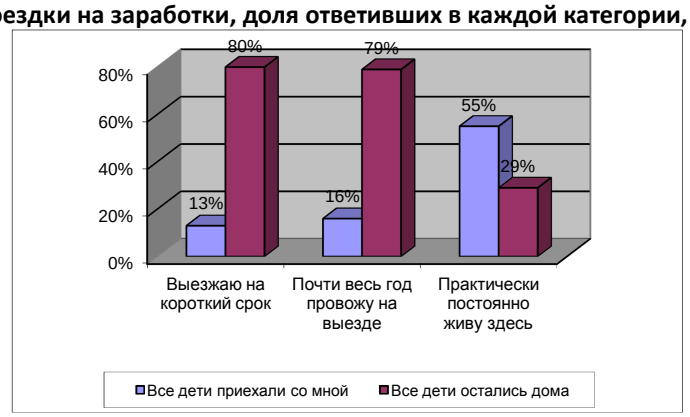
Три четверти тех, кто может себе позволить жить в России с детьми, – это те, у кого здесь муж/жена (т.е. полные семьи).

Среди других факторов, влияющих на решение мигрировать с детьми или без, можно назвать:

- Тип населенного пункта, откуда родом мигранты: чаще оставляют детей дома жители сельской местности (72% против 55% среди жителей крупных городов).
- Уровень образования родителей-мигрантов: чем он выше, тем чаще они берут всех детей с собой.
- Страна проживания мигрантов: кардинально отличаются стратегии у выходцев из Центральной Азии и Закавказья: мигранты из Центральной Азии чаще оставляют детей дома, чем берут с собой (70% женщин оставили дома детей и только 22% - взяли с собой); а вот выходцы из Закавказья – Армении и Азербайджана, наоборот, предпочитают брать детей с собой (55% женщин взяли детей с собой, а 31% - оставили).
- Материальное положение семей, хотя влияние этого фактора относительно небольшое, разве что крайняя степень бедности – «денег не хватает даже на самое необходимое» - чаще заставляет отказываться от поездки с детьми (71% в этой категории оставили всех детей дома).

- Продолжительность поездок на заработки: больше половины тех, кто живет в России практически постоянно, детей берут с собой (рис. 1).

Рис.1. Миграция с детьми или без в зависимости от типа поездки на заработки, доля ответивших в каждой категории, в %



Среди основных причин, по которым бо́льшая часть мигрантов предпочитает не брать с собой детей, есть как объективные – нет возможности обеспечивать уход за ними, пока родители работают, не хватает средств на содержание ребенка, так и субъективные – нежелание погружать их в другую образовательную среду, отрывать от школы, в которую они ходят на родине (таблица 1). Причем эта последняя причина остается самой весомой, и ее доля практически не снижается, даже если семья в будущем планирует переезд на ПМЖ.

Таблица 1 Если дети (или кто-то из детей) не приехали с Вами, то почему?

Доля ответивших женщин, чьи дети остались дома, в %

Нет ответа	4,0
Дорого содержать их здесь	12,0
Нет возможности обеспечивать уход за ними здесь	36,7
Не хочу отрывать их от школы	42,0
Дети не хотят жить здесь со мной	2,2
Другое	3,1
Всего	100,0

Из высказываний на фокус-группах:

- Неизвестность пугает, девушка приехала, куда ребенка маленького. С ребенком тяжело найти, чтобы квартиру снять. Так у какой-то бабушки снимем комнату, чтобы подешевле, а с ребенком это уже квартиру нужно отдельную снимать – 30 тысяч. Зарплата не позволяет.

- Хотела бы конечно детей привезти, но страшно ехать с детьми, боишься, что останешься на улице. А завтра скажут до свидания, ищи другую работу», и что?

- Я не хочу, чтобы ребенок приехал сюда в школу, в детский сад. И мои родители не пускают. Я же ее оставила, когда ей 6 месяцев было, мама и папа вырастили, они не хотят.

Возможность встречаться со своими оставленными детьми у мигрантов возникает крайне редко: к примеру, только 2% опрошенных женщин видятся с ними раз в месяц или чаще; почти половине (48%) это удается делать несколько раз в год; а треть (35%) – вообще может себе это позволить примерно раз в год.

Фактически, миграция без детей - это вынужденное полное устранение от выполнения родительских обязанностей и лишение себя удовольствия родительства, и большинство женщин это хорошо понимает: 83% из тех, кто оставил детей дома, на вопрос «Что плохого принес Ваш отъезд из дома на работу Вашей семье?» ответили - «нет возможности часто видеть детей, воспитывать их» (в среднем доля женщин с детьми, выбравших такой вариант ответа, составила 57%).

Из высказываний на фокус-группах:

- Я последний раз ездила год тому назад. А между - только по телефону. Дорога очень дорогая.

- Дочка говорит: «Когда приедешь?» Никогда я так надолго, чтобы в год раз видеть детей, всегда была семья, ужинали, завтракали вместе.

- Ностальгия - это самое тяжелое, раньше слышала, что ностальгия, думаю, да ладно, придумывают, а это самое тяжелое. А самый плюс, это конечно деньги, это финансовое положение, что я могу там учить ребенка своего.

- Никак не могла деньги собрать, чтобы домой ехать. Каждый день позвоню, мама говорит: «Когда ты приезжаешь?» Говорю, что скоро, скоро. Прошло четыре года, четыре года дома не была, ребенка не видела.

Сам факт того, что дети живут в России с родителями, еще не свидетельствует о наличии четкого выбора будущего места жительства для них: 45% родителей, живущих в России с детьми, хотели бы, чтобы их дети в будущем все-таки вернулись жить на родину (правда, не стоит забывать, что пока это выбор родителей, а не выросших в России детей!). Хотя отличие от тех, кто детей с собой не взял, все же есть: среди них доля выбравших для своих детей будущую жизнь на родине заметно выше – 57% (таблица 2).

Таблица 2. Где бы Вы хотели, чтобы в будущем жили Ваши дети?

Доля ответивших в %		
	В России	На родине
Мигранты, живущие с детьми в России	55	45
Мигранты, чьи дети остались на родине	40	57
Все мигранты, имеющие детей до 16 лет	44	54

Из высказываний на фокус-группах:

- Любой порядочный человек, наверное, который хочет ребенку дать образование, ищет работу, чтобы обеспечивать своего ребенка. Я из-за этого здесь. А если бы осталась там, была бы свобода, страха не было бы, но... Например, мои дети до сих пор рвутся домой, потому что они там себя чувствуют хорошо. Но жить хотят здесь…

Те, кто живет и работает в России с детьми, немного по-другому оценивают и свое собственное будущее: среди них хотели бы навсегда остаться в России, получив гражданство, больше трети (36%), тогда как среди всех эта доля не превышает 26%. Таким образом, **факт взятия с собой в миграцию детей частично указывает на возможность перехода временной трудовой миграции в постоянную, с приобретением российского**

гражданства для всей семьи, но отнюдь не является стопроцентным свидетельством таких намерений.

Проблемы, возникающие у мигрантов с детьми в России

По-видимому, одна из главных проблем для мигрантов, взявших детей с собой, - с кем оставлять их во время работы. Главной опорой здесь становятся родственники – 40% работающих женщин оставляет детей с ними. Пятая часть (21%) смогла устроить детей в детский сад или на продленку в школу; столько же (21%) – оставляют детей одних; остальные – как придется (и соседок используют, и подруг, и детей берут с собой на работу). Видимо, именно в двух последних категориях (когда дети предоставлены сами себе или «крутятся» где-то рядом с работающими родителями) может быть распространено такое явление, как детское попрошайничество приезжих: 2,5% опрошенных мам с детьми заявили, что знают о множестве случаях попрошайничества детей, приехавших с родителями; еще четверть (24%) сказала, что такие случаи есть, хотя и немного.

Только каждый четвертый мигрантский ребенок-дошкольник ходит в детский сад (доля российских дошкольников, посещающих детские дошкольные учреждения колеблется от 55 до 80% - в зависимости от региона). Труднее всего устроить ребенка в детский сад именно выходцам из Центральной Азии – среди них заявили об этом 36% (а ходят в сад всего 10%); значительно легче преодолевают эти трудности мигрантки из Азербайджана и Армении – у них ходят в детский сад 43% и 64%, соответственно).

Гораздо лучше выглядит ситуация со школой – 79% тех мам, кто приехал с детьми школьного возраста, смогли отдать их здесь в школу.

И все же каждая десятая мама заявила, что дети школьного возраста в школу здесь не ходят, причем во всех этих случаях речь идет о выходцах из Центральной Азии. Вполне возможно, что это сознательный выбор части родителей – на вопрос о том, где находятся дети, пока родители работают, именно представители Таджикистана и Узбекистана ответили, что дети находятся с ними на рынке и там подрабатывают. Но нельзя сбрасывать со счетов и проблемы при устройстве в школу, которые выходцам из Центральной Азии преодолеть сложнее всего – в силу плохого знания русского языка, недостаточной информированности и т.д.

В целом, о проблемах при устройстве в школу говорили четверть (!) опрошенных (и это несмотря на то, что детей мигрантов обязаны брать в России в школу без дополнительных условий). Лучше всего из регионов опроса ситуация обстоит в Краснодаре, хуже всего – в Санкт-Петербурге.

Чаще всего в качестве проблемы упоминалось отсутствие регистрации у ребенка (хотя при устройстве в школу ее спрашивать не должны – т.е. по-прежнему все зависит не от закона, а от воли конкретной администрации); отсутствие медицинских документов на ребенка (сейчас эта причина выходит на первый план, в силу отмены бесплатного прикрепления детей мигрантов к поликлиникам с 2010 года); нехватка знания русского языка; несколько раз упоминался и вовсе немотивированный отказ – «не хотели брать».

Отношение к большинству детей мигрантов в школах доброжелательное (именно так его охарактеризовали 81% ответивших женщин), и оно явно значительно лучше, чем к их

родителям со стороны российского населения92. Тем не менее, почти каждая десятая мама отметила недоброжелательное отношение к своим детям, причем среди тех, кто сказал об этом, главным образом, - выходцы из неславянских стран (из Центральной Азии и Закавказья). Таким образом, речь явно идет о проблемах на национальной почве, которые даже совместное обучение, без специальной работы, не всегда в состоянии разрешить.

Из высказываний на фокус-группах:

Сыну было два года, когда мы сюда приехали, и садик, и школу здесь закончил. Очень хорошо закончил 11 класс. 9 мая некого было взять, чтобы на Вечном Огне стоять, его взяли, потому что никому не интересно там стоять два часа, его взяли. Одноклассники говорят: «Ты же не русский, зачем ты туда идешь?» Как будто только русские войну выиграли. Он говорит: «Мам, ну я не могу себя здесь найти». Он со мной поделился честно: «Я бы хотел в Армении продолжать жить». Он ни разу не был в Армении, но он здесь считается все равно вторым, третьим сортом.

Несмотря на наличие определенных национальных трений, именно дети мигрантов, выросшие в России и посещающие здесь детские сады и школы, имеют гораздо больше шансов интегрироваться в российское общество, чем их приехавшие на работу родители. Это хорошо понимают и их родители.

Из высказываний на фокус-группах:

- Дети дружат, ходят в гости. Они на равных.

-У них (детей) нет проблем, да.

- У меня у дочки все русские друзья.

- Когда я что-то спрашиваю на нашем (языке), они отвечают по-русски. Они уже для них равноценны.

Учитывая вышеизложенное, Россия, которая сейчас активно ставит вопросы интеграции мигрантов, должна быть не меньше мигрантов заинтересована в обучении их детей совместно с российскими и стремиться снять все административные барьеры на этом пути. Задача – сделать привлекательным российское обучение на всех ступенях – от детского сада до вуза, чтобы мигранты стремились привозить в Россию на учебу своих детей, а Россия получала по окончании этой учебы молодых людей, полностью интегрированных в свое общество.

Madeleine Reeves, Manchester University, Manchester, UK.

Staying put? On the gendered politics of im/mobility at a time of migration

My paper explores the gendered politics of mobility and immobility in a region of rural eastern Uzbekistan in a context of large-scale migration to Russia. How, I ask, does the increased mobility of some people increase or constrain the mobility of others? How, in particular, does the long-distance migration of men affect the mobility of women who remain behind in sending villages? How are male and female

92 По данным "Левада-Центра", 18% респондентов в России поддерживают лозунг "Россия для русских", еще 36% считают возможным осуществление этой идеи, но "в разумных пределах". NEWSRU.com, 8 декабря 2009

mobility differently moralised? And how might we integrate gender more fully into a critical analysis of migration and its transformative effects in Central Asia? I explore these questions through ethnographic research that I conducted over fifteen months between 2004 and 2008 on two sides of the Kyrgyzstan-Uzbekistan border in the Sokh valley, which runs from the high slopes of the Alay mountains into the fertile Ferghana basin below. In this paper I focus particularly on data from the Uzbekistan side of the border, drawing on ethnographic and survey research that I conducted in the autumn and winter of 2004-5 in four of the 23 neighbourhood districts (*mahallas*) that make up the Sokh district (*tuman*) of Far'gona region.

Like many other rural regions of Central Asia, Sokh is characterised by high rates of seasonal migration to Russia's urban centres, here principally to markets and informal construction sites across southern Siberia, with Irkutsk, Novosibirsk, Barnaul, Penza and Tomsk the primary destinations from the *mahallas* that were included in the survey. Migration from Sokh is also gender-marked: although there are rare instances of "family migration" in which a husband and wife travel together, typically accompanied by children, long-distance migration is nonetheless dominated by men. Indeed, of the 361 households included in the survey, over 95% of journeys from Sokh over the previous five years had been undertaken by men (8 out of 437 recorded journeys in four *mahallas*), a figure that is consistent with data from northern Tajikistan, with which Sokh shares important cultural, linguistic and kinship ties (Olimova and Kuddusov, 2007, p. 29).

This gendered nature of work abroad is the subject of considerable local debate – identified by some within Sokh as a sign of "culteredness" and respect for women because they are not expected to work far from home; by others as a mark of "backwardness" and patriarchy. The long-term absence of large numbers of young men is also spoken of as having a considerable impact upon family structures and dynamics, incorporating women in new ways into communal labour projects locally, and often leading to open tensions between young wives and their husband's families over the disbursement of remittances and the distribution of domestic responsibilities.

By thinking through ethnographic materials from a region where male and female mobility is both highly differentiated and the object of considerable local commentary, I argue for the need to attend to the *relational dynamics* of mobility in Central Asia. By this I mean not simply recognising that migratory processes are gendered in significant ways (though that is an important starting point); I also mean attending to the ways in which the mobility of one person or group can constrain or shape the mobility of others; how the temporary absence of a husband, for instance, alters the way in which female mobility within and beyond the home is morally evaluated. This in turn requires bringing domestic and long-distance mobility within the same analytic field—and specifically in the case of Central Asian scholarship bringing together discussions concerning the gendered organisation of domestic space and the gendered negotiation of decorum and respect into dialogue with analyses of labour migration and its socio-economic impacts.

My contention is that, whilst analyses of migration from Central Asia have increasingly recognised the need to 'bring women in' as a focus of

empirical research (indeed, to the extent that we still lack sustained discussion of the relationship between migration and masculinity), gender is usually reduced in such accounts to the simple dichotomous variable men/women (cf. Pessar, Mahler, Transnational migration..). As such, little attention has been given to the way in which socially-situated and temporally variable ideals of masculinity and femininity both *shape* migration processes (from the domestic social organisation of mobility through to the institutions and legislation regulating migration), nor to the ways that ideas of 'correct' masculine and feminine performance are, in turn, shaped by the experiences of protracted family absence, the relations forged with 'second wives' in migrants' place of residence, and the experience of both men and women in undertaking work that is seen as properly the domain of the other sex. In this paper, I draw theoretically on a literature from other 'global souths', drawing particularly on feminist geography, concerning the gendered dynamics of migration and the impact of protracted family absence on those 'left behind'. In so doing I highlight what is distinctive in a Central Asian context as well as the need to situate an anlysis of gendered labour migration within a comparative frame.

Contact : madeleinereeves@gmail.com

Rocheva Anna, PhD student, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Giving birth to a child in a foreign country: experience of migrants from Kyrgyzstan in Russia

The paper presented here is an attempt to discuss some preliminary results and methodological issues of the research on childbearing by women migrants from Kyrgyzstan in Russia. This topic is less investigated compared with the other issues concerned generally with migration and family as well as gender and migration. There is rich literature in this thematic field which is mainly based on the research of migration from the "global South" to the "global North". The popular topics in this domain include transnational migration and 'global care chain' (Ehrenreich and Hochschild 2002) as well as spatially ruptured practices of motherhood and, wider, parenthood (Landolt and Da 2005). In its turn, childbearing of migrants has been investigated in the framework of the medical issues, access to health care provision (Jatrana et al. 2005) and culturally specific needs of the mothers who give birth to a child in a foreign country (Landale and Oropesa 2001). Moreover, the topic is raised in the context of nation-building processes, citizenship acquisition and 'illegality'. Giving birth to a so-called 'anchor baby' can be seen as a way to legalise residence in the case of migrants (most notably, Mexican) in the USA (Castañeda 2008) when this child becomes a US citizen and its parents are granted resident status.

Although the 'feminization of migration' trend is debatable on the world scale (Zlotnik 1995), in the case of the post-soviet space it is named as one of the characteristics of the current migration flows to Russia (Тюрюканова 2011). With the growing participation of younger women in migration from Kyrgyzstan to Russia, the issue of childbearing and childrearing is gaining its importance. In Russia the principle of *jus*

soli, i.e. obtaining citizenship and full rights due to having been born on the territory of a country, is not in force. Moreover, the health care provision is limited for people without the citizenship of the Russian Federation. Despite these facts, there is a part of migrants who give birth in Russia.

The goal of the research is to define how decisions regarding the childbirth are made, what factors are considered relevant and important and thus come into play. Childbirth is an event that is embedded in the whole life course of a woman, a man and also a whole family; it is not clear though, how this embeddedness is influenced by migration in general and migration to Russia as a specific cultural and social context in particular.

The empirical research that aimed at looking for an answer to these questions, is designed in two main steps. The first step was planned as conducting short conversations or interviews with the people coming from Kyrgyzstan, on the Moscow streets. The second one would grow out of the first step as conducting more detailed interviews with the people whose cases are interesting and who would agree on the second meeting. Both kinds of interviews tend to be more 'reflexive' than 'standardized' (Hammersley and Atkinson 1995: 152) despite the seeming difference in the format. In both cases there is a list of issues which are planned to be covered in the course of the interview but the sequence of the topics and the form of the questions could differ.

The first part is completed by now. There are 157 attempts to approach people, mainly women, aged 18-50, who seemed to be coming from Kyrgyzstan. I did not limit myself to only pregnant women or people without the citizenship of the Russian Federation since I was ready to discuss the stories of the friends and relatives and also was searching for contacts of people who were interesting cases for me. The number of people involved in the conversation at once ranged from 1 to 3; there were some couples (not only married). The places were selected because of the anticipated high concentration of migrants from Kyrgyzstan, mainly by two reasons, (1) the proximity to some 'centre of attraction' for the people coming from Kyrgyzstan (such as the embassy and medical centre popular with the Kyrgyz), (2) the crowded places such as underground stations. There appeared to be central, northern, southern, western and eastern districts of Moscow. The conversations were tape-recorded when possible; after each attempt the results and notes were put down in a special form worked out in advance.

The majority of the people addressed come from the Southern parts of Kyrgyzstan, mainly Osh and Jalal-Abad. Overall, 71 of the attempts (45.2%) were completed interviews, 35 (22.3%) were disrupted interviews. The rest was constituted with refusals (about 20%), people who did not come from Kyrgyzstan or did not speak Russian. The length ranged from 15 minutes to 3 hours. 47 people provided me with the contact information. Second meetings are still going on now.

Before moving to the results, it is important to discuss methodological issues which are relevant to the topic of the conference. The methodology of the studies of gender and migration from the "global South" deploys self-reflexivity, i.e. the requirement to "consider (your) own considerations" and think of the position in the field since the researcher is not only the subject but also the object in the field relationships. My position in the field can seem to be one of a complete 'outsider' or 'stranger' as I was identified as a Russian, not a Kyrgyz, a person who neither was born in Kyrgyzstan nor visited the country. However, another methodological tradition, borrowed from the works

on post-colonialism and feminism, can be more productive here. It implies not a rigid construction 'insider/outsider' but a continuum.

First, on the one hand, my informants and I do not share the same or similar experience that is central to this study – experience of living in Kyrgyzstan, migration and childbearing.

On the other hand, common historical heritage connected with the USSR is still deployed in the public discourse. The references to the shared Soviet past can be traced in the presumably unified 'post-soviet space' which is considered as being constituted by the CIS countries. Notwithstanding the fact that the generations have changed so that younger migrants of nowadays do not have experience of living in the USSR, the references are still made. However, the relevance of this discourse in the private conversations can be questioned, excluding those going on in the groups of older people.

Third, the regional specificity of Kyrgyzstan should be taken into account. The northern parts are more urban whereas the southern region is more rural. But what is important for us here is not statistics but the way this specificity was presented in the interviews. Informants coming from the northern regions tried to distance themselves from the 'southerners' as 'backward' and associate themselves with 'Russians' as 'progressive'. Then self-identification through distancing from the former and closeness to the latter serves to increase the status and thus, compensate for the considerable downward mobility experienced by people with higher education who come to Russia. In such cases my position is transformed: most probably, I am still an outsider but a 'wanted' outsider. This modality of a stranger position can ease the entrance to the field but at the same time may considerably influence the results which I get from the 'northerners' as they might present patterns which are, in their opinion, closer to those of 'Russians'.

Taking into account these 'coordinates' of the researcher's position we move to the preliminary results of the study. The significance of the childbirth for women-migrants from Kyrgyzstan is rooted not only in the emotional intensity but also normative predetermination of the event by the gender order. An ideal model of the female life course defines the sequence of events: 'marriage – pregnancy/ birth' with the time frames set up.

Marriage serves to legitimize the relationship between a woman and a man but also presupposes the realization of the reproduction function. The relationship within the pair can be built in accordance with two scenarios considered as alternative and representing those of 'Russians' and 'Kyrgyz'. The first one ('to live for oneself' - «(po)zhit' dlya sebya») – implies the childbirth planned after some (considerable) time after the wedding; the second one ('live for the children' - « zhit' dlya detei») means the necessity of the first birth within 1-3 years after the wedding. When the time limits for the first pregnancy and birth are exceeded, the sanctions may take place in the form of the increased attention of the husband's in-laws to the pair, accusations of the wife's infertility which can be followed by a divorce substantiated by this.

Migration does not contribute to easing this scheme but on the contrary serves as an additional burden. Giving birth in Russia implies limited access to the health care provision for those without Russian citizenship; lack of the social support networks and fears of the intolerable relations from the doctors' side are the factors that contribute to the decision of going back to Kyrgyzstan for the labour. On the other hand, giving birth in Russia and living with the husband are seen as a guarantee for maintaining the marriage (leaving less chance for infidelity). The last point echoes the research of migration from the

'global South' where the position of a 'left behind' wife is characterized through the asymmetrical relations defined by the economical dependency on the husband.

Owing to women's agency, it should be noted that migration and giving birth in Russia can be seen as a strategy to get some autonomy for the nuclear family from the extended kin, first of all from the husband's in-laws. Choice of Russia as a place for labour is seen as natural for those who have substantial social support networks here, received the Russian citizenship or connects the future of a child with Russia.

Thus, it can be seen that methodological and conceptual schemes developed in the studies of gender and migration from the 'global South' are relevant to some extent to the situation of Russia as well.

Bibliography

Castañeda H. (2008) Illegal migration, gender and health care: Perspectives from Germany and the United States // Schrover M., van der Leu J.n, Lucassen L. and Quispel C. (eds.) *Illegal Migration and Gender in a Global and Historical Perspective*. Amsterdam University Press.

Dreby J. (2009) Gender and Transnational Gossip // *Qualitative Sociology*, Volume 32, Number 1: pp. 33-52(20).

Hammersley M. and Atkinson P. (1995*) Ethnography. Principles in Practice*. Second edition.

Ehrenreich B. and Hochschild A.R. (2002) Global Woman. New York: Holt Paperbacks.

Jatrana S., Toyota M., Yeoh B. (2005) *Migration and Health in Asia*. New York and Oxon; Routledge.

Landolt P. and Da W.W. (2005) The Spatially Ruptured Practices of Migrant Families: A Comparison of Immigrants from El Salvador and the People's Republic of China //*Current Sociology,* 53: 625-653

Landale N.S. and Oropesa R. S. (2001) Migration, Social Support and Perinatal Health: An Origin-Destination Analysis of Puerto-Rican Women //*Journal of Health and Social Behavior*, Vol. 42, No. 2: pp. 166-183.

Zlotnik H. (1995) The South-to-North Migration of Women// *International Migration Review*, Vol. 29, No. 1, Special Issue: Diversity and Comparability: International Migrants in Host Countries on Four Continents: pp. 229-254.

Тюрюканова Е. (2011) Женщины-трудящиеся мигранты в России // Выступление на конференции «Гендерные аспекты миграционной политики: извлеченные уроки и рекомендации», 21-22 апреля 2011 г., г.Москва.

Contact : anna.rocheva@gmail.com

Отчет о седьмой сессии

В работе данной сессии речь шла в основном о проблемах миграции, связанной с социальными и гендерными вопросами.

Доклады Н. Зотовой и Ю. Флоринской были посвящены исследованию вопросов семейной миграции, формированию поведения мигрантов в новой социальной среде, а также целям и задачам, которые они ставят перед собой на перспективу. Так, Н. Зотова через анализ количественных характеристик показала различие в сексуальном поведении среди мигранток разных

социальных слоёв и разных национальностей Центральной Азии. Согласно результатам ее исследований, сексуальное поведение и, соответственно, риск заражения ВИЧ-инфекцией и венерическими заболеваниями может различаться между гражданками Киргизстана, Узбекистана и Таджикистана и зависит, в частности, от контроля общины и силы традиционных устоев.

В сообщении Юлии Флоринской освещались вопросы семейной миграции в России, сложности в воссоединении с семьей, а также проблемы обучения детей мигрантов в учебных заведениях страны. Ю. Флоринская также обратила внимание на дискриминационные формы государственного контроля над семьями мигрантов, называя это «управления телами / управления над телами».

В своем выступлении Анна Рочева рассмотрела социологические аспекты доступа женщин-мигранток к медицинскому обеспечению в России. В докладе также были подняты проблемы мигранток в вопросах деторождения.

В выступлении А. Молдошевой был поднят вопрос о концепциях феминизма, гендера и деятельности международных и неправительственных организаций по защите прав женщин и их семей. Особое внимание она обратила внимание на необходимость учитывать гендерный вопрос при проведении экономических и политических реформ.

Во время дискуссий были затронуты весьма актуальные и злободневные вопросы как научного, так и практического значения. Так, С. Абашин призвал более широко рассматривать проблему миграции на основе новых методов научных исследований, антропологических и инструментальных средств.

Софи Хоман, CERCEC / INED, Париж, Франция

Миграционная политика и стратегии мигрантов Migration policy and migrant strategies

Florian Mühlfried, Friedrich Schiller University Jena, Germany

Of Triple Winning and Simple Losing.

Win! Win! Win! is the slogan of the day in many recent migration studies. So-called circular migration is supposed to result in a "win-win-win situation" for everyone involved: the sending state takes profits from remittances and the knowledge acquired abroad by returnees; the receiving state gains expertise and work force without having to grant citizen rights to its providers; and the migrants maintain ties to two countries simultaneously and take the best from two worlds. Long-term multiple-entry visa, facilitated access to residence, dual citizenship, extensive digital databases and, if required, labour permits, are supposed to be vital tools for realizing these ambitions aims.

This new perspective on the gains of migration developing in the late 1990s was quickly picked up and elaborated by international organizations like the UN and the EU. The first initiative in this respect was taken by the then UN general secretary Kofi Annan, who called for the establishment of a "Global Commission on International Migration (GCIM)", which was established in 2003 and published an extensive report in 2005. The report stated that "the old paradigm of permanent migrant settlement is progressively giving way to temporary and circular migration and encouraged the receiving countries to promote circular migration by means of facilitating repeated border crossings for the migrants to and from the sending countries. The International Organization for Migration (IOM) followed suit and published a report in 2005, advocating, amongst others, dual citizenship and flexible visa regimes as positive factors for circular migration. The World Bank also embraced this issue and praised circular migration as reducing "brain drain" and as being a particularly suitable tool for managing migration in countries with a strongly articulated antipathy against permanent migration. Finally, the European Commission expressed the point of view that circular migration could be a key factor in the transfer of skills and knowledge to developing countries.

For a country like Georgia, the promotion of circular migration could indeed be beneficial. Accurate figures are not available, but most experts agree that around 20% of the Georgian population – about 1.100.000 persons – migrated abroad in the time span from 1989 until 2003. In light of this, it is self-evident that remittances play a major role in the Georgian economy, constituting 6,3% of the GDP in 2006. According to the data provided by the National Bank of Georgia, remittance flows to Georgia have considerably increased since 2000 and become increasingly vital to the economic livelihood of many Georgians.

Considering this situation, circular migration as outlined above would be beneficial for at least two of the three parties involved: the sending state (Georgia) and the receiving state (e.g. in Europe). The sending state would benefit both from remittances and from "brain-gain", and the receiving state would have less of a trouble with migrants overstaying their visas. But what about a situation of triple-win as postulated by the advocates of "circular migration"? Would (and could) the Georgian migrants also be winners?

In order to address this question, I will present a case study centred on the Tushetians, a Georgian regional group consisting of roughly 20.000 members and settling in a highland area of northeast Georgia. They are one of the most mobile populations of the Caucasus, with their mobility resulting from transhumant economy (sheep husbandry). In the present situation, Tushetian mobility often translates as labour migration. An impressive number of Tushetians are employed as construction workers in the Northern Caucasus or Spain, whereas Tushetian women mostly work as maids or nannies in countries like Greece and Italy. The number of households with at least one migrant abroad is extraordinarily high among Tushetians (26,2% in a census conducted in 2007; the following percentages also stem from this inquiry), even when compared to those Georgian regions with the highest official out-migration rate. Despite the various places and forms of labour migration among the Tushetians, seasonal, hence circular forms of labour migration are by far the most popular.

The majority of migrants are men (59.5%), but women play a significant role, too (40.5%). Gender is directly related to the migration destination: Whereas the Russian Federation (27%) is considered to be a place for male labour migration, primarily for construction work (total 29,7%), women favour countries like Greece (37,8%) and Italy (10,8%). Most of the migrants are between 21 and 40 years old (67,5%), but people older than 50 also leave their hometown (21,6%), usually driven by need and despair. Relatively few migrants have finished higher education (18.9%), which points to the fact that "brain drain" is not the main problem of the Georgian countryside – at least not in Tusheti.

Most of the young Tushetians take jobs in the Northern Caucasus, particularly Dagestan and Chechnya. This is due to the higher level of wages in the Russian Federation, as well as to the relative closeness of the place, which allows them to return to their home villages in winter (circular migration). Rebuilding Grozny, the Chechen capital almost completely devastated during the Chechen wars, is popular among young men from Kvemo Alvani, as reflected in the story of Omaidze. One of my informants jokingly said: "At first, the Russians completely destroyed Chechnya. Now, they are pumping in an endless stream of money for its reconstruction".

In the recent years, some macro-political events have greatly hampered Tushetian migration to the Russian Federation. First of all, there was a large-scale wave of deportation of Georgian labour migrants from the Russian Federations in 2006. These deportations were concerted in effort and a direct response to the arrest of four Russian officers on charge of espionage by the Georgian authorities on September 27, 2006. According to Georgian sources, approximately 4,000 Georgians were deported between October 2006 and February 2007 on grounds of violating the Russian residency rules, among them numerous Tushetians. Secondly, the August war 2008 further aggravated the situation for Georgian citizens (and arguably also Russian citizens of Georgian descent) residing in the Russian Federation. The borders between the Russian Federation and Georgia remained

closed, all transportation links between the two countries cut, and Russia shut down its embassy to Georgia.

Yet, migration did not lose momentum among the Tushetians, but rather shifted in character. One effect was that labour migration became increasingly feminized. More and more Tushetian women have left their families for Greece and Italy, where they work as household aids and nannies. It remains to be seen which effect the recent economic crisis in Greece has on them. What is clearly observable, however, is that more and more Tushetian labour migrants are illegalized, deprived of rights and even confronted with the potential loss if citizenship. It is hard to overdramatize the precarious situation they are in.

Another effect was that other places of migration have gained prominence among Tushetians, especially those in the European Union. Since the mid 2000s, Spain for example became an increasingly attractive destination for Tushetian men due to the booming construction sector. In 2008, the effects of an economic crisis in Spain started to reflect on the construction sector, however. This sector used to be an important part of the economic boom, which had hit Spain in the previous years. Now, it was one of the first to indicate that the economy was on the decline. As an almost immediate consequence, many of the construction workers employed on a flexible basis, that is, without any contract and mostly without paying taxes, were sacked from one day to the other. Only those, that had lived in Spain already since the early 1990s and had managed to legalize their stay – either by the acquisition of Spanish citizenship, or by gaining an unlimited residence permit – maintained their jobs.

In such a condition, a policy of circular migration as outlined above would be highly beneficial for the Tushetians, as it would lead to a legalization and regulation of their status. With their routinized practice of seasonal labour migration and their clear preference for temporal vis-à-vis long-term migration, the Tushetians would also be ideal contributors to flexible labour markets as increasingly prevalent in the European Union: willing to provide their work force to fit a given demand in a limited period of time, willing to return home afterwards, and willing to come back if more labour needs to be done. The European receiving states could import cheap labour without having to bother about the political or social integration of the temporal migrants. Additionally, the new “guest workers” of the 21st century would contribute to their homeland economy by sending remittances back home and thus relieve the budgets of development aid of the receiving states. This is exactly what would qualify Tushetians as circular migrants in the above-mentioned sense. But it needs to be questioned that groups like the Tushetians have ever been targeted by circular migration policies.

According to the data collected during the household survey in 2007 in respect to professional background, income level and education, Tushetian labour migrants are by and large members of the lower social strata, which is vast in Georgia, however. Most migrants from Kvemo Alvani were formerly either unemployed (29.7%) or worked in state institutions (24.3%). The agricultural sector also plays a role, with at least 16.2% of the migrant population involved in some kind of agricultural activity before their departure. Only 18,9% of the migrants registered in the survey have finished higher education.

The policy papers related to circular migration, on the other hand, are focused on “brain gain”, knowledge transfer, and the sharing of skills and competences between states and their citizens. Hence, this agenda obviously focuses on skilled migrants with a considerable level of

knowledge and/or higher education – in other words: specialists. This is precisely what most of the Tushetians are not – or rather not seen as, as something like shepherding expertise certainly does not qualify for the mainstream labour market of the European Union. This status (or rather its denial) they share with the vast majority of predominantly unqualified labour migrants from Georgia.

And this is also what they share with almost of those migrants stemming from the countries labelled South from a European perspective. Instead of taking them as potential contributors to wealth production, they are primarily dealt with as a security problem. The fortification of the borders of the European Union with the consequence of more and more would-be migrants losing their lives when trying to make it to the Promised Land is a telling example of the effort which his taken by the European Union to keep the South apart. And even when they have made it, they are more likely to be the target of "voluntary return programs" than circular migration programs. Migration policy, in this respect, is more oriented towards the immobilisation of those who are seen as lumpen-migrants stemming from an imagined South.

This does not only apply to the treatment of Georgian and "Southern" migrants to the European Union, however, but to those from Ukraine and the Russian Federation as well. The "Southernisation" of migrants has thus lost its geographical framework, which in turn raises the question of the heuristic and empirical viability of the term "South" as such. In the end, it becomes so encompassing that it loses its meaning. What could be more rewarding in this respect is to shift the perspective from the South as a geographical region to the political production of the South by those states that seek to keep a distance to it. Instead of asking what kind of South we are dealing with, the question should rather be whose South we address.

Contact : muehlfried@eth.mpg.de

Лилия Сагитова, директор АНО "Институт социальных исследований и гражданских инициатив" (Казань), старший научный сотрудник Института Истории Академии наук Татарстана

В поисках новой идентичности: стратегии адаптации женщин–мигрантов из Средней Азии в Татарстане

Теоретическая рамка анализа

Стремительное изменение привычного мира, которое происходит благодаря развивающимся коммуникационным технологиям и миграционным потокам, оказывает влияние и на его изучение. Последнее десятилетие примечательно дискуссиями по проблемам идентичности. Несколько лет назад Роджерс Брубейкер и Фредерик Купер предприняли масштабную ревизию категории идентичности.[93] Обзор существующих значений категории продемонстрировал ее

93Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами идентичности / Ab Imperio, 3/2002.

многозначность и противоречивость. С одной стороны, понятие идентичности используется в «сильном» значении для обозначения неизменных, зафиксировавшихся, возможно раз и навсегда идентичностей. Такая трактовка характерна для сторонников эссенциалистского подхода. С другой стороны, конструктивисты, считая, что идентичности создаются, изменяются и множатся, стремятся очистить понятие от нагрузки «эссенциализма». В результате, авторы пришли к выводу, что категория идентичности остается понятием слишком неопределенным. Если она конструируется изнутри, то тогда сложно оценить воздействие внешних идентификаций, которые иногда принимают характер принуждения.[94] Вслед за переоценкой понятия последовал вывод – заменить обесценившуюся категорию понятием «идентификация». А для исследования процесса идентификации был предложен ряд кластеров: «Идентификация и категоризация»; «Самопонимание и социальная ориентация»; «общность, связанность, групповая принадлежность». Думается, что предложенные Р. Брубейкером и Ф. Купером категории дают новые перспективы для анализа сложных идентификационных процессов.

Исследовательский материал, полученный в ходе изучения мигрантов,[95] стимулировал автора к поиску подходов к осмыслению мигрантского опыта. Оказалось, что упомянутые выше категории, хотя и не в полном объеме, помогают найти новые основания для анализа. Так, полученный полевой материал дает возможность увидеть, несколько важных для научной интерпретации аспектов:

- пластичность категории идентичности у людей, вынужденных менять социальный и культурный контекст;
- важность внешних и внутренних агентов-кодификаторов идентичностей, тех субъектов, которые формируют идентичность;
- стимулы и ограничения релятивистского способа идентификации: позиционирование себя или другого в сети взаимоотношений – родственных, дружеских, деловых;

Ситуация гастарбайтера: его жизнь в другом социальном и культурном контексте, или кочующий/челночный алгоритм миграции определяют то, что можно назвать «ситуативной субъективностью». Что подразумевает значимость той, или иной ситуации в определении для человека значения «Я» и собственного социального мира. Исследование опыта опрошенных мигрантов помогает увидеть, что чувство социальной принадлежности и культурной принадлежности а) может изменяться с течением времени, но может быть и стабильным; б) дает возможность тонкого различения предлагаемых Брубейкером и Купером близких терминов: «Самопрезентация» и «Самоидентификация». Различие между ними и «Самопониманием» - небольшое: «Самопонимание» может иметь невербальный характер, в то время как «Самопрезентация» и «Самоидентификация» предполагают дискурсивное формулирование.

Опыт процесса идентификации у мигрантов-мусульман

Биографии и опыт респондентов свидетельствуют о пластичности и изменчивости самопонимания в зависимости от

94 Там же, с. 62.

95 Международный Проект «Экономические мигранты из Центральной Азии: Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей» (Санкт-Петербург – Узбекистан – Казахстан - Татарстан) (2007); Рук. Проекта С. Абашин, Е. Чикадзе; по Татарстану – Л. Сагитова.

меняющихся условий: уклад махалли, или новая для мигранта среда. Сопоставительный анализ биографий двух женщин-мигрантов дает возможность увидеть значимость внутренних и внешних идентификаторов в процессе самоидентификации, а точнее переопределения себя в новых социокультурных условиях для более успешной адаптации.. Наряду со схожестью их социального положения – обе находятся в разводе и имеют на воспитании детей – специфика их самопонимания и самопрезентации складывается в зависимости от сложившегося опыта социализации (ценностная структура личности) и отношения к внешним агентам-идентификаторам (махалля, этническая община и ближайшее окружение в принимающем сообществе).

Информант №1 представляет не столь распространенный для среднеазиатского региона тип эмансипированной женщины. Еще дома, в Узбекистане, она проявила себя как самостоятельная и волевая женщина – работая в магазине, обеспечивала себя и помогала родительской семье. Сама заработала себе на приданое, содержала свою семью после смерти отца, женила братьев. Недолго была замужем, растит дочь. После перестройки и распада СССР занялась мелкой торговлей в своем городе. Но позже, съездив по просьбе родственников в Татарстан, увидела здесь новые возможности для бизнеса и стала возить товары из Узбекистана в Казань. В настоящее время имеет свое частное торговое предприятие. В Казани живет уже 15 лет и получила российский паспорт.

Информант №2 реализует традиционную для Средней Азии гендерную стратегию. Рано вышла замуж, но потом была оставлена мужем. С 17 лет начала работать пекарем на хлебозаводе. Растит двоих детей. В Казань ее позвала сестра, имевшая большой опыт миграции. Подрабатывала тем, что пекла и продавала самсу. В 2007г. открыла свое частное предприятие. В Казани живет 10 лет. Подала документы на российское гражданство.

Как показывают материалы интервью, информанты столкнулись с проблемой самоидентификации в новых условиях. Для успешной адаптации в новой среде женщинам-мигрантам пришлось сменить традиционную одежду на «европейскую». Одежда, как внешний атрибут идентичности, выполняет роль культурного и социального маркера, подчеркивая инаковость носителя в условиях принимающего общества. Процесс подстройки по-разному переживался информантами. Информант №1 довольно быстро и безболезненно меняла «узбекскую» одежду на «казанскую, русскую». Неудобство, или стеснение в большей мере диктовались внешним контролем:

«Стрижку потом я делала, (...) у меня вот поезд четыре дня, пять дней поезд. У меня два одежды есть, казанский, русский и узбекский, сразу одеваем, и поедем на родина. Обратно, сразу в поезде одеваем другую, (...) если я брюки, сейчас я в Узбекистан поеду, брюки одеваю, (…) я даже не стесняюсь. А раньше стеснялась, потому что все-таки у меня мама была, все-равно, не только - не мама, другие люди...”

Примечательно, что она использует свою собственную стратегию (смена одежды в зависимости от той среды, в которой она пребывает) и для своей дочери:

«*Я заставляю – у нее два одежда будет. …Иногда я разрешаю, иногда – нет. Иногда говорю чуть-чуть длиннее надень, она делает. Я говорю ей, кызым, вот это одевай, потому что узбеки*

много здесь, местные узбеки, нужно скромно одеваться, разговаривать же будут. Мне лишние проблемы не надо».

Нарратив демонстрирует значимость и эффективность внешних институтов-идентификаторов, к которым отнесем ближнее родственное окружение на родине и мигрантскую общину в принимающем обществе. При этом стимулом являются «мягкие» санкции в виде общественного мнения сообщества, к которым информантка весьма чувствительна.

Для Информанта №2 смена традиционной одежды проходила болезненнее. Более глубокая включенность в религиозные каноны обусловила ситуацию ценностного конфликта:

«…я в платках, с длинными рукавами платье была (…) сестра говорит, давай, теперь поменяй, волосы постригем. Я говорю, нет, нет, не буду. Грех, на вас, не буду я. Она домой парикмахер пригласила, и дома … постригла меня, первая стрижка. (…) сейчас себе много грех сделала, себя ругаю иногда.»

Несмотря на допущение отхода от традиционных норм (смена одежды), ценностные ориентации обеих информанток остаются прежними:

«На первом месте я мусульманка. А потом уже… Например, мне первый нация какой скажут? – (…)…Я скажу Альхамдулляхи, я – мусульманка». .(Информант №1);

«*…. Коран это в сердце у меня. Сколько год мы здесь. Ураза держим, намаз делаем. (…) Я вот даже короткий (Короткое – до середины колена платье, с короткими рукавами – Л. С.) не надевала. Я сюда приехала, такая стала. Зато у меня душа все это есть.»* (Информант №2)

Как уже говорилось, женщины-мигранты привезли с собой детей. Отсутствие родственников, привычной общины в рамках махалли, меняет рамку первичной социализации детей. Плотность и непротиворечивость общинной среды сменяется на атомизированное существование в условиях большого города. Поэтому вся нагрузка воспитания ложится на плечи одиноких женщин. Благоприятным и смягчающим адаптацию условием стало то, что Татарстан – мусульманский регион. Благодаря распространенности среди части татар мусульманских ценностей и имеющимся в республике исламским институтам (мечети, школы-медресе при них) - возможности сохранения привычных норм и соответствующего воспитания помогают матерям, как видно из интервью, воспитывать детей в соответствии с привычными нормами и традициями. Внутри семьи ведущая роль принадлежит матери. Она не только поддерживает нормы в повседневности, но и выстраивает стратегию образования своих детей, выбирая для них татаро-русскую гимназию, или медресе при мечетях для того, чтобы обеспечить преемственность мусульманской идентификации. Информант №2 рассказывает о дочери и сыне:

«Отдала дочь в гимназию русско-татарскую (женскую – Л. С.) Я держу ураза. Дочка один день сначала, потом 1-2 дня в конце. Она стала типа русский, другой стал. Потому что я решила, когда он (дочь – Л. С.) вырос, но все-равно мусульманин должен каждый человек, что она мусульманка, никогда не забывает, чтобы думала: «я другой линия не пойду». Здесь же разные люди (…).

«*Ураза начинается (…) обязательно у меня дочка держит. Сын не держал. Он тоже обещал в этом году. Я ему говорю, давай с 12-ти лет (сыну 10 лет – Л. С.). Нет, говорит, в этом году с вами начинаю ураза держать. Он с прошлого года в пансионате*

(медресе, где шакирды обучаются – Л. С*,)(…), здесь в Марджани мечеть был в лагере* (лагерь при городской мечети Ш. Марджани – Л. С.).

Самопонимание детей-мигрантов, и, вслед за этим, стратегия поведения – различаются. Вот слова Информанта №1 о дочери:

«*… В 16 лет хотела в медресе* (отдать – Л. С.) – *она не хотела: «Мне сразу хиджаб будет, сразу не могу» - говорит. «Я б оттуда приехала, ладно было бы», - а она же здесь, отсюда, она же современная. «Не могу», говорит.. Мне надо сказать: «Вот так делай!»* (Имеет ввиду, что должна сказать свое родительское слово – Л. С.) *А там уж ты решай…»*

Как видим, информант сопоставляет две идентичности: первую, сформировавшуюся на родине, и вторую – соответствующую принимающему местному контексту. При этом оценочность категории «современный» подразумевает оппозицию «архаичный» - «современный» в восприятии информанткой покинутой родины и России.

Достаточно глубокая включенность в религиозные практики в семьях женщин-мигрантов не предопределяет такого же ревностного отношения к исламу детей, особенно девочек. Происходит переопределение гендерных ролей: с традиционной мусульманской – к светской, где важное место занимает образование и профессиональная карьера. Информант №1 рассказывает:

« *Я решила мусульманский гимназия заставляла …она не хотела. Она сказала, мне образование надо. Я сказала, образование, конечно, надо. Но Аллаха знать надо, потому что мы мусульмане. Ислам знать надо. Если мой слова слушать не будешь, гулять не будешь, дома сидишь. Потом она сказала, ладно, хотя бы неделя два раза учим, она согласна. Она в медресе ходит.»*

Знакомство с другой культурой заставляет переоценить свою этническую группу. Особенно ярко это проявилось в мотивации выбора будущего мужа для дочери. Информант №1 так обосновала свое пожелание:

«*Я хочу хороший люди ей, я хочу татарин… Образование.., не только образование, но и нормальный люди. Если узбек будет, (…), все у них женщины делают. Как-будто они раб. А татарин - нет. Татарин – другой. Они уважают, они сами себя тоже уважают. Детей помогают, иногда кушать готовят, иногда стирает,(…) Уважает друг друга уважают. А узбек, например, мужик кормить-то кормит. А женщинам трудно с узбеками.»*

Нарратив демонстрирует различение гендерных ролей у мужчин-узбеков и мужчин-татар. Первым приписывается авторитарная поведенческая модель, где женщина находится в подчиненном и бесправном положении, в то время как вторые ассоциируются с равноправными и уважительными отношениями.

Информант №2 ориентирована на эндогамный брак:

Дочку хочу туда (в Узбекистан – Л. С.) послать замуж отдавать. Есть подруга – кабардинка, ее сыну понравилась. Я думаю: Не дай бог! Он сам такой хороший. Они по-узбекски не понимают, мы кабардинский не знаем. Как друг друга будем понимать? Было бы у меня 2-3 дочки, отдала бы за него. У нас редко такой найдется у узбеков. Хочу, чтоб узбек был… Дети какие будут? По-какому разговаривать? Вот это все боюсь..»

Нарратив, свидетельствует о приоритетности культуры перед личностными качествами будущего зятя. Приверженность

традиционалистской и эмансипированной моделям у информанток находят продолжение и в предпочтениях в выборе будущих родственников.

Эффективность анализа процесса идентификации мигрантов в родной и «чужой» социокультурной среде с помощью предложенных Брубейкером и Купером категориями первого кластера – Идентификация и Категоризация, помогают увидеть роль внешних агентов категоризации. Роль социальных институтов в качестве агентов-кодификаторов сохраняет свою значимость как в процессе самоопределения личности, так и во внешней категоризации, которую поддерживают этнические институты. Те из мигрантов, что включены в сети сообщества, объединяемого Автономией узбеков РТ, принимают участие во всех мероприятиях, организуемых НКА (Науруз, День города, День независимости Узбекистана и т.д.) – все они носят этнический характер. Празднуя Науруз, мигранты через привычные ритуалы воспроизводят атмосферу «дома» (а), так и в ситуации презентации мигрантской общины в инокультурной среде Этничность, как маркер активно используется на официальных мероприятиях (б).:

а) *«Вот, праздник, например, вот она (речь идет об Информанте №1 – Л. С.) например, не спит целую ночь, а варит сумаляк. Потом все другие узбеки на праздник приходят на следующее утро, она им сумаляк раздает.»*

б) «Здесь нас очень уважают. Вот был визит Путина в Татарстан. Так не татары его встречали в национальных костюмах и с чак-чаком, а наши узбеки, со своей кухней, танцами. Это пример, как живут узбеки с другими народами Татарстана.» (Председатель Автономии узбеков в РТ).

Заключение.

Ограниченность исследовательского материала рамками региональной базы данных не позволила провести апробацию всех предлагаемых Р. Брубейкером и Ф. Купером кластеров терминов. Тем не менее, даже небольшой исследовательский багаж позволяет оценить аналитические возможности предложенных категорий, как с точки зрения анализа и интерпретации полевого материала, так и с точки зрения разработки программы для дальнейших более масштабных исследований. При этом следует отметить и то, что операционализация этих категорий и их адаптация под задачи определенных проектов остаются для нас актуальными.

Contact : liliya_sagitova@mail.ru

Anne Le Huérou, CERCEC, Paris, France
Diaspora as a multi-tiered resource for migration policy and its confrontation to migrant strategies: the case of Omsk

As labour migrations became an issue of public policy and a quite disputed matter of public debate in the Russian Federation by the mid 2000s (Vitovskaya & al. 2009 ; Zajonchovskaya & Tjurjukanova, 2010, Le Huérou & Regamey, 2007, Schenk, 2010) the implementation of those policies and their relation to migrants experience is also a key to understand the position of “new” countries of emigration – Central Asia

and to a lesser extent the Caucasus in their relation to the Russian State and society.

Once Republics with proclaimed equal rights inside the Soviet Union, they had been nevertheless part of the Soviet nationalities policy and thus submitted to a set of rights and duties, promotion and repression policies, embedded in complex processes of modernization and domination. We can choose to stress the colonial nature of the Soviet statehood with its proactive construction of (Hirsh, 2005) , to point the emancipatory features of the "affirmative action Empire" (Martin, 2001) or to suggest no more but a "family resemblance" (Beissinger, 2006) between the Soviet Empire and other imperial experiences, but we cannot anyway escape the fact that today's new independent States of Caucasus and Central Asia have inherited a specific place in their relationship to the new Russian State. Partly due to Tsarist Russia and Soviet legacy, this place has been and is being also renegotiated since 1991 according to multiple factors.

Based on field research in the Omsk *oblast* (Western Siberia, bordering Kazakhstan) in 2009 and 2010, my communication will focus on the multiple ways the notion of "diasporas" is used and perceived in the migratory policy management and implementation in the region. Having studied various elements of the local authorities' migration policy (UFMS, regional and municipal economic bodies...) and looked into employers and migrants' strategies and attitudes, I happened to be, in the course of my research, more and more puzzled by the fact that *diasporas* were appearing in many discourses as well as in concrete attempts to manage migrant workforce.

I decided to choose this angle to see how it helps in understanding the conducts of the different actors (authorities, employers, labour migrants, intermediary of different kinds...) in the migration field in the way they are embedded into a scheme that includes a lot of "old style" Soviet constructs and stereotypes, - often similar to the colonial stereotypes we can find in the attitudes towards migrants in European countries (at least France). Meanwhile, they also include new "post-soviet" features, built in the two past decade, that reflect the evolution of the Russian state and society (new xenophobia mixed with a liberal approach to the labour market needs), the type of relations settled between the Russian Federation and the migrants' countries of origins and the more globalized economy and migration field.

I will not discuss here the essence or the validity of the concept of *diasporas per se* but use the term because and in the way it is used on the ground by the authorities, the employers or by migrants' communities for their ambiguous search of a balance between flexibility, security and control.

I- My first point will address the way both authorities and employers use, voluntarily or not this concept of diaspora or so called diaspora.

a) Local authorities : ensure flexibility and control

After 2006, Migration policy in Omsk has followed the line of the general federal trends and has elaborated mechanisms that try to simplify procedures for migrant workers thus allowing a more flexible scheme for the needs of the labour market that can be qualified as more "liberal" for the employers (in terms of extending quota and simplifying procedures), as well as more protective for the migrants (fewer dependence from employers, legalizations of large numbers of migrants in 2007 and 2008 before the crisis...).

Thus, as it resorted from the interviews I conducted as well as from regional media and official documents or reports, it is possible to say that Omsk regional authorities are quite proud of their policy. They describe it as an example of clever and moderate approach that could be followed. Besides the everyday bureaucratic job of issuing residence or work permits by the UFMS[96], and besides the task for municipal and regional economic authorities to establish lists of firms asking for migrants quota, investigating their needs, according or refusing them etc., local branch of Federal Migrations Service, has established an advisory council (*Obshchestvennyj sovet pri FMS)*, which they like to present as a corner stone of their policy.

- What is interesting to notice is that apart from law enforcement agencies and representatives from the employers' side (mostly people from the local entrepreneurs Union) they have convened representatives of non Russian religious authorities and "diasporas". The creation of advisory bodies under administrations is the result of the general reform of administration implemented in the Russian Federation in the middle of the 2000s, giving the civil society a possibility to have their say and even to exercise a kind of control (often called *obshchestvennyj control*) over the work of administration. In the case of the Omsk, the council comprises mainly representatives from "nationalities" or "local communities" who are part of the Russian Federation, such as Siberian Tatars, local Kazakhs, or even long settled Armenians who become Russian citizens years ago. Those representatives who are not concerned by migrations issues more than any Russian citizen , are asked to approve the UMFS policy or to formulate recommendations. The construction is done as if their "ethnic" status gives them a special mandate or a special capacity to do so.

- This is particularly salient - from the civil council activity reports - in the way regional FMS legitimate these "diaspora" on the public security agenda. This position given from outside is reinforced when administration or law enforcement agencies expect some disorders linked (or supposedly linked) to labour migrants (massive arrests in a market, street fights, aggression or murder reported by local media...).

- The protective mission is not forgotten, and UFMS also praise the work with "diaspora" as a very useful collective intermediary to warn and denounce abuses against labour migrants, would they come for local policemen, employers or even fake or dishonest intermediary firms/individuals.

- Local administrations try also in some way to be in contact with representatives of the labour migrants communities, mostly through those who have acquired Russian citizenship and often act as middlemen. They ask for their practical assistance in translating instructions posted in UFMS offices or in giving to their fellow nationals some basic information about policy changes. More unofficially, law enforcement agencies do have some informants from the migrants community especially through those who have become intermediaries.

- An other elements that I did not investigate further[97] could be mentioned to add as a part of this approach: the amount of expertise, opinion polls and monitoring that are ordered by regional administration to different academic or independent research centres about the "interethnic" climate and/or tensions in the region, and that

96 Not so routine job if taking into account the big scandal that led to the dismissal and arrest of the Head of UFMS in 2010 on corruption charges implying the Chinese diaspora
97 Interviews and documents consulted, July 2010.

encompass labour migrants together with Russian citizens considered as "ethnic minorities" (Savin, 2010).

Should we conclude from this that "local minorities" are embedded as symbolic go-between between labour migrants and administration? At least partly yes, and trying to understand the reasons for this, we could suggest that the local administration's efforts for achieving efficiency and pragmatism appear to be constrained by traditional Soviet schemes giving a particular weight to nationalities constructs and to their representatives supposedly organised in *diaspora*[98]. There is also a probability for a kind of discrepancy between the political and proclaimed policy at the federal level and the way it is implemented on the ground, local authorities resorting to people and modalities they are used to deal with.

In this respect, it could be interesting to go further on the way Soviet nationalities policy and its scientific construction of nationalities (Hirsch 2005) could still have an influence in the administrative practices. Some French scholars suggest a strong relation in the building of the "inner enemy" in the French society for the French police as a result of the Algerian war (Rigouste, 2009) and in the elaboration of the French migration policies in the 60s and the 70s by high ranking civil servants infused with representations and administrative practices inherited from the colonial times (Laurens, 2009).

b) Employers

Employers of labour migrants play a very important role in the dissemination of perceptions at the local level. Those we interviewed during field research were often retired military officers or policemen who have turned into small/middle range business. Interviews allow to draw a contrasted picture: on the one hand, their career background leads them to perform views that are not very far from administration representatives' in terms of acquired stereotypes about minorities and/or migrants. On the other hand, their present professional position get them to adopt a much more pragmatic attitude that can be summarized by the basic idea that for their practical needs, labour migration is not so much a problem but a solution.

Regarding observance of the migration laws, they often try to take advantage of some of them (bargaining for official quotas,...) but also often bypass law, resort to deals with middlemen (*brigadiry*) from migrants communities who provide them with migrant workforce. Being reliable, hardworkers and cheap, migrants do have a comparative advantage, on the condition that they remain quiet, the less visible as possible, in order to not attract attention of law enforcement agencies and not creating any public trouble.

Though they live quite close to them, - they are often small size firms-, and though migrants and their employers were not long ago part of the same Soviet society, the latter demonstrate very vague knowledge and idea of the migrants life or cultural habits, often confounding their country of origin and their language, speaking of them as a collective using the plural, or put forward quite unexpected comparisons: a former criminal police officer[99], law abiding and sympathetic to the few Kyrgyzstan workers he employs regularly, complains about employers' abuses toward migrants. He immediately attempts to equalize this situation with the one the Russians who were subjected to "massive labor slavery" by people from the North

[98] See also the more recent creation of the National Cultural Autonomies (Erofeev, 2010).
[99] Interview, July 2010.

Caucasus, some case he witnessed when he was on duty as a policeman...

Xenophobic attitudes and acts that have become widespread in Russia especially in the last decade, are also becoming more and more marked by confusion between , the more no difference is seemed to be made between labour migrants and Russian citizens of non “ethnic Russian” or “Slavic” appearance, as demonstrated the events of the Manezh Square on Dec. 11th 2010. Nevertheless, public discourse, media coverage, misused statistics (Malakhov, 2007, Shnirelman, 2008), show that there is also a specific anti-migrants attitude that has grown further after 2008 crisis. Thus, the problem of xenophobia is both related to old recipes linked to Russian nationalist discourses, but also to contemporary ways to raise in the political arena migrations issues. This can be observed in Western states living in liberal and globalized economies. So is the fact that Russia has “joined” the club making it to be an ordinary Western state conducting post-colonial policy? There is no doubt about a certain rapprochement of Western and Russian policies.

The obvious ethicized and racialized stereotypes that leak from all the absolute majority of the sayings and attitudes from both employers and local authorities is a / shared inheritance from the Colonial component of the Soviet empire construction, with the 2 faces of the mirror - affirmative action and elite promotion as described (Martin, 2001) and help by scientific knowledge (Hirsch 2005) to construct a classification and hierarchy of nationalities.

In any case, it shows quite a strong State capacity to construct and implement norms of public action even when it is towards “liberalization”. In this latter case, it will be by establishing close ties with emigration neighbouring States, that are to control that law enforcement and security apparatus is still closely tied to their Russian counterpart. In this scheme, a new form of management by diasporas can be seen as a rather clever tool to ensure social control over the migrants, and political security between the States.

That will be the subject of my second part.

II/ The revamping of traditional diasporas into useful intermediaries

We had the opportunity to observe at least two organisations that have seemed to us emblematic of this tension observed in the State and Employers’ practices. Representatives of the local migrants communities - or self-proclaimed ones- can act as intermediaries at different levels and with different strategies between migrants and authorities as well as between migrants and employers.

a) Local Kirgyz diaspora :

Run by a resident of Omsk since he completed university in the 60s, an explicit Soviet Union nostalgic, the official Omsk Kyrgyz diaspora appears to be a part of the Soviet scheme of nationalities management but got adapted to the new conditions, by including younger people who work as recruitment intermediaries, interacting with migration service or law enforcement when facts of abuse are found concerning workers from Kyrgyzstan, and hoping to be enlisted by a local politician close to United Russia who promised to invite diasporas to participate in the new municipal legislature as a part of the civil society.

The complete achievement for Kyrgyzstan citizens working as middlemen and at the same time active members of the official Kyrgyz diaspora organisation will be the Russian citizenship they were waiting

for, still they were already integrated and self-assured to the point that they became unnoticeable for the police, who "think they are Kazakhs".

b) The Centre for migrants' recruitment (Centr po trudoustrojstvu migrantov) AND society for Uzbekistan friendship (obshestvo sodruzhestva Uzbekistana): matching offer and demand?

The organisation, founded in 2007 and registered in 2009, happened to be at the crossroads of almost all issues and interactions[100]. Created and run by a ex-member of the *prokuratura* and former *Afganets*, coming in the late 1980s from Uzbekistan[101], but born in Tajikistan and "ethnic" Kyrgyz, the organisation is oriented mostly towards Uzbekistan and Uzbekistan citizens - of all "ethnic" origins including Russians. It reveals a new model of hybrid institution, mixing at the same time several activities: doing business controlling, protecting. The organisation seeks to be indispensable with employers and the authorities, in selecting and recruiting migrants directly from Uzbekistan, "cleaning the place" from non verified intermediaries and trying to avoid the arrival by train of "unwaited workers", establishing ties with official Uzbek migration agencies in several regions. The center was also hoping to extend its activities in other *oblasti* of the Siberian Federal District, using *Afgantsy* networks in the regional administrations and legislatures.

The "diaspora" part of the job – the two being located in the same house- is more oriented towards cultural activities, generally organised in an official way in official premises and with official blessing from both sides; but Community control is also an important dimension of the activity, since the organisation is regularly required by law enforcement authorities to control potential unrest inside the community or between them, such as in June 2010 when violent clashes in Osh took place. this kind of organization certainly matches the interests of countries of origin and receiving country - Russia.

In this example we can see working a quite specific post-soviet model of co-operation and co-production in the sphere of migration policy, suitable for nearly all the "players", since it meets the search both by the Russian state and the migrants' countries of origin of a control and regulation of the work force circulation through the creation of more institutionalized bodies. The closed relations between the States and the life-paths of many of the actors who did a Soviet career – real children of the "Affirmative action empire", especially in the security apparatus is undoubtedly a enabling element for this particular social and administrative construction.

It is unclear to what extent it is suitable for the migrants themselves, though the organisation claims to act also as a kind of trade union, negotiating decent –though under Russian workers rates- wages with the employers. It will be definitely more difficult to find this kind of models in Western countries, though state apparatus could be willing to build such.

In spite of their comfortable position, it remains doubtful that these organisations could be instrumental in the reality of the migrations flows and procedures, and observation and interviews with ordinary migrants show that there is a big gap between their self-legitimating strategies through economic interest and/or political ambitions ; their

100And also a real blessing for the field researcher !

101 The Head of the center insists on the fact that he is also a deputy president of the Kyrgyz diaspora and was at the time of the interview (July 2010) creating the *Society of Tajikistan Friendship*…

legitimization from above by State authorities : the very few regular contacts they happen to have with ordinary migrants who mostly leave quite isolated, who often come through very locally settled middlemen or by family ties.

c) Looking for Kazakhs diaspora: "oni zhe mestnye !"

Investigating migration issues in a bordering region with Kazakhstan can't let apart the question of Kazakh diaspora and Kazakh migration. Our findings in this matter go all in the same direction though they come more from indirect observations and in contrast with the other (real?) migrant communities : Kazakhs are so intimately part of the regional history, landscape and political life[102] that their position can't be compared at all to their neighbouring citizens from other Central Asian states (Naumova & Larina, 2006, Savin,

During the 1990s, the region indeed witnessed important immigration/repatriation flow from Kazakhstan, with Kazakhs (already a significant minority in the region), Russians and other nationalities - Germans… –joining or rejoining Russian territory. Despite this quite tense immediate Post-Soviet period, close ties remained at both political and economic level. In the 2000s, the situation stabilized and the flourishing economy of Kazakhstan even led to some reverse movements, back to Kazakhstan...

Actually, would they be living in Omsk *oblast* for decades or having crossed the border a few months ago (and often having acquired Russian citizenship), Kazakhs are mostly considered to be "locals" (*mestnye*) or "theirs" (*svoi*) and not "labour migrants". Rules and procedures at the UFMS don't apply to them (or no more than to Russian citizens from an other region), and they are very often compared to Siberian Tatars as to their position and weight in the local society. (own Mosque, slightly different from the Tatar one...). As we have seen before, they are invited as a diaspora to have a look and a say over the regional migration policy ; they are not noticed nor arrested by the police and don't appear in local mass media for causing any kind of public disorder nor they are required in the migrant quota by employers.

Though quite closed, Kazakh community in Omsk appears to be integrated in the sense of administrative status and perception by the local population. They are doing quite well in business, and are indeed perceived in the region as a full component of the regional multinational population, that comprises also Germans and and Siberian Tatars, less likely Chechens and Armenians, even less likely Tajiks or Uzbeks. This observation can be an element in arguing that the Soviet style hierarchy of nations and peoples is being reshaped by the contemporary administrative and economic context

Conclusion:

The use of *diaspora* in this regional context shows a mix of perceptions that can resort to Soviet-style national policies and national minorities' representations that tends to further distance labour migrants from the former neighbours or *svoi* they could have expected to be, going to Russia for work.

---

102 Kazakhs and Russians in Omsk region have a long history of relationship since the very beginning of the first Cossack settlement in 1716 the Governor himself, L. Polejaev, has worked in Karaganda for a long time and only came back to Omsk in 1987 to become first Party secretary in the region. Several documents exist already for many years, facilitating trade, border cattle husbandry, border crossing, customs exemptions etc.

Not only old recipes but also new attempts are done to shape a new pattern of relationship between Russia and its former southern Republics: thus, colonial type labour force management is combined with economic pragmatism serving market oriented objectives while the remaining strong willingness for social and political control over the workforce makes difficult to speak of a "liberal" model. In fact, the (post)-colonial scheme is at the same time softened and strengthened by the strong legacy of the Soviet constructs.

Could "post" be analytically removed to leave alone:

- Soviet style strongly anchored type of labour management, the migrants representing the ideal achievement of workforce management and of more global social control that has never not really been achieved in the Soviet economy ? The biographic profile of many of the employers interviewed (former military men or policemen having doing part of their career in the Soviet times) has certainly an influence on this conclusion.

- colonial style perceptions, attitudes and practices that are little constrained by State discourse and public opinion general mood. This (post)-colonial attitudes that could be compared – though with a certain "time lag", to some Western European countries experience.

Put together, those two characteristics could lead more surely than the strict importation of the post colonial theory[103], to look more in depth into the ways history of State formation and contemporary contexts join to ensure complex forms of political and social domination (Hibou, 2011).

Bibliographic references :

Bayart Jean-François & Romain Bertrand *La problématique du legs colonial*, FASOPO report, http://www.fasopo.org/publications/legscolonial_jfrb_1205.pdf

Beissinger Mark R. (2006), "Soviet empire as 'family resemblance'" *Slavic Review*, 65 (2) 294-303.

Chioni Moore David (2001), "Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique?" *PMLA*? Vol. 116, No. 1,[Special Topic: Globalizing Literary Studies], Jan., pp. 111-128.

Erofeev Yu. I. (2010) *Nacional'no-kulturnye avtonomii :statistiki i kommentarii*, Moscou.

Hibou Béatrice (2011). *Anatomie politique de la domination.* Paris, La Découverte.

Hirsch Francine, (2005), *Empire of Nations: Ethnographic knowledge and the Making of the Soviet Union* Ithaca, Cornell University Press.

Larina Elena, naoumova Elena (2006) "Migracija kazakhov v zapadnoj chaste rossijsko-kazakhstanskogo pogranichia", *Vestnik Evrazii*, 4 (34), p.32-47.

Laurens Sylvain (2009) Une politisation feutrée. Les hauts fonctionnaires et l'immigration en France, Paris, Belin, coll. « Socio-histoires », 350 p.

Martin Terry (2001), The *Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union*, 1923-1939 Ithaca, Cornell University Press.

Rigouste Mathieu, *L'ennemi intérieur , Des guerres coloniales au nouvel ordre sécuritaire*, Paris, La Découverte, 2009.

103 As is suggested by of J.F. Bayart and R Bertrand : "historical sociology approach must lead us to admit that the most contemporary globalisation is "the daughter of colonisation" but that it is impossible to stop at the postcolonial" (Bayard & Bertrand, 2005, 68-69).

Savin Igor (2010), “Labor Migration From Central Asia to Russia: Mutual Social Perception in the Orenburg Oblast”, *China and Eurasia Forum Quarterly*, Volume 8, No. 3, pp. 173-184.
Shnirelman Vladimir (2008) Lukavye tsifry i obmanchivye teorii : o nekotoryh podhodah k izucheniu migrantov (chiffres biaisés et théories trompeuses : à propos de quelques approches de l’étude dans migrants), *Vestnik Evrazii*, n°2 (40), p125-150.
Zajonchkovskaja, Zh.A., Tjurjukanova E.V. (2010), *Migracija i demograficheskij krizis v Rossii*, M, MAKS Press, 112 p.

Contact : anne.lehuerou@free.fr

Sergey Rumyantsev, Humboldt University, Berlin, Germany. Azerbaidjani Diaspora in Europe and Russia”

From Migrants to “Consolidated Diaspora”. Purposes and Mechanisms of Construction of Ethno-National Community (Post-Soviet Azerbaijan and Azerbaijani Diaspora)

Up to the end of the 1990s, the discourse around the phenomenon of mass emigration from Azerbaijan went mainly around the outflow of representatives of various ethnic groups (Armenians, Russian, Jews), mass deportations during the Karabakh conflict, or even more so around mass post-Soviet labour migration of that part of inhabitants of the country who are commonly viewed as the indigenous population of the republic (Azeris, Lezgis, Talyshes, etc.) In the latter case, Azeri abroad, particularly in Russia, were quite often portrayed as a discriminated minority. By virtue of force majeure circumstances, they had to leave their homeland, and everything possible needs to be done to get them back.

However, no mass re-emigration happened. On the contrary, the beginning of the new century was marked by intensification of the official policy of designing an ethno-national community, now habitually referred to as “Azeri Diaspora”, that was to include “our compatriots” living outside their official (“historical”) homeland. The latest significant event is one of the first decrees that Azerbaijani President Ilham Aliyev signed after his re-election to the post in October 2008. This is the decree “On the establishment of the State Committee of the Azerbaijani Republic for Work with Diaspora”, which was signed on 19 November 2008. Naturally, everything was confined to the mere renaming of the already existing “State Committee for Azerbaijanis Living Abroad” (established in 2002).

Henceforth this term (“Diaspora”) gains an increasing popularity when referring to the ethnic Azeris living outside the Azerbaijan Republic (AR), and priority is now given not to the re-emigration of “compatriots”, but to designing a transnational diasporic community. In the context of the official post-Soviet nationalistic ideology “Azerbaijanism” (“Azərbaycançılıq”) and diasporic discourse, Azeris as members of the ethno-nation are endowed with the qualities of a

powerful, fifty-million-strong community104 with clear borders whose members live across the world. Or, as I think, a *bureaucratic simulacra* (Malakhov 2007, p. 167), or as Rogers Brubaker would put it, probably, an image of a *real, homogenous group* (Brubaker 2002, p. 163-167), having interests across the world, is being constructed. In the very same transnational space, in the context of the «Azerbaijani Diaspora» discourse, a deadly confrontation with the "consolidated Armenian Diaspora" is also imagined, and the local Karabakh conflict is transformed into some kind of large-scale worldwide confrontation. And these are only two main features of the official diasporic discourse.

The tangle of opinions, interests and expectations of intellectuals, all sorts of experts and politicians concerning Azerbaijanis abroad, is also shaped depending on the foreign policy preferences of the authorities and politicians in the official homeland (Azerbaijan Republic). Thus, an active involvement of the «Azerbaijani Diaspora» is presumed in the campaign for the recognition of injustice in the assessment of the events of 1915 in Anatolia, namely of the genocide claims put forward to Turkey, present-day major ally of Azerbaijan. The declared foreign policy priorities acquire a special meaning too (for example, orientation towards participation in European and Euro-Atlantic structures). It is within these contexts that an increasing popularity is gained annually by the ideas that present ethnic Azeris in Germany, the USA, Russia, or in any other country that has weight in world politics, as a certain significant political resource which the authority in the country of origin (homeland) can and should use to achieve certain political preferences. On the whole, at the level of declarations, this primarily means advertising «democratic transformations» carried out by the ruling regime in Azerbaijan, presenting the «young» Azerbaijani community abroad, and also resolving the Karabakh conflict, which assumes, for example, also a certain «struggle with world Armenians», «which, in the opinion of President Ilham Aliyev, "we [i.e. Azerbaijanis of all the world] should oppose with unity and force». Given similar expectations connected to attempts to implement the project aiming to design a transnational community, both representatives of the authority in the country of origin and ethnic groups in host countries aspire to represent Azeribaijanis abroad as a successfully developed, united and consolidated ethno-national «Diaspora».

However, without going into discussion about the legitimacy of the usage of the term «Diaspora», it is necessary to note that the emigration process, transnational migration network and communities of Azerbaijanis living outside their official homeland, should be investigated within the context of the discourse described. It is in the space of the discourse practice of the authorities that Azerbaijanis outside their political homeland acquire the features of ethno-national Diaspora105.

---

104 Officials constantly cite this figure. A documentary entitled "We are a 50-million-strong people" was filmed under the aegis of the "State Committee for Work with Diaspora".

105 The term "ethno-national Diaspora" describes Gabriel Sheffer. "An ethno-national Diaspora is a social-political formation, created as a result of either voluntary or forced migration, whose members regard themselves as of the same ethno-national origin and who permanently reside as minorities in one or several host countries. Members of such entities maintain regular or occasional contacts with what they regard as their homelands and with individuals and groups of the same background residing in other host countries. Based on aggregate decisions to settle permanently in host countries, but to maintain a common identity, diasporas identify as such, showing solidarity with their group and their entire nation, and they organize and are active in the cultural, social, economic, and political spheres. Among their various activities, members of such diasporas establish

These are, in my view, the general trends that can be marked out when researching migration processes in which many residents of Azerbaijan have been involved in the post-Soviet period. Further in the text, the structure of the report will be as follows: first, it will give a review of studies and publications by Azerbaijani scientists. Then, in accordance with the logic of development of events, it gives information on the problem of refugees and IDPs and specifics of emigration connected with the ethnic composition of the population of the republic. Then, emigration processes, which members of the dominating ethnic group (i.e. Azerbaijanis or Azeri Turks), and also representatives of those groups of the population that are referred to as "indigenous" (Talyshes, Lezgis, etc), joined. Finally, the report will be concluded by information on the process of the construction of the post-Soviet Azerbaijani Diaspora.

Post-Soviet Migration Processes

During the last two decades (1990-2009) 266.1 thousands of people arrived to the country for permanent living and 707.5 thousands departure from Azerbaijan by official statistics. According to the official statistics the balance of migration was negative for Azerbaijan (though not really considerable) almost all these years. But in the last two years more people arrived in the country than left it. On the grounds of these figures the authorities announced that Azerbaijan has become attractive for immigrants106. President Ilham Aliyev's phrase: "Number of foreigners intending to visit the Republic of Azerbaijan will increase while Azerbaijan is developing. This can be considered as a positive factor for our country. However in any case we must prefer the interests of our state, people, citizens and this must be the priority direction of our migration policy107" on the home page of the Internet Site of the "State Migration Service of Azerbaijan Republic" in fact, is the official declaration of the changes in the situation of the migration process. These ideas have been set at the level of state law in "Decree by the president of the Azerbaijani Republic on the use of the principle of "one window" in the management of migration processes" **(**4th of March 2009)108.

As regards the emigration from the country, the primary concern of the authorities during the post-Soviet period was labor migrants oriented to Russia. There is no doubt, that this is the most numerous emigrants group from Azerbaijan, heading both for permanent place of residence and seasonal job (labor migration). In addition, the best part of the money transfer to Azerbaijan comes from the migrants living in Russia. As a result the Azerbaijan authorities (at least, after Heydar Aliyev came to the power in 1993) sought to a simplified (visa-free) regime between the Azerbaijan Republic and the Russian Federation (Seyidbayli 2009, p. 103-111). But generally, the state politics (especially from 2000s onwards) was aimed at the construction of the "Azerbaijani Diaspora". The very diasporic politics largely defines the specificity of

---

trans-state networks that reflect complex relationship among the diasporas, their host countries, their homelands, and international actors" (Sheffer, 2003, p. 9-10). Various Azerbaijani researchers and scientists ascribe most of the criteria marked out by Sheffer to the construct "Azeri Diaspora".

106 All official figures available at: http://www.azstat.org/statinfo/demographic/en/1_24.shtml

107 Available at: http://www.migration.gov.az/index.php?section=000&subsection=000&lang=en

108 Available at: http://www.azerbaijanfoundation.az/rus/mignews/277-ukaz-prezidenta-azerbajjdzhanskojj.html

the construction of the statistics on the number of ethnic Azeris living abroad.

The criteria that can be used to identify who should be described as Azerbaijanis living abroad are given in Article 1 of the current version of the "Charter of Solidarity of Azerbaijanis of the World"109 headlined "The Ethno-Social and Philosophical Notion "Azerbaijanis"". In the opinion of the authors of the Charter, "Azerbaijanis <> are united by such ethnographic-cultural features as language, religion and spirituality". The structure of the notion of Azerbaijanis includes: first, Azerbaijanis themselves (here the authors of the Charter apparently mean ethnic Azeris or, as it became commonplace to think in the post-Soviet period, Azeri Turks). Second, "Ethnic minorities who live in Azerbaijan and have merged with Azerbaijanis of Turkic origin"; and finally, third, in the spirit of modern liberalism, anyone that regards themselves as Azerbaijani.

In the opinion of the authors of the Charter, "the fact that many Azerbaijanis are citizens of various states must not prevent their ethnic unification". The first (and the most important) reason why dispersion should not be an obstacle for unity is the existence of the independent Azerbaijan Republic. Other criteria are "Historical motherland etched in the ethnic memory of the people", then follow traditions, language, religion, ethno-social outlook, ethno-cultural system of rules, ideology of "Azerbaijanism" ("Azərbaycançılıq"), and finally the fact that there is a "national leader" in the shape of the former president Heydar Aliyev.

The working group that put together the text of the Charter includes only specialists in humanities (a total of 19 people) that work in various universities of the country and research institutes of the Academy of Sciences of Azerbaijan. Based on criteria of singling out Azerbaijanis and modern ideology of Azerbaijani nationalism ("Azərbaycançılıq"), specialists also provide a definition for "Diaspora" in the charter. It is "a united and inseparable part of the Azerbaijani people that lives outside its historical Motherland". In this case, this is about quite a common definition that implies, as Tishkov put it, a must-presence of such a "conditional category" as Motherland.

The description of "historical motherland" of all Azerbaijanis contains also a statistical discourse in the context of which Azerbaijanis become a large ethnic community. At the same time, belief in the presence of a "historical motherland" for everyone and imaginary statistics of the number of residents in host countries become important elements of constructing the image of a large and consolidated "Azerbaijani Diaspora". In the context of the Diaspora discourse it is common to believe that it is the considerable number of residents said to be a part of the ethno-national Diaspora that largely determines the level of the influence of the community in one or another country.

109 In the past few years officials of various ranks have been saying that such a policy document ("Charter of Solidarity of Azeris of the World") is necessary and work on it is under way. The preparation of such a "Charter" in the capital of independent Azerbaijan is, in my view, a demonstration of how an independent state not only sponsors the process of construction of Diaspora but also tries to control it. The specifics of the Diaspora policy being conducted by the Azerbaijani authorities may serve as a good illustration to the thesis by Valeriy Tishkov which says that: "The so-called nation state and not ethnic commonality is key to Diaspora formation" (Tishkov 2003, p. 451).
Here it is about a preliminary version of the Charter work on which is still under way. It should be noted that the text of the Charter has been kindly made available to me by the Information and Analytical Department of the State Committee for Work with the Azeri Diaspora.

The constructed official statistics of the number of ethnic Azeris looks somewhat contradictory. But one the whole, it can be demonstrated in the following way. On the official (governmental) site dedicated to the 1st Congress of Azerbaijanis of the World (Gurultay), which was held in Baku on 9-10 November 2001, general information has been posted dedicated to the "Azerbaijani Diaspora". In addition to everything else, it says that "According to rough estimates, about 45 million Azerbaijanis live in 70 countries of the world, including Azerbaijan, today"110.

By the time the 2nd Congress of Azerbaijanis of the World (Gurultay) was to be held (16 March 2006) the then "State Committee for Work with Azerbaijanis living abroad" prepared a documentary with the eloquent title "We are a 50m-strong people". Ever since, this film has been one of the mandatorily viewed ones at various official events linked to the implementation of the Diaspora project. And this is of course not the only film of this kind. The important ideological significance of such films for the ruling regime in the country becomes clear if one remembers that the opening of the 2nd Congress of Azerbaijanis of the World (March 2006) started with the demonstration of another one of them, entitled "We, Azerbaijanis". This film aims to propagate within the "Diaspora" the activities of the former president (and the father of the incumbent), Heydar Aliyev.

Considering the special significance that is attached to statistics, it is natural that the compilers of the "Charter of Solidarity of Azerbaijanis of the World" dwelled upon the issue of the number of ethnic Azeris. The text of the Charter says there are as many as over 50m Azerbaijanis. According to "rough estimates" by the compilers of this document, four out of five ethnic Azeris live in their "historical motherland" and only one out of five outside it (10m of all ethnic Azeris).

All the official 10m ethnic Azeris that live outside their "historical motherland" in the context of Diaspora discourse become a united and homogenous ethno-national Diaspora, regardless of whether they previously were (or currently are) citizens of the Azerbaijan Republic itself, Georgia, Iran, or Turkey. The mention of these countries is no coincidence. Outside the Azerbaijan Republic itself, ethnic Azeris populate precisely these three countries. And it is this populated territory that is described as "historical motherland" in the context of Azerbaijani nationalism. Therefore, considering the specifics of the political areal populated by ethnic Azeris, the same "Charter" pays great attention precisely to these issues. At the same time, although explicitly Iran, Georgia and Turkey are not mentioned, it is these territories populated by ethnic Azeris that the authors of the "Charter" refer to.

Outside the "historical motherland", special importance is attached to "Azerbaijani Diasporas" in those countries which, in the opinion of the authorities in Azerbaijan, play a leading role in the world political arena. In the CIS that is the Russian Federation where the largest number of Azerbaijanis live who for various reasons ended up in this country. Among the EU countries, special significance is attached to Germany where currently the largest number of ethnic Azeris emigrated. In addition, in the case with Germany, special hopes are pinned on the establishment of close contact with Turkey too. Finally, special significance is attached to the activities of the "Diaspora" in the USA as the only super power of the modern world.

110 Адрес в Интернет: http://www.diaspora.az/qurultay/d-ru.htm

The discourse and bureaucratic practices of construction of Diaspora

On the whole, the mechanisms of the implementation of the political project for the construction of Diaspora come down to two major and inter-related practices. ***The first is discourse practice.*** "Via the discourse practice, some kind of construction of Diaspora as a group occurs" (Tishkov, 2003, p. 180). Via discourse practice, all those whom ethnic activists and officials in the political motherland identify as ethnic Azeris are viewed as "Azerbaijani Diaspora", quite often using statistics as a habitual "institution of power" (Anderson, 1998, p. 163). At that, the extent of the intensiveness of daily ties and contacts between actors, who are ascriptively viewed as a Diaspora community of Azerbaijanis, no solidarity of their political or any other interests is discussed. In the context of official diasporic discourse, all Azerbaijanis in all situations are a homogenous and united community (ethno-national Diaspora) that is invariably loyal to the construct of ideal political motherland-nation.

Yes, on the one hand, said the previous Azerbaijani President Heydar Aliyev in his speech at the 1str Congress of Azerbaijanis of the World, "We believe that every one of the Azerbaijanis living in various countries have settled their life in that country in the way they want. Every one of them is a citizen of that country, and must live by its laws and rules and go along the path selected". However, this loyalty to the host country "must" (this imperative tone is also present in the text of the Charter – S. R.) be accompanied also by loyalty towards the political motherland, and "Azerbaijanis living outside Azerbaijan must today maintain closer ties with independent Azerbaijan"111.

However, my observations make it possible to assume that the daily routine of many statistical Azerbaijanis living in Russia or Germany (or any other country), is to a much larger extent determined by how they ended up in one of this countries or from what country they emigrated, and not by the intensiveness of contacts with other representatives of the imaginary community or ties with their official homeland and intensive activities in the cultural and other spheres.

The routine, practically daily reminder in the media about the activities of the "Azerbaijani Diaspora", constant interviews with ethnic activists, officials and various sorts of public figures talking about their successes in the implementation of the project for the construction of Diaspora, form the discursive effect of truth within the context of which "Diaspora" acquires the features of a true, large, joint and homogenous community united by common goals.

At the same time, the very realism of such social group as nation, the giving to it of essentialist characteristics, and also the idea of inevitable solidarity of all actors ascribed to it do not contradict the simple "common sense" of those carriers of power and intellectuals who implement the Diaspora project. All of them (both presidents, the head of the State Committee for Work with the Diaspora, most officials of various ranks, intellectuals working on the text of the Charter, etc.) socialized in the Soviet times, when institutionalized ethnicity was a major basic characteristic of any USSR citizen. As Malakhov notes, "the ascribed 'ethnicity' (i.e. identified by the authorities and not by the self-consciousness of individuals) was interiorized by people and gradually turned from an external identifier into part of (self)-identity. Hence originated such peculiarity <> of political thinking as *methodological*

111Azerbaijani President Heydar Aliyev's speech at the 1st Congress of Azeris of the World. Baku, 10 November 2001. Available at: http://www.diaspora.az/qurultay/speech-ru.htm

ethnocentrism – view of society as a conglomerate of 'ethnoses' ('peoples'). This type of thinking is today shared both by mass consciousness and a considerable part of intellectual and political elites. It can be difficult to explain to a former soviet person that their nationality is not something inborn" (Malakhov, 2007, p. 50)112.

The second is the bureaucratic practice of the production of a hierarchically structured and co-subordinated organization structure. A rapid bureaucratization of social networks of Azerbaijanis in the world occurs, as a result of which an organizational structure of Diaspora is constructed. Here I mean a process where increasingly more new Diaspora organizational structures are produced "including transnational ethnic and hometown associations" (Henry, et al., 2004, p. 841) within the context of actualization of contacts with political homeland. More and more often ethnic Azeris, who temporarily or constantly live in CIS and EU countries, USA or Canada and so on are referred to as "a homogenous group" (Brubaker, 2002, p. 163-167) - the "Azerbaijani Diaspora".

Eventually, despite the active Diaspora policy of the Azerbaijani regime, the entire activity immediately in emigration comes down to the activity of a number of ethnic activists who for a variety of reasons participate in the work of organizations that they themselves created. In the meantime, the activity of the relatively few ethnic activists and organizations most often does not have practically any influence on daily practices ascribed to "Diaspora", according to Brubaker, "the majority who do not adopt a diasporic stance and are not committed to the Diasporic project» (Brubaker, 2005, p. 13). We should stress that contacts with ethnic organizations, and, moreover, immediate participation in their work is topical, to very varying degrees, only for a handful of emigrants.

However, such a low activity in emigration is not an obstacle for the increasingly numerous ethnic organizations to become a major element of the discourse within the space of which constructs of the ethno-national "Azerbaijani Diaspora" acquire the features of a real consolidated community. The demonstration of the process of continuous production of ethnic organizations that almost invariably become partners for the authorities, as a system-forming element of constructing an ethno-national Diaspora, is present in speeches, statements and interviews of politicians. As a result of the implementation of the Diaspora-Building project by mid-2007, in the words of the "Minister of Diaspora of Azerbaijan Mr. Ibrahimov"113, "more than 300 Azerbaijani communities are operating in most of the countries of the world, and the process of establishment of Diaspora organizations is continuing presently too"114.

All these diasporic organizations carry out the function of presenting the ever-growing organization and activities of "Azerbaijani Diaspora" within the diasporic discourse. However, according to my observations, in the emigration the numerous numbers of ethnic organizations, on the

112 Rogers Brubaker also says concerning this question, that: "The Soviet institutions of territorial nationhood and personal nationality constituted a pervasive system of social classification, an organizing the "principle of vision and division" of the social world, a standardized scheme of social accounting, an interpretative grid for public discussion, a set of boundary-markers, a legitimate form for public and private identities" (Brubaker, 1994, p. 48).

113 A female informant, about 45, in Berlin gave this apt definition to the status of Nazim Ibrahimov, head of the State Committee on Relations with Azeris Living Abroad.

114 Fifth anniversary of the establishment of the State Committee on Relations with Azeris Living Abroad. Available at: http://www.azinba.az/news_detail.php?news_id=5397

contrary, have to do with the absence of a real unity of goals and interests among the residents. At the same time, a fast growth of their number shows the specificity of the policy of influence on emigrants, on the part of the authorities of the official homeland. The bureaucratic system of the authorities consolidated within the space of the political homeland can build its relations only with a certain structure (envisaging a certain hierarchy) consisting of ethnic organizations registered in one or another host country. The realization of contacts, establishment, as it is declared, of dialogue and interaction between the authorities and the "Diaspora" becomes possible only through relations with official organizations which assume the task of presenting all Azerbaijanis abroad. These organizations increasingly more often arise in response to the expectations of the authorities of the official homeland, while ethnic activists creating them in host countries, increasingly more often seek to implement transnational economic projects through these contacts. The authorities, certainly, seek to choose partners, and through the discourse practice officially endorses their status, confirming their right to represent the entire community in one or another part of the world115.

Starting with organizations that apparently represent communities of cities (for instance, "Mainz-Azerbaijan"), and then communities of one or another EU country (for instance, "the Advisory Council of Azerbaijani Diaspora organizations", operating in Germany, was founded in Mainz in July 2007). These organizations are increasingly more often divided into youth ones and not. All these structures operate with support from and/or under monitoring by the Azerbaijani Embassy in Germany. Then follows a body apparently uniting all Azerbaijanis of Europe (for instance, the *Congress* of *European Azer*baijan*is*) and above them is an organization that apparently represents all Azerbaijanis of the world and coordinates their activities – "Coordinating Council of Azerbaijanis of the World". This structure, which is uniform from local organizations up to those that represent all ethnic communities and which is constructed by the principle of state vertical of power, seems to be simple, clear, transparent and convenient to control. At the head of this structure there is "a minister for the Diaspora", already subordinated, directly, to the pan-Azeri president.

Report on Session 8

The eighth session was introduced by four presentations devoted to "migration policy versus migrants' strategies" (see papers by Florian Mühlfried, Lilia Sagitova, Anne Le Huérou and Sergei Rumyantsev) and discussed by Saodat Olimova.

The discussion focused in particular on the definition and various expressions of the concept of diaspora, on a local, regional and international scale. As emphasised by several papers during the conference, the international migration phenomenon is quite recent in the nowadays independent Republics of the former USSR. Neither public nor private actors, or NGOs were ready to face a new mobility phenomenon in a totally renewed context. The USSR was a quite authoritarian State in matter of human and economic mobility (old

115 However, populism is not alien to the authorities. Thus, according to Nazim Ibrahimov, "Our policy is to stand by every organization operating for Azerbaijan and to support it". Available at: http://www.day.az/news/society/84751.html

tradition and practice of propiska in order to limit migrations from rural to urban areas, limitation of residence in the capital, closed towns, no internal passport for peasants, deportation of peoples due to political or economic considerations in the Stalin's era…). The new States born from the USSR are confronted with illegal and legal mobility, internal and international migration, economic and political migration, transit migration, in a context of deep social and economical destabilisation. Some of these countries, such as the Russian Federation, Azerbaijan or Kazakhstan, are immigration countries, thanks to the opportunities linked with petroleum and gas products. Moldova, Armenia, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan, are confronted to a major loss of population, as their citizens migrate both by legal or irregular means to receiving countries.

All States and government are trying to define efficient migration laws and regulation in matter of residence and job permits, visas and international borders crossing, employment, training, and civic, political and social rights… Their new situation is in some ways similar to what was experienced by Spain, Italy, Portugal, Ireland or Turkey when they passed from an emigration country's status to an immigration country status a few decades before. Moreover, one of the major problem is the fact that former Soviet Union citizens now cross international borders when they move to a neighbouring country of the former USSR, and that former co-citizens have become foreigners. In this changing situation, it is difficult to reach a stabilised policy regulating residence and employment conditions of the foreign population.

Participants discussed also the question of importation of different models of "diaspora management", between the simple acknowledgement of dispersion of population outside its own territory and archetypical forms of historical diasporas as the Jews or Armenians.

The new independent Republics are populated by both immigrant and local minorities, sometimes defined as "irredenta" or co-ethnics. In fact, speaking about diasporas' when we speak about ethnic minorities is not always relevant. Transnationalism or diasporas should be considered differently in the cases of Kazakh or Kyrgyz residing in Moscow on the one hand, and in Omsk on the other hand. The difference lies not only in the physical (geographical) distance, but also in their status of "close neighbours". As shown by Anne Le Huerou, in Omsk (Siberia), the Kazakhs (and by extension Kyrgyzs) are seen (as well as Siberian Tatars) as members of the local community) : despite the existence of the new eponymous Kazakh State, they are n ot seen as diaspora.

The question of the scale and levels of research (local practices versus international norms) was discussed on the basis of Florian Mühlfriedl and Anne Le Huerou's contributions: practices of migrants and migrants' family members can be very different from the expectations of the authorities, both in countries of origin and countries of destination. As shown by the written contribution of F. Mühlfried, the situation of some groups can be due also to their very local situation in historical and sociological context. In his presentation and discussion, the autor chose to focus on the gap between local practices and international views about migrations policies (NGO or governmental approaches). Local people and migrants show a radically different behaviour than those awaited by the State and International authorities

and even by NGOs. The fact that the policies of NGOs in charge of migrants' social problems may be ill adapted, both in countries of origin and residence, was discussed on the basis of the oral and written contributions by Florian Mühlfried. It was suggested in the discussion that despite the positive connotations attached to the notion of NGOs, their work may be in some cases without use and in other cases even counter-productive or harmful.

The discrepancy between social realities and governmental views was also discussed on the basis of the contributions by Lilia Sagitova and Sergei Rumyantsev: the aims of political and administrative decision-makers often appear to be inefficient and questionable. Migrants are often seen as simple economic agents and not as human beings, despite all international recognised laws, not only in Russia but also in their countries of origin, and more generally in other parts of the World, The scale and the level chosen to study migration and migrants is crucial for our understanding about migrants' life problems and potential solutions. Neither intercultural relationship between migrants and natives, or between migrants' groups together, nor States' decisions or actions, can be idealised or criticised in absolute terms: research shows that complexity is the rule.

As a temporary conclusion, could we say that the concept of diaspora, introduced in the debate both by discussant and contributors, is not yet well established in the Caucasus and Central Asia? Diaspora is necessary dispersion but dispersion is not always diaspora. All emigrated groups are not working as diaspora do. Existing studies, which deserve to be pursued more in depth, shows that a great gap divides the attempts of migrants and State authorities. The latter's trend is to use the concept of diaspora in order to control migrants ; whereas the population itself tries to survive and organise in poor living conditions, with a new status of foreigner from the "near abroad".

Stéphane de Tapia, Cultures & Sociétés en Europe, Strasbourg, France

Миграция и трансформация пост-советского пространства Migrations and transformations of the post-soviet space

Владимир Мукомель, Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Фрагментация постсоветского пространства «Север-Юг»: приложение к миграции

Экономическая и социально-политическая дифференциация стран постсоветского пространства велика[116]. На постсоветском пространстве сегодня воспроизводится деление на страны Севера и страны Юга, причем разрыв между странами Севера и странами Юга не сокращается, а по некоторым параметрам увеличивается.

К государствам Севера сегодня относятся Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина, в которых валовый национальный продукт (ВНП) на душу населения по паритету покупательной способности составляет свыше 6,5 тысяч долларов, а Индекс потенциала человеческого развития (ИПЧР) – свыше 0,71. По ИПЧР индексу эти государства входят в седьмую десятку государств мира.

На другом полюсе – остальные страны СНГ и Грузия, - страны Юга. В странах Юга ВНП на душу населения составляет, за исключением Армении, до 5 тысяч долларов, а ИПЧР - от 0,58 до 0,67 и, по этому показателю они серьезно отстают от стран Севера, причем три среднеазиатских государства входят во вторую сотню стран мира.

Экономические и социальные разрывы между странами Севера и Юга стимулирует миграции в направлении Юг-Север, являющемся доминирующим. При этом в 2000-х фиксируются новые тренды. Во-первых, стабилизируются на относительно низком уровне потоки внешних мигрантов, переселяющихся на постоянное местожительства. Во-вторых, резко возрастают потоки трудовых мигрантов и, в меньшей мере, приграничные миграции.

Основным фактором трудовых миграций является дифференциация оплаты труда в государствах донорах и государствах реципиентах. В странах Севера заработки в несколько раз выше, чем в государствах Юга (Табл.1). Другим важным фактором миграций является безработица, которая в странах Юга

116 Здесь и далее имеются в виду новые независимые государства, образовавшиеся на территории бывшего СССР, кроме государств Балтии.

существенно выше, чем странах Севера. (А реальная безработица существенно превышает официально фиксируемую).

Крупнейшим рынком притяжения трудящихся-мигрантов является рынок труда России, в которой занято около 3-4 млн. трудовых мигрантов, преимущественно из стран Содружества, причем половина этих мигрантов прибывает из государств Средней Азии117. Другим ареалом притяжения мигрантов стал динамично развивающийся Казахстан, который становится серьезным конкурентом России за трудовые ресурсы центральноазиатских государств.

Разрыв в уровне оплаты труда в России и в Казахстане, с одной стороны, и другими государствами постсоветского пространства достаточно высок и даже кризис 2008 года не слишком изменил ситуацию. В 2011 г. разрыв в оплате труда стран Севера и Юга был практически такой же, как и четырьмя годами ранее. (За исключением Украины, резко сдавшей свои позиции. Заслуживает внимания и рост оплаты труда в Азербайджане, динамично развивающемся и претендующем на вхождение в группу Севера).

Таблица 1 - Средняя заработная плата в странах СНГ и Грузии, 2007г., январь 2009 г., апрель 2011 г., доллары США (Россия = 1,00)

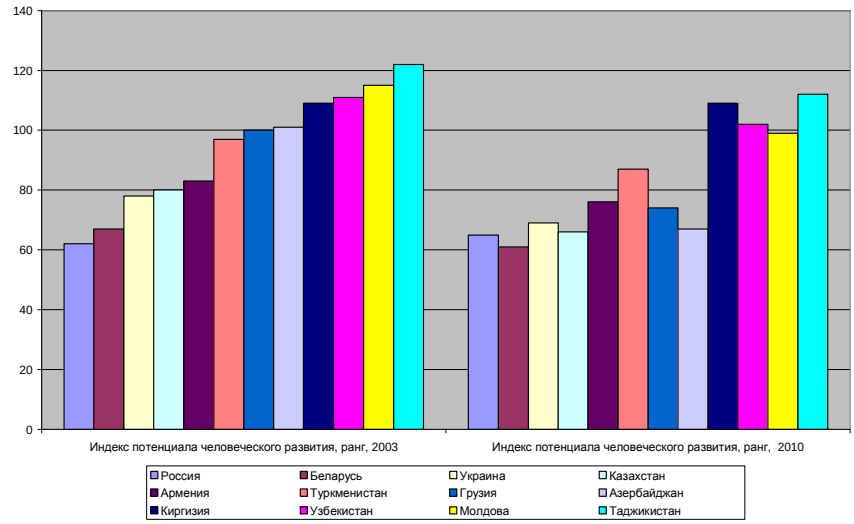
	2007	Январь 2009	Апрель 2011
Россия	1,00	1,00	1,00
Казахстан	0,82	0,98	0,70
Белорусь	0,61	0,67	0,63
Украина	0,51	0,42	0,39
Азербайджан	0,47	0,64	0,56
Армения	0,43	0,60	0,37
Грузия	0,42	0,64	0,42
Молдова	0,32	0,47	0,30
Киргизия	0,20	0,27	0,20
Таджикистан	0,10	0,16	0,09
Туркменистан	Н.д.	Н.д.	0,30
Узбекистан	Н.д.	Н.д.	0,30

Если экономический разрыв между странами Севера и государствами Юга остается значительным, несколько иная ситуация в социальной сфере.

Страны Юга стремительно сокращают разрыв по такому интегральному параметру развития социальной сферы, как Индекс потенциала человеческого развития. Особо впечатляют успехи Азербайджана, переместившегося в 2003-2010 гг. со 101 места в мире по ИПЧР на 67, а также Грузии, сместившейся с 100 места на 74 (График 1).

117 Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России, «Консенсус-оценка 9.4.0» // http://indem.ru/ceprs/Migration/OsItExSo.htm

График 1



Единственным государством постсоветского пространства, ухудшим свои позиции, является Россия, перешедшей с 62 места на 65. И это тревожный симптом: привлекательность России как страны, где можно не только работать, сокращается. Наряду с экономической составляющей важна социальная среда принимающего общества: не всегда и не для всех заработок компенсирует унижения человеческого достоинства, постоянные угрозы жизни и здоровью. Можно не сомневаться, что уже в ближайшем времени мы в России столкнемся с проблемой конкурентоспособности российской социальной среды, недружелюбной и конфронтационной по отношению к «чужим».

Ксенофобные настроения распространены во всех слоях российского общества. Лозунг «Россия для русских!», по опросам социологов, поддерживается большинством респондентов и эти настроения устойчивы в российском обществе, по крайней мере, с начала 2000-х годов. Если в 1998 г. слоган «Россия для русских!» в той или иной мере поддерживали 43% респондентов, а в 2002 г. – 49%, то в последующие годы его поддержка, за исключением 2006 г., не опускалась ниже 53%, достигнув максимума в 58% в январе 2011 г[118].

Линия противостояния проходит в социокультурной сфере. Россияне убеждены, что культуры мигрантов размывают культурное ядро локальных сообществ. Россияне полагают, что приток мигрантов угрожает социальной стабильности, провоцирует конфликты между принимающим населением и мигрантами; что мигранты не уважают традиции и нормы поведения, принятые в их сообществе.

Респонденты относительно толерантны к приезжим из Украины, Молдовы. В отношении других этнических групп у респондентов доминируют раздражение, неприязнь, недоверие и страх.

Рестрикционная миграционная политика поддерживается подавляющим большинством россиян: 55 % поддержали бы запрет принимать мигрантов на постоянное проживание в своем населенном пункте, 48 % - запрет на временное проживание.

Как следствие – россияне считают, что мигранты России не нужны[119].

118 Левада-Центр, http://www.levada.ru/press/2011020407.html

119 Исследование проведено в ноябре 2008 г. сотрудниками Института социологии РАН (ИС РАН) и Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) на

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос: «В каких мигрантах нуждается Россия?», процент

Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда	15,4
Стране нужны только те мигранты, которые приезжают только на заработки и не собираются здесь жить постоянно	16,0
Стране нужны и те и другие мигранты	14,4
Стране не нужны ни те, ни другие мигранты	37,5
Не знаю, нет ответа	16,7

Доминирующие в российском обществе антимигрантские настроения, одобрение большинством населения административных и иных мер, препятствующих интеграции мигрантов, создают специфический фон для дискриминационных социальных практик на рынках труда и жилья, получивших широкое распространение. Дискриминация усиливает стремление к изоляции, совместному проживанию среди «своих».

Изоляция мигрантов, отчасти вынужденная, способствует их социальной исключенности. В российском обществе идет процесс стратификации этнических групп, выстраивания их иерархии, как и иных социальных групп, когда представителям мигрантских меньшинств отведена определенная социальная ниша.

В итоге, в принимающем социуме воспроизводится на новой основе конфронтация Север-Юг. При этом местное население идентифицирует себя с Севером, а иммигрантов и трудовых мигрантов - с Югом.

Отчасти это так: мигранты в массе своей пополняют маргинальные, низшие слои принимающего социума, усваивают присущие последним не лучшие образцы социального поведения и образа жизни. И это является важнейшей проблемой принимающего сообщества.

Все мигранты – так или иначе, в той или иной степени – приобщаются к культуре принимающего общества. Приобщение к российской городской культуре[120] идет одинаковыми для всех мигрантов путями: признания многообразия городских субкультур, снижения роли социального контроля, характерного для посылающего общества, атомизации личности, расширения социальных контактов и социальных ролей в принимающем обществе.

Для многих мигрантов, ориентированных исключительно на заработки (особенно сезонных и, в меньшей мере, циркулярных мигрантов), такое приобщение к культуре принимающего сообщества принимает поверхностные формы и/или находится в зачаточном состоянии. Поведение этих мигрантов формирует стереотипы и мифологемы принимающего населения.

Однако часть мигрантов, и довольно значительная, ориентирована на адаптацию и интеграцию в принимающее общество. Как правило, это наиболее образованные, квалифицированные мигранты, изначально ориентированные на то, чтобы осесть в России. Среди мигрантов из Средней Азии с высшим образованием, работавших в Астрахани и Самаре, доля

базе Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗ), 11864 респондента.

120 Подавляющее большинство мигрантов в России работает в городской местности.

намеревавшихся остаться в России навсегда составляла 48% против 14 % - среди имевших среднее образование и ниже[121]. (Практически каждый пятый мигрант намерен остаться в России навсегда. Вероятно, интеграционный потенциал мигрантов еще выше: как показывают исследования, по мере первичной адаптации и увеличения срока проживания в России, происходит переоценка жизненных планов и часть мигрантов, изначально нацеленных на временное пребывание в России, стремится уже осесть здесь навсегда).

Особого внимания заслуживают социальное расслоение мигрантов в принимающем сообществе, разная степень и скорость освоения ими доминирующих ценностей принимающего общества. Различия в восприятии мигрантами городской среды и культуры существенно зависят от опыта пребывания в этой среде, нацеленности мигрантов на адаптацию и интеграцию в конкретный городской социум. И эти различия быстро нивелируются, особенно если мигрант обладает человеческим, социальным капиталом, либо настроен на его приращение.

Мигранты, нацеленные на интеграцию, принимают правила и нормы поведения принимающего сообщества. Социальное освоение ими городской среды, визуальные стереотипы эстетики городских пространств у них не отличаются от принятых среди средних слоев городского сообщества[122].

В отличие от не ориентированных на интеграцию мигрантов у них разные каналы формирования социального капитала: для последних значим социальный капитал посылающего сообщества, тогда как для «обрусевших» - принимающего. В государствах Севера (по крайней мере в России), идет процесс дифференциации мигрантов на «северян» и «южан». Однако для принимающего населения основным критерием деления «свой/чужой» является не социальное поведение конкретного индивида, а его визуальная отличимость, принадлежность к «видимому меньшинству».

Резюме:

1. На постсоветском пространстве воспроизводится дифференциация «Север-Юг». Экономический разрыв между государствами «Севера» и «Юга» сохраняется значительным, при этом разрыв в экономическом развитии отдельных стремительно развивающихся государства «Юга» и стагнирующих стран «Севера» снижается.

2. Сокращается разрыв между странами «Севера» и «Юга» в развитии социальной сферы.

3. Социальная среда и общественные настроения в России снижают ее конкурентоспособность и возможности привлечения мигрантов.

4. В принимающем обществе воспроизводится на новой основе конфронтация «Север-Юг». При этом местное население идентифицирует себя с «Севером», а иммигрантов и трудовых мигрантов - с «Югом».

5. В принимающих государствах «Севера» идет процесс дифференциации мигрантов на «северян», которым удается интегрироваться, и «южан». Но для принимающего населения

121 Обследование Института социологии РАН, 2010 год, 604 респондента.

122 См.: *К.Григорьева, И.Кузнецов, В.Мукомель, А.Рочева.* Социальная среда российских городов в восприятии «гастербайтеров» и местного населения. - М.: Институт социологии РАН, 2010

основным критерием деления «свой/чужой» является не социальное поведение конкретного индивида, а его визуальная отличимость, принадлежность к «видимому меньшинству».

Contact : mukomel@mail.ru

Тениз З. Шарипов, Ведущий специалист по кредитованию, г. Ош, Кыргызстан.

Проблемы миграции и бедности населения Кыргызстана после обретения независимости

Распад Советского Союза в 1991 году и обретение независимости государствами Центральной Азии оказались неожиданностью для всех государств. Следствием этого явилось возникновение принципиально новых по своей сущности проблем, таких как: разграничение новых государств, с множеством спорных территорий; обнищание и социальная дифференциация; миграция в различных ее формах и проявлениях. На сегодня, одной из самых острых проблем на мой взгляд является проблема миграции. Нельзя сказать, что в государствах Центральной Азии не предпринимаются попытки к эффективному решению данной проблемы. Однако, исходя из различного ее понимания и методов разрешения, руководство новых государств использует меры, порой диаметрально противоположные друг другу. В этом смысле особенно интересно рассмотреть данную проблему на примере Кыргызстана, поскольку в этом сравнительно небольшом государстве Центральной Азии мы сталкиваемся с целым комплексом проблем, порождаемых вышеназванными причинами. Именно здесь мы также имеем возможность наблюдать, каким образом предпринимаются попытки действенного их решения , исходя из избранного государством курса на реализацию общедемократических ценностей и прав человека. Как самостоятельное явление, требующее незамедлительного решения, проблема миграции впервые обозначилась в Кыргызстане в конце 80-х годов. К этому времени относится нарастание социально-экономических проблем в бывших республиках Советского Союза, рост национального самосознания, который зачастую негативно проявлялся в форме бытового национализма, а также усиление межэтнических столкновений в крайних формах (в частности, события в г. Ош летом 1990, 2010 гг.), наряду с возрастанием последствий экологических катастроф локального и регионального характера. По данным Управления Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев, с конца 80-х годов число переместившихся лиц в пределах пяти центральноазиатских республик, а также въезжающих на их территорию или же покидающих ее, превысило 4,2 млн. человек.

Эта проблема приобрела особую остроту из-за ряда факторов, характерных в целом для ряда стран региона: неурегулированность административно-территориальных границ между ними, вследствие чего происходило порой искусственное разделение этнических групп (народов); рост социально–экономических проблем в этих странах; наличие целого ряда зон– экологических

бедствий в различных районах региона, вынуждающих местное население покидать их; недостаточная защищенность внешних границ отдельных государств, что ведет к ослаблению системы миграционного контроля, к примеру Узбекистан с Кыргызстаном; нарастание уровня нелегальной транзитной миграции из стран Азии в более развитые страны Запада через территорию региона. Кроме всего прочего, причинами внешней и внутренней миграции являются дезинтеграция союзных связей производственной кооперации, сокращение объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, приватизация и ликвидация убыточных предприятий, сопровождающиеся массовой безработицей среди населения.

Нельзя не отметить, что руководством республики предпринимались отдельные попытки обуздать процесс стихийной миграции - но, вследствие ряда причин объективного и субъективного характера, они оказались малоуспешными. Так, например, в 1992 году президент Кыргызстана А. Акаев выступил с предложением о создании немецких культурных округов на севере республики с целью сокращения оттока немцев из республики. Однако предложенная им идея не нашла поддержки в обществе и не была реализована. К этому времени относится начало целенаправленного формирования государственной политики в области миграции. Связано это было с тем, что миграция за эти годы превратилась в острейшую социально-экономическую проблему вследствие дальнейшего падения уровня жизни населения и усиления социальной напряженности в обществе. Это, в сочетании с открытой миграционной политикой Кыргызстана, потребовало определения приоритетных направлений в политике государства, основными среди которых являлись: успешное регулирование миграционных потоков, создание условий для беспрепятственной реализации прав мигрантов и беженцев, обеспечение гуманного к ним отношения.

Вместе с тем, впервые как независимая тенденция проявляется резкий рост перемещения населения внутри республики, в основном, из удаленных сельских районов республики в г. Бишкек и Чуйскую долину. Первоначально, в 1989-92 гг., этот процесс протекал под лозунгами национально-демократического движения и охватывал в основном наиболее подвижные группы сельской молодежи. В основе этого явления лежали, прежде всего, факторы, связанные с затрудненностью их самореализации в местах проживания. Попытки власти решить данную проблему силовыми методами оказались малоуспешными. В последующем, примерно на рубеже 1992-93 гг., поток сельской молодежи в центральные районы Кыргызстана несколько снизился и была отмечена тенденция оттока части ее в обратном направлении, вследствие невозможности адаптироваться к новым условиям в короткие сроки. Этому процессу сопутствовало усиление негативных факторов, в частности, нарастающая люмпенизация и ухудшение психологического климата в обществе, его дальнейшая криминализация. В целом же, этот процесс до настоящего времени сохраняет "маятниковый" характер.

Начиная с 1993 года, процесс внешней миграции из республики претерпевает определенные изменения. Если ранее преимущественно шел процесс переселения на постоянное место жительства в страны дальнего и ближнего зарубежья, то начиная с 1993-94 гг., все более массовый характер принимает выезд кыргызов и представителей других национальностей в страны СНГ

(главным образом, в РФ) в поисках работы. Несмотря на то, что до сих пор сохраняется отрицательное сальдо в соотношении выезда и въезда населения в республику, главным, все же, является не это. Вследствие экономических трудностей в Кыргызстане происходит естественный, в целом, процесс нарастания экспорта рабочей силы. По результатам анализа, подготовленного для МОМ Кыргызским Комитетом по правам человека, видно, что в 1994-97 гг.. в поисках работы оставило Кыргызстан около 200 тысяч кыргызов. Как граждански, так и политически они не защищены на государственном уровне, поэтому такие мигранты часто становятся жертвами произвола как со стороны криминальных структур, так и местных чиновников. Эти передвижения носят "сезонный" характер, поэтому все количественные оценки являются приблизительными.

Вместе с тем, государство ищет пути регулирования механизма внешней трудовой миграции. Вхождение Кыргызстана в международный рынок труда позволит достичь ряда позитивных результатов в сохранении интеллектуального потенциала республики, наряду с частичным устранением существующих диспропорций на внутреннем рынке труда. Для достижения успеха необходима выработка единой стратегии, направленной не только на усиление государственного регулирования процессов трудовой миграции, но также на оказание помощи и защиту прав специалистов за рубежом. Одним из шагов, сделанных в этом направлении является создание при Министерстве труда КР департамента "Кыргызвнештруд". Кыргызстан заключил межправительственные договоры по обмену рабочей силой с государствами СНГ: Российской Федерацией, Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном. В марте 1997 г. было заключено дополнительное трехстороннее соглашение между Казахстаном , Узбекистаном и Кыргызстаном. Однако в условиях продолжающегося промышленного спада в этих республиках действенность данных договоров в целом неэффективна. В настоящее время ведется работа по заключению подобных соглашений с рядом стран Ближнего Востока, Малайзией, Республикой Корея.

Необходимо также отметить тот факт, что наряду с оттоком рабочей силы за границу происходит процесс привлечения иностранных специалистов. В то же время недостаточно применяются возможности их использования в сфере высоких технологий, создании современной финансовой инфраструктуры и пр. На наш взгляд, в настоящий период времени одной из наибольших угроз стабильному и бесконфликтному развитию общества в Кыргызстане является практически бесконтрольная внутренняя (межобластная) миграция населения, главным образом направленная на переселение в г. Бишкек и Чуйскую долину. В ее основе лежит неспособность государства регулировать эти процессы в условиях общего падения уровня промышленного и сельскохозяйственного производства в республике. Все это приводит к ухудшению общей социально–экономической обстановки в Кыргызстане, снижению уровня жизни, массовой безработице и, как следствие, обуславливает территориальные перемещения населения в стремлении к «лучшей жизни». Особенно остро эта проблема наблюдается на периферии республики. Так, по материалам Нацстаткома КР на 1999г. о миграционных процессах в Кыргызской Республике, по удельному весу и абсолютной численности большинство бедных проживало в

сельских районах, доходы которых были как минимум в 2 раза ниже, чем у горожан. К тому же в процентах ко всему населению на 2000г. городское население составляет 35,4%, а сельское -64,6%. Как известно, экономическая реформа в регионах началась с приватизации колхозного имущества и распределения земельных наделов между крестьянами, которое было осуществлено в форме механического растаскивания колхозного скота и другого имущества. На сегодня единственной сферой, обеспечивающий тот или иной уровень жизни сельчан, остается аграрный сектор экономики. Безработица, отсутствие оборотных средств для надлежащей обработки земельных наделов, нехватка земли (особенно в Ошской и Джалал-Абадской областях Кыргызстана), нехватка агротехнических знаний, трудности в сбыте сельскохозяйственной продукции и другие причины в совокупности ускорили процесс обнищания основной массы. На фоне такой безутешной картины смена географической, профессиональной и политической среды для большей части населения стала одним из путей выхода из сложившейся ситуации.

В последнее время вследствие отмеченного выше резкого падения уровня сельскохозяйственного производства складывается критическая ситуация на юге республики, усугубляемая, в свою очередь, локальными экологическими катастрофами. 23 тысячи граждан Кыргызстана были вынуждены переселиться вследствие различного рода стихийных бедствий. Излишне говорить, что подобного рода стихийные передвижения населения ведут к дальнейшему осложнению социально-психологической обстановки в обществе, его люмпенизации и криминализации, разрушению и без того неустойчивых социальных структур, что, в свою очередь, чревато социальным взрывом. Кыргызстан, вследствие избранной им политики "открытых дверей", может быть, больнее других ощутил на себе всю тяжесть процессов неуправляемой миграции, что и привело к осознанию необходимости скорейшего формирования основ государственного управления в этой области. Вследствие этого Кыргызстан выступил одним из наиболее активных инициаторов выработки согласованной межгосударственной политики стран СНГ в решении вопросов миграции и проблем беженцев. Наглядным свидетельством этому служит проведение Женевской конференции стран СНГ (май 1996 г.), где была особо отмечена его роль в реализации прав человека и стремление к гуманному решению проблем беженцев. Помимо этого, Кыргызстан принимает активное участие в выработке единой политики стран СНГ в вопросах регулирования процессов трудовой миграции. Это позволяет сделать вывод об активном формировании основных элементов миграционной политики Кыргызстана на международном уровне.

Вместе с тем, до сих пор нерешенными остаются наиболее болезненные для республики проблемы, связанные с дальнейшим ростом стихийной внутренней миграции. Как уже было отмечено выше, корни проблемы лежат в нестабильной социально-экономической ситуации в государстве и отсутствии согласованной программы действий со стороны правительственных органов как в центре, так и на местах. В сочетании с наличием в республике сравнительно большого количества беженцев, включая в их число нелегально проживающих здесь, это создает реальную угрозу бесконфликтному развитию общества, тем самым существенно подрывая потенциал демократических преобразований в республике. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время решение

данной проблемы относится к числу первоочередных задач.

Таким образом, можно сделать вывод,- примерно 12% граждан от общей совокупности граждан трудоспособного, экономически активного возраста находятся за пределами Кыргызстана. Остается вопросом, насколько сей факт может повлиять на внутренний рынок трудовых ресурсов, ответ на который является компетенцией отдельного социально – экономического исследования. Но проблема миграции еще не так остро ощущается на данный момент времени, все последствия мы сможем ощутить в будущем. Эта проблема повлияет на все сферы: на экономику, на здоровье общества, на проблемы популяции, на уровень образованности будущего поколения. Большинство мигрантов, которые находятся далеко от дома, в частности в России, они жили у себя за чертой бедности. В поисках лучшей жизни и хоть какого-то заработка они готовы пожертвовать многим. Не следят за своим здоровьем, живут в антисанитарных условиях (по 20 человек в одной комнате), ведут беспорядочный, порой развратный образ жизни. С какими болезнями они потом возвращаются на родину? Но мы все привыкли говорить об этой проблеме только в одностороннем порядке. Мало кто обращает внимание на те семьи мигрантов, которые остались у себя на родине. Это дети, которые растут без внимания родителей, под присмотром бабушек и дедушек, в лучшем случае одного из родителя. Им не хватает ласки и внимания, а порой даже строгости родителей и контроля. Мы не думаем об их психологическом состоянии, что они переживают внутри, когда не видят своих родителей годами и как все это отразится на их будущей жизни. Как девушки будут жить семейной жизнью, если они не видят этого от своих матерей.

Мы можем наблюдать, что основную массу трудовых мигрантов составляют молодые люди в возрасте от 19-35 лет. Это трудоспособное население нашей страны. На периферии остались лишь дети и старики. Многие молодые люди, едва окончив школу, отправляются на заработки. Они не получают высшего образования или какую-то специальность, работают на чужбине там, где придется. Внешняя трудовая миграция является одним из современных каналов вертикальной экономической мобильности. Несмотря на множество существующих проблем, сложилась категория молодых людей, которые адаптировались к этим сложным условиям. Возраст мигрантов и связанный с ним личностный потенциал позволяют компенсировать им непомерные физические, психологические и моральные нагрузки, получаемые в ходе трудовой миграции. На мой взгляд, обмен трудовыми ресурсами, межстрановые экономические взаимоотношения являются одним из существенных показателей социально-экономической и политической интеграции между государствами. Однако при отсутствии умелого управления миграционными потоками такие отношения могут обрести качество дестабилизирующего фактора. Для предупреждения такого негативного сценария необходимо совместными усилиями на государственном уровне создать нормативно-правовое миграционное пространство, учитывающие гражданские права и обязанности субъектов миграции и интересы отправляющих и принимающих государств.

Как следует из изложенного, ключевым моментом в миграционной политике Кыргызской Республики на современном этапе и в будущем является разработка и последующее развитие действенной модели управления миграционными процессами,

способной адекватно реагировать на все изменения социально-экономической и политической обстановки как в республике, так и за ее пределами. Это позволит достичь искомой стабильности во внутреннем развитии общества, а также добиться желаемого уровня безопасности, при котором будут эффективно защищены национальные интересы государства.

Литература:
1 См.: Дырылдаев А.О миграционных процессах в Кыргызской Республике.//Текущий архив Бишкекского офиса МОМ (IOM).1997. С.1.
2) Этнополитический вестник. Б.,2000.С.10.
3) Ильин В.И. Социальная сертификация. Сыртывкар, 1991.С.29
4) См.: Марианьский А. Современные миграции населения. М., 1969, с.12-13. « Открытый Кыргызстан».

Contact : flamingoooo@mail.ru

Наталья Космарская, Институт востоковедения РАН (Россия, Москва)

Мигранты и старожилы в городах постсоветской Центральной Азии: расселение, идентичность, конфликты

Целью доклада является рассмотрение, на примере Бишкека, проблемы отношений старожилов и мигрантов в социокультурном пространстве города — проблемы старой как мир, но «вечно молодой» в своей актуальности.

В городах многих постсоветских стран эта проблема отличается значительным своеобразием по сравнению с урбанистическими центрами Запада. Речь идёт, в частности, о специфике самой миграции. Городская стабильность западных стран (в первую очередь европейских), начиная с послевоенного периода, подвергается испытанию на прочность **внешними** трудовыми миграциями из так называемого третьего мира, которые принесли в города множество людей не просто иной культуры, но «других» по своей расовой, этнической и конфессиональной принадлежности. А в странах бывшего СССР мы имеем дело с **внутренними** (сельско-городскими) миграциями, которые заметно активизировались там из-за экономического хаоса, серьезно затронувшего мучительно и неэффективно реформируемое сельское хозяйство. В Центральной Азии росту территориальной мобильности сельской молодежи способствовал еще и дисбаланс возрастной структуры в пользу молодых групп, в сочетании с дефицитом земель.

В Киргизии эти процессы протекали, начиная с позднесоветского времени, весьма бурно, что вкупе с рядом местных особенностей делает страну и в первую очередь ее столицу весьма интересным объектом для изучения проблемы «мигранты и старожилы в городе». Однако из-за недавних социально-политических потрясений (начиная с апреля 2010 г.) выбранная для анализа достаточно узкая (на фоне «глобальности» происходивших в Киргизии процессов), хотя и актуальная проблема, заиграла новыми красками. Она даёт возможность поискать ответы на вопросы более широкого плана, касающиеся, например, «общего»

и «особенного» в развитии постсоветских стран, соотношения страновой специфики с постсоветскими закономерностями общественного развития. С этой целью в докладе предпринята деконструкция основанных на инстинктах и эмоциях клише и стереотипов, оправдывающих взаимную интолерантность конкретных (этно)культурных групп в столице отдельно взятого постсоветского государства.

В начале доклада будет кратко обрисован тот исторический и социально-политический фон, на котором более двух десятилетий формировалось восприятие бишкекчанами многочисленных «приезжих» разных волн. Затем следует анализ антимигрантского дискурса и его основных направлений. Наконец, в заключительной части мы попробуем выйти за пределы сугубо внутреннего киргизстанского миграционного и социально-политического контекста и взглянуть на отношения мигрантов и старожилов более обобщённо.

*

Для понимания ситуации, сложившейся в Бишкеке к концу 2000-х гг., важны следующие моменты (в тезисном изложении).

1. Столица очень долго была преимущественно «русским» городом — в этническом и, главное, в культурном отношении, оставаясь пространством советской наднациональной урбанистической культуры и образа жизни. В поздне- и постсоветское время, из-за массового оттока русских и притока киргизов, ситуация быстро начала меняться (так, согласно Всесоюзной переписи населения 1959 г., в городе проживало 9,3% киргизов и 68,6% русских; через полвека, по предварительным данным переписи 2009 г., цифры, соответственно, равны 58,6 и 26%).

2. В условиях смешанного расселения возник особый слой преимущественно русскоязычных киргизов — многолетних городских жителей, часто уже не в первом поколении, представляющих по отношению к соплеменникам из аилов специфическое сообщество, довольно близкое к русским по социальному статусу, образу жизни и культурным нормам. В Киргизии за ними так и закрепилось название — «городские киргизы», ставшее, что актуально и до сих, важнейшим компонентом их самоидентификации.

3. В первое десятилетие нового века заметно изменился региональный вектор сельско-городских миграций. В 1980 — начале 1990-х гг. наиболее активно отдавали население северные области. Южные же киргизы, ищущие счастья в городе, в тот период переселялись в основном в Ош. Позднее, особенно после событий 2005 г., все активнее задвигался и юг.

4. С позднесоветского времени Бишкек пытается «переварить» как минимум три крупны миграционные волны (некоторые авторы выделяют до семи таких волн). В результате город оказался окруженным огромным «миграционным поясом», состоящим в основном из малопригодных для жизни новостроек (сейчас число их приближается к 50), лишь некоторые из которых постепенно «облагородились» и преобразовались в отдаленные от центра спальные районы.

5. Для нашего анализа важны особенности урбанизации страны. Имеются в виду ее низкий уровень в целом, слаборазвитая сеть городских поселений и резкая «перекошенность» в сторону индустриального Бишкека, который, находясь на перекрестке транспортных путей, в непосредственной близости с развитым

Казахстаном, был и продолжает оставаться не имеющим соперников центром притяжения мигрантов.

6. История «миграционного пояса» тесно связана с таким характерным для Киргизии явлением, как незаконный захват земель с целью «закрепления» в городе любой ценой. Конечно, понятие «нахаловка» — имеются в виду кварталы состоящего из трущоб самостроя на окраинах советских и постсоветских городов, появилось не в Киргизии и не к одной Киргизии относится. Кардинальная разница состоит, однако, в значительных масштабах явления, в его повторяемости, а также в четкой и, естественно, пугающей всех корреляции с нарастанием народного недовольства — при очевидной слабости власти, и с последующими социальными катаклизмами.

Вот на каком фоне формировалось отношение к мигрантам у старожилов разных поколений и разных национальностей. Как показывают собранные полевые материалы (более 80 углублённых биографических и проблемно-ориентированных интервью со жителями Бишкека), антимигрантский дискурс можно структурировать по четырем линиям, причем они не равновесны по значимости и находятся друг с другом в определенной логической связи.

1. Разграничение по линии **«южане»-«северяне»**, которое актуализировалось после событий 2005 г., перейдя на уровень повседневного общения, и мощно присутствует в нарративах старожилов вплоть до настоящего времени.

Налицо явное недовольство самим физическим присутствием «южан» в городе в огромных, как полагают респонденты, масштабах, что фиксируется через знакомые формулы «понаехали», «заполонили», «наплыв», «нашествие» и пр. Однако частое ассоциирование мигрантов именно с «южанами» и предъявление им претензий чисто психологического свойства (проще говоря, их считают «плохими», «ненадёжными» и т.п.), при том, что непосредственное общение старожилов с мигрантами, особенно жителями новостроек, крайне ограничено, говорит о наличии более глубоких причин взаимной неприязни, о том, что фактор «откуда вы?» в этом дискурсе гораздо важнее фактора миграции как таковой. Различия между двумя группами биологизируются, признаются «естественными», «генетическими» и непреодолимыми. Еще один важный момент: стереотипизация «южан» часто осуществляется через сравнение их с узбеками, от которых они якобы приобрели негативные качества. Росту негативизма способствовала «революция» 2005 г., в результате которой произошла «региональная» ротация многих чиновников на всех уровнях.

2, 3. Дискурсы **«новостроек»** и **«самозахватов»** привязаны к дискурсу **«южане»-«северяне»**. В данном случае, наряду с обидой и завистью, негативные чувства и чересчур смелые, на мой взгляд, обобщения, не вполне отражающие реальность, могут провоцироваться стрессами и переживаниями, связанными с вынужденным пребыванием в городе в период социальных потрясений, сопровождаемых непредсказуемостью толпы, мародёрством и пр. Между мигрантами, новостройками и самозахватами, по сути, ставится знак равенства. Мигранты (с юга) видятся тянущими деньги с города и потому вполне благополучными жителями новостроек, возведенных неправедным путём. Другой вариант — мигранты как творцы «ужасных» новостроек, созданных опять же неправедным путём, и это очень

вредит облику города.

4. Дискурс **«бескультурья»**. Он имеет относительно долгую историю (начиная с позднесоветского времени, когда резко усилился приток в город выходцев из сельской местности) и развивается параллельно противопоставлению «северян» «южанам». Претензии к «приезжим» в данном контексте предъявляются не как целенаправленно к «южанам» (хотя это может упоминаться), а как к необразованным провинциалам, «колхозникам», «спустившимся с гор» и превратившим город в «большую деревню», «бардачный город. Здесь очень много смысловых пластов: фиксируется ухудшение психологического климата в городе, рост агрессивности, хамства (за счет приезжих); много жалоб на соседей (их сельские привычки, неумение считаться с окружающими, вопиющую неаккуратность); упадок бытовой культуры.

Возможно, на представленном уровне препарирования неприязни против мигрантов в Бишкеке можно было бы остановиться, но автору он видится недостаточным, поскольку ориентирован на обстоятельства, прямо или косвенно связанные с миграцией и с фигурой «приезжего». Попробуем применить какую-то новую оптику, т. е. выйти за пределы внутрикиргизстанского миграционного и, шире — социально-политического контекста и взглянуть на ситуацию сверху и со стороны.

Предложенный подход показывает взаимодействие различных групп городского населения как очень сложный, многоплановый процесс, где не только межэтническое (межкультурное), но и внутриэтническое взаимодействие отходит на задний план, а противостояние «приезжих» и старожилов скрывает целый клубок противоречий городского развития в постсоветский период, а также общесистемные трудности реформирования прежнего социального организма. Фигура ненавистного сельчанина (южанина) становится тогда удобным «козлом отпущения», на которого «списывают» все тяготы современной жизни в постсоветском обществе.

Мигранты выступают воплощением колоссальной неэффективности государства, его все более заметной неспособности выполнять свои обязательства перед гражданами, его все большей «удалённости» как от мигрантов, так и от старожилов. Так, феномен самозахватов (а заодно их реальные и предполагаемые исполнители) воспринимается как символ вопиющего правового беспредела, неуважения к частной собственности, а значит, как угроза благополучию и безопасности всех добропорядочных граждан. Дело уже не в том, что «южный» президент окружил себя коррумпированными «южными» же чиновниками, а в том, что «*всё назначает пахан, и пахан же командует*». Дело уже не в том, что *«южане — они такие вот — всегда камень за пазухой»,* а в том, что *«у нас такое всё, на мелком уровне это милицейский город, а на высоком уровне — бандитский город»*. Дело уже не в том, что «южане» пришли и «*сели на все должности*», а в том, что «*пойдёшь, и ни а, ни бэ, не достучишься ни до чего; и ни до этой власти, и ни до человека*».

Восприятие многими старожилами, особенно слабо образованными, регионально-клановых барьеров как «естественных» и потому непреодолимых, а «южан» — как конкурентов просто в силу их происхождения, отвлекает наше внимание от иных индивидуальных стратегий идентификации и иных, совсем не специфически киргизстанских, механизмов социального продвижения. Так, к региональной идентичности, как

показывают полевые материалы, при желании можно подойти вполне инструментально и гибко, в зависимости от того, что требуют обстоятельства (например, из «нарынского» превратиться в «джалал-абадского»).

Что касается механизмов карьерного роста и принципов формирования бюрократических структур, судя по материалам интервью, мы встречаемся в Киргизии с рядом вполне узнаваемых вещей (коррупция, командно-доверительный принцип подбора кадров и пр.).

Мигранты, далее, способствуют визуализации болезненных моментов слома прежнего городского устройства (в частности, упадка досуговой, транспортной, образовательной инфраструктуры). Жалобы по поводу «бескультурья» мигрантов (вот откуда *«заплёванные лестницы»*, «*ободранные скамейки», «перевёрнутые урны»* и всё то, чего не было *«в нашем зелёном прекрасном Фрунзе»*) скрывают общее падение социально-культурного уровня населения; пересмотр ценностей; упадок трудовой морали в условиях деградации образовательных систем, отмирания социальных функций государства, вынужденной смены людьми жизненных приоритетов и форм приложения своего труда.

Идея о так называемой рурализации как главном (и сугубо негативном) векторе развития постсоветских городов в условиях наплыва сельских мигрантов в рассмотренном контексте мне видится упрощением ситуации. В современной Киргизии, с ее все более неустойчивой экономикой и слабым государством (по словам одной респондентки, рассказавшей о своих мытарствах с регистрацией в Москве, «*у нас государство демонтировано, а у вас* [т. е. в России. — *Н.К.*] *очень жестко смонтировано*»), мы наблюдаем более широкий процесс —своего рода стихийную, ползучую, «низовую» демодернизацию, в отличие от той, которая может направляться и управляться «сверху» (как, например, в Узбекистане).

Важным ресурсом самоутверждения старожилов («мы помним, как надо»; «мы знаем, как лучше»); способом их противодействия такой демодернизации становятся апелляции к «советскому прошлому». Неизбежные в описанных условиях изъяны в облике города, потери в уровне их благоустройства; обеднение досугового репертуара, трудности следования прежним паттернам бытовой культуры вызывают дружную ностальгию старожилов — и киргизов, и русских, по «советскому», которое выступает в нескольких ипостасях. С одной стороны, это апелляции к советской городской эстетике, опирающейся на идеологию и потребительские практики того времени. В то же время «советское» выступает и как синоним норм и правил наднационального индустриально-урбанистического «порядка».

А вот усталость горожан от неконтролируемой рыночной стихии, которую слабое государство в лице местных властей не в состоянии подчинить «закону и порядку» — будь-то всё заполонившие киоски или снующие «без руля и без ветрил» «маршрутники», взывает действительно к чисто социалистическим рецептам лечения. Мнение многих может быть сведено к словам молодого бишкекчанина, уверенного, что курсирующий два раза в час (но зато по расписанию) и потому битком набитый автобус, на котором он ездил в детстве в школу, гораздо лучше сегодняшней грязной и непредсказуемой маршрутки: *«Мне уже хочется порядка, я устал от всего этого, мусора, бардака на дорогах… хочется как раньше — в тот Бишкек, каким я его запомнил»*.

*

В позднесоветское время и в первые годы независимости Киргизии именно старожилы (в первую очередь «русские») ассоциировались у ищущих счастья в городе сельчан с государством — универсальная ситуация, в которой власти, в условиях наплыва мигрантов, стремятся в первую очередь сохранить порядок и *status quo* на вверенной им территории, защитить права и сохранить преференции членов «принимающего» общества. В последние годы, при новой волне миграции, мы наблюдаем нечто противоположное — именно мигранты настойчиво вызывают в сознании старожилов образ государства, либо реального, со всей его слабостью и пороками, либо, как недостижимый идеал — ушедшего в историю и воображенного. На наш взгляд, именно такие настроения людей, которые уже были заметны в конце 2008 г., т.е. за полтора года до апрельских событий 2010 г., ощущение готовности ко всему чему угодно, и предопределили во многом то обстоятельство, что режим рухнул в одночасье («*Что-то созрело, что-то произошло… если бы люди этого не хотели, этого бы и не было, у людей четко этот момент созрел*»).

В ходе предпринятой нами деконструкции распространенной в массовом сознании схемы этнокультурного (кланового, регионального) размежевания в современном киргизстанском обществе местная экзотика и специфика отступают, а на авансцену выходят роднящие страну со многими соседями по СНГ (и не только с ними, как показали события начала 2011 г. на Ближнем Востоке) взрывоопасные социальные противоречия.

Доклад основан на анализе полевых материалов, собранных в Бишкеке в августе-сентябре 2008 г. и в мае-июне 2011 г. в рамках международного научного проекта «Идентичность и этнокультурные границы в городах постсоветской Центральной Азии (на примере Бишкека, Каракола, Ташкента и Ферганы)», который осуществляется методами качественной социологии при поддержке фонда Leverhulme Trust (Великобритания).

Просьба не цитировать без разрешения автора!

Contact : kosmarskis@gmail.com

Жюлиэн Торез, CNRS, Париж, Франция.
Границы и миграции: постсоветское пространство между Югом и Севером

После распада советского Союза на его территории появились новые социальные, экономические, политические и геополитические актеры, как и постсоветские, так и иностранные, которые создали новые механизмы производства территориальной организации. Таким образом, постсоветское пространство быстро и сильно изменилось из-за того что сложились процессы разделения, дезинтеграции, “дерегионализации” и “национализации” территориальной организации. В этом контексте, исчезание “второго мира” сопровождало появления новых концепций в этом регионе, который теперь является частью глобализированного мира.

В первые годы после независимости, в речах политиков, экспертов и ученных, постсоветское пространство было, прежде всего, частью переходного региона. Поэтому программы международных организации касались именно перехода региона к капиталистической экономике. Сегодня, на Кавказе и в Центральной Азии, программы такого типа касаются вопросов развития после постсоветского кризиса, во время которого южные регионы бывшего СССР, потеряли статуса “Севера” и получали статус “Юга”. В современной истории, это оригинальная траектория. Саму Россию иногда относят к развитому миру, а иногда включают в список развивающихся стран “БРИК”, названный по имени самых мощных стран “юга” в экономическом и в политическом плане: Бразилия, Россия, Индия, Китай. В итоге, в этих различных современных представлениях, постсоветское пространство находится между “Севером” и “Югом”. Поэтому одним из важнейших вопросов является локализации границы между этими мирами.

1) От государственных границ до экономических границ ? Неравенства постсоветского пространства.

Через двадцать лет после распада Советского союза, на его бывшей территории существуют различные типы границ: политические границы, межгосударственные границы или “дияды”, которые естественно являются главными атрибутами суверенитета независимых государтсв. Но во время “постсоциалитического перехода” и постсоветского экономического кризиса, также появились настоящие экономические границы между пост-советскими странамы. Эти лимиты, прежде всего, связанны с экономической мощностью независимых государтсв. А в 2009-ом году, ВВП Таджистана и ВВП Кыргызстана составили около 5 миллиардов долларов, когда как ВВП Украины и ВВП Казахстана достигли 100 миллиардов долларов, а ВВП России составил 1250 миллиардов долларов. Что касается ВВП на душу населения, разницы между странами не такие огромные. Тем не менее, они тоже очень значительны: в Таджикистане, ВВП на душу населения составляет 700 долларов в год, в Кыргызстане 850 долларов, в Узбекистане 1100 долларов. В Казахстане же, он приблизился к отметке в 7000 долларов, а Россия почти к 9000 долларов в год.

Этот острый экономический дисбаланс, который продолжается в контексте современного экономического роста, имеет территориальную структуру, базирующуюся на оппозиции «центр-перифирия». В этой организации, Казахстан имеет оригинальное место, как и прибалтийские страны, которые со времен СССР и Царской империи являются самими богатыми странами региона. Но это не наша тематика. Что касается Центральной Азии, можно заметить, что экономические результаты Казахстана более близки к российским характеристикам, нежели чем к результатам других стран региона. Самая большая экономическая разница не находитса на юге России а на юге Казахстана, на границах между Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном. Таким образом, эта экономическая граница совпадает с территории таможенного союза, который был создан в 2010 году.

Надо тоже заметить, что в масштабе Казахстана, также существует большое социо-территориальное неравенство. Во-первых, между разными регионами, особенно, между центральной или северной, южной и западной частью Казахстана. Во-вторых,

между городами и сельскими местностями. С этой точки зрения, в Астане, Алматы, и нефтяных городах каспийского региона (Актау, Атырау) концентрируется большинство экономических ресурсов, когда как условие жизни до сих пор остаются тяжелыми во многих селах и аулах. Результаты переписи населения 2009-ого года показивают, что демографический кризис продолжается во многих сельских районах, особенно на севере страны. В-третьих, между кварталами, на примере Алматы между центральными или новыми предгорными кварталами которые находятся в сторону Медеу, где было построено большое количество особняков и закрытых жилых комплексов, и пригородными кварталами северной части города.

Не смотря на это, в масштабе постсоветского пространства, важно заметить, что оппозиция «центр-периферия» не является “простой” оппозицией между метрополией и “колониями”, то есть между Россией и центрально-азиатскими странами. Можно предложить что, на государственном уровне, граница между “Югом” и “Севером” проходит по постсоветскому пространству (а не вне его), эта символическая линия разделяет центральную Азию на две части, Казахстан и Средняя Азия. Эта территориальная организация «центр-периферия» существовала так же во время СССР, из-за экономических и политических неравных связей между Центральной Азией, Кавказом и Москвой. Некоторые коллеги из западных стран, в том числе некоторые географы, тогда представляли Центральную Азию как советский «Юг» в его современном понятие, или как «советский третий мир», эксплуатируемый Россией и западным республикам СССР. Тем не менее, как регион Советского союза, Центральная Азия была чаще всего включена в “Север”.

После постсоветского кризиса, Кавказ и Центральная Азия имеют новое геополитическое положение, хотя эти страны продолжают его не признавать в официальных выступлениях. Можно попытаться сравнить распад СССР и распад европейских колониальных империи, а также первые годы независимости кавказских и центрально-азиатских стран с первыми годами независимости африканских государтсв. Так, можно заметить, что если новые независмые государтства скорее всего являются “южними странами”, как например африканские государства стали “странами третего мира”, в бывшом Советском союзе, пост-колонийльный переход не совпадает с европейской пост-имперской моделью. Во-первых, в девяностых годах, в центральной Азии и на Кавказе, развивался острый экономический кризис, когда шестидесятые и семидесятые годы были самым экономически-успешным временем, в Африке. Во-вторых, экономика европейских метрополий не страдала значительно или почти полностью от потери своих империй, особенно во Франции. В случае же постсоветского постколониального примера, в метрополии наоборот осложнился экономический кризис. И кризис этот был даже сильнее в России, чем в некоторых постколониальных странах, как Узбекистан. Можно понимать этот постсоветский кризис как наследие социалистической плановой системы. Но это доказывает высокий уровень региональной интеграции в советском союзе.

2) Экономические границы как импульс миграции?

Разные причины объясняют появления и увелечения трудовых миграции между Таджикистаном, Кыргызстаном, Узбекистаном, и Россией и Казахстаном:

• социальные;
• антропологические (например, роль миграции в создании статуса «мужчины» в киргизском обществе);
• экономические;
• демографические (в 2000-ых годах, на рынке труда в Узбекистане появилось новые поколение, тех, кто родились в 1980х годах, во время пика рождаемости).

Но постсоветские трудовые миграции тоже являются результатом роста территориального неравенства. На масштабе пост-советского пространства, экономико-географический дисбаланс стимулирует мобильности трудящихся. Мигранты стараются исползовать территориальные разницы между экономичекими пространствами. Тем более что сохранение совместного пространства мобильности (после добовор который был подписан в Бишкеке во время саммита стран СНГ в 1992 году), несмотря на появлении политических границ, позваляет гражданином « южных » независимых государствс довольно легко ездить на работу в Россию или в Казахстан.

На самом деле, Россия и Казахстан являются очень доступными странами для мигрантов:
• В юридическом плане, посколку существует безвизовый режим
• В экономичеком плане, потому что расходы на транспорт являются не такими большими: в 2008 году, биллеты самолета Ташкент-Уфа, Ташкент-Ростов, Ташкент–Новосибирск стоили 200 евро. На автобусе, поездка из Алматы в Черняевку, на границе с Узбекистаном, стоила в 2011 году 2500 или 3000 тенге (примерно 20 долларов).
• В практическом плане: много автобусов, поездов, самолетов ежедневно ездят между средней Азии, Россией и Казахстаном: каждый день, несколько самолетов летают из Душанбе или из Ташкента в Москву; каждый день, около 10 автобусов ездят из Алматы на границу Узбекистана.

В этом плане, постсоветское пространство сильно отличается от класических примеров постколониальной Европы.

Надо конечно сказать, что если новые экономические границы стимулируют международные миграции, то новые политические границы в некоторой степени препятствуют мобильности между постсоветскими странами, и в часности определяют условные направления миграции. Автобусы только с трудности могут пересекать эти границы. Таким образом, неофициальные автовокзалы появились около многих таможенных постов, например в Черняевке. Мигранты часто вынуждены пешком пересекать границы! Все эти трудности, например, объясняют, почему многие таджикистанские мигранты теперь предпочитают лететь в Россию, чем ехать автобусом, учитывая то, как тяжело ехать через Узбекистан и Казакхстан. Таким образом, роль границ в территориальной организации постсоветского пространства является двойной.

Трудовые миграции производят изменении структуры транспортной сети, а также изменении природы межгосударственной интеграции. Во-первых, после дезинтеграции советской единной транспортной системи в 1990ых годах, мобильность мигрантов подерживает территориальную интеграцию постсоветского пространства. Карты регулярных воздушных рейсов между странами центральной Азии и Россией

ярко показывают этот процесс. Во-вторых, структура постсоветского пространства изменилась из-за реорганизации транспортных сетей. В воздушном транспорте, авиакомпании адаптировали их деятельность к спросу мигрантов. Таким образом, после распада СССР, многие туристические направлении были сокращены, тогда как, в 2000х годах, появились регулярние линии в промышленные центры и региональные города России. В конце советского периода, летом, имели место регулярные воздушные рейсы между всеми болшими горадами Узбекитсана и аэропорта Минводы. В 2008ом году, остается только один рейс (Ташкент-Минводы). С другой стороны, например, появилось большое количество рейсов в направлении Санкт-Петербурга, а так же из Таджикистана, в направлении нефтяних сибирских городов: Сургут, Тюмень, и.т.д.

В итоге, территориальная организация постсоветского пространства имеет сегодня особые харастеристики, тем более что исчезли многие связи между новыми “южними” странами постсоветского пространства. В особенности, больше не существуют рейсы между Таджикистаном и Кавказом, между Кыргызстаном и Кавказними странами. Таким образом, если советская территориальная система была сложная и развитая, то современная пространственная организация являетса на много более простой. Надо помнить, что структура территориальной системы связанна с уровнем глобального развития. Также необходимо заметить что прежде всего сегодня на постсоветском пространстве существуют транспортные отношение по направлениам Юг – Север и Север - Юг.

В этом контексте, развиваются новые отношения между странами центральной Азии и России. В экономическом и геополитическом плане, появляются новые формы зависимости, которые частично определяют новый статус центрально-азиатских “южных” государтв и обшеств. Сегодня, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан в некоторой степени являются зависимыми от России и Казахстана на семейном уровне так как мигранты являются главнимы актерами (субъектами) денежных переводов на “юг”, а так же на государственном уровне, поскольку экономическая ситуация частично детерминирует геополititческие отношении. Можно считать, что это как-то препятствует суверенитету. Возникает один важный вопрос: насколько эта межреспубликанская зависимость взаимная? Насколько Россия сегодня тоже зависимая от центральной Азии? В конце этого текста о границах и миграциях, я хочу подержать идею что граница “север” – “юг”, которая зависит от уровня развития, от владений всеми видами капитала, сушествует не только в государственном масштабе, но вообще на всех уровнях постсоветского пространства: между странами, регионами, а также социальными групами.

Литература:

Абдуллаев Е. В. (ed.), 2008, *Трудовая миграция в республике Узбекистан*, Ташкент, UNDP, 204 с.

Зайончковская Ж.А., Витковская Г. С. (ed.), 2009, *Постсоветские трансформации : отражение в миграциях*, Москва, Адамант, 412с.

Laruelle M. (ed.), 2010, *Dynamiques migratoires et changements sociétaux en Asie centrale*, Paris, Pétra, 320 с.

Максакова Л.П., 2001, *Миграция населения : проблемы регулирования*, Ташкент, Эльдинур, 185 с.

Олимова С. К., Садовская Е. Ю., 2005, *Трудовая миграция в странах Центральной Азии, Российской Федерации, Афганистане и*

Пакистане, Алматы, ЕК - МОМ, 146 с.
Sagers M. J., Maraffa T., 1991, « The spatial structure of air passenger services for Kiev and Tashkent », *Soviet Geography*, 32 (5), c. 314-326.
Тархов, С. А., 1997, « Транспортная интеграция и дезинтеграция постсоветского пространства : изменение пассажирских связей после распада СССР », *Известия РАН – серия географическая*, н°3, с. 73-82.
Thorez, J., 2011, « Les nouvelles frontières de l'Asie centrale : Etats, nations et régions en recomposition », *Cybergeo*, 28 с., http://cybergeo.revues.org/23707
Thorez, J., 2010, « La mobilité des migrants d'Ouzbékistan : transport, frontières et circulation migratoire », *Revue Européenne des Migrations Internationales*, 26, н° 3, с. 31-57.
Трейвиш, А. И., 2000, « Экономические сдвиги и связи в пост-советском пространстве : проблемы дезинтеграции и реинтеграции», *Известия РАН - серия географическая*, н°3, с. 9-22.

Contact : julienthorez@hotmail.com

Евгений Абдуллаев, кандидат философских наук, Независимый исследователь, Ташкент

Фигура умолчания: трудовая миграция в отношениях между Россией и постсоветскими государствами Центральной Азии

С начала 2000-х Вопросы, связанные с трудовой миграцией, стали особенно актуальными на постсоветском пространстве в целом, и в Центральной Азии – в частности.. Если до этого миграция носила преимущественно этнический характер – связанная с отъездом не-автохтонных этнических групп в страну происхождения (Россию, Украину, Израиль, Германию) или в индустриально развитые страны Запада (США, Канаду, Западную Европу), то с 2000-х годов в содержании миграционных потоков из региона происходят значительные изменения. С началом интенсивного экономического роста в России и Казахстане, все больше трудовых мигрантов – представителей автохтонного населения региона, прежде всего, таджиков, узбеков и киргизов, стали выезжать на заработки в эти страны. Кардинально изменился «портрет» мигранта из региона. На смену мигранту-«европейцу» – как правило, городскому жителю с достаточно высоким образовательным уровнем – пришла масса трудовых мигрантов – автохтонов, большую часть которых составляют жители сельских районов или небольших населенных пунктов, с достаточно невысоким уровнем образования и квалификации. При этом, хотя значительная часть из них является временными мигрантами, многие стремятся остаться на более длительный срок и даже на ПМЖ. Кроме того, за последние годы значительно увеличилась и внутренняя миграция в ряде стран региона, прежде всего в Узбекистане, который, со своим 26-ти миллионным населением, обладает самыми значительными трудовыми ресурсами в регионе. Только по официальным оценкам численность трудовых мигрантов в Узбекистане увеличилась с 44 тысяч человек в 2001 году до более

330 тыс. человек в 2006 г., а поступающие легально и нелегально денежные переводы составляют около 2 млрд. долл. США. Согласно же исследованиями специалистов Всемирного Банка на долю внешней и внутренней миграции приходится от 8 до 10 процентов рабочей силы Узбекистана, или около 1 млн. человек[123].

Основной принимающей страной для трудовых мигрантов остается Россия. Сохраняет свою справедливость оценка, данная Еленой Тюрюкановой в 2006 году: «Россия активно интегрируется в мировой экономический порядок и обслуживающий его миграционный режим. ... В низовых секторах рынка труда выкристаллизовываются участки, на которых преимущественно заняты мигранты. ... Как минимум 2/3 мигрантской занятости находится в России практически полностью в “черной” зоне. Результатом этого является распространение сверхэксплуатации, массовая маргинализация трудовых мигрантов...»[124].

Прогнозы, что в связи с экономическим кризисом начиная с 2008 года пойдет значительное снижение трудовой миграции из Центральной Азии в Россию, не оправдались. По данным «Демоскоп Weekly», в 2009 году было отмечено увеличение миграционного прироста в обмене населением с государствами-участниками СНГ в целом. При этом стабильно растет и число трудовых мигрантов из Центральной Азии. И если в миграционном обмене с Казахстаном, Азербайджаном, Киргизией, Туркменией и Узбекистаном наблюдалось незначительное уменьшение прироста по сравнению с предыдущим годом (суммарно – на 4 тыс. мигрантов), то с в миграционном обмене с Таджикистаном он значительно вырос – на 6,3 тысячи человек, составив в 2009 году 26,4 тысячи человек против 20,1 тысячи человек. В любом случае, в «пятерке» стран, откуда в Россию направляются трудовые мигранты, три места занимают государства Центральной Азии: Узбекистан, дающий наибольший миграционный прирост (41,9 тысячи человек – для сравнения: в «докризисном» 2005-м миграционный прирост составлял 33,2 тыс.) и Казахстан (32 тысяч человек) и Таджикистан (26,4 тысячи)[125].

При этом, несмотря на отдельные шаги, предпринятые правительством России для регулирования миграции (подписание двусторонних соглашений со странами-отправителями, облегчение и упрощение режима регистрации для мигрантов), в целом, трудовая миграция репрезентируется в российском политическом и публичном пространстве как некое зло – либо как зло неизбежное и объективно-обусловленное (в «либеральном» дискурсе), либо как то зло, с которым следует всячески бороться. Нередко трудовые мигранты оказываются теми «козлами отпущения», на которых вымещаются различные виды социального недовольства, возникающего в российском обществе, но не находящие более легитимных форм для своего проявления. В любом случае, миграция чаще всего рассматривается как *причина* различных социальных проблем, а не как их следствие. Притом что правительство РФ достаточно регулярно выступает с заявлениями о

123 «Оценка уровня жизни в Узбекистане. Исправленная и дополненная версия». Документ Всемирного банка, 2007. С.78

124 *Тюрюканова Е.* Принудительный труд в современной России: нерегулируемая миграция и торговля людьми. Женева: Международное бюро труда, 2006. С.134.

125 *Щербакова Е.* Миграционный прирост населения России уже 3 года составляет примерно четверть миллиона человек // Демоскоп Weekly, № 411-412. 22 февраля–7 марта 2010 (demoscope.ru/weekly/2010/0411/barom05.php)

необходимости более цивилизованного регулирования трудовой миграции и соблюдения прав мигрантов, почти никогда не говориться о том позитивном, что может принести для России трудовая миграция из постсоветских государств.

Кстати, Казахстан в этом контексте имеет свою специфику, являясь одновременно и отправляющей стороной (в Россию) и принимающей – из других центральноазиатских государств. Однако понятие трудовой миграции еще реже можно встретить в политическом дискурсе Казахстана, чем в российском.

Рассмотрим этот процесс с другой стороны – в контексте отправляющей страны. Ка уже было отмечено, наиболее крупной страной-отправителем является Узбекистан. 2008-2009 году при поддержке Проекта ПРООН в Узбекистане «Совершенствование социальной защиты женщин – трудовых мигрантов» было проведено исследование миграционной ситуации в трех частях страны – в Ташкентской и Джизакской областях и Республике Каракалпакстан. Были проведены фокус-группы с представителями местных органов власти (включая работников Министерства труда и социальной защиты), а также самими мигрантами, индивидуальные интервью, неформальные беседы. Поскольку данные этих исследований не публиковались, приведу некоторые из данных, характеризующих ситуацию в ряде районов Республики Каракалпакстан на тот период.

• Шуманайский район: 10-15% населения, по оценке директора местного Центра социальной защиты (ЦСЗ), работает за пределами республики. Из одной семьи уезжает от 1 до 5 человек. Уезжают в основном в Россию, но точных данных ЦСЗ не имеет.

• Муйнакский район – из этого района мигранты больше уезжают в Россию. Они хорошо знают русский язык, так как во время союза Муйнак находился на московском обеспечении.

•Тахиаташ – промышленный город, на данный момент в городе работает 10-15 % промышленных предприятий по сравнению с ситуацией 15 летней давности. Общая численность населения – 47 983 человек. Всего по официальным данным около 630 жителей города работают в Казахстане и России. 1181 человек зарегистрированы, как незанятые в ЦСЗ.

•Кегейлинский район – более 2500 жителей находятся в Казахстане, из них 35% составляют женщины.

Основная часть населения выезжает в Россию и Казахстан. По оценке специалистов до 80% от общего количества мигрантов; Основные потоки мигрантов направляются – в Бейнеу, Актау, Атырау, Алматы, Узен (Мангышлакская область). Женщины большей частью едут в Алматы. В Бейнеу, Актау, Атырау, Узен – едут в основном мужчины; 10 процентов от общего количества трудовых мигрантов – в Россию. Трудовые мигранты уезжают обычно после 21 марта и возвращаются к новому году. Дети зачастую остаются под присмотром родственников, иногда соседей. В 2009 году много трудовых мигрантов, занятых в строительстве, возвращается из Казахстана из-за кризиса ипотечной системы. Они отмечают, что их заработки значительно снизились. Многие трудовые мигранты не смогли получить деньги, или же, вместо 1 00 000 по исходной договоренности получили 10 000 тенге, некоторые вернулись без денег и паспортов.

В Нукусе – столице Каракалпакстана имеется Бюро по трудоустройству граждан Узбекистана за рубежом и иностранных граждан в Узбекистане.Оно было создано в 2004 году, но оно

практически бездействовало до сентября 2007 года. Бюро является структурным подразделением Министерства Труда и социальной защиты населения. Бюро ведет свою деятельность на хозрасчетной основе, может самостоятельно заключать договора с зарубежными работодателями, оказывать услуги населению по трудоустройству. Наиболее активно Бюро работает активно с Российской Федерацией. Так, в сентябре 2008 года Бюро направило 250 трудовых мигрантов в Санкт-Петербург, Мурманск и Смоленск на работы по различным строительным специальностям. Будущих партнеров Бюро находит самостоятельно, а также выходят на потенциальных партнеров через посольство в Москве, через знакомых (кто с кем учился, и т.д.).

Трудовые мигранты часто меняют свои рабочие места. Трудовые мигранты, как в Казахстане, так и в России имели ненормированный рабочий день продолжительностью 10-14 часов. Работали в основном без выходных. Один из участников заметил, что в Нукусе также на стройках работают по 10 часов в день, привел в качестве примера строительные работы по подготовке города к спортивным мероприятиям «Баркамол авлод». И женщины, и мужчины говорили о плохих условиях проживания, питания в принимающей стране. Жили на строительном объекте, под открытым небом, в землянках, подвальных помещениях. Женщины и мужчины спали в одном помещении по 20-30 человек. Использовали вещи вместо матрасов, одеял. Со слов участника беседы, на строительстве работали и больные туберкулезом люди.

Среди присутствовавших на встрече трудовых мигрантов в Россию и Казахстан многие не знают русского языка, некоторые понимают, но затрудняются говорить. Участники фокус-групп также отметили, что на таможне у нелегальных трудовых мигрантов отбирают заработанные деньги. Многие мигранты при возвращении не указывают в декларации сумму денег, так как боятся, что будут выплаты.

Исследование показало, что основная проблема, связанная с трудовой миграцией, аналогична той, что существует в России, и Казахстане, а именно – трудовая миграция фактически является фигурой умолчания. Само слово «миграция» нельзя отыскать в выступлениях узбекистанских политиков – притом что речь идет о, возможно, нескольких миллионах узбекских граждан, чей заработок, привозимый или пересылаемый в Узбекистан, формирует немалую часть ВВП (точные данные отсутствуют). Отсутствует закон «О миграции»; вопросы, связанные с внешней трудовой миграцией, регулируются подзаконными актами. Кроме того, в Узбекистане существует государственная монополия на экспорт рабочей силы. Никакая негосударственная организация не вправе оказывать содействие в трудоустройстве граждан Узбекистана за рубежом; что тоже значительно затрудняет процесс легальной трудовой миграции (в силу недостаточных мощностей Агентства) и открывает дорогу различным теневым структурам, занимающимся по сути торговлей людьми. Кроме того, вопрос трудоустройства мигрантов на основании межправавителственных, межведомственных договоров и соглашений в нормативно-правовых актах не урегулирован.

В любом случае, учитывая роль трудовой миграции в экономических и социальных процессах в России и Центральной Азии, можно было бы ожидать большего внимания как со стороны государственных структур, так и экспертного сообщества к

вопросам трудовой миграции, и постепенный вывод этого явления из «зоны умолчания» в сферу конструктивной дискуссии.

Contact : evg_abd@hotmail.com

Report on session 9

This panel was devoted to the interrelations between migrations and the transformations of the post-soviet space : how did the transformations in the post-soviet states create or shape migration processes, and what was the impact of migrations on the transformations of this space ? The presentations by the speakers and questions raised by the discussant and during the general discussion prompt us to pay attention to the following issues :

■ the way to divide countries between North / South. Is it possible to divide post-soviet countries between North and South countries, and start our analysis from this distinction (V. Mukomel) ? Or should we reflect on the different ways the frontier between North and South can be defined (including or not Kazakhstan) and on the difficulties to make it coincide with state frontiers (J. Thorez). In any case, it seems essential to adopt a diachronic approach and look at the evolutions of this division. (S. Rumyantsev)

■ the importance of internal migrations (N. Kosmarskay, E. Abdullaev). Internal migrations (from rural areas to big towns, from South to North in the case of Kyrgyzstan) can be explained by economic factors, but are also linked with the State controls its own population (consequences of the soviet-inherited *propiska* system vs dismantled State unwilling / unable to control migration flows on its territory)

■ the impact of the stereotypes on migrants (V.Mukomel, E. Abdullaev, N. Kosmarskaya), and the fact that negative stereotypes on “southerners” can apply to internal migrants (about Kyrgyzstan) as well as towards external migrants (migrations as a necessary evil or simply as an evil...)

■ the existence of North / South divisions within a country : not only between different regions, but also among migrants themselves, some migrant being perceived as less “southern” than others, wich can have an influence on their ability to integrate in the society of destination (V. Mukomel).

■ the importance of transports in the reshaping of territories and migrations (J. Thorez) : existing networks (plane, train, buses) as an incentive for migrations ; transformations of these networks as a mirror of political and economical changes (difficulties to cross frontiers, changes in destinations and development of new migration routes, migrants capacity to afford transport by plane, etc).

■ the necessity to look for other factors than economical causes for migrations (E. Abdullaev, J. Thorez, V. Mukomel) : existing networks dating back to the Soviet time, creation of new social networks of coutrymen (zemliaki), perception of the society of destination as a “close” society (language, habits, etc).

■ the various dimensions of the political management of migrations : link between the state of a State and its capacity to manage internal and external migrations (S. Rumyantsev), obstacles set to emigration or migration to some countries set by the state, way to to control frontiers, etc.

Amandine Regamey, CERCEC/ University Paris I, France

Заключение: в поиске « Юга »

В завершении конференции хотелось бы вернуться к изначальному вопросу о «переосмыслении понятия «Юг», и задаться вопросом, можно ли однозначно использовать это понятие?

В ходе конференции понятие «Юг» было использовано для обозначения некой территории, границы которой можно было бы определить с помощью разных показателей. Однако, выбор этих показателей остается спорным (например, индекс человеческого развития, ВВП и т.д.). Как в таком случае измерить бедность в этом пространстве?

Более того, многие участники конференции отметили сложность, порой даже невозможность четко определить эту территорию. Граница Север/Юг иногда проходит внутри одного государства, а внутренние различия в каждой стране слишком многочисленны (между регионами, между сёлами и городами), чтобы позволить провести четкую линию Север/Юг между государствами бывшего СССР. Возникает так же вопрос о бедности и существовании даже в «богатых» государствах, бедных и очень бедных групп, чья ситуация ближе к ситуации населения стран «Юга». Стирает ли это границу между Севером и Югом вообще, или надо все таки помнить о структурных различиях между этими странами (например, доступ к образованию, существование/отсутствие социальных служб, и т.д.)?

Попытка определить понятие «Юг/Север» на основе потоков миграции (Юг = страны доноры/ Север = страны принимающие мигрантов) также не дает убедительных результатов. Существуют как внутренняя миграции, так и внешняя миграция, которые определяются не только разницей в уровне жизни, а совокупностью разных факторов (стратегия мигрантов, политическая конъюнктура, существование социальной сети или наличие налаженных связей уже с советского времени). Изучение миграций не достаточно для определении понятия «Юг» как в странах бывшего Советского Союза, так и в более глобальном масштабе.

Но «Юг» - это не только дескриптивная категория: под «Югом» во время прошедшей конференции также подразумевался научный подход. Была сделана попытка использовать теории, разработанные для изучения перемен в странах «третьего мира», для осмысления изменений, произошедших за последние двадцать лет на Кавказе и в Центральной Азии. Такие теории как теория перехода, теория развития (*development studies*) или пост-колониальные исследования (*post-colonial studies*), несмотря на свои недостатки - несомненно очень плодотворны. Можно также прибегнуть к инструментам и понятиям, которые юбычно используют для описания стран «Севера» (демократия, плюрализм, секуляризация и т.д.). Вероятно более эффективный подход - сравнение разных политических и экономических траекторий, что позволяет комплексно рассматривать трансформаций этих стран (сравнивая, например, роль религии в политических преобразованиях, или роль неформальных акторов).

Несмотря на то, что участники конференции так и не пришли к окончательному выводу по поводу «Юга» как региона или как научного подхода, несомненно, «Юг» остается понятием, которое политические, культурные и социальные акторы используют как на мировом, так и на национальном уровнях, говоря о себе и о других.

У «Юга», несомненно, есть перформативные функции. Представления и стереотипы о «Юге» и «южанах» (часто отрицательные, несмотря на то, что у каждой страны есть свои «южане») существуют среди населения разных стран, а также среди элит, включая тех, кто ответствен за политику по отношению к странам «Юга». Понятие «Юг» используется как для идентификации других, так и для самоидентификации: некоторые неправительственные организации не без гордости отождествляют себя с «Глобальным Югом».

Понятие «Юг» используется также в программах и документах международных организаций, Всемирного Банка, различных агентств ООН. Определение большинства стран Кавказа и Центральной Азии как стран «Юга» как раз связано с подходом этих организаций, которые рассматривают эволюцию этих стран уже не как «переход» (от социализма к рыночной демократии) а как «развитие».

Действительно, многие докладчики конференции определили роль международных организаций как новую форму господства, проявляющуюся через распространение и укрепление экономических, социальных и культурных норм и моделей развития. Изначально на основе понятия «Север/Юг» лежит не только идея неравенства, но и господства, власти. Поэтому, нам кажется более продуктивным изучать процессы, происходящие в бывшем СССР, не как разделение на «Север» и «Юг», а как появление новых форм доминирования, с новыми нормами, новыми акторами и новым разделением политической и экономической власти.

Conclusion:
Looking for the « South »

At the end of our conference we would like to return to the issue we originally wanted to address: "rethinking the concept of "South" countries", and reflect upon the implications of the concept.

During the conference, the term "South" was used to refer to a territory, whose boundaries can be defined by specific parameters (eg, human development index, GDP, poverty measurement, etc.). However, the choice and definition of these parameters are still controversial.

Moreover, many participants noted the difficulty, even sometimes the impossibility, to draw clear boundaries of the area defined as "the South". Because of internal and domestic disparities (between regions, between villages and cities) a North / South line can be drawn within each of former Soviet states, rather than between them. However, this is also the case in "rich" countries, where the situation of poor and very poor groups is in some respects closer to the situation of the population of the "South." Hence, should we consider that the distinction between North and South has lost any relevance, or that it is still useful to

address the structural differences between these countries (access to education, the existence / absence of social services, etc.)?

The attempt to distinguish "South" and "North" on the basis of migration flows (South = donor countries / North = host country migrants) does not provide conclusive results either, since there are not only international, but also internal migrations. Furthermore, these migrations are determined not only by differences in living standards, but also by a set of other factors (migrants' strategy, political situation, the existence of a social network or the availability of well-established ties dating back to the Soviet era). The study of migration is not sufficient to define a "South", whether in the former Soviet Union or on a more global scale.

The concept of "South" - was not addressed only as a descriptive category, but also as an approach to think about global disparities. Participants questioned the theories developed over "Third World countries", such as the theory of transition, development studies, post-colonial studies, and their relevance to scrutinize change in the Caucasus and Central Asia over the last twenty years. It was broadly agreed that tools and concepts usually used to describe politics and society in the "North" (democracy, pluralism, secularism, etc.) are also relevant. A more fruitful approach would be to restrain from applying normative approach, and to compare concrete political and economic trajectories, considering their complexity (compare, for example, the role of religion in political change, or the role of informal actors).

The conference participants have not came to a final conclusion regarding the "South" as a region or its relevance as a scientific approach. Still the "South" remains a concept that political, cultural and social actors use both on global and national levels, referring either to their country or to the others.

Hence the "South" has definitely a performative function. Stereotypes on "South" and "southerners" (mostly negative, even if each country has its own "Southerners), exist among the population of various countries as well as among the elites, including those elites responsible for public policy towards "South." The concept of "South" is used both to identify other, and to identity oneself: some NGOs, not without pride, self-identify as "the Global South."

The term of "South" is also used in the programs and documents of international organizations, the World Bank, numerous UN agencies. International agencies approach has been crucial in this respect: most countries of the Caucasus and Central Asian were labeled as "Southern" because these organizations have regarded their transformation not as "transition" (from socialism to a market democracy) but as "development."

Indeed, many conference speakers have identified the role of international organizations as a new form of domination, which is expressed through the spread and strengthening of economic, social and cultural norms and patterns of development. The "North / South" concept describes not only inequalities, but also forms of domination and power. Therefore, it seems more productive to study the processes occurring in the former Soviet Union, not as a division into "North" and "South", but as the emergence of new forms of domination, with new regulations, new actors and new division of political and economic power.